

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. М. Ахмедов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
(конец XX — 20-е годы XXI вв.)

Москва
2023

УДК 327.56
ББК 66.4(5)
А95

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор:
В. А. Кузнецов, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:
В. Я. Белокреницкий, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Б. В. Долгов, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Ахмедов, В. М.

А95 Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI вв.); Институт востоковедения РАН. — М. : ИВ РАН, 2023. — 374 с.

ISBN 978-5-907671-85-0

Монография В. М. Ахмедова «Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI вв.)». Динамика политического процесса и кризис в САР» представляет собой инновационное комплексное исследование эволюции региональных, международных отношений на Ближнем Востоке в условиях обострения конфликтного потенциала региона, вызванного сирийским кризисом. Целью работы является всестороннее исследование динамики и специфики сущностных характеристик в развитии Ближнего Востока в контексте сирийского конфликта. Поставленная цель достигалась на основе авторской теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям. Ведущим методом исследования послужил синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений и методологических подходов разных школ военной исторической науки. Представленная монография отличается научной новизной, использованием широкого круга источников, документальных, архивных материалов на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Работа Ахмедова В. М. практически значима для российских внешнеполитических ведомств, может использоваться в курсе профильных лекций. Одновременно книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 327.56
ББК 66.4(5)

ISBN 978-5-907671-85-0

© Ахмедов В. М., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Содержание

Введение	5
Глава I. Ближний Восток в канун перемен	16
Глава 2. Национальные приоритеты ближневосточных государств на рубеже столетий	22
§ 1. Эволюция государственно-политических систем арабских стран Ближнего Востока	22
§ 2. Особенности развития политических моделей ближневосточных государств	26
§ 3. Специфика правящих элит и транзита власти в арабских странах Ближнего Востока	34
Глава 3. Эволюция социально-политической мысли на Арабском Востоке	41
§ 1. Кризис светского национального проекта.	42
§ 2. Арабский национализм партии «Баас» в Сирии	46
§ 3. Фактор национализма в арабо-иранских отношениях	52
Глава 4. Динамика развития исламистской идеологии и движений политического ислама	57
§ 1. Факторы обострения религиозных отношений на Ближнем Востоке	58
§ 2. Режим и суфии в САР: пределы сотрудничества	64
§ 3. Государство и исламисты в Египте и Сирии	69
Глава 5. Армия и органы безопасности в контексте эволюции военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке	81
§ 1. Армия, общество, религия: алгоритмы взаимодействия	81
§ 2. Религиозно-политический облик военных в АРЕ и САР	92
§ 3. Политические традиции иракских вооруженных сил	102
Глава 6. Сирийский конфликт: причины, специфика, итоги	108
§ 1. Предпосылки и специфика сирийского кризиса	109
§ 2. Социальная основа конфликта и его динамика.	124

§ 3. Основные итоги вооруженного противостояния в САР	141
§ 4. Особенности политических трансформаций и сирийская перспектива	158
Глава 7. Факторы силы и веры в контексте эволюции социальных и политических конфликтов на Ближнем Востоке	178
§ 1. Религия и трансформация войн на Ближнем Востоке.	180
§ 2. Воинствующие исламисты в Сирии и Ираке	186
§ 3. Роль религии в политике ИРИ на Ближнем Востоке	195
Глава 8. Война и дипломатия как инструменты политики ИРИ на Ближнем Востоке	205
§ 1. Партия Аллаха в Ливане	205
§ 2. Религиозные милиции Сирии	210
§ 3. Шиитские милиции Ирака	222
Глава 9. Специфика конфессиональной экспансии Ирана в Сирии и Ираке	228
§ 1. Проиранские милиции и внешние акторы сирийского конфликта	228
§ 2. Инструменты «мягкой силы» ИРИ в Ираке	236
§ 3. Гуманитарная дипломатия ИРИ в Сирии	241
Глава 10. Эволюция региональных международных отношений на Ближнем Востоке в условиях сирийского кризиса	253
§ 1. Основные этапы и факторы влияния ирано-израильских отношений	253
§ 2. Кризис в САР и ирано-израильский конфликт	261
§ 3. Сирийское урегулирование в контексте эволюции межарабских, региональных отношений.	282
§ 4. Сирийско-турецкая нормализация и арабская перспектива САР	296
Заключение	308
Summary	315
Аннотация	323
Библиография	329
Об авторе /About the author	371

Введение

На рубеже XX–XXI веков ближневосточный регион серьезно изменился. На Ближнем Востоке обострилась борьба за влияние между крупными региональными и международными игроками. Политика этих государств мотивировалась задачами капитализации силы, соображениями национальной безопасности, желанием переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Однако решающим фактором, определявшим общие контуры развития политической ситуации на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональные внутривнутриполитические процессы. Изменение характера военно-гражданских отношений и заполнение идеологического вакуума идеями воинствующих исламистов формировало общественный запрос на стабильность и умеренность.

На рубеже столетий арабские страны столкнулись с кризисом общественно-политических систем и отсутствием сильного лидера, который смог бы сплотить арабские народы на основе общенационального проекта развития и принять вызовы нового миропорядка складывавшегося на Ближнем Востоке. Возникновение новых религиозно-окрашенных конфликтов замешанных на старых политических дрожжах вело

к разрушению политических систем и институтов государства. В результате размывались национальные границы, рушились суверенитеты, видоизменялась парадигма выстраивания государственности, общество обрекалось на поиск новой самоидентификации.

Сирийский кризис повысил конфликтный потенциал региона и обозначил переломный этап развития Ближнего Востока. Ранее созданные альянсы и союзы, подверглись критической ревизии. Прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы были уже не столь эффективны в плане достижения ожидаемого результата. В условиях кризиса процессы внутренней политики многих ближневосточных стран получили не только новое измерение, но и обрели иную стратегическую перспективу.

На рубеже 2021–2023 гг. вооруженная фаза сирийского конфликта постепенно отходила на задний план, отдавая приоритет острому соперничеству ведущих мировых держав и крупных региональных игроков за Сирию. Динамика развития военнополитической ситуации в регионе наглядно демонстрировала сложный характер эволюции региональных и международных отношениях на Ближнем Востоке.¹ Сохраняющаяся напряженность в арабо-иранских отношениях и эскалация ирано-израильского вооруженного противостояния были чреваты началом новой войны на Ближнем Востоке.

В условиях обострения глобальной борьбы за новый мировой порядок и с учетом богатого конфликтного потенциала ближневосточного региона далеко не каждое вооруженное противостояние оканчивалось примирением, а поиски мира могли окончиться новыми конфликтами. Украинский кризис обострил борьбу за новый мировой порядок, в рамках которой Ближний Восток превратился в важный театр международного соперничества. Складывающаяся сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке диктует необходимость выработки но-

¹ Подробнее см.: Наумкин В. В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма. // Валдайские записки, № 3, ноябрь 2014.

вых подходов к ее оценке и адекватному восприятию быстро меняющихся реалий.

Россия проводит активную политику на Ближнем Востоке и поддерживает конструктивные отношения с ведущими игроками на поле сирийского конфликта. Москва, возможно, больше чем иные международные акторы на Ближнем Востоке, искренне заинтересована в достижении политического урегулирования сирийского кризиса как важного условия поддержания региональной безопасности. Россия и государства Ближнего Востока делают общее геополитическое пространство.

Эти и многие другие вопросы исследуются в новой монографии **В. М. Ахмедова «Ближний Восток на рубеже столетий (XX–XXI). Динамика политического процесса и кризис в САР»**. Работа Ахмедова В. М. представляет собой инновационное комплексное исследование эволюции региональных, международных отношений на Ближнем Востоке в условиях обострения конфликтного потенциала региона, вызванного сирийским кризисом. Целью работы является всестороннее исследование характерных черт протекания современного ближневосточного политического процесса. Хронологические рамки работы охватывают период с момента окончания «холодной войны» до настоящего времени.

Действительно, с момента крушения биполярной системы в развитии Ближнего Востока произошли качественные и структурные изменения на региональном и субрегиональном уровне. В монографии исследуется природа конфликтного потенциала региона, дается анализ сущности и императивов политики региональных, международных акторов ближневосточного политического процесса. Проанализирована специфика сущностных характеристик развития Ближнего Востока, а также воздействие сирийского конфликта на геополитическую динамику региона. Автор изучает влияние внутренних и внешних факторов на политизацию религии и развитие радикальных, экстремистских тенденций в общественно-политической жизни ближневосточных государств. Предпринята попытка выявить предпосылки зарождения движений экстремизма на Ближнем Востоке.

Рассмотрены основные факторы исламизации арабского национально-освободительного движения и особенности эволюции общественно-политического сознания ближневосточного социума. Автор отмечает органическую взаимосвязь исламистского феномена с событиями в Сирии как основном объекте регионального, международного соперничества. Общие закономерности проблемы взаимодействия ислама и национализма и генезиса «исламского фактора» освещены в работах отечественных востоковедов.²

Подробно исследованы причины эволюции обычаев войны, характер трансформации вооруженных сил ближневосточных государств в условиях эскалации религиозно-политических конфликтов в регионе. Дан анализ негосударственных вооруженных формирований Сирии и Ирака, рассмотрена специфика конфликтов низкой интенсивности в условиях борьбы за Ближний Восток. Для углубленного понимания роли армии и характера военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке автор использовал методологические подходы разных школ военной исторической науки.³ Изложенные выше положения объясняют

² Бабкин С. Движение политического ислама в Северной Африке. М., 2000, Игнатенко А. А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70 — первая половина 80-х годов). М., 1987. С. 49. Косач Г. Г. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке, М., 2001; Пырлин Е. Д. Место и роль исламского фактора в политике США на Ближнем и Среднем Востоке в конце XX века // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке, М., 2001; Донцов В. Е. Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. М., 2001; Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, Религия, Церковь. № 3 (35), 2017. С. 85–111. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995; Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Мирский Г. И. Международный терроризм, исламизм и палестинская проблема. М., 2003; Наумкин В. В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Валдайские записки, № 3, ноябрь 2014. Поляков К. И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2003;

³ Бабуркин С. А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1994; Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. — Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991;

причину избрания автором указанной темы исследования. Достижение поставленной цели осуществлялось на основе оригинальной теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям.

Ведущим методом исследования послужил синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений.⁴ Для достижения поставленной цели, автор выделил ряд задач. Их решение способствовало выявлению факторов влияния сирийского кризиса на эволюцию ближневосточного политического процесса во всех его проявлениях. В рамках избранного метода исследования автор проанализировал эволюцию региональных, международных отношений на Ближнем Востоке на рубеже столетий.

Автор обращает внимание на особенности внутреннего положения в ряде ближневосточных стран. Показывает специфику развития политических и управленческих институтов государства в региональном и международном контексте. Успешное разрешение поставленных задач предполагало синтез системно-исторического, конфликтологического, культурологического и структурно-функционального анализа. Изучение характера эволюции региональных отношений дается с учетом основных

Huntington S. P. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. New York: Random House, 1957; Nordlinger Eric A.. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. 1977 by Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey; Morgenthau Hans J. *The Decline of Democratic Politics*. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962; Morgenthau, Hans J. "To Intervene or Not to Intervene," *Foreign Affairs*, Vol. 45, No. 3, April 1967; Michael G. Findley and Tze Kwang Teo, "Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach," *Journal of Politics*, Vol. 68, No. 4, November 2006.; Сажин В. И. *Исламская республика Иран: Власть и Армия*. В сборнике: *Иран: прошлое и настоящее*. Москва, 2018.

⁴ Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading. MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979; Stephen M. Walt. *International relations; One World, Many Theories*. Foreign Policy. No 110. Spring, 1998.; Light, M. *Foreign Policy Analysis*. Contemporary International Relations. A Guide, ed. A.J.R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994.

характеристик политики ближневосточных государств, а также факторов, влияющих на их поведение.

Автор проанализировал ключевые элементы политической структуры ряда стран, их идеологию, географию, исторический опыт, демографию и ресурсную базу. В рамках системного подхода изучены факторы, влияющие на возможности выбора зависимых и слабых государств (Ливан, Сирия, Ирак) в условиях сирийского кризиса. Ахмедов В. М. констатировал, что сложившаяся система международных отношений отличалась значительным неравенством государств. Большинству небольших арабских стран приходилось выстраивать «отношения зависимости» от крупных региональных и мировых держав, что подрывало их возможности действовать самостоятельно. В контексте конструктивистского подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, общественного дискурса, в определении поведенческого стереотипа ключевых участников сирийского конфликта.

Ахмедов В. М. пришел к выводу, что категории национальной идентичности и идеологии (светской и религиозной) важны с точки зрения изучения некоторых аспектов политики ближневосточных государств. Однако эти категории сами по себе не могут служить факторами определявшими характер региональных, международных отношений на Ближнем Востоке в условиях сирийского кризиса. В этой связи автор исследовал внутренние категории, определявшие внешнюю политику крупных региональных стран. Для исследования динамики ирано-израильских и арабо-иранских отношений автор рассмотрел с позиций реализма системы власти и безопасности в Иране, Сирии и Ираке. Автор сделал вывод о том, что в условиях обострения борьбы за Ближний Восток Иран, прежде всего, заботился о сохранении баланса сил и учитывал виртуальность начала масштабного конфликта с США и Израилем.

С учетом избранной темы и метода исследования автор разработал оригинальную исследовательскую концепцию и адекватную ей структуру работы. Это позволило избежать всесторон-

него рассмотрения обстоятельств сирийского кризиса, который был достаточно подробно изучен в более ранних трудах автора.⁵ В результате автор сосредоточился на решении основного исследовательского вопроса о природе эволюции политического процесса на Ближнем Востоке, в контексте которого были рассмотрены основные параметры сирийских событий. Автор подробно исследовал роль и структуру силовых структур Сирии и Ирака в кризисных условиях, характер их взаимодействия с иранскими вооруженными силами и шиитскими милициями. Сделан подробный анализ эволюции конфессионального пространства ряда арабских стран, как мотива вооруженного вмешательства региональных, мировых держав в их внутренние дела. Подробно изучены особенности иранской вооруженной операции в этих арабских странах. Автор подвел предварительные итоги вооруженного конфликта в САР и обозначил сирийскую перспективу в контексте исследования проблемы арабо-иранских отношений. Ахмедов В. М. констатировал усиление политической роли военных в арабских странах и сделал вывод о том, что высокий уровень участия военных в политике ближневосточных государств определялся расстановкой сил внутри этих стран и их культурно-историческими традициями. С позиций теории исследования военно-гражданских отношений⁶ сделан вывод о том, что в ряде государств сложилась «пенетрантная» модель управления армией. Исследованы инструменты, с помощью которых правящие режимы добивались лояльности армии и органов безопасности. Наряду с профессионализмом и личными качествами, политический конформизм, конфессиональные признаки определяли продвижение по

⁵ Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва, ИВ РАН, 2018; Akhmedov V. Syrian Crisis. Special Report. 10.04.2019. <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>; Akhmedov V. M. Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing. Academic Publishing. Berlin-Moscow. 2019; Akhmedov V. M. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG. 2022. P. 707–725.

⁶ Eric A.. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey. 1977.

службе. Повысилась роль спецслужб и специальных войск для контроля над армией. Несмотря на относительную самостоятельность военных в условиях кризиса, армия находилась под жестким контролем спецорганов с сильно выраженными признаками конфессиональной и земляческой общности. Сделан вывод о том, что в результате внедрения в вооруженные силы региональных стран соответствующей политической, религиозной идеологии, они превратились в идеологические армии. Особое внимание автор уделил роли этнических и религиозных факторов в эволюции военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке.

Ахмедов В. М. констатировал, что в кризисных условиях идеологические армии нередко перерождались в конфессиональную силу, защищали интересы правящих элит и служили инструментом конфессиональной экспансии. В Иране элитные войска (КСИР) контролировались духовенством в лице духовного лидера ИРИ и послужили идеологической и организационной моделью создания проиранских вооруженных формирований на Ближнем Востоке. В Сирии военные проводили в жизнь собственные политические решения правящего алавитского меньшинства с использованием силы оружия или угрозы ее применения. Отмечается, что инкорпорирование шиитских милиций ИРИ в регулярные части арабских армий изменило их идеологическую основу и принципы индокринации личного состава арабских вооруженных сил.

Изучение данных вопросов осуществлялось в рамках структуралистского и мотивационного подходов.⁷ Наряду с социальными и институциональными аспектами активности военных, немалую роль играл субъективный фактор и психологическая мотивация действий офицерского корпуса на политической арене. На важность национального характера и национальной модели в поведенческом стереотипе военных указывал Г. Моргентхау.⁸ В Иране и ряде арабских стран консолидация и конституиро-

⁷ Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Москва. Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.

⁸ Morgenthau Hans J. The Decline of Democratic Politics. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962.

вание наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной мотивацией их военной активности, влияли на содержание военной политики государств.⁹ На примере ряда арабских армий и иранском опыте использования шиитских милиций показано как национальные особенности людей оказывали влияние на армию. Речь идет, прежде всего, о порядке комплектования войск, способах их боевых действий, боевых качествах личного состава, моральном духе армии. Трансформация сирийских и иракских вооруженных сил в условиях кризиса доказала, что этот показатель не остается неизменным. В процессе развития он утрачивает одни и приобретает другие особенности. В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики ближневосточных государств мог оказывать и личностный фактор. Политическая воля крупных военачальников (Х. аль-Асад в Сирии, К. Сулеймани в Иране) выступала в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. Готовность и способность лидера прибегнуть к поддержке проводимого им курса вооруженными методами и применить имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы оказывали серьезное влияние на степень политической активности армии и проблемы региональной безопасности. Констатируется, что в арабских странах и Иране природа правящей элиты определяла военно-политический курс и выбор военной силы, методы вооруженной борьбы.

В контексте сформировавшихся в военной политологии направлений («структурно-функционального», «институционального», «социопсихологического»)¹⁰ сделан вывод о том, что наряду с обеспечением безопасности, мотивация военных определялась также потребностью совершенствования боеспособности национальных вооруженных сил в условиях реального боя. В работе также рассмотрена деятельность различных отрядов «Исламского Сопротивления» в условиях сирийского конфлик-

⁹ Сажин В. И. Исламская республика Иран: Власть и Армия. В сборнике: Иран: прошлое и настоящее. Москва, 2018.

¹⁰ Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Москва. Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.

та. Автор исследовал политическую роль ливанской «Хезболлы», «Братьев-мусульман» Сирии и Египта. Рассмотрено участие суфиев и салафитов в сирийском кризисе, борьба с ИГИЛ (запрещено в РФ) в САР и Ираке. Дан анализ внутренних факторов политики региональных стран на Ближнем Востоке и влияние гражданской войны в САР на изменение характера международных отношений на Ближнем Востоке.

Изучены последствия иранской вооруженной активности в регионе в контексте эволюции отношений ИРИ с Израилем, Турцией, арабскими монархиями Персидского залива. Сказанное выше указывает на неслучайный выбор автором заявленной темы исследования. В современных условиях развития Ближнего Востока предложенная тема отличается актуальностью, новизной, имеет практическую значимость. В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось немало работ посвященных эволюции политического процесса на Ближнем Востоке и кризису в САР.¹¹ Проведенный автором анализ влияния сирийского кризиса на эволюцию конфликтного потенциала Ближнего Востока развивает исследования отечествен-

¹¹ Akhmedov V. M. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century*. Springer Nature. Switzerland AG. 2022. p.707–725; Долгов Б. В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021, с. 225; Матвеев И. А. Сирия в конфликте. Институт востоковедения РАН. Москва, 2020, 496 с.; Katzman K. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2019.; Vasiliev, A. *Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin*, Routledge, 2018, p.384; Juneau T. and Sam R. *Iranian Foreign Policy Since 2001*. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017, p. 242; Van Dam, N.. *Destroying a Nation: The Civil War in Syria*, I. B. Tauris, 2017, p. 267; Fadaei L. R. *Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement*. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies. 2015, p. 16.; Sadeghi, S. Sh., Kamran, L. *The Analysis of the Islamic Republic of Iran's Implication towards the Syrian Crisis*. The Institute of Contemporary Political Studies. Humanitarian and Cultural Studies. Tehran. 2014. Vol. 6. № 1. [In Iranian]; Мамедова Н.М. Политическая система исламской республики Иран: особенности и возможности трансформации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 3; Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014; Юртаев В. И., Краснов К. Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания». Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 16. № 4. 2016; Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.) Институт востоковедения РАН. М., 2021.

ных ученых по данной проблеме. Изучение характера эволюции региональных конфликтов на Ближнем Востоке, основных параметров общественно-политического сознания, динамики исламистских движений, трансформации природы войн дополняют имеющиеся исследования. Работа Ахмедова В. М. отличается новизной, использованием широкого круга источников на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Монография имеет практическую значимость для российских внешнеполитических ведомств и может быть использована в курсе лекций по востоковедной проблематике.

Глава I. Ближний Восток в канун перемен

За последние десятилетия Ближний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического характера. Развитие процессов урбанизации и быстрые темпы демографического роста привели к маргинализации значительной части городского населения арабских стран. В условиях авторитарных методов правления, базировавшихся на принципах личной власти, конфессиональной, клановой и земляческой общности пауперизация населения сопровождалась обогащением правящих элит. Так, в период с 2003 по 2004 гг. общий объем личных капиталов зажиточных людей на Ближнем Востоке вырос и составил 1–1,3 триллиона долларов США.¹ Одновременно росла грамотность населения, постепенно сближались культурные уровни мужчин и женщин, а вместе с этим объективно менялось и общественное самосознание людей. Подобная динамика во многом была обусловлена развитием процессов модернизации. Однако в непростых условиях развития ближневосточных стран она могла нередко обращаться против Запада и исходящих оттуда идей демократии и реформ. На практике это выражалось в политизации религии и активизации радикальных исламских движений, представители которых

¹ Политическая культура и деловая этика стран Востока. М., 2006. С. 300.

стремились под флагом демократии и реформ утвердиться во властных структурах государства. Идеология возврата к «истинному или первоначальному» исламу во многом питалась наступлением западной культуры и образа жизни на арабское общество — быт, нравы, мораль, социальные связи между людьми, подрывая традиционное общество. Ближневосточные лидеры опасались, что подобные настроения могут выйти за политические рамки и дестабилизировать режим. Спецслужбы и регулярные армейские части пытались контролировать эти настроения, и оказывались в сложном положении. Фактически им приходилось выступать против мнения большинства собственного народа. События «Арабской весны» 2010–2011 гг. спровоцировали негативные тенденции в общественно-политическом развитии ближневосточных государств и серьезно дестабилизировали внутриполитическую ситуацию в регионе.

После распада СССР и первой войны в Персидском заливе (1991) Ближневосточный регион перестал быть ареной противоборства двух мировых суперсистем. Тщательно отстроенная в 1970-х гг. политическая архитектура Ближнего Востока, в соответствии с которой регион был вписан в систему мирохозяйственных связей и мировой политики эпохи холодной войны и последовавшей разрядки, стала постепенно меняться.² Ближний Восток все плотнее входил в орбиту абсолютного влияния США, которые фактически распределяли роли в регионе среди своих европейских и азиатских партнеров, что вписывалось в начавшийся процесс формирования однополярного мира. Вторжение американских войск в Афганистан (2001) и Ирак (2003) стало еще одним знаковым событием в цепи ближневосточных трансформаций. США укрепились в качестве доминирующей военной и политической силы на Ближнем Востоке, получив возможность не только влиять, но и контролировать содержание и ход важнейших внутренних и внешних процессов в отдельных странах и регионе, в целом. Безопасность стран Аравийского полуострова целиком и полностью обеспечивалась

² Подробнее об этом этапе развитии Ближнего Востока см.: Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.

США и их военным присутствием в Персидском заливе. С другой стороны, три региональные супердержавы в лице Израиля, Турции и Ирана боролись за влияние на Ближнем Востоке. С учетом того, что политика этих стран была прямо пропорциональна различиям выстроенных в них политических систем, их региональное соперничество обычно заканчивалось с «нулевой суммой», а для других ближневосточных государств имело самые негативные последствия.

Так, Израиль использовал массированную военно-политическую поддержку США для решения арабо-израильского конфликта в выгодном для себя ключе. В результате начавшийся в 1990-х годах в Мадриде мирный процесс практически превратился в 2000-х годах в «игру» под названием ближневосточное урегулирование, которое не вело к субстантивным результатам (возврату оккупированных территорий), но приносило немалые политические и финансовые дивиденды участникам переговорного процесса.³ После прихода к власти в Израиле правительства Б. Нетаньяху с опорой на правые силы, ближневосточный мирный процесс оказался в тупике, а решение палестинской проблемы перестало иметь реальную перспективу.

Приход к власти в Турции в 2002 году исламской партии Справедливости и прогресса (ПСР) стал своеобразным ответом на быстрый рост популярности негосударственных отрядов политического ислама с сильным антизападным зарядом. Как страна НАТО, стремящаяся войти в европейскую семью, Турция видела свою миссию в том, чтобы предложить новую модель политического устройства, которая бы исключала неконтролируемый рост влияния исламистов и их столкновение с армией, что могло оказаться губительным для целостности государства в условиях нерешенности курдского вопроса. Для этого требовалось канализировать политический ислам в структуры власти, одновременно ограничив в них влияние военных. Подобная политика должна была подкрепляться широкими программами социально-экономического развития и либерализацией политической системы, чтобы заручиться поддержкой большинства

³ См.; Примаков Е. М. История одного сговора: (Ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов). М.: Политиздат, 1985. С. 319.

населения. Одновременно, Анкара активизировала свою политику на Ближнем Востоке, чтобы продемонстрировать Европе, что Турция могла служить безопасным окном в ближневосточный регион и успешным посредником в разрешении застарелых региональных конфликтов. Активная политика Анкары на Ближнем Востоке неоднозначно воспринималась в арабских странах. Светские военно-политические режимы в целом настороженно относились к экспериментам турецкой ПСР внутри страны и опасались роста идей неосманизма, памятуя 400-летнее господство Османской Порты.

Иран также стремился к упрочению своих позиций на Арабском Востоке, исходя, из соображений обеспечения государственных интересов и национальной безопасности. Проводя активную внешнюю политику в ближневосточном регионе, правящий в Иране режим демонстрировал успешность развития Исламской Республики Иран. Тегеран доказывал универсальность и эффективность исламской модели развития в новых международных условиях. Активная политика Ирана на Арабском Востоке формировала новые измерения арабо-иранских отношений. Религиозная экспансия служила основным инструментом иранской политики в регионе и проходила в форме экспорта уникальной модели государственного устройства ИРИ с присущим ей набором политических установок и религиозных ценностей. В практическом плане экспансия заключалась в активном распространении и утверждении идеологических императивов и ценностных ориентиров исламского государства.

Кризис арабских режимов, арабизма, рост радикального исламизма облегчали Ирану и Турции продвижение их интересов на Ближнем Востоке. Дестабилизация внутривосточной ситуации, экономический кризис в арабских странах делали их мишенью иранских и турецких устремлений в регионе. Наличие в государствах региона значительных групп населения близких Ирану и Турции в этническом и конфессиональном отношении формировали основу вмешательства Тегерана и Анкары в эти страны. Агрессия США в Афганистане и Ираке на фоне ослабления российского присутствия на Ближнем Востоке подрывали систему региональной безопасности и благоприятствовали

укреплению иранских и турецких позиций в регионе.⁴ Ближневосточный регион вплотную столкнулся с опасностью раскола по конфессиональным и этническим линиям. Арабо-израильские войны в Ливане (2006) и Газе (2008–2009), которые вели не арабские армии, а боевые отряды исламского сопротивления в лице ливанской «Хезболлы» и палестинского «ХАМАС» обозначил еще одну весьма неприятную тенденцию в регионе, и послали тревожный сигнал в мировое сообщество. В условиях резкого обострения конфессиональных противоречий гибридные войны и конфликты низкой интенсивности могли принять характер религиозных войн эпохи Средневековья, но с использованием современных вооружений и новых информационных технологий.

В этих условиях естественный ход развития ближневосточных государств подвергся существенным изменениям, а процесс постепенного превращения Ближнего Востока из объекта в субъект мировой политики был заторможен. Политика ближневосточных режимов не отвечала задачам решения внутренних потребностей, а зачастую проводилась за их счет, что вело к обнищанию значительных масс населения и долговременному застою в государстве и обществе. Попытки теоретически обосновать предпринимаемые местными властями действия на основе прежней идеологии не давали желаемого результата. Более того, как правило, они вели к падению популярности институтов, воплощавших эту идеологию среди населения, и заполнению возникающего идеологического вакуума, религиозной идеей, главным образом, исламом. Сама же исламская теология, пребывая с XI века в состоянии тщательно сохраняемой духовенством неизменности, испытывала немалые сложности в объяснении происходящего, что не редко давало почву для возникновения различного рода радикальных и экстремистских настроений и образования религиозных организаций, чья практика сильно отличалась от постулатов подлинной веры. Большинство стран региона по основным социально-экономическим, демографическим и культурно-образовательным показателям сохра-

⁴ Больше деталей о конфликтном потенциале Ближнего Востока см.: Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.

няло «догоняющий» характер. В среднем 30–40% населения этих государств жили на 2 доллара в день, а 5–7% владели 50% национального дохода, 50% жителей были неграмотны, 20 млн человек безработные. Из 95 млн экономически активного населения арабских стран — 50% были заняты в сфере услуг и теневом секторе экономики, 31% в сельском хозяйстве и только 19% в промышленности. Некоторое увеличение темпов экономического роста к 2005 г. (в среднем 5,6%) по сравнению с 1990-ми гг. явилось не столько результатом экономических реформ, сколько было вызвано ростом потребления и увеличением государственных расходов в результате выросших цен на нефть. В тоже время высокие темпы прироста населения позволяли предположить, что к началу 2030-х гг. регион будет нуждаться в создании 100 млн дополнительных рабочих мест.⁵

Новым явлением в регионе стало распространение современных информационных технологий и их постепенная массовая доступность. Последнее обстоятельство, оказало в целом неоднозначное воздействие на массовое сознание и сыграло роковую роль в период «Арабской весны». Подобные изменения не могли не повлиять на характер политики ближневосточных государств. Ближневосточным элитам пришлось быстро приспосабливаться к новым политическим реалиям. Неготовность арабских правительств быстро реагировать на подобные изменения предопределила реактивный характер восприятия ими новых реалий и сложность адаптации к ним политических и мировоззренческих систем. С учетом внешнего воздействия происходившие изменения не служили прогрессу ближневосточных государств и интересам их населения, в среде которого стал формироваться антизападный протест и расти недоверие к собственным властям.

⁵ Bloomberg, 28.06.2005; The New York Times, 07.09.2005; «Аль-Ахрам» (Египет), 08.03.2005; MENA Report, 21.04.2005.

Глава 2. Национальные приоритеты ближневосточных государств на рубеже столетий

Усиливавшаяся во второй половины 1990-х годов вовлеченность арабских стран в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне ускорения в них процессов смены власти и активизировавшихся попыток изменить характер действующих политических систем. В тоже время многие шаги ближневосточных руководителей в этом направлении отличались крайней противоречивостью, случайностью, и по многим параметрам оказывались несостоятельны. В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции политических систем арабских государств.

§ 1. Эволюция государственно-политических систем арабских стран Ближнего Востока

После I мировой войны и освобождения от господства Османской империи в ряде стран Арабского Востока колониальные державы установили политические режимы, построенные по образцам метрополий. Таким образом, закладывались основы создания новых элит с западно-ориентированным политическим и социально-культурным самосознанием. Сложившийся в период между двумя мировыми войнами баланс политических сил отразился в конституциях ряда арабских стран.¹ Для

¹ Подробнее о конституционном движении в арабских странах см.: Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003. С. 5–25.

всех них было характерно закрепление примата исполнительной власти, что отвечало интересам метрополий в их борьбе с национально-освободительным движением.

После II мировой войны и обретения политической независимости, пришедшие к власти национальные правительства, заимствовали многие западные демократические институты. Однако социальная структура бывших колоний и полуколоний имела лишь отдаленное сходство со своими аналогами в бывших метрополиях. Пересаженные на почву традиционных обществ западные демократические институты, оказались мало похожими на свои прототипы. Как правило, они оказывались неэффективными и нередко служили прикрытием для установившихся в 1950–1970 гг. в большинстве арабских стран авторитарных режимов. Неоднородный состав традиционного общества, его раздробленность, отсутствие в нем социальных сил, способных повести за собой широкие массы, вели к этатизму и авторитаризму. В целях преодоления дезинтеграционных тенденций в условиях многоконфессионального и полиэтнического общества арабские правители были вынуждены опираться на концентрацию власти, чья непререкаемость и авторитет базировались на силе и принципе лояльности руководству.

В этой связи в большинстве республик Арабского Востока в качестве наиболее распространенного типа политического устройства утвердились однопартийные режимы в форме президентской республики. Для прикрытия истинного характера власти в ряде арабских государств разрешалось создание других партий. Однако государство оставляло за собой контроль над их деятельностью путем создания различного рода квазиполитических образований в виде Народных Фронтов, куда они должны были входить наряду с правящей партией. На практике это формировало условия для возникновения сильной президентской власти, в подчинении которой оказывались законодательные и исполнительные органы государства.

Институт президента в республиках Арабского Востока был наделен очень широкими полномочиями в управлении государством: от назначения высших должностных лиц в исполнительных органах власти до роспуска парламента. Обычно, прези-

дент являлся верховным главнокомандующим, а в ряде стран и министром обороны одновременно. Будучи лидером правящей партии, президент контролировал процесс выборов и формирования депутатского корпуса. По конституции он мог назначать и смещать правительство, судей, губернаторов провинций, ректоров университетов. В число его властных прерогатив также входили роспуск парламента, издание, утверждение или отклонение законов и решений парламента. Однако именно авторитарные методы управления и сильное государство смогли мобилизовать ресурсы, необходимые для создания современных отраслей экономики и обеспечить политическую стабильность после достижения арабскими странами политической независимости.

Начавшиеся в 1970–1980 гг. процессы экономических реформ и политической либерализации как ответ на вызов комплексных проблем общественно-экономического развития способствовали некоторому ослаблению авторитарных методов управления. Процессы экономической модернизации при всей их непоследовательности и замедленности оказывали в конечном итоге определенное воздействие на политические системы арабских стран. Несмотря на сильный дух политического консерватизма, арабские лидеры были вынуждены постепенно реформировать традиционную политическую систему, расширяя права и свободы граждан и повышая роль исполнительных органов власти. Тем не менее, институт главы государства по-прежнему оказывал определяющее влияние на деятельность законодательных, исполнительных и судебных институтов.

Рубеж XX–XXI веков был отмечен ростом кризисных явлений в экономике и политике арабских стран, обострением этнических и конфессиональных противоречий, усилением межарабских разногласий. Указанные обстоятельства побудили власти пересмотреть прежние политические концепции и внести коррективы в планы развития. Лидеры большинства государств региона были вынуждены признать, что, несмотря на доходы от экспорта нефти и вне зависимости от декларируемой политической модели, им не удалось обеспечить быстрый переход к постиндустриальной стадии развития и тем самым ликвидировать

отставание от промышленно развитых стран Запада. Арабские элиты и общество в целом оказались неготовыми принять западные модели модернизации. На фоне процесса смены власти в арабских странах активизировались попытки изменить характер политических систем.

Процесс формирования новых контуров политических систем арабо-мусульманских стран Ближнего Востока проходил в острой борьбе крупных социально-политических сил региона.² В этих условиях некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались исламистские движения, которые стремились построить политическую систему, основанную на принципах сочетания базовых элементов демократии и исламских ценностей.³ Исламистские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран, и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев общества, в силу чего их влияние на процесс принятия решений носило по большей части ограниченный и опосредованный характер. С другой стороны, еще меньшим влиянием на процессы выработки решений располагали светские оппозиционные политические партии, будь-то запрещенные или легализованные. В результате большинство арабских стран испытывало острый кризис политической самоидентификации, в их руководящих структурах шла ожесточенная борьба за лидерство.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

В *Сирии* приход Х. аль-Асада к власти в ноябре 1970 г. явился переломным моментом в современной истории страны. До этого времени Сирия представляла собой внутренне нестабильное государство, без самостоятельной политической линии и четкой

² Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 370.

³ Leftwich A. Governance, democracy, and development in the third world. Third world quarterly. — L., 1993. Vol. 14, N 3. С. 605.

национально-государственной идентичности. Ко времени прихода Х. аль-Асада к власти правящая элита в лице городской суннитской буржуазии, руководившая страной в течение столетий, фактически утратила свою власть. Начавший формироваться с 1970 гг. современный механизм власти предусматривал сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы при сохранении законодательного режима чрезвычайного положения, установленного с начала 1960-х годов.⁴

За годы правления Х. аль-Асада в Сирии была создана авторитарная система правления и сильное с точки зрения внутренней безопасности государство. Сирийский режим был персонифицирован до такой степени, что Сирия стала называться «Сирией Асада». Устойчивость власти базировалась на алавитской общине, правящей партии, армии и обеспечивалась за счет использования патронажной общественно-политической сети, базировавшейся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях.⁵ В Сирии действовала двухуровневая система организации власти. Внешне функционировала стандартная управленческая структура во главе с правительством, рядом контролируемых государством институтов, которые действовали в рамках установленной иерархической системы, освященной конституцией и идеологическими установками Партии Арабского Социалистического Возрождения (ПАСВ).⁶ Исполнительная власть включала президента и правительство. По конституции парламент называл кандидатуру на пост президента.

⁴ Perthes. V. The Political Economy of Syria under Asad. L. 1995. P. 133–202; Quillian, N. Syria and the New World Order (Durham Middle East Monographs Series) Hardcover — May 1, 1999 pp. 160–170.; Hinnebusch, R. Asad's Syria and the New World Order: The struggle for regime survival // Middle East Policy. 1995. P. 80–86.

⁵ См.: George A. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY: Zed Books. 2003; Wedeen L. Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, L.: University of Chicago Press. 1999.

⁶ Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: Институт востоковедения РАН. 2011; Rabinovich, I.. Syria under the Ba'th 1963–1966. The Army-Party Symbiosis. Jerusalem. 1972. P. 57, 76; Seymour M. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt. Middle Eastern Studies, v. 6. January 1970. № 1. P. 38–39.

Однако вначале она должна была быть утверждена Региональным Руководством ПАСВ.⁷ В правительстве были представлены религиозные общины в соответствии с их долей в общем составе населения САР. В 1960-х гг. алавиты и представители других религиозных меньшинств из периферийных районов Сирии практически не участвовали в работе парламента.⁸ Эта диспропорция была исправлена после приход к власти в Сирии Х. аль-Асада.⁹ В Сирии также была разрешена деятельность других партий помимо ПАСВ, представлявших различные коммунистические и насеристские фракции. Эти партии входили в состав Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ), который был создан в САР в 1972 г. во главе Х. аль-Асадом.¹⁰ Решающее слово по ключевым аспектам жизни Сирии принадлежало военным и алавитскому духовенству.¹¹ Сирийский режим постепенно расширял участие в парламенте представителей суннитских бизнес элит, особенно дамасских и халебских бизнес сообществ.

Х. аль-Асад стремился модифицировать существовавшую формулу власти в сторону наделения фасадных структур большим объемом реальных полномочий не только на стадии реализации принятых конкретных установок, но и на этапе разработки решений.¹² В Сирии по мере укрепления режима личной власти Х. аль-Асада ПАСВ оказывалась лишенной реальных директивных прерогатив. Ее влияние на формирование политического курса режима неуклонно падало. В значительной степени

⁷ Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. в кн.: Сапронова М. А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003. С. 284–312.

⁸ Ахмедов В. М. Политический облик режима // Азия и Африка сегодня. № 8. 1999. С. 9–16.

⁹ Подробнее о роли алавитов в сирийском обществе см.: Faksh M. A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // Middle Eastern Studies, v. 20, № 2, april, 1984; Abbas K.. Religion and State in Syria. Asian Affairs, febrair, 1974. № 5. P. 16–22.

¹⁰ Подробнее о политическом развитии современной Сирии во второй половине XX в. см.: В. М. Ахмедов. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003. С. 22–29.

¹¹ Kramer M. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University. 1984. P. 13.

¹² В. М. Ахмедов. Сирия на рубеже столетий... С. 29–30.

это объяснялось спецификой эволюции политической системы Сирии. Желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зачастую являлось более важным моментом, определявшим ход событий, по сравнению с партийной доктриной. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы безопасности.¹³

После прихода к власти в 2000 г. Б. аль-Асад стремился провести целый комплекс социально-экономических преобразований, направленный на модернизацию, но не коренное изменение действующей политической системы. На самом деле успех экономических преобразований требовал широкой политической либерализации. С учетом складывавшейся региональной обстановки модернизация была невозможна без контроля сверху и согласия правящих элит на основе некоторой доли консерватизма в сочетании с умеренно либеральными реформаторскими воззрениями.¹⁴

Egypt как ключевая страна Арабского мира достаточно рано подвергся процессам модернизации и глобализации.¹⁵ При Г. Насере в 1960 гг. Египет связывал модернизацию с утверждением своей центральной роли в регионе. В 1970 гг. при А. Садате в Египте резко выросли исламистские настроения, увеличилось число различных исламских обществ. Согласно конституции 1971 г. шариат стал одним из главных источников законодательства. В конечном счете, А. Садат пал жертвой покушения, организованного членами одной из таких исламистских организаций, действовавших в армейской среде. Сменивший А. Садата в 1980 г. президент Х. Мубарак проводил более взвешенную политику.

¹³ Seale, P.k. *Asad of Syria: The Struggle for the Middle East*. O.: University of California Press, 1990, p. 420–440.

¹⁴ Ахмедов В. М. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. ИВ РАН, МГИМО МИД РФ. М., 2005, с. 56–179.

¹⁵ Подробнее о процессах модернизации см.; Huntington S. P. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. — Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991, p. 269.

Не меняя в целом прежних контуров политической системы и курса своего предшественника, Х. Мубарак стремился достигнуть согласия с разными социально-политическими силами внутри страны. Х. Мубарак продолжил политику индустриализации, которая, в условиях, когда более 50% местного производства было национализировано, легла тяжелым бременем на государственный сектор. Национальный частный капитал традиционно предпочитал сферу услуг, транспорт, коммерцию, банковское дело.

Х. Мубарак стремился консолидировать средние слои, чтобы не допустить размывания среднего класса как одной из опор власти. Однако в условиях непростого социально-экономического положения Египта, восстановление социальных гарантий для неимущих за счет перераспределения части богатств буржуазно-бюрократической элиты представлялось весьма сложной задачей. Это могло также потребовать сокращения расходов на модернизацию с учетом непрерывно растущего населения. К тому же резкие шаги в данной области могли нарушить социально-политический баланс, являвшийся залогом стабильности власти в Египте.¹⁶

В Египте политическая система отличалась значительной статичностью и с трудом поддавалась реформированию. Партийная система Египта лишь формально являлась многопартийной. Только несколько из официально действовавших 14 политических партий играли заметную роль в политике. Реальная власть находилась в руках правящей Национально-демократической партии (НДП). Остальные партии служили лишь антуражем, призванным закамуфлировать однопартийность.

В первую декаду 2000 г. в стране появилось ряд новых оппозиционных партий и движений светского характера. Среди них наиболее заметными были партия «аль-Хад» и общественное движение «Кифая», критиковавшие политику властей. Несмотря на то, что представители оппозиционных партий получали на выборах значительное число мест в законодательных

¹⁶ Springbord R. Mubarak's Egypt: Fragmentation of the Political Order. Boulder, Colo: Westview Press, 1989, pp. 101–103.

органах, на деле они не могли соперничать с правящей партией в принятии решений. Партия власти обладала необходимым числом голосов, чтобы изменять конституцию, гарантировать принятие парламентом нужных президенту законов и уверенно обеспечивать переизбрание президента на новые сроки правления. Правительство формировалось под прямым патронажем президента.

Таким образом, разделение властей в Египте практически отсутствовало, а институт президента обладал неограниченной монополией на власть.¹⁷ Со времени парламентских и президентских выборов в Египте в 2005 г. власти страны мало продвинулись по пути демократии. Озвученные в ноябре 2006 г. Х. Мубараком планы изменить 76-ю статью действующей конституции, определяющей порядок смены власти в стране, так и не обрели практических контуров.¹⁸ В условиях неопределенности в вопросе преемственности власти жесткие действия египетских властей в отношении оппозиции порождали опасения за сохранение стабильности в этой крупнейшей арабской стране.

В *Саудовской Аравии* после войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. власти стали испытывать растущее давление как внутри страны, так и со стороны внешних сил, прежде всего США, требовавших провести хотя бы косметические реформы. В 1992 г. король Фахд издал так называемый «Основной закон», который был призван определить структуру и работу правительства. Подобный шаг был предпринят впервые в истории королевства. Основные положения этого документа закрепляли сложившийся порядок вещей в виде признания законности монархии и превосходства исламских законов. Одновременно декларировались более широкие права граждан страны, как того требовала оппозиция. Однако в документе не содержался какой-либо механизм реализации этих прав на практике. Был

¹⁷ В. Ахмедов. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. В сборнике «Политическая культура и деловая этика стран Востока». М., 2006, с. 299–313.

¹⁸ В. М. Ахмедов. «Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока». М., 2008, с. 29.

создан Консультативный Совет, который институализировал традиционно принятую в стране систему консультаций (шура) при принятии решений. В полномочия Совета входило обсуждение и оценка основных направлений внутренней и внешней политики, а также разработка новых законов. Первоначально монарх не назначал членов Совета. Однако с августа 1993 г. эта практика изменилась, что на практике открывало перед монархом и его ближайшим окружением широкие возможности для использования этого государственного института в интересах правящей саудовской верхушки. Тем более что заседания Совета проходили в закрытом режиме, а его полномочия ограничивались исключительно советнической ролью. Поэтому, несмотря на укрепление регулирующей роли государства в политике, на деле сохранялась тенденция отчуждения государства от общества.¹⁹

В 2000-х гг. правящая семья несколько изменила социальный облик Совета, назначив туда больше представителей частного бизнеса и научных кругов королевства. Однако эти группы населения не отражали подлинных настроений широкой саудовской общественности. На практике Совет выполнял больше мобилизационные функции, чем представительские.²⁰ Саудовским руководителям удавалось до некоторой степени обеспечивать социальный мир, используя высокие цены на энергоносители. Однако Королевству (КСА) было все труднее покупать лояльность своего населения.

В феврале 2005 г. в Саудовской Аравии были проведены частичные муниципальные выборы, однако избранные городские советы так и не смогли полноценно заработать к назначенному времени. К тому же, с конца 2007 года в саудовском руководстве усилился конфликт между представителями различных поколений саудовской королевской семьи по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Данный факт косвенно свидетельствовал о том, что устоявшийся порядок власти в королевстве

¹⁹ Cordesman A. Saudi Security and the War on Terrorism: Internal Security Operations, Low Enforcements, Internal Threats, and the Need for Change. CSIS. Washington, 2002, p. 6.

²⁰ Fandy M. Saudi Arabia and the Politics of Dissent. N.Y., 1999, pp. 50–60.

может быть поколеблен, особенно в случае крупных социальных потрясений.

В канун «Арабской весны» некогда сказочно богатая страна постепенно «беднела». Составлявший в 1981 г. среднедушевой доход в размере 14 тыс. долл. США снизился в конце 1990-х гг. до 6 тыс. долларов. Общее количество безработных составляло в 2000 гг. порядка 23–25% экономически активного населения. Ежегодно на рынок труда выходило около 500 тысяч молодых саудовцев. Это была достаточно большая цифра для 20 миллионов населения Саудовской Аравии. Не имевшее прежде долгов саудовское государство приобрело в конце 1990-х гг. дефицит госбюджета в размере годового ВВП.²¹ Негласные правила общественного договора, по которому клан Саудидов удерживал власть, а население получало субсидии, перестали устраивать многих в королевстве. Сокращение бюджетных ассигнований на социальные проекты привело к росту дифференциации доходов подданных королевства.

В саудовском обществе обострялся конфликт, обусловленный проблемой смены поколений. Конфликт между выпускниками американских университетов 1960–1970 гг., занявшими руководящие позиции в эпоху богатств и молодым поколением саудовцев-воспитанников саудовских университетов, выдвинувшихся в период «новой бедности» принимал характер борьбы за власть. Борьба между «модернистами» и «консерваторами» по глобальным вопросам будущего развития страны лежала в основе тех подчас жестких разногласий и противоречий, которые тщательно старались гасить на вершине властной пирамиды. Однако сохранять прежнее равновесие становилось все труднее.²²

В *Иране* после исламской революции 1979 г. была создана новая модель государственного устройства. Она базировалась на религиозной доктрине особого характера с учетом иранской спец-

²¹ В. М. Ахмедов. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка. Политическая элита Ближнего востока. М., 2000, с. 18–25.

²² Яковлев А. И. Фейсал: король-реформатор. М.: Рос. центр стратег. и междун. иссл., 1999. 224 с.

ифики шиитского вероучения. Базовым принципом иранской модели исламского государства стал принцип «веляят-е факих», т. е. руководство обществом и государством со стороны наиболее знающего и почитаемого богослова-правоведа.²³ Исламская республика как цель исламской революции представляла собой новую модель государственного устройства, сочетающую в себе республиканские принципы и исламскую сущность.²⁴ Конституция страны сформулировала принципы политического устройства исламской республики и закрепила исламские нормы организации общества. Одновременно были созданы специальные институты мобилизации масс и подавления инакомыслия — КСИР и басидж (народная милиция). Выстроенная властная конструкция сочетала в себе признаки демократии, воплощенной в деятельности по сути фасадных управленческих структур (парламент, правительство). В то же время основной механизм принятия решений оставался в руках духовенства и военных.²⁵

Первые два десятилетия XXI столетия оказались весьма бурными и неоднозначными для развития политической системы Ирана. «Зеленая революция» 2009 г. и «Арабская весна» 2010–2011 гг. заставили иранских правителей обратить серьезное внимание на совершенствование системы управления страной и обществом. Несмотря на явные успехи Ирана на внешнеполитическом поприще, внутреннее положение страны, хотя и оставалось стабильным, но периодически подвергалось испытаниям на прочность.²⁶ Значительная часть религиозно-политической элиты осознавала необходимость кардинальных преобразований ради выживания исламской республики. Но она не была готова принять тот факт, что духовенство не должно управлять обществом, и допустить секуляризацию режима. К тому же позиции радикального духовенства, которое пользовались поддерж-

²³ Banani, Amin. *The Modernization of Iran*. Standford, Calif, 1961. P. 5–27.

²⁴ Лукоянов А. К. Исламская революция. Иран — опыт первый. М.: Май-принт, 2015. С. 61–73.

²⁵ Hunter, Shireen T. *Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation*. London–New York, 2019. P. 1–19, 245–277.

²⁶ Mashaei Opened the Tasks of Ahmadinejad's Mission: to Bring the Regime to a Revolutionary Situation. URL: <http://www.tabnak.ir/fa/news/766109>.

кой армии и органов безопасности, были чрезвычайно сильны в условиях активных военно-политических действий Иранка на Ближнем Востоке. Особенности политической системы ИРИ не могли не сказаться на внешней политике Ирана и ее особом характере, который ярко проявился в арабских государствах Ближнего Востока, прежде всего в Сирии, Ираке, Ливане, Йемене. В условиях «Арабской весны» традиционные различия между Ираном и Арабами в этническом и религиозном отношениях превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства.

Таким образом, в канун «Арабской весны» большинство ближневосточных стран переживали переходный характер развития. Многие арабские государства были политически нестабильны. Власть в них аккумулировалась в руках различных кланов и властных команд. Между формирующимся гражданским обществом и властью сохранялось немало противоречий. Власть стремилась сохранить сложившийся баланс сил, особенно, позиции военных, от которых напрямую зависела проблем смены власти и сохранения правящих элит.

§ 3. СПЕЦИФИКА ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ И ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Несмотря на то, что с середины 1990-х гг. к власти в арабских странах постепенно приходило новое поколение арабских лидеров, контроль над принятием основных политических решений по-прежнему осуществлялся старыми правящими элитами. В такой ситуации форсированные шаги по устранению старых правящих элит от власти только усиливали их сопротивление реформам, дестабилизировали обстановку и создавали политический вакуум, в условиях которого возрастала вероятность прихода к власти исламистов.

Арабские лидеры были значительно старше руководителей других стран мира. Многие из них находились на своих постах десятилетиями. Это же касалось и большинства ключевых министров арабских стран. Уход из жизни в последние десятилетия многих знаковых фигур на Ближнем Востоке обострил одну из

основных проблем современной арабо-исламской государственности, когда переход власти и смена элит превращались в перелом общества. Тем более что в Арабском мире не было харизматического лидера регионального масштаба, который мог бы предложить общеарабский проект развития светского модернизационного содержания с учетом интересов арабо-исламского большинства, прав и желаний национально-религиозных меньшинств, сплотив вокруг него представителей региональных элит и широких слоев населения арабских стран. Арабские руководители из числа политических долгожителей уже пережили пик своей политической карьеры.

В сложившейся на Ближнем Востоке непростой обстановке им больше приходилось думать о том как и кому передать власть в собственной стране. С одной стороны, они были обеспокоены тем, как обеспечить преемственность проводимого ими курса, чтобы гарантировать сохранность собственных интересов и стоявшей за ними властной группировки после ухода с руководящего поста. С другой, они были вынуждены заботиться о том, чтобы процесс передачи власти осуществился не конфронтационным, а, по возможности, мирным путем, а легитимность его результатов не подвергалась бы сомнению большинством населения и не вызывала бы желания пересмотра.

Пришедшие к власти во второй половине 1990 — начале 2000-х гг. молодые арабские лидеры сталкивались с не меньшими трудностями. Практически все они оказались у власти не в итоге борьбы за нее, а наследовали ее от своих отцов. Произошло это в результате компромисса интересов различных элитных групп не столько за счет добровольного согласия и демократического выбора, сколько путем целой серии хитроумных политических комбинаций и силовых ходов по нейтрализации возможных соперников и конкурентов. Поэтому после своего прихода к власти они в течение достаточно длительного времени были лишены реальных властных полномочий. Им приходилось, прежде всего, думать о создании собственной властной команды, одновременно балансируя между различными центрами силы и периодически доказывая легитимность своей власти и способность к руководству государством, как внутри

собственной страны, так и за ее пределами. Поэтому молодые арабские лидеры делали акцент на «ручном» управлении и тор-мозили реформы, представлявшие угрозу стабильности их вла-сти.

В результате основные административные рычаги и финансово-экономическая мощь были сосредоточены в руках традиционных правящих элит с омоложившейся властной вер-хушкой. С конца 1990-х, начала 2000-х гг. немало стран региона стояло на пороге передачи власти от одного правителя другому, от старого порядка к новым возможностям.

На рубеже XX–XXI вв. **передача власти** в арабских странах про-исходила мирным путем, по крайней мере, на ранней стадии.

В **Иордании** король Абдулла II в 1999 году наследовал власть от своего отца и принял руководство монархией. После восше-ствия на престол он стремился проводить политику, сходную по основным внутренним и внешним параметрам с прежним кур-сом своего отца короля Хусейна. Однако уже очень скоро под воздействием внутренних и внешних обстоятельств Абдулла II принял ряд декретов, которые открывали путь к изменению сло-жившегося строя и превращению Иордании в парламентскую монархию.

В **Сирии** в канун кризиса Б. аль-Асад существенно омолодил сирийскую военно-политическую элиту и постарался привить ей новую политическую культуру. Начав в июле 2004 г. рефор-му в армии и спецслужбах Б. аль-Асад отправил в отставку ме-нее чем за год 440 высокопоставленных офицеров армии и спец-служб.²⁷ Сохраняя в целом рамки прежней системы, Б. аль-Асад тем самым получил возможность приступить к поэтапной про-грамме реформ. Однако с изменением ситуации на Ближнем Востоке и в мире в целом новое руководство САР фактически остановило ход намеченных реформ. В результате режим увяз во внутренних противоречиях, которые нередко выливались в фор-му борьбы за власть внутри правящей верхушки.

В **Египте** процесс эволюции политической системы ослож-нялся тем, что за годы относительной стабильности, в качестве альтернативной политической силы остались армия и ислами-

²⁷ The New York Times, 19.03.2005.

сты, в лице организации «Братьев-мусульман». Итоги парламентских выборов 2005 года, в ходе которых «Братья» получили около 20–25% мест в парламенте, шокировали власти. Поэтому, во время избирательной кампании 2010 года режим отдал военным приказ сделать все возможное, чтобы не допустить «Братьев» в парламент. Результаты ноябрьских 2010 г. парламентских выборов в Египте показали, что страна стоит на пороге больших перемен.

В этих условиях в Египте остро встал вопрос о выработке современного механизма смены власти.²⁸ Наряду с сыном Мубарака Гамалем в качестве возможных претендентов на президентский пост рассматривали также некоторых высших военачальников. После антимонархической революции 1952 года египетские вооруженные силы превратились в становой хребет режима.²⁹ Поэтому выбор вероятного преемника из военной среды выглядел оправданным с точки зрения политической логики и существующей практики.

Во второй половине 2000-х годов президент произвел ряд кадровых перестановок в высшем командном составе армии. В военно-политических кругах были склонны увязывать периодические кадровые замены в высшем командном составе вооруженных сил с планами Х. Мубарака по отработке механизма передачи власти. Как и в других арабских странах, в Египте безопасность базировалась на способности военных контролировать процесс передачи власти и удерживать внутриэлитные конфликты от превращения их в открытую борьбу за власть.

В условиях начавшейся 25 января 2011 года египетской революции армия доказала, что реальным гарантом поддержания внутривластной стабильности и безопасности в АРЕ является не формальная многопартийная система, а вооруженные силы. Однако, после революции 25 января 2011 года, все больше египтян задавалось вопросом; не совершили ли они ошибку, когда остановили революцию и отдали бразды правления в руки

²⁸ Восток, 2006. № 3, с. 75.

²⁹ См.; Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1981.

военных. По данным экспресс опроса общественного мнения в октябре 2011 г. 64% египтян считали, что Высший военный совет плохо справлялся со своими обязанностями по руководству страной. С другой стороны, только благодаря позиции армии, ее генералитету удалось добиться смены власти в Египте. Именно военные вывели свою технику и солдат на улицы египетских городов, провозгласив лозунг «Народ и армия — одна рука» и привели к власти представителя «Братьев-мусульман». Однако не все офицеры поддерживали действия Совета, тем более олицетворяли его с армией. Основной вопрос, который решали для себя египтяне в ходе миллионных митингов, начавшихся 25 ноября 2011 года в Каире, — это готовы ли военные добровольно уйти из политики, и на каких условиях.³⁰

В *Саудовской Аравии* механизм преемственности власти оформился в 1930-х гг. в правление основателя саудовского государства короля Абдель Азиза ибн Сауда. Власть в королевстве носила наследственный характер и передавалась по старшей линии в роду представителям семьи Саудидов и связанных с ней родственными узами крупнейших племенных кланов Саудовской Аравии. Созданный в 2000-м году совет из 18 старших принцев королевской семьи по определению преемственности власти, несколько расширил возможности режима в вопросе выбора преемника.³¹

Принятый осенью 2006 г. закон о создании комиссии по принятию королевской клятвы, внес определенные коррективы в 5 статью «Основного закона». Он был направлен на создание защитных механизмов от внутрисемейной борьбы за власть и расширил список кандидатов на высшие государственные должности. Однако данные меры носили косметический характер и не могли изменить сложившуюся практику в вопросе смены власти. До начала революционных событий на Арабском Востоке традиционный механизм работал достаточно устойчиво. Передача власти наследному принцу Абдулле после кончины короля Фахда в августе 2005 г. прошла без видимых конфликтов в правящей

³⁰ www.aljazerra.net, 22.10.2011; 04.12.2011.

³¹ Восток, 2006. № 3, с. 76.

элите. Впервые в истории королевства к власти пришел выходец не из клана аль-Судейри, представители которого традиционно правили страной после смерти ибн Сауда. В то же время, воцарение Абдуллы на саудовском престоле вряд ли могло свидетельствовать о серьезных переменах в вопросе о власти на верхних этажах правящей элиты. Скорее это произошло в результате компромисса между соперничающими фракциями королевского семейства в целях сохранения преемственности саудовского курса. Новый король назначил наследным принцем выходца из клана аль-Судейри — Султана Бен Абдель Азиза, занимавшего с 1962 г. пост министра обороны КСА. Таким образом, сохранился традиционный механизм смены власти и баланс сил в правящей элите. Власти королевства стремились объединить свои силы для решения стоящих перед страной весьма непростых задач. Речь шла, прежде всего, о выработке оптимального курса государственных реформ и противодействия терроризму. Поэтому говорить о наличии какой-либо системной оппозиции, тем более внутриэлитного характера, не приходилось. Однако сохранять прежнее равновесие становилось все труднее.

Третье поколение в правящей королевской семье постепенно выходило на политическую авансцену и требовало своей доли власти. В целях сохранения баланса сил саудовскому руководству пришлось разрабатывать новую формулу власти, способную обеспечить доступ к управлению государством представителей нового поколения саудовцев, и не только из правящей семьи. Куда большую озабоченность саудовского руководства вызывала религиозная оппозиция, которая не только потенциально угрожала стабильности страны, но и была способна подорвать легитимность власти, основанной на принципах ислама и шариата. Углублявшееся в стране социальное неравенство служило питательной средой для роста оппозиционных настроений, которые в отсутствие светских политических и общественных институтов канализировались в религиозное русло. Однако если треснувший социальный мир можно было попытаться склеить путем массивных финансовых вливаний, то куда сложнее справляться с решением политических проблем общеарабского характера. Эскалация напряженности в регионе приводила к тому, что при-

зывы к джихаду становились привычным элементом пятничных проповедей в мечетях Королевства. К тому же оппозиция пользовалась симпатией различных групп населения страны, в том числе представленных в саудовских силовых структурах. Анти-террористическая операция саудовских сил безопасности в сентябре 2005 г. в Даммаме, одном из основных центров переработки нефти в королевстве, показала, что численность вооруженной исламской оппозиции значительно больше, чем считалось ранее и не ограничивается лишь саудовской ячейкой «Аль-Каиды».

В канун «Арабской весны» в арабском обществе сформировался отчетливый запрос на сильное, социально ответственное государство, которое могло бы обеспечить эффективный контроль, как за ходом реформ, так и процессом демократизации. Ответ на чаяния народных масс принесла «Арабская весна», которая круто изменила ход политического процесса в арабских странах Ближнего Востока.

Глава 3. Эволюция социально-политической мысли на Арабском Востоке

На рубеже столетий развитие общественно-политического сознания в государствах Ближнего Востока детерминировалось соперничеством традиционной мусульманской идеологии и светским западно-ориентированным мировоззрением на всех уровнях общественного сознания. Специфика политического процесса затронула сферу духовной жизни ближневосточных народов. Это привело к серьезным сдвигам в сознании людей и способствовало созданию материальных предпосылок для формирования новых элементов общественно-политического сознания.

Глубоко укоренившиеся в массовом сознании идеи исламской солидарности, опыт тысячелетнего противостояния Западу и процессы «вестернизации» влияли на мировоззрение различных социальных групп ближневосточных стран, в каждой из которых был свой субкультурный код, обусловленный ее историей, этническим и конфессиональным составом населения, национальными обычаями и традициями. С другой стороны, в поведении арабо-мусульманских народов их мировосприятии были заложены общие основы, связанные с базовыми элементами веры, общностью языка, территории, происхождения и исторической судьбы.

Накануне «Арабской весны» состояние перманентной социальной напряженности становилось

характерным явлением практически во всех государствах Ближнего Востока, даже таких внешне благополучных как нефтедобывающие монархии Персидского залива.

§ 1. КРИЗИС СВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В основе современной политической организации большинства ближневосточных стран лежал принцип национализма. Исторически развитие арабского национализма осуществлялось в процессе взаимодействия светского и религиозного (исламского) направлений.¹ Превалирование одного над другим было связано, прежде всего, с конкретными историческими условиями развития арабских стран и складывающейся в них и регионе политической конъюктурой. Арабский национализм второй половины XX столетия представлял собой модификацию политических движений конца XIX века, основанных на представлениях об арабах как единой нации и служивший знаменем борьбы арабских народов против Османской империи. Зародившись как один из элементов арабского культурно-просветительского движения (аль — Нахда) в конце XIX столетия, арабский национализм не сразу стал ведущим течением в общественно-политическом сознании арабов, идеологическим авангардом их политических движений. Долгое время идеи панисламизма и османизма служили сдерживающим фактором в развитии панарабизма.

На рубеже XIX–XX веков многие арабские политические деятели весьма скептически относились к идеям арабского национализма и полагали, что они подрывают силу Османской империи — единственно мощного (на тот период времени) исламского государства, способного противостоять экспансионистским устремлениям христианского Запада. Поэтому идеи арабского национализма, в том числе и партикулярного характера, развивались в это время в основном в рамках панисламизма и османизма, а требования арабских националистов редко

¹ Подробнее об истории становления и развития арабского национализма см.; З. И. Левин. Развитие арабской общественной мысли 1917–1945. М., 1979.

выходили за рамки автономии в составе Османской империи.² И только Великое арабское восстание 1916 г., в ходе которого арабы открыто с оружием в руках выступили против Османского господства за создание собственной арабской империи, явилось переломным моментом в процессе эволюции идей арабского единства.

Определенное доминирование светского направления в арабском национальном движении после I мировой войны было во многом связано с тем обстоятельством, что основу его последующего развития формировали в период аль-Нахды преимущественно арабы-христиане азиатских провинций Османской империи, которые были особенно подвержены влиянию секулярных европейских идей. В своих теоретических изысканиях и подходах к определению панарабизма они делали особый упор на общность арабского языка, культуры и истории и исходили из того, что нация объединяет людей в рамках политической и гражданской общности, а не религиозной. К тому же они плохо представляли себе, как в условиях многоконфессионального арабского общества можно достигнуть арабского единства исключительно на базе ислама. С другой стороны, многие арабские интеллектуалы и национальные лидеры той поры видели в арабском единстве не столько цель, сколько средство «догнать» Запад в его военном и техническом превосходстве, что также служило укреплению светской линии в национальном движении арабов.

Напротив, в районах Арабского Магриба идеология арабского национализма формировалась в основном на базе идей исламской солидарности, что было связано с традициями и характером движущих сил национально-освободительной борьбы в этом регионе, которая проходила под знаменем ислама. Однако, уже к концу 1930, началу 1940-х гг. в государствах Арабского

² В условиях «Арабской весны» ряд западных (А. Courbon) и арабских мыслителей вернулись к идее о том, что арабский национализм был насильственно экспортирован Западом в арабскую культурную традицию только с целью выдворить Османов с Ближнего Востока. Они также утверждали, что идеи арабского национализма легли в основу создания авторитарных режимов в арабских странах, которые своей политикой подвели регион к революционным потрясениям, главным бенефициарием которых оказался Запад, который не хочет упускать своего влияния в этом районе мира.

Востока исламская составляющая арабского национального движения стала заметно усиливаться. Во многом это было связано с чувством глубокого разочарования значительной части либеральных арабских сил «цивилизаторской» миссией секулярного и просвещенного Запада.

В результате ближневосточной политики западных держав арабы не смогли создать свое единое государство. Их земли оказались произвольно поделены между Великобританией и Францией, попали от них в колониальную зависимость, используя которую западные державы активно поддерживали процесс создания в Палестине национального еврейского очага. Используя антизападнический потенциал ислама, исламскую религию как основу культурного арабского наследия, арабские националисты пытались придать своему движению самобытный, отличный от Запада характер. К тому же начавшийся в этот период подъем антиколониального движения в арабских странах вывел на политическую авансцену Ближнего Востока новые социальные силы, чье мировоззрение и поведенческий стереотип в значительной мере определялись исламом.

После II мировой войны данный процесс продолжился и получил свое выражение в развитии концепции **урубба** (дух арабского самосознания) в направлении укрепления связи арабского национального начала с исламом. Развернувшаяся в арабских странах на рубеже 1950–1960-х гг. борьба за выбор пути развития привела к власти в ряде ключевых стран Арабского мира представителей светских арабских националистов (басисты, насеристы), которые пытались осуществить развитие на путях идей социализма.

Подобные трансформации существенно укрепили значение секулярных тенденций в арабском национальном движении и повысили роль панарабизма в политике арабских государств. Несмотря на это исламское направление в арабском национализме не исчезло, а лишь временно отошло на задний план. Даже самые прогрессивные и светские руководители арабских стран были вынуждены искать легитимность своего правления в приверженности к исламу и учитывать интересы исламизированных слоев населения в процессе формирования социальной базы поддержки власти.

На институциональном уровне это выражалось в том, что практически во всех арабских конституциях ислам провозглашался государственной религией, а ряд положений шариата рассматривались как источник права. Создание независимых государств после второй мировой войны шло под знаменем национализма на базе возникших после распада Османской империи европейских колоний, многоконфессиональный и полиэтнический характер которых был во многом обусловлен произвольным установлением национальных границ в колониальный период. В результате для государственной стабильности и территориальной целостности независимых арабских стран создавалась потенциальная угроза. С одной стороны их существование базировалось на принципе национализма, под знаменем которого они боролись против колониального господства. И в этом смысле их политическая организация представляла собой, так называемую нацию-государство.

Легитимность нации-государства, как и всех других политических организаций, определялась его способностью обеспечивать базовые интересы граждан. В условиях глобализации эта способность стала подвергаться постепенной эрозии. Большинство добившихся независимости стран на деле оказались слабы в политическом и военном отношении, несамостоятельны экономически. Они не могли обеспечить эффективное управление, накормить свое население и защищать себя, и искали поддержку более сильных государств. Современные технологии связи, транспорта и коммуникаций, промышленного производства вооружений также подрывали защитную функцию нации-государства. В условиях полиэтнического общества национализм таил в себе скрытую угрозу государственной децентрализации, поскольку мог быть использован крупными этническими и религиозными сообществами в их борьбе за самостоятельность.³

³ В период обострения гражданской войны в САР среди многих сирийских и арабских экспертов бытовали опасения, что «алавитский» режим аль-Асада мог в конечном итоге подвести ситуацию к расколу страны с выделением алавитского анклава, напоминающего по некоторым параметрам существовавшее в 1920-е годы прошлого столетия Алавитское государство, где-бы алавиты могли надежно укрыться от преследований суннитов. Подобного рода опасения высказываются в настоящее время в отношении курдской национальной автономии в Сирии и соседних странах.

Изменение геополитической обстановки в 1990 — начале 2000-х гг. разрушили сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке. Нажимная политика США по форсированной демократизации ближневосточных государств на фоне борьбы с «исламским терроризмом» привела к созданию «вакуума авторитаризма» на Ближнем Востоке, который стал заполняться политическим исламом и движениями этно-конфессионального сепаратизма. В этих условиях ничем не ограниченный национализм как основа государственного порядка не мог служить эффективным инструментом политической организации общества, принципом его действия и сохранения стабильности, а стал порождать тенденцию к анархии. Ближневосточным правительствам все труднее становилось обеспечивать внутреннюю стабильность и поддерживать сбалансированные отношения со своими более могущественными соседями.

Отсутствие внутреннего порядка и усиление анархических тенденций в политике создавали угрозу не только Ближнему Востоку, но и всему миру с учетом геополитической, энергетической, транспортной и коммуникационной значимости ближневосточного региона.

§ 2. АРАБСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПАРТИИ «БААС» В СИРИИ

Со времени своего образования в апреле 1947 г. правящая в Сирии Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) прошла значительную трансформацию. В результате революции 1963 года ПАСВ упрочила политический центр и связала баасистскую элиту с народом. Партия способствовала образованию спайки между городом и деревней, политическим центром и религиозными меньшинствами.

Созданная в обстановке национально-освободительной борьбы, ПАСВ стала выразителем идей «возрождения» и «единства» арабской нации. Идеологические концепции баасизма были изложены в программе ПАСВ, принятой учредительным съездом 4–6 апреля 1947 г.⁴ Их суть была выражена в партийном лозун-

⁴ Подробнее о ПАСВ см.: Ахмедов В. М. Современная Сирия...

ге: «Арабская нация едина. Ее миссия вечна. Единство, свобода, социализм». Основой идеологии ПАСВ являлся арабский национализм, который рассматривался в баасистской трактовке как инструмент освобождения от колониализма и восстановления единства арабской нации. Идея объединения арабской нации независимо от политических, религиозных различий народов становилась краеугольным камнем баасизма.⁵

Задачу построения социализма, ПАСВ прочно увязывала с концепцией арабского национализма. Баасистские теоретики считали, что построение социализма в арабских странах возможно только после государственного объединения арабских народов. Таким образом, построение социализма в отдельно взятой арабской стране откладывалась на долгие, если не вечные времена. Одной из характерных черт баасизма являлся прагматизм, свойственный мелкобуржуазным и средним слоям сирийского общества, чьи интересы выражала ПАСВ. На практике это проявлялось в гибкости и ситуативности идеологических установок в соответствии с требованиями текущего момента.

Идеологические установки баасизма обусловили организационную структуру ПАСВ. Высшим партийным органом являлся общеоарабский съезд. В промежутках между съездами Общеарабское руководство (ОР) руководило деятельностью партийных организаций в других странах и определяло общую стратегию партии. ПАСВ строилась по производственно-территориальному принципу и объединяла 19 обкомов и 14 парткомов, которые действовали в губернаторствах страны. В университетах Дамаска, Халеба, и Латакии и системе МВД САР работой баасистских организаций руководили 3 и 2 парткома с правами обкомов, соответственно. В районную организацию входило несколько первичных организаций. Работой местных партийных организаций руководило Региональное (сирийское) руководство (РР), избираемое Региональной конференцией из состава членов ЦК ПАСВ. Партийные организации в армии и полиции действовали

⁵ См.: Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения. (Пер. с араб. А. В. Сарабьев) // Религия и общество на Востоке. Вып. I, 2017. С. 221–256.

автономно на основе собственного устава. Ведение партийно-политической работы в армии являлось монополией ПАСВ.

В период правления Х. аль-Асада в деятельности и структуре высших партийных органов произошли существенные изменения. Положение ПАСВ как правящей партии было закреплено в постоянной конституции 1973 г. Статья 8 Конституции определяла руководящую роль ПАСВ в государстве и обществе.⁶ В 1990-е годы, в связи с неблагоприятным развитием региональной обстановки проблема арабского единства стала занимать более скромное место в материалах партийной печати. Партийные руководители предпочитали говорить не столько об арабском единстве, сколько об арабской солидарности. Приоритетом партийной работы стало решение внутренних проблем стран, где баасисты стояли у власти (Сирия и Ирак). К началу 1990-х годов сирийское отделение «Баас» целиком контролировалась РР, в то время как ОР по существу выполняло функции международного отдела в партии.⁷

По мере укрепления режима личной власти, роль ПАСВ в системе государственных институтов неуклонно снижалось. Партия превращалась в послушный инструмент власти, призванный осуществлять политико-пропагандистское обеспечение принятых решений. Это объяснялось спецификой эволюции политической системы Сирии, которая в 1980–1990-е гг. консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этно-конфессиональными узами, факторами личной лояльности Х. аль-Асаду. Президент делал ставку на лично преданных ему представителей армии и госаппарата в партии. Такая позиция отвечала курсу Х. аль-Асада в вопросах преемственности власти по выдвижению своих сыновей на президентский пост. Практическая деятельность ПАСВ сводилась к сбору информации о настроениях в различных кругах сирийского общества. Работа первичных партийных организаций велась по существу формально. Партийная жизнь на периферии отличалась парадностью, а ап-

⁶ Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. В кн. М. А. Сапронова. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003, с. 284–312.

⁷ Информация получена из личных бесед автора с представителями руководства РР и ОР ПАСВ в 1980–1990, 1990–2000. Москва–Дамаск–Москва.

парат обкомов был неоправданно раздут и перегружен отчетностью. Работа с населением проводилась в форме организации политических демонстраций и митингов в поддержку режима. Это вело к ослаблению связей партии с массами и общему снижению ее авторитета в сирийском обществе.

Второстепенность положения партии в системе институтов власти проявлялась в углубляющемся несоответствии провозглашенного приоритета партийного над административным началом. Часто секретари обкомов, призванные играть руководящую роль на местах, оказывались в подчинении у представителей местной гражданской и военной администрации. Во всех 14 провинциях САР реальная власть находилась в руках губернаторов, назначаемых и сменяемых лично президентом. Подавляющее большинство из них были алавитами, высокопоставленными военными. По своему партийному статусу губернатор как член обкома ПАСВ находился ниже первого секретаря обкома. На практике же он, как и представители основных спецслужб, и командиры дивизий и корпусов, дислоцированных в провинциях, не подчинялись решениям обкомов. Важным фактором ослабления ПАСВ стало растущее соперничество между Общеарабским и Региональным руководством за лидерство в партии и обычное в этом случае дублирование функций двух руководств.

За долгую историю ПАСВ ее идеологические концепции неоднократно менялись. После распада СССР идеологи сирийского баасизма стали склоняться к восприятию идей европейских социал-демократических партий и активизировали с ними всестороннее межпартийное сотрудничество. После начала мирного процесса на Ближнем Востоке идеологические установки «Баас» по проблеме арабо-израильского противостояния претерпели кардинальные изменения и оказались на грани полного банкротства. Проблема Восточного Иерусалима — «святыни ислама» — фактически оказалась отодвинутой на второй план. В дальнейшем это привело к активизации исламского радикализма в САР. Недооценка сирийским руководством значения партии и отводимая ей роль второстепенного инструмента власти ослабляла престиж и авторитет ПАСВ. В партийных рядах усиливались настроения разочарования, способствовавшие раз-

витию среди рядовых партийцев левых тенденций. Все эти негативные моменты и явления, отмеченные Х. аль-Асадом на 8-й Региональной конференции (съезде) ПАСВ в январе 1985 года, не могли не сказаться на характере и деятельности ПАСВ. По свидетельству некоторых высокопоставленных партийцев, деятельность партии к концу 1990-х годов оказалась фактически парализованной. С января 1985 г. и вплоть до лета 2000 г. не удалось провести ни одной Региональной конференции (съезда) ПАСВ, что казалось особенно противоестественным в условиях переживаемых страной экономических трудностей, роста социальной напряженности и углубления идейно-политических разногласий в правящих кругах.⁸

Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. баасизм как официальная идеология правящего режима переживал серьезный кризис, было бы ошибочным недооценивать жизнеспособность этого учения. Сирийское руководство стремилось придать ПАСВ «второе дыхание» и тем самым предотвратить заполнение идеологических пустот исламским радикализмом и леворадикальными идеями. По оценке ряда высокопоставленных функционеров ПАСВ наиболее перспективными шагами в этом направлении могли служить отход от ортодоксального баасистского социализма с использованием отдельных идей европейской социал-демократии, привнесение в баасистскую идеологию элементов исламского общества, приближение ее к задачам сирийского национализма. После 8-й Региональной конференции кадровый состав ПАСВ заметно обновился. Особое внимание руководство ПАСВ уделяло деятельности профсоюзов, объединявших в своих рядах более миллиона человек.⁹ ПАСВ усилила идеологическое воспитание молодых партийцев в Высшем институте политических наук ПАСВ в Дамаске. Одновременно ПАСВ активизировала сотрудничество с другими политическими партиями ПНФ.

⁸ Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муатамар аль-кутрий ас-самин. Димашк. 1985.

⁹ Из личных бесед автора с партфункционерами ПАСВ 1985–1999 гг. Москва-Дамаск.

Выдвинутая Х. аль-Асадом «идеология перемен», призванная остановить спад популярности баасизма, проявилась в виде новых идеологических установок, основу которых составляла идея сплочения народа вокруг президента как харизматического лидера нации. Проводился тезис о том, что на переломном этапе силы нации должны быть «собраны в кулак», что было под силу лишь Х. аль-Асаду. В коммерческие круги, которые в основной своей массе были готовы «подождать дивидендов мира с Израилем», целенаправленно внедрялась идея о том, что лишь при таких условиях возможен быстрый и полный переход к рыночной экономике. Среди интеллигенции развивался тезис о «демократии с сирийской спецификой», наиболее полно учитывающий особенности современного сирийского общества. Несмотря на тенденцию сужения социальной базы ПАСВ, режим демонстрировал свое намерение поддерживать партию в качестве инструмента политической мобилизации масс и важного канала проведения в жизнь принятых решений.

Прошедшие весной-осенью 1995 г. активы ПАСВ были призваны «оживить» партийную жизнь на периферии. В сирийской печати все чаще стали появляться статьи, в которых затрагивались темы пересмотра идеологических основ сложившейся политической системы, критиковался громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат. Уже сама постановка столь деликатных вопросов свидетельствовала о том, что руководство страны осознавало необходимость реформирования не только баасистских структур, но и всей политической системы в направлении развития идеологии «социального примирения и партнерства» и расширения социальной базы режима. При этом особое внимание уделялось усилению политической работы в силовых структурах — несущих опорах правящего режима. В рамках общей линии на укрепление морального состояния и дисциплины среди личного состава ВС САР, особо подчеркивалась «непозволительность критических высказываний по поводу политики руководства страны». Руководству ВС САР было указано на то, что некоторые офицеры увлеклись исламистской литературой, а другие занялись личным обогащением в ущерб своим служебным обязанностям. Одновременно партийные представители в армии

заверили военных, что в случае «замирения» с Израилем интересы офицерского корпуса не пострадают. Не ограничиваясь осуждением «инакомыслия» среди военных, сирийское руководство предприняло превентивные меры по активизации политической работы, укреплению кадрового состава политорганов в армии. Руководству военной контрразведки, баасистских организаций, а также командирам частей было дано указание при аттестации офицеров давать развернутую характеристику их политических взглядов и участия в работе партийных организаций.

Несмотря на то, что реальная роль партии как одного из «центров силы» имела тенденцию к некоторому снижению, ПАСВ по-прежнему сохраняла разветвленный контрольно-административный аппарат, уступавший по степени влияния на ситуацию в стране только спецслужбам и армии. И хотя, роль самой партии отошла на второй план в механизме принятия решений, наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики выносились на обсуждение РР ПАСВ, которое коллегиально утверждало поступавшие из аппарата президента предложения, имевшие, как правило, обязательный характер. Вероятные претенденты на высшие государственные посты могли рассчитывать на успех только при поддержке и одобрении партии, и с этой точки зрения были заинтересованы в обеспечении стабильности в стране через структуры правящей партии и сохранении баасизма, как идеологического инструмента управления сирийским обществом.

§ 3. ФАКТОР НАЦИОНАЛИЗМА В АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Одной из причин враждебности между Ираном и арабскими странами служили различия в их подходах к национализму, как основе строительства современного типа государств.

Исторически иранский национализм противостоял угрозе арабского и турецкого экспансионизма, претендовавшего на часть территории Ирана под предлогом объединения арабских или турецких земель. Центральной установкой иранского национализма как политической идеологии была концепция «иран-

ских земель» (Иран замин). Она носила не только земляческий характер, но и отличалась культурными коннотациями. С точки зрения иранских националистов любое место, где доминировала иранская культура, и говорили на фарси, даже если оно управлялось не иранцами, могло считаться «Иран замин». Акцент на персидском характере иранского национализма мог оттолкнуть от власти национальные меньшинства. Поэтому власть, прежде всего, делала упор на «иранизм» как основу единой иранской нации. Сасанидская концепция “Eranshahr” означала единство земли и империи.¹⁰

Национальному движению в Иране противостояло иранское духовенство, которое считало, что националисты поставили в центр иранской нации ее идентичность, культуру и лояльность, вместо шиитского толка ислама. Радикальные клирики были не согласны с точкой зрения националистов о том, что арабские завоевания и исламизация Ирана пошли во вред стране. Они также утверждали, что сохранение и возрождение иранского языка не принесло ничего хорошего Ирану.¹¹ Духовенство обвиняло националистов в увлечении европейскими идеями модернизации и опасалось, что националисты хотят изменить иранское общество и государство по европейским образцам. Они были против даже частичной секуляризации общества, культуры и политики. В противном случае это могло подорвать власть духовенства и его позиции. Политика модернизации, которую проводили шахи из династии Пехлеви (1925–1979) ограничила влияние духовенства в образовательной и юридической системе государства.¹²

По мере того как процесс модернизации набирал темп в 1960 гг. и затронул вопрос о положении женщин и их избирательных правах, духовенство усилило атаку на национали-

¹⁰ См.: Amanat A. and Vejdani F. *Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective*. New York: Palgrave. McMillan, 2012.

¹¹ См.: Enayat.H. *Iran and the Arabs. Arab nationalism and a Wider World*. Ed. Sylvia Haim. New York: American Association for the Peace in the Middle East. 1971.

¹² Кулагина Л. М. Иран во второй половине XIX- начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). Книга 2. М., 2005.

стов. Фактически анти националистические идеи легли в основу идеологии исламской революции в Иране 1979 г. И даже после исламской революции духовенство систематически атаковало националистов и доисламские традиции.¹³ Любопытно, что левые силы в Иране также выступили против националистов. Они способствовали развитию субнациональных традиций и пропагандировали этнический и лингвистический партикуляризм, порицая имперские традиции персов. Такой подход в корне отличался от практик арабского национального движения, в котором левые и социалисты стали ярыми сторонниками панарабизма.

В Иране правящий режим и духовенство рассматривали Иран как культурный и исторический конструкт шиитского толка ислама, соперничавшего с ортодоксальным исламом. В арабских странах и Турции ислам и этнический национализм усиливали друг друга. Ислам служил объединительным целям национализма, а национализм помогал решать задачи панисламизма. В Иране же существовала дихотомия между национализмом и исламом. Она придавала иранской внешней политике двойственный и противоречивый характер. Это стало особенно заметным после исламской революции в Иране и попыток практически реализовать тезис об экспорте исламской революции в арабских странах Ближнего Востока.¹⁴

Большинство арабских стран с недоверием относились к Ирану с точки зрения его претензий на «исламскую миссию», испытывали подозрения в отношении иранского национализма, и опасались его политических амбиций. Шиитский партикуляризм Ирана также усиливал подозрения арабов в отношении ИРИ, несмотря на то, что иранский режим пытался придать революции общий исламский характер, чтобы не дать представить ее как шиитский феномен. В этой связи, арабские клерикалы

¹³ См.; Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014.

¹⁴ См.; Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014.

считали, что Иран проводит националистическую и экспансионистскую политику под знаменем ислама.¹⁵

В 2000-х гг. провал светского проекта развития в Арабском мире привел к его замещению идеями «исламизма». Вызванные «Арабской весной» вооруженные конфликты на Ближнем Востоке имели в последние десятилетия тенденцию к обострению и усилению религиозной составляющей. В этих условиях исторически сложившееся соперничество и различия этнического и конфессионального характера между Ираном и арабскими странами вылилось в форму острого вооруженного противостояния.¹⁶ Ирано-иракская война и арабские нападки на Иран усиливали позиции иранских националистов.¹⁷ Некоторая «ограниченность» исламской идеологии в плане развития новых институтов государства и реформирования старых вынуждала иранские власти терпимее относиться к национализму как более гибкому инструменту реформ.

С приходом к власти президента М. Ахмединежада (2005–2013) развитие иранского национализма возобновилось. М. Ахмединежад и его сторонники рассматривали Иран не только как территориальный и этнический конструкт, но и культурный феномен и продукт древней цивилизации. Эти взгляды оставили отпечаток в иранском социуме и сформировали общественный запрос на развитие иранизма, национализма как основы иранской идентичности и альтернативы исламизму. Таким образом, сохранялась возможность возрождения национализма как основы новой политической идеологии.¹⁸

Развитие теорий панарабизма и арабского национально-го движения наряду с иранским национализмом осложнили

¹⁵ См.; Алиев С. А. К национальному вопросу в современном Иране. В Сб. Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964.

¹⁶ См.; Мамедова Н. М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки, 2017. Т. 159, кн. 6. С. 1509–1517.

¹⁷ См.; Жигалина О. И. Этно-социальная эволюция иранского общества. М., 1996.

¹⁸ См.; Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014.

арабо-иранские отношения. В процессе строительства новых национальных государств ряд арабских стран, прежде всего Ирак и монархии Персидского залива использовали образ Ирана в качестве чуждого им объекта, от экспансии которого необходимо защищаться. Присутствие на территории этих стран анклавов с иранским населением и культурное влияние Ирана на их подданных усиливало враждебное отношение этих государств к Ирану. Указанные процессы достаточно явно проявились также и в Ираке, который, хотя и носил черты древних цивилизаций, но представлял собой молодое национальное государство с полиэтническим и многоконфессиональным населением. Иран в силу своих длительных исторических связей с Ираком играл заметную роль в процессе его национального становления и самоопределения на общеарабской национальной основе.¹⁹ Попытки Ирана упрочить свои позиции в Персидском заливе были восприняты арабскими странами как дополнительное доказательство враждебности и экспансионистского характера иранского национализма. В условиях монархического правления укрепление национализма в Иране совпало с возрождением чувств исторического соперничества с арабами. Однако как показал опыт Исламской Республики, ограничение ислама национализмом не способствовало развитию дружеских связей между арабами и иранцами. После исламской революции многие арабские страны обвинили Иран в попытках экспортировать шиизм. Таким образом, традиционные различия в этническом и религиозном отношении на переломном этапе развития Ближнего Востока превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства.

¹⁹ См.; Halliday F. Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf. *Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranian*, 22, July, 1996.

Глава 4. Динамика развития исламистской идеологии и движений политического ислама

На рубеже XX–XXI вв. после выхода на политическую арену исламских движений политический облик Ближнего Востока заметно изменился.¹ Несмотря на внешнюю монолитность, выражавшуюся в единстве территории, языка, религии, культурно-исторической традиции, арабское общество не было единым и отличалось этнической и конфессиональной пестротой. В арабских странах проживали не только арабы и мусульмане.

В Египте около 10% населения (более 90 млн человек) составляли христиане-копты. В Сирии накануне кризиса 12% и 15% 22 миллионного населения страны были представлены христианами и курдами, соответственно. В САР и соседней ей Иордании несколько сотен тысяч так называемых «черкесов» являлись выходцами с Северного Кавказа. В Ливане, чье население составляло в 2011 г. около 5 млн человек, проживали приверженцы 17 различных конфессий, которые представляли христиан (35% населения), мусульман-шиитов (31%), мусульман-суннитов (29%) и друзов (5%). На западе Арабского мира — в Магрибе основным неарабским этносом являлись берберы.

¹ См.; Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 4. 2013.

В силу неразвитости демократических институтов государство на Ближнем Востоке было более слабым институтом, чем такие социальные институты, как религия, община, семья. В таком обществе религия оказывала существенное влияние на политику.

§ 1. ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Расцвет политического ислама привел к разделению религиозных институтов на системные (встроенные в структуру власти) и оппозиционные, политически ангажированные (исламский фундаментализм, исламизм). Политизация ислама сопровождалась трансформацией его духовно-нравственного потенциала и была связана с релятивизацией традиционных религиозных ценностей.² Она сопровождалась конфессиональными деструкциями, которые вводили религиозное пространство в состояние перманентного кризиса, выход из которого сопровождался его радикальной трансформацией.

Этно-религиозные конфликты лишь по форме напоминали прежнюю вражду, и являлась, прежде всего, результатом острых социальных противоречий, столкновением групповых интересов и борьбы за политическое и экономическое влияние в регионе. Усиливающийся раскол по конфессиональным и этническим линиям ослабил светский характер идеологии арабского национализма за счет его замещения идеями политического ислама и этно-конфессионального сепаратизма, которые приобретали все более радикальный характер под воздействием происходящих в регионе процессов.³

В 1970–1980 гг. под влиянием поражений в войне с Израилем и провала попыток «светских» арабских национальных прави-

² Малышева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы) / Отв. ред. Г. И. Мирский. М.: Наука, 1986. 229 с.

³ См.; Сарабьев А. В. К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.) (Публикация А. В. Сарабьева) // Религия и общество на Востоке. 2019, Вып. III. С. 22–69.

тельств добиться арабского единства усилился процесс исламизации арабского национального движения. Позиции сторонников исламского выбора особенно укрепились после победы исламской революции в Иране(1979), американской агрессии в Афганистан(2001) и Ирак(2003). Во многом этому способствовала деятельность мусульманских реформаторов, которые под влиянием происходящих перемен стремились проводить в жизнь идеи мусульманского обновленчества. Они пытались сделать их созвучными идеям реформаторов-модернистов светского и националистического направлений с тем, чтобы перепрограммировать секулярные идеи в богословском ключе и таким образом перехватить инициативу у светских националистов. Процессы глобализации и связанные с ними демократизация и реформы, основной вектор которых во многом определялся Западом, зачастую интерпретировались арабским общественным сознанием как попытка западных держав, прежде всего США, перекроить политическую карту Ближнего Востока и утвердить там свое господство. Подобное восприятие действительности объективно подкреплялось политикой США в регионе и эволюцией международных отношений на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что светский в своей основе процесс глобализации должен был усиливать тенденцию к секуляризации в арабо-мусульманском мире, на практике зачастую происходило обратное.

Соппротивление последствиям глобализации провоцировало активизацию исламизма и канализировало исламскую идеологию в русло поддержки движений социального и политического протеста. Некогда популярные идеи арабского национализма, панарабизма, основанные на представлении об арабах как единой нации постепенно теряли свою привлекательность в широких слоях населения арабских стран. Это было особенно заметно в условиях смены власти в арабских странах, борьбы за лидерство и передел собственности как внутри отдельных стран, так и на Арабском Востоке, в целом. Активизации движений политического ислама отчасти способствовали и светские арабские власти.

Несмотря на непримиримую борьбу, которую арабские правители вели с исламистами, они, как правило, не трогали религиозные учреждения (мечети, медресе и т. п.), в отличие от институтов светских оппозиционных движений, которые подвергались полному разгрому в случае прямого столкновения с властью. Устранив угрозу выступления наиболее радикальных отрядов исламского движения, власти, обычно, не покушались на остальную, куда большую часть финансовой и экономической инфраструктуры исламских институтов; их культовые и учебные центры, печатные издания, вакфную собственность. Наоборот, они зачастую поощряли их нередко за государственный счет в обмен на лояльность властям и легитимацию правящего режима. Поэтому в отличие от оппозиционных групп светского характера, исламские движения, даже уйдя в подполье, всегда сохраняли возможности возврата к активной политической работе. Используя в качестве агитационных пунктов и штабов мечети и медресе, они могли в короткие сроки обеспечить мобилизацию значительных масс населения и организовать финансовую поддержку своей деятельности через сеть исламских банков и экономических учреждений, чья собственность находилась на положении вакфов. Нередко некоторые запрещенные властями леворадикальные группы успешно использовали эти возможности, чтобы таким образом удержаться в политической ткани общества. Со своей стороны, представители не легализованных исламских движений активно участвовали в работе таких светских общественных организаций, как профсоюзы, различные общественные ассоциации, творческие объединения и использовали свое членство для проникновения в представительские органы власти.

Служившие на протяжении нескольких последних десятилетий секулярные идеи панарабизма, арабского национализма в качестве идеологической и легитимирующей основы правящих арабских режимов, не нашли своего практического воплощения.⁴ Арабские правительства не смогли решить главные

⁴ См.; Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока / ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1986. 238 с.

проблемы, — преодолеть экономическую отсталость, вернуть оккупированные территории, обеспечить создание палестинского государства, защитить арабские народы от внешней агрессии.

С другой стороны, представители политических движений ислама продемонстрировали возможность прихода в органы власти как мирным, демократическим путем, так и с помощью силы. Отставка правительства М. Морси в Египте в 2013 г. показала, что организации политического ислама не обладали возможностью долго удерживать власть, тем более способностью справляться с решением сложных внутри и внешнеполитических задач самостоятельно, без поддержки извне. Организации типа «Братьев-мусульман» (Египет, Сирия), «ХАМАС», «Исламский Джихад» (Палестина) «Хезболла» (Ливан) традиционно находились на положении оппозиции внутри своих стран. События в Палестине и Ливане показали, что исламисты сталкивались с активным неприятием со стороны правящего класса ряда ведущих арабских стран и Запада. Действительно, второй этап «Арабской весны» характеризовался выходом на политическую авансцену в ряде арабских стран движений «политического ислама». Они пытались реализовать свои партикуляристские цели, то есть навязать обществу исламизацию во всех сферах жизни. В то же время общественные силы, представлявшие либерально-демократические, националистические, левые движения, которые активно участвовали в свержении диктаторских режимов, не восприняли «исламский проект».

Эти факторы усиливали напряженность и раскол в обществе, Тем более, что социально-экономические проблемы в этих странах остались нерешенными и, более того, обострялись. Примером этого стало отстранение от власти президента — ставленника движения «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г. и успех светских политических сил на парламентских и президентских выборах в Тунисе в 2014 г.⁵ Исламские организации не обладали устойчивыми политическими позициями внутри своих стран и не пользовались согласованной поддержкой различных слоев

⁵ Долгов Б. В. Феномен «Арабской весны» 2011–2018 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. Российская Академия наук. Институт востоковедения. — М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 185.

общества.⁶ У них не было необходимого опыта государственно-го управления. Программы развития, учитывающие интересы большинства многоконфессионального и полиэтнического населения этих стран, только разрабатывались. Вероятность легитимации их власти была весьма сомнительна не только за рубежом, но внутри страны.

Опыт «ХАМАС» в Палестине и «Хезболлы» в Ливане показал, что руководители многих подобных организаций были вынуждены считаться с этими реалиями. Революционный путь прихода к власти представлялся им весьма рискованным. Как свидетельствовал опыт президентства М. Морси, в случае неудачи исламисты могли не только потерять власть, но и надолго оказаться на обочине развития своих стран. Поэтому они были склонны к диалогу с действующей властью и поддерживали идею правительств национального единства. Новая идеология политического ислама пыталась совместить национализм с идеями исламской демократии в качестве принципа государственного строительства. В этой связи пересматривались традиционные представления об исламской умме как общине единоверцев независимо от их национальной принадлежности.

Публичные выступления лидеров палестинского «ХАМАС», ливанской «Хезболлы», исламского сопротивления в Ираке, новые корректировки их политических программ и установок значительно в меньшей степени пропагандировали догматы исламской веры. Лидеры этих движений не говорили об установлении шариата как основы государственного управления. Они гораздо больше были озабочены положением в Судане, Ливане, Палестине и Ираке. Оставаясь в своей основе исламскими движениями, они выступали с национально-патриотических общеарабских позиций и защищали идеи социальной справедливости и равенства, которые формировались на секулярных, а не только религиозных основах. Лидеры исламских движений гораздо раньше, чем многие арабские руководители, осознали масштаб и глубину

⁶ Подробнее см.; Игнатенко А. А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70- первая половина 80-х годов). М, 1987. С. 49.

охвативших Ближний Восток перемен. Ряд исламских идеологов (египетский шейх Юсеф аль-Кардави, бывший глава туниской исламистской партии «аль-Нахда» Рашид Гануши) стремились приспособить ислам к демократии, «демократизировать ислам». Это заставляло их модифицировать оригинальные воззрения исламских идеологов, в основе которых лежали идеи создания исламского халифата.

В программных заявлениях большинства подобных организаций не шла речь о создании единого исламского государства в обозримой перспективе. Они призывали к созданию «исламского демократического государства» в существующих национальных границах. Большинство выступало за отказ от насилия как средства политической борьбы. Они осуждали терроризм, поддерживали принцип проведения свободных парламентских выборов, пересматривали идею божественности власти. Многие исламские движения шли на выборы с лозунгами «Ислам — это решение», «Ислам — это религия и государство».⁷ Действовавшие в Арабском мире националистические концепции, по принципу соотношения в них национализма и ислама, не позволяли на практике объединить усилия различных политических сил и движений региона исключительно на религиозной основе.

В концепциях «националисламистов», где превалировал светский элемент, ислам выступал как фактор национальной культуры, способный сыграть положительную роль в судьбах арабской нации. Понятие же уммы как религиозной общины и понятие нации были резко разграничены. С точки зрения реальной политики ислам представлял собой не столько цель, сколько средство для решения национально-государственных задач. С другой стороны, в концепциях «исламонационалистов» секуляризм хотя и оставался основой, однако ислам характеризовался как органическая часть арабской самобытности. Исламские националисты были склонны рассматривать арабов как часть мусульманской общины. В практическом же плане подчеркивался приоритет национальных интересов, поскольку по сравнению с исламом панарабизм толковался как система более открытая,

⁷ Восток, 2006. № 3. С. 78–79.

для которой не существовало конфессиональных границ. Лозунги принадлежности к общей арабской нации весьма неоднозначно воспринимались курдами в Ираке и Сирии, представителями малых народностей веками живущих в арабских странах и имевших общую с арабами историю и язык. Принцип равенства всех наций и этносов в исламе оставлял открытым вопрос о положении религиозных меньшинств, представителей различных толков в самом исламе и просто атеистов. В кругах интеллектуальной арабской элиты активно дискутировалась идея гражданства, предполагавшая равноправие всех граждан, как основы для объединения националистов и исламистов, ответ на межрелигиозную рознь.

Однако в условиях отсутствия подлинно гражданского общества в арабских странах такое решение проблемы представлялось нежизнеспособным. Рост движений политического ислама различного спектра остро ставил вопрос о возможной основе объединения идеи светского арабского национализма и исламизма для выработки новой идеологии наднационального характера. Возможно, различные националистические концепции должны были лечь в основу более сильной политической системы, которая могла защитить своих граждан, поддерживать внутренний порядок, обеспечить справедливость между различными группами населения. При таком устройстве национальные и религиозные меньшинства могли быть органически встроены в структуру этно-конфессионального государства, не обладая при этом какими-то особыми привилегиями и исключительностью своего статуса. Попытаться решить эту задачу могли только сами арабские правительства. Одним из примеров подобных попыток могли служить отношения некоторых отрядов политического ислама с властями Сирии и Египта.

§ 2. Режим и суфии в САР: пределы сотрудничества

Сирийский режим декларировал свою приверженность идеологии арабского единства с элементами социализма и опирался на мощную (более 1 млн членов) партийную организацию ПАСВ. Однако в интересах легитимации в превосходящем суннитском

окружении власть алавитского меньшинства должна была иметь в союзниках лояльное духовенство.

Суфии неплохо ладили с властью и представляли политический ислам, тесно связанный с режимом. Суфизм имел глубокие корни в Сирии и оказывал влияние на все страты сирийского общества.⁸ Большинство последователей суфизма проживали в крупных столичных центрах (Дамаск, Халеб). После прихода к власти ПАСВ и разгрома «Братьев-мусульман» (1980-е гг.) суфии заполнили идеологический вакуум в сирийском обществе. Движение не участвовало в политической борьбе. Среди его видных представителей были Ахмед Кефтару,⁹ М. С. Рамадан аль-Бути, Ахмед Хассун, Махмуд Окам. Некоторые отряды суфийского движения («Джамаат аль-Заид», «аль-Кубейсат») исповедовали идеологические воззрения отличные от официального суфийского толка. Тем не менее, их нельзя было охарактеризовать как политические партии или организации. После того как А. Кефтару стал в 1974 г. муфтием Сирии отношения суфиев с режимом заметно укрепились. Суфийские школы и учение быстро распространялись по стране.¹⁰

Шейх Рамадан аль-Бути сыграл большую роль в укреплении связей режима с суфизмом. Он был одним из авторитетнейших суфиев и служил профессором Дамасского университета на шариатском факультете.¹¹ Р. аль-Бути последовательно поддерживал режим в борьбе с «Братьями-мусульманами» и салафитами. В 1990-е гг. Р. аль-Бути стал одним из доверенных людей Х. аль-Асада в религиозной среде Сирии. После начала сирий-

⁸ Суфизм — ат-тасаввуф, мистическое учение в исламе. В XIV в. Баха эд-дин Накшбанд дополнил религиозно-философские воззрения суфизма, возведя генеалогию крупнейшего накшбандийского ордена к родству с двумя праведными халифами — Абу Бакром (духовно) и Али (физически).

⁹ Шейх Ахмед Кефтару (1915–2004) — курд по национальности, один из видных представителей религиозного истэблешмента Сирии. Принадлежал к накшбандийскому тарикату. Карьеру начал учителем религиозной школы Кунейтры. В 1946 г. основал институт «аль-Ансар» (12-летняя школа), а в 1951 году он стал муфтием (шафийтского направления) Дамаска. В 1971 г. основал религиозный комплекс Абу Нур. С 1974 г. муфтий Сирии.

¹⁰ Al-Haj, A. Abdurrahman al-Haj. Salafiya and salafists in Syria: from al-Islam to al-Jihad. Al-Jazeera Special Report. 20.05. 2013, p. 28–29 (in Arabic).

¹¹ Из бесед автора с сирийскими представителями. 1981–1982 гг. Дамаск.

ских событий он выступал в мечети Омейядов и осуждал действия протестантов. После смерти А. Кефтару муфтием Сирии стал А. Б. Хассун (1949, уроженец Халеба). В марте 2012 г. он издал фетву, которая давала сирийскому режиму право на джихад для защиты Сирии. Неоднозначные отношения режима с исламскими движениями не могли не сказаться на ситуации внутри суфийских организаций.

На рубеже 1990–2000 гг. отмечался рост фракционности среди высшего суфийского духовенства. «Джамаат аз-Заид» считалось одним из влиятельных суфийских движений основанных шейхом Абдулькаримом аль-Рифаи (1901–1973). Движение было названо в честь одного из сторонников Пророка Заида бин Табита, имя которого носила мечеть, где проповедовал А. аль-Рифаи. Группа избегала участия в политической деятельности. Она сосредоточилась на образовательной миссии в ходе лекций и проповедей. Особый акцент делался на этическом и духовном воспитании. Группа выступила с идеей превращения мечетей в университеты и создание альтернативного исламского общества через призыв к образованию.¹² В 1973 г. место умершего шейха занял его сын Усама. Группа продолжала следовать прежней ориентации в своей деятельности. Борьба режима с «Братьями-мусульманами» оказала влияние на ряд членов группы. Некоторые вовлеклись в вооруженную борьбу против властей. В 1980-х гг. режим нанес группе сильнейший удар. У. аль-Рифаи был вынужден уехать за пределы Сирии.¹³ Когда Х. аль-Асад взял курс на продвижение Башара во власть, ему потребовалось установить хорошие отношения с суннитскими группировками и заручиться поддержкой средних слоев городского населения, прежде всего, из числа представителей торговой буржуазии, которые считали У. аль-Рифаи своим шейхом. В середине 1990-х гг. Х. аль-Асад разрешил У. аль-Рифаи вернуться в Сирию. В течение нескольких лет группа смогла восстановить миссионерскую деятельность, создать сеть новых бла-

¹² Lofan, A. An Islamic Movement under the Shadow of a Military System: Damascus' Zaid Movement as a Model. In *Muslim Brotherhood*. Pp. 264–271.

¹³ Abdurrahman al-Haj. Ук. соч., с. 15.

готовительных обществ.¹⁴ Частный визит Б. аль-Асада в дом У. аль-Рифаи в 2002 г. усилил активность группы. Группа открыто не поддерживала режим, но следовала в русле его политической линии. Суфийские шейхи не осуждали народные протесты, не призывали людей расходиться по домам. В своих проповедях они нередко критиковали силовые акции режима по подавлению мирных шествий. Они поддерживали требования реформ и призывали к верхушечным переменам в стране.

После атаки правительственных сил в августе 2011 г. на мечеть, где проповедовал У. аль-Рифаи, его популярность в протестном движении выросла. Однако сам он был вынужден уехать из Сирии. Позднее У. аль-Рифаи открыто выступил в поддержку сирийской революции и оказывал ей помощь. В 2013 г. он принял участие в конференции «Мусульманских улемов» (Каир) в поддержку сирийской революции. Сайт группы “Sada Zaid” посвящал большинство своих публикаций поддержке сирийской революции. Некоторые члены «аль-Заид» вступили в вооруженные отряды.

Общество «аль-Кубейсат» зародилось в Сирии в 1960 гг. Его основатель Мунира аль-Кубейси (1933 г.р.) активно распространяла исламский призыв в САР. Она преподавала биологию в школе, а позже исламское религиоведение в одном из сирийских университетов. Общество «аль-Кубейсат» представляло собой феминистское движение, активно действовавшее в среде средних слоев населения. В 1990–2000 гг. общество приобрело сторонников из числа зажиточных горожанок Дамаска и других городских центров.

Общество работало исключительно с женщинами через хорошо отлаженную сеть домашних связей и религиозных учебных заведений. В работе упор делался на религиозном, духовном и морально-этическом обучении. Общество «аль-Кубейсат» имело свои отделения в Иордании, Ливане и других арабских странах, где открыло свои учебные заведения на основе суфийского вероучения.¹⁵ Просветительская деятельность общества была

¹⁴ Abdurrahman al-Haj. Ук. соч., с. 15–16.

¹⁵ Abdurrahman al-Hajj. Ук. соч., с. 16–18.

связана не столько с правами женщин, сколько сфокусирована на общих религиозных вопросах. Движение имело широкую сеть сторонников в различных слоях сирийского социума. В своей пропагандистской работе «аль-Кубейсат» делало акцент на религиозности и фикхе, что позволяло зажиточным людям найти определенный компромисс между духовной жизнью и характером их повседневного бытия.

Общество пользовалось поддержкой шейхов, близких к режиму, таких как А. Кефтару и Р. аль-Бути. После начала сирийских событий многие женщины поддерживали протестное движение. В тоже время роль «аль-Кубейсат» в сирийских событиях была крайне мала и незаметна. Суфийское движение, как организованная сила, практически не участвовало в вооруженной борьбе. Однако несколько молодых последователей шейхов присоединились к вооруженным отрядам исламистов (Катаиб аль-Сахаба, Лива Ахвад аль-Рсуль, Лива Халев аль-Хабус, Катаиб аль-Фуркан). Большинство членов этих отрядов были выходцами из Дамаска и его пригородов.¹⁶ Суфийские общества сыграли большую роль на этапе мирных протестных движений. Суфии уделяли больше внимания не политическим, а социальным аспектам восстания, занимались благотворительностью, оказывали населению гуманитарную помощь.

Несмотря на кризис, суфиям удалось сохранить свои позиции в Халебе и Дамаске на базе ряда мечетей и благотворительных обществ. Общим приоритетом для всех суфийских движений является построение в Сирии новой политической системы на основе умеренного ислама. Сирийские суфии могут принять активное участие в политической борьбе, чтобы повлиять на идеологический и политический выбор будущей Сирии.

¹⁶ Arabi Press, 27 December 2012, <http://www.arabi-press.com/?page=article&id=57716><http://www.youtube.com/watch?v=Kr0oNuRdLYs> (дата обращения: 20.01.2013). На араб. яз.

§ 3. Государство и исламисты в Египте и Сирии

В *Египте* начиная с 1970-х гг. правительство проводило политику «исламизации сверху», пытаясь вывести за рамки политического процесса радикальных исламистов и одновременно взять под контроль умеренных представителей исламского движения.¹⁷ Существенно расширилась сфера влияния государства на деятельность министерства вакфов, мечетей, медресе. В рамках этой политики власти выстраивали свои отношения с самым влиятельным исламским движением Египта «Братьями-мусульманами».

Несмотря на то, что в Египте деятельность «Братьев» была запрещена, власти фактически закрывали глаза на благотворительную, просветительскую и социальную работу членов организации. Они печатали книги и брошюры, налаживали широкую сеть социальной помощи по всей стране.¹⁸ В глазах правительства тактика сближения с «Братьями» была оправдана стремлением властей удерживать настроения египетской улицы в определенных рамках. Однако все попытки лидеров организации добиться легализации наталкивались на неизменный отказ властей. В декабре 2003 г. в ходе довыборов депутатов парламента представители «Братьев-мусульман» не были допущены к выдвижению своих кандидатур в ряде округов.

В январе 2004 г. к руководству организацией пришел М. Акеф. Он считался одним из наименее консервативных лидеров организации. Многие его высказывания и действия наглядно свидетельствовали о его «реформаторской ориентации». Сразу же после избрания М. Акеф взял курс на сближение с правительством. В организации усилилось влияние молодого поколения «Братьев», стоявших на позициях «либерально-реформаторского» толка. За последние десятилетия социальный облик египетских исламистов сильно изменился. В рядах исламистов значительно

¹⁷ Подробнее о египетских исламистах см.: Наумкин В. В. Египетские исламисты в конце 80-х годов // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В. В. Наумкин, С. Х. Кями-лев. М.: Наука, 1989. С. 103–114.

¹⁸ М. Ф. Видясова, М. Ш. Умеров. Египет в последней трети XX века. М., 2002. С. 221.

увеличилось количество молодых людей в возрасте до 30 лет. Из них почти половина имели высшее образование. Они выступали против применения насилия, за проведение реформ внутри организации, отказ от ставки на старшее поколение, усиление работы в профсоюзном и молодежном движениях. Деятельность организации приобрела активный и наступательный характер. «Братья-мусульмане» стремились обеспечить себе легальные условия для ведения политической работы. Они укрепляли свои позиции в профсоюзах, государственных учреждениях, университетах, местных органах власти для проникновения в парламент и правительство, силовые структуры.

К концу 1990-х гг. исламисты составляли большинство в руководстве ведущих профсоюзов и общественных ассоциаций Египта: адвокатов, врачей, инженеров, преподавателей университетов и т. д. Прошедшие в 2003 г. выборы в правление профсоюзов адвокатов и журналистов показали, что исламисты пользуются большим авторитетом среди рядовых членов профсоюзов. В августе 2004 года организация выступила с инициативой проведения реформ в Египте. Инициатива «Братьев» активно рекламировалась в официальных СМИ и была поддержана различными партиями Египта. На этой основе лидеры организации выразили готовность сотрудничать с властями. В свою очередь, власти посредством организации так называемого «национального диалога» стремились расширить социальную базу режима. Х. Мубарак и его ближайшее окружение рассчитывали, что «Братья», получив места в парламенте, окажут поддержку президентскому курсу, в том числе и в вопросах преемственности власти. В то же время египетское руководство по-прежнему рассматривало «Братьев-мусульман» как своего политического соперника и сдержанно относилось к перспективе трансформации организации в политическую партию. Режим опасался, что в борьбе за власть «Братья» не остановятся перед использованием насильственных методов. Поэтому в отношениях с «Братями» власть стремилась проводить политику «кнута» и «пряника»: то, делая шаги навстречу исламистам, то периодически проводя аресты.

Осенью-зимой 2003 года силы безопасности ликвидировали несколько группировок исламистов и арестовали активистов ор-

ганизации в Александрии, ряде других городов Египта. В 2007 г. внесенные в египетскую конституцию поправки запретили создание партий на религиозной основе. В итоге на парламентских выборах 2010 г. независимые кандидаты от «Братьев» не прошли в парламент. Противостояние «Братьев» с властью привело к расколу внутри движения. Однако это никак не сказалось на активной работе «Братьев» в социальной среде. Благотворительная деятельность организации обеспечивала ей поддержку малоимущих слоев населения Египта, которые, по разным оценкам, составляли около 49% населения страны.

Накануне египетской революции в Каире действовало несколько сотен благотворительных организаций связанных с «Братями». Развитие политических процессов в Египте повлияло на изменение характера взаимоотношений власти с исламистами. Одним из первых декретов Высшего военного совета Египта после победы революции стал декрет о разрешении партии «аль-Васат». Эта партия в течение последних 11 лет активно добивалась легализации. Но власти не давали ей официальной регистрации, несмотря на то, что она неоднократно меняла свою партийную программу и названия. Египетские спецслужбы хорошо знали, что данная партия вышла из рядов запрещенной организации «Братьев-мусульман». В условиях революционного Египта «Братья» смогли официально легализоваться в партию Свободы и справедливости (ПСС). Создали свою партию и салафиты, которых было принято считать одним из радикальных течений в исламе. Любопытно, что на проходивших 28 ноября 2011 года в Египте парламентских выборах «Братья» и салафиты получили около 41% и 25% голосов соответственно, то есть фактически 2\3 мест в новом составе египетского парламента. При этом избиратели продемонстрировали небывалую для Египта политическую активность. Опора на исламскую идеологию являлась определенным залогом выживаемости «Братьев» в египетском социуме, для которого ислам служил базовым элементом национальной идентичности. Характерно, что после победы революции в Египте в организации развернулась острая дискуссия по вопросам, связанным с участием «Братьев» в политике в качестве легальной партии, ее целях, задачах, методах рабо-

ты и т. п. В конечном счете было принято решение, что «Братья» создают свою политическую партию, которая имеет исламскую основу, но снимает ряд ограничений установленных религией на участие в партии женщин, представителей других конфессий, светских политиков. Менялись также и программные установки партии. Иными словами «Братья» шли в парламент как политическая партия, чтобы заниматься исключительно политикой. При этом религиозная структура «Братьев» — Ассоциация продолжала свою просветительскую и общественную работу в стране, не будучи связанной с новой политической партией. «Братья» также заявили об отказе выдвигать на ближайших президентских выборах своего кандидата и исключили из рядов организации несогласных с этим решением.¹⁹

В **Сирии** «Братья-мусульмане» являлись одним из старейших исламских движений в стране. Сирийское отделение организации было создано в 1945 г. В 1950-е годы движение вело активную политическую работу и было представлено в правительстве под руководством своего основателя и лидера Мустафы аль-Сibaи. Приход к власти Х. аль-Асада и инициированное им в 1970 г. «исправительное» движение (смена облика режима-А. В.) стали поворотными моментами в отношениях «Братьев» с режимом.²⁰ В этот период активно заявил о себе вооруженный отряд «Братьев» — «Аль-Талиа аль-Мукатиля (Боевой авангард)». После атаки «Боевого авангарда» на военные казармы в Халебе (Алеппо) в 1979 г. был принят закон № 49, согласно которому за принадлежность к организации предусматривалась смертная казнь. В 1982 г. режим использовал танки для подавления восстания «Братьев-мусульман» в г. Хама. После ликвидации членов «Братства» в военной тюрьме Пальмиры, организация приняла «Хартию вооруженной исламской революции».

¹⁹ Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. ИИИИБВ. М., 2003.

²⁰ Salah Nayouf. "Political Islam in Syria: a Knowledge Map" in "The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect an the Violence of the Movement". Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, pp. 26–47.

В 1980-х гг. на территории соседнего Ирака движение создало боевые тренировочные лагеря, куда стекались члены организации.²¹ Позиция режима в отношении исламистов носила двойственный характер. Внутри страны власть подавляла исламистов. На внешней арене Дамаск по политическим соображениям развивал отношения с радикальными исламистскими организациями типа ХАМАС, «Исламский Джихад», «Хезболла». Подобная религиозная политика была чревата конфессиональной деструкцией и внутренней дестабилизацией. Сирийско-израильские мирные переговоры привели в начале 2000 г. к выступлениям исламистов в Сирии и Ливане. Специальные подразделения ВС САР сражались в пригородах Дамаска, Алеппо и Хомса с исламскими радикалами, выступавшими против переговоров с Израилем. На севере Ливана исламисты из организации ваххабитского толка «аль-Такфир ва-ль-Хиджра» вели упорные бои с ливанской армией и сирийским воинским контингентом. Режим пытался сдержать эволюцию конфессионального пространства в опасном направлении.

Несмотря на это, в Сирии отмечалась тенденция к исламизации и политизации верующих, главным образом, суннитов. Поскольку идеологические скрепы мобилизационной модели общества давали сбой, власть решила использовать «умеренный» ислам как инструмент манипуляции общественным сознанием. В гражданских структурах власти не было специального органа, который занимался исламской проблематикой. Министерство вакфов курировало экономическое бюро ПАСВ, где вырабатывалась общая линия в отношении ислама. Принятые установки реализовывались через обкомы и горкомы партии, Совет министров, профсоюзные комитеты.²²

В середине 1990 гг. президент издал указ об освобождении около 2500 политических заключенных. Большинство принадлежало к группировке «Братья-мусульмане». После 13-летней ссылки был помилован верховный контролер «Братьев-мусульман» Абдель Фатах Абу Гуда. В своем обращении к сирийскому пре-

²¹ Salah Nayouf. Ук. соч., с. 8–41.

²² Ближний Восток и современность. Вып. 7. М., 1999, с. 14–15.

зиденту Абу Гуда заявил, что хочет вернуться на родину как рядовой гражданин и поддерживает политику руководства Сирии. Это обращение послужило определенным сигналом для «Братьев» к нормализации отношений с Дамаском. В июне 1997 г. иорданский филиал «Братьев» высказался за возвращение членов организации в САР на предложенных сирийским руководством условиях (отказ от политической деятельности, запрет партии и собственного печатного органа, публичное покаяние за прошлую деятельность). Удалось наладить контакты с лидером саудовского филиала «Братьев» Хасаном аль-Хувейди, известным своей умеренной позицией в религиозных вопросах.²³ Определенный прогресс наметился в переговорах с лидером, созданного в феврале 1990 г. в Париже проиракского Национального фронта спасения Сирии Аднаном Саадэddином. Х. аль-Асад пытался создать исламскую партию, интегрированную в официальную политическую структуру (ПНФ). Опыт выборов в Народное Собрание (парламент) САР 1994 г. показал, что большинство «независимых» кандидатов опирались на поддержку улемов, финансировавших их выборную кампанию из неподотчетной государству вакфной казны. Однако, верховный муфтий САР Ахмед Кефтару, а также М. Шейхо и Р. Бути высказались против подобной идеи. Возможно, они опасались обвинений в неприкрытом сотрудничестве с «алавитской» властью, которая неоднозначно воспринималась в массовом суннитском сознании.

После ухода в 1996 г. со своего поста Х. аль-Хувейди и кончины в феврале 1997 г. Абу Гуды режим утратил важный канал воздействия на «Братьев». К руководству саудовским филиалом пришли экстремистки настроенные лидеры в лице Али Садруддина аль-Байнуни.²⁴ Одновременно, в политическом дискурсе начинает появляться религиозная риторика. Число вновь построенных мечетей и медресе в 1990-х гг. приблизилось к 3 тыс. Светская составляющая национальной идеологии все больше отходила на задний план. В общественных местах заметно увеличилось число женщин в хиджабах. На полках книжных магази-

²³ Аль-Васат, 16.03.1997.

²⁴ Аль-Васат, 16.03.1997.

нов появились сочинения религиозного характера. Религиозные учебные заведения становились центрами обработки населения. Во второй половине 1990-х гг. на шариатском факультете Дамасского государственного университета (ДГУ) обучалось около 4 тыс. студентов. В стране действовал исламский колледж и школа при мечети Абу-Нур в Дамаске, другие духовные учебные заведения. В середине 1990-х гг. участились случаи завуалированной критики властей в ходе пятничных проповедей в некоторых мечетях.

Приход к власти в САР Б. аль-Асада внес определенные коррективы в отношения режима с исламскими организациями. Ряд лидеров зарубежной исламской оппозиции обратились к Б. аль-Асаду с предложением начать диалог о национальном примирении и возвращении в Сирию. Большинство сирийских «Братьев» отреклись от насилия как средства политической борьбы. В ноябре 2000 г. Б. аль-Асад распорядился выпустить из сирийских тюрем около 400 членов организации.²⁵ Наиболее важный документ был принят «Братьями-мусульманами» в 2004 году. В нем нашли отражение взгляды организации на будущую Сирию. В документе отмечался постепенный сдвиг идеологии организации в сторону демократии, плюрализма, сменяемости власти, защиты меньшинств, уважения прав человека и гражданских свобод.²⁶ Ссылка на приверженность религиозным принципам носила формальный характер и могла трактоваться, как обязательный элемент, программы исламистских организаций Леванта.

Большинство действовавших в стране обществ и движений, так или иначе, связывали с «Братьями». Ассоциация сирийских улемов (Мухаммед Али аль-Сабуни), литературное общество «аль-Шам» (Абдулла аль-Тантави) придерживались позиций умеренного ислама, и занималась просветительской деятель-

²⁵ Najib Ghadbian. "The Syrian Islamic Movement and the Prospects for Democratic Transformation," in "The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the Movement". Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, pp. 71–86.

²⁶ Подробнее о взаимоотношениях режима и «Братьев-мусульман» в период правления Б. Асада см; Владимир Ахмедов. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., 2010, с. 49–57; 74–91.

ностью. Одним из значимых общественных движений была организация «аль-Ватан». Эта некоммерческая общественная гражданская организация была зарегистрирована в Великобритании.²⁷ В ее состав входили несколько различных организаций («аль-Райан», «Джабаль ал-Хурайя», «Хурият», «аль-Хэйр»), которые вели благотворительную и просветительскую работу. После разгрома мятежа 1970–1980 гг. «Братья» так и не смогли полностью восстановиться. Несмотря на это, режим опасался, что политически легализованное движение «Братьев-мусульман» могло составить конкуренцию ПАСВ и выставить своего кандидата в президенты. «Братья-мусульмане» долго колебались, прежде чем заявить о своем участии в движении протеста. Сирийские «Братья» были внутренне расколоты, малочисленны. Организация была подвержена структурной эрозии. Многие ветераны движения испытывали комплекс «чужого» в Сирии. Непрерывающаяся в течение последних десятилетий борьба идей и конфликт «отцов и детей» дестабилизировали внутренне единство организации.

В канун сирийских событий 2011 г. во главе сирийских «Братьев-мусульман» встал Мухаммед Рияд аль-Шакафа. Протестная деятельность «Братьев-мусульман» проходила в основном в зарубежной сирийской диаспоре и наиболее ярко проявлялась в информационном поле. Несколько молодых членов организации создали сайт, где обсуждались последние новости из Сирии. Одним из таких молодежных объединений была группа Обадиа аль-Нахаса (директор лондонского «Orient Center») и Ахмада Рамадана. Группа приняла активное участие в разработке оппозиционной политической платформы Сирийского национального комитета (СНК).²⁸ В 2012 г. СНК вошел в состав созданной в Дохе Сирийской национальной коалиции революционных и оппозиционных сил (СНКРОС). Эта была инициатива

²⁷ Aron Lund, "Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria." The Muslim Brotherhood in a New Syria http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf May, 2013 (дата обращения: 14.06.2022).

²⁸ The Muslim Brotherhood in a New Syria http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf May, 2013 (дата обращения: 17.02.2021).

ряда западных «друзей Сирии», которые стремились подрвать растущее влияние «Братьев» в СНК.²⁹

Несмотря на то, что «Братья-мусульмане» всячески стремились снизить свое участие в рядах сирийской зарубежной оппозиции, их постоянно обвиняли в стремлении доминировать в этих группах. Представители организации подчеркивали, что ее члены занимаются исключительно оказанием финансовой и логистической поддержки вооруженной оппозиции и не имеют собственных боевых отрядов. Когда один из видных представителей движения М. Тайфур рассказал о связях организации с Комитетами защиты революции, М. Р. аль-Шаква отверг причастность «Братства» к деятельности Комитетов. Комитеты провели большую конференцию в Стамбуле, в работе которой приняли участие радикально настроенные члены организации (С. аль-Баянуни). В состав Комитетов входили отряды, которые носили название «щиты». Они имели свои представительства в различных районах Сирии. На их эмблеме были изображены мечи, голубь и оливковая ветвь. Этот символ напоминал эмблему «Братьев», на которой изображены два меча разделенные Кораном. Комитеты провозгласили своей целью создание новой профессиональной сирийской армии.

Идеологические установки Комитетов отличали их от других исламистских организаций, которые поддерживали создание исламского государства в Сирии. Некоторые члены организации сражались в составе исламистских отрядов, объединенных под знаменем Фронта освобождения Сирии. В 2012 г. «Братья» создали «Ассамблею батальоны мира», куда вошли «Армия Абдулфаттах Абу Гуды», которая сражалась в старых кварталах Халеба. Они также поддерживали и другие вооруженные отряды типа «Щит аш-Шахба», действовавшие в Идлибе, Халебе и ар-Ракъа. В 2013 г. «Братья» реформировали сирийский филиал. Опора была сделана на старых проверенных членов-подпольщиков. Их попросили начать деятельность с распространения исламского призыва (аль-дава) среди тех, у кого родственники были

²⁹ Вывод, сделанный автором из бесед с Джоном Вилксом (Jon Wilks) специальным представителем правительства Великобритании в СНКРОС. Москва, 2012–2013 гг.

убиты или пропали в тюрьмах. Некоторых удалось вернуть в организацию, и ее численный состав вырос. В 2013 г. в Халебе было открыто первое официальное отделение «Братьев-мусульман». Другое отделение открылось в Хаме. Был создан Исполком организации в составе 22 человек (из них 2 женщины), большинству из которых было от 40 до 60 лет.³⁰

Состояние внутренней разбалансированности сирийских «Братьев» было хорошо видно на примере взаимодействия отделений в Халебе и Хаме. Руководители в Халебе старались восстановить позиции в городской среде и расширить присутствие в Исполкоме за счет привлечения туда женщин и молодежи. Однако они сталкивались с несогласием, соперничеством со стороны своих коллег в Хаме. Оба филиала испытывали трудности с привлечением в организацию молодежи, которая имела за спиной боевой опыт. В августе 2013 г. в Стамбуле прошел первый организационный съезд партии «аль-Ваад».³¹ В состав нового руководства партии вошли представители левых организаций и христианских общин. Одним из основателей «аль-Ваад» был Мухаммад Хикмат Валид. Уже через год деятельность партии в Сирии была свернута. Свою работу она возобновила только в 2019 г. на территории Турции.³²

В 2014 г. при поддержке Турции в Гази Антаб было сформировано временное правительство «Братьев», которое должно было развернуть работу на севере Сирии при поддержке вооруженного отряда «Фейлак аль-Шам». Однако непрерывные разногласия и соперничество внутри организации помешали осуществлению этих планов.³³ В начале 2023 г. после долгих споров и подковер-

³⁰ Abdurrahman al-Haj, *Op. cit.*, pp. 9–12.; <http://syrgccp.net/>.

³¹ Аль-Ваад — арабский акроним Родина, Справедливость, Демократия (аль-Ватан, аль-Адаля, аль-Димукратья). аль-Ваад — буквальный перевод с арабского, — Обет.

³² Аль-ихван сурия..укуд- мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади (Сирийские братья..десятилетия разногласий и отказ от принципов)..29.08.2022. <https://24.ae/article/718855/> (дата обращения: 04.05.2023). На араб. яз.

³³ Аль-ихван сурия..лимаза-юкираху-аль-харас-аль-кадим-шабаб-аль-джамаа(Сирийские братья..зачем старая гвардия угнетает молодежь организации)..01.11.2022<https://al-ain.com/article/syrian-brotherhood-division> (дата обращения: 12.03.2023). На араб. яз.

ной борьбы был избран новый состав Консультационного Совета.³⁴ На пост Генерального контролера организации утвердили кандидатуру Амера аль-Бусаляма. Он заменил М. Х. Валида, который руководил «Братьями» с 2014 г. Как следует из заявлений А. аль-Бусаляма, организация намерена принять активное участие в политической жизни посткризисной Сирии.³⁵ Основной целью «Братьев-мусульман» является возврат в легальное политическое пространство Сирии. А. аль-Бусаляма подчеркнул, что «Братья» выступают за сотрудничество со всеми политическими силами в поисках справедливого политического решения в Сирии. На деле сирийские «Братья-мусульмане» имеют потенциально неплохие шансы для выполнения указанной задачи. Организация пользуется неизменной поддержкой Анкары, многие члены «Братства» находятся на турецкой территории. В рамках сирийско-турецкой нормализации и процесса возвращения сирийских беженцев Турция попытается использовать человеческий потенциал «Братьев» для укрепления своих позиций в Сирии. Иран имеет неплохой опыт взаимодействия с организацией и ее филиалами в арабских странах, в том числе и в Сирии. Нельзя исключать, что Тегеран рассматривает вариант поддержки сирийских «Братьев-мусульман» как еще одного отряда в цепи исламского сопротивления, подобно ХАМАС.

Политические перспективы сирийских «Братьев» зависят от того удастся ли им преодолеть внутренний раскол и добиться эффективной координации со своими зарубежными филиалами.

Акиль Х. Интихабат-маджлис- аль-шаурий-ла-тахса-хавия-аль-муракиб-аль-ам..ма-хия-хиярат-ихван-сурия (выборы консультационного совета не определили кандидата на пост генерального контролера..какие варианты есть у сирийских братьев).13.12.2022.https://orient-news.net/ar/news_show/200877 (дата обращения: 04.02.2023). На араб. яз.

³⁴ Акиль Х. Интихабат-маджлис- аль-шаурий-ла-тахса-хавия-аль-муракиб-аль-ам..ма-хия-хиярат-ихван-сурия (выборы консультационного совета не определили кандидата на пост генерального контролера..какие варианты есть у сирийских братьев).13.12.2022.https://orient-news.net/ar/news_show/200877 (дата обращения: 04.02.2023). На араб. яз.

³⁵ Аль-ихван сурия: ширака-ва-нуамин-биль-халь-ас-сиясий-бейна-джамиа-атраф-аль-муадаля(Сирийские братья: партнерство.., мы привержены справедливому политическому решению всех сторон).04.02.2023.<https://www.almodon.com/arabworld/2023/> (дата обращения: 04.06.2023). На араб. яз.

Несмотря на индивидуальные достижения членов организации, успех сирийских «Братьев» будет зависеть от налаживания коллективной работы и омоложения личного состава организации. Сущностное содержание идеологической платформы «Братьев» не сильно изменилось. Однако ее политическая артикуляция стала гибче и актуализирована с учетом последних сирийских реалий. В тоже время многие в Сирии, особенно представители конфессиональных меньшинств сомневаются в искренности «Братьев» в случае их возвращения в политику.

Глава 5. Армия и органы безопасности в контексте эволюции военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке

Армия сыграла большую роль в современной истории стран Ближнего Востока. В последние десятилетия военные были фокусом арабской политики, находясь в центре механизма принятия решений. Особенности военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке во многом определяли специфику развития основных политических процессов в регионе.

§ 1. Армия, общество, религия: АЛГОРИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На рубеже 1950–1960-х гг. в государствах Ближнего Востока происходил процесс активного **приобщения армии к политике**. Военные вышли за рамки своих обычных функций, и начали мыслить о себе как о политической силе.¹ Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти. Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. В большинстве стран Ближнего Востока помимо поддержания стабильности и порядка в стране, армии вменялось служить защитой режима, находящегося

¹ Подробнее о причинах этого см.: Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М.: Гуманитарий, 2008.

ся у власти. Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер активности армии как субъекта политики.

Выступления военных почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки, и правящий режим оказывался под угрозой. Похожую ситуацию можно было наблюдать на разных этапах исторического развития Египта, Сирии, Ирака, Алжира.² Относительная самостоятельность являлась имманентным свойством армии как надстроечного института в афро-азиатских обществах. На переломных этапах развития ближневосточных государств относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность. Особенности классовой структуры ближневосточных государств определили высокий удельный вес в обществе промежуточных и средних социальных слоев. В их число входило и офицерство, которое опираясь на вооруженную силу, имело возможность воздействовать на политику страны. Таким образом, сложилась традиция вмешательства армии в политику стран Ближнего Востока.³

Армия не всегда служила слепым орудием в руках правящих классов, а при определенных обстоятельствах могла взять на себя «революционную инициативу». Примером этого может служить роль военных в Египте в январе 2011 г.⁴ Одной из важных задач независимых арабских правительств являлось установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику.⁵ Речь шла о максимально возможной деполитизации армии.⁶ Однако данная схема военно-гражданских отношений могла быть успешно примене-

² Подробнее об этом см.; Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ахмедов В. М. М.: ИИИиБВ, 2002.

³ Мирский Г. И. «Третий мир». Общество. Власть. Армия. М., 1976, с. 4.

⁴ Подробнее см.; В. М. Ахмедов. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2012, с. 72–91.

⁵ Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. — Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991, p. 269.

⁶ Nordlinger E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs. New Jersey. 1977, p. 12.

на на практике при соблюдении ряда условий. Гражданские политики должны были с уважением относиться к армии. Они не вторгались в сферу профессиональных интересов военных. Не использовали армию в качестве средства для приобретения политических преимуществ. В случае соблюдения гражданскими политиками указанных правил, офицерский корпус имел мало оснований для вмешательства во внутривнутриполитические дела. В теории «либеральная» модель представляется наиболее эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике сами гражданские нередко нарушали этику поведения в отношении военных. Они стремились контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов.

Подобное поведение гражданских властей формировало мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии.⁷ Укоренение в общественном сознании культуры «гражданской этики» во многом зависело от высокого авторитета гражданских правителей в армейских кругах. Однако в силу неспособности многих руководителей завоевать такой авторитет, с одной стороны, и завышенных ожиданий военных в отношении политиков, с другой, в большинстве развивающихся стран правящие режимы не получали устойчивого одобрения со стороны армии. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и политработников. В результате достигалась схожесть политического мировоззрения гражданских служащих и военных, что снимало потенциальную угрозу возникновения конфликта между ними.

Наряду с профессионализмом и личными качествами, политический конформизм определял продвижение по службе в армии. Данный метод требовал разработки строгой системы контроля, проверки и наказаний. Повышалась роль спецслужб

⁷ Nordlinger E. A. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs. New Jersey. 1977, p.13.

в армейской среде, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могла служить Сирия периода правления Х. Асада (1970–2000 гг.).⁸ Такая модель могла быть успешно реализована в государствах с особым характером режима личной власти, либо жестко централизованного однопартийного руководства. В государствах, где наличествовали различные центры силы, многопартийность, действовал принцип разделения властей, было возможно лишь одновременное установление гражданского контроля над армией и внедрение политической идеологии, что являлось неприемлемым для военных. Любые попытки применить данную схему в таких государствах, неизбежно вели к расколу офицерского корпуса и конфликту между военными и гражданскими.

В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался смешанный тип гражданского контроля. В условиях, когда в течение последних десятилетий у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее речь могла идти о политическом контроле над армией в целях обеспечения стабильности режима.⁹ Противоположностью гражданского контроля являлось вмешательство армии в политику, которое в западной политологии нередко обозначалось термином «преторианство».¹⁰

На практике это означало проведение военными в жизнь собственных политических решений с использованием силы или угрозы ее применения. Но участие военных в политике не исчерпывалось столь крайними мерами. Оно могло протекать

⁸ См.; Ахмедов В. М. Армия и политика в современной Сирии. Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ахмедов В. М. М.: ИИИиБВ, 2002. с. 153–188.

⁹ См.; Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. Офицерский корпус ближневосточных государств. Сб. статей. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 3–23.

¹⁰ Nordlinger E. A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs. New Jersey. 1977, p.2–3

в более умеренных формах, в рамках, действовавших в данном обществе законов и норм. На деле, вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывает никаких сомнений, обладают значительным политическим влиянием. Его источниками являются уже само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она наделена для выполнения возложенных на нее задач. Национальные особенности и религиозные предпочтения населения отражались на их отношении к военному делу. Они оказывали влияние на порядок комплектования войск, способ их боевых действий, на боеспособность и боевые качества личного состава, моральный дух армии, его специфику. Так, консолидация и конституирование наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной и постоянной мотивацией активности военных, влияли на содержание военной политики государств. Однако указанные показатели не оставались неизменным, и в процессе развития утрачивали одни и приобретали другие особенности.¹¹

В большинстве современных армий в основе мотивации поведения личного состава лежала та же идеология, которую государство использовало в качестве инструмента мобилизации остальных своих граждан. В последние два столетия основным типом идеологии, который использовался в большинстве государств, как для определения коллективной идентичности армии, так и для мобилизации общества служил национализм.¹² Некоторые государства использовали для мобилизации своего населения политические идеологии прошлого столетия. Такие как коммунизм, социализм, либерализм, либо теократические идеалы. В тоже время, как правило, сочетание политической идео-

¹¹ В качестве примера см.; Ахмедов В. М. Алавиты в социально-политической системе САР. Азия и Африка. Взаимодействие региональных и глобальных тенденций. Колл. мон. Отв. ред. А. М. Хазанов. М.: ИВ РАН, 2020, с. 71–86.

¹² Charles C. Moskos. Towards a Postmodern Military. In Stuart A. Cohen ed., *Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context* (London: Franc Cass, 1999), p.18).

логии и национализма зачастую определяло тип национализма используемого государством.¹³

В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики ближневосточных государств мог оказывать и личностный фактор. Политическая воля руководства страны, в том числе крупных военачальников выступала в арабских странах в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. В зависимости от характера и природы правящей элиты, выдвигающей того или иного лидера, на одной и той же объективной основе мог утвердиться разный военно-политический курс. Выбор военной силы и бескомпромиссной борьбы в защиту своих действительных или мнимых ценностей. Либо принятие гибкой тактики поэтапных уступок, маскируемых, как правило, в виде компромиссов по ходу мирных переговоров, для того, чтобы избежать военного столкновения.

Роль религии в армии определялась характером правящего режима и его идеологией. В тоже время такая связь не являлась безусловной. В Турции, Египте, Сирии, Ираке власти старались придерживаться светских принципов государственного устройства. В вооруженных силах Египта, публичное исполнение религиозных ритуалов происходило только во время главных мусульманских празднеств. При А. Садате религия на короткое время стала неотъемлемой частью армейской жизни. Генералитет отмечал мусульманские праздники вместе с религиозными деятелями. В текстах выступлений военных руководителей содержались многочисленные ссылки на Коран и воззвания к Аллаху.

При президенте А. Садате исламские ценности рассматривались как составная часть военных ценностей, и приверженность им могла способствовать продвижению по службе. В одном из номеров армейской газеты «аль-Наср» за 1979 г. на первой полосе была помещена фотография шейха аль-Азхара, который обратился с проповедью со страниц этой газеты. Глава аль-Азхара

¹³ Fred Halliday. The Nationalist Debate and the Middle East. In Middle Eastern Lectures No.3, Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999, p. 27.

подчеркнул, что в сердца военных должно внедрять принципы и ценности ислама.¹⁴ После убийства А. Садата исламскими фанатиками и прихода к власти Х. Мубарака заигрывание с исламистами прекратилось. Несмотря на это публичные проявления религиозных настроений в армии с участием высших офицеров по-прежнему продолжались и являлись важным элементом армейской жизни. В феврале 1996 г. Х. Мубарак и высшие армейские чины приняли участие в молитве в мечете «Аль-Мубарак». Государство поощряло публичное участие военных в религиозных праздниках, но воздерживалось от того, чтобы превратить религию в составную часть официальной армейской практики, как это было сделано при А. Садате.¹⁵

В Сирии Х. аль-Асад не ассоциировал себя с исламом в чисто армейском контексте. В тоже время он вместе с высшими офицерами отмечал религиозные праздники. Позиционирование Х. аль-Асада как образцового мусульманина в армейской печати представляло собой попытку преодолеть разрыв между алавитским меньшинством и суннитским большинством в армейских структурах.¹⁶ Х. Мубарак как мусульманин-суннит не видел необходимости постоянно доказывать в армейской среде свою приверженность исламу в отличие от Х. аль-Асада, который жестоко сражался с суннитской оппозицией. Подобный порядок сохранялся и в вопросах использования ислама в моральной подготовке солдат и офицеров. При А. Садате ислам играл немалую роль в процессе подготовки солдат и офицеров и фактически игнорировался при Х. Мубараке. Публикации в армейской прессе в основном касались моральных аспектов ислама. В них приводились отдельные цитаты из Корана с объяснением ряда положений шариата. В некоторых материалах речь шла о канонических различиях между законами, касавшимися взаимоотношений в обществе между людьми (му'амала) и отношениями между человеком и Аллахом ('ибада).¹⁷

¹⁴ Ан-Наср, 1979. №№ 415, 477, 478.

¹⁵ Аль-Наср, № 623, май 1991, с. 15–16.

¹⁶ Аль-Джейш, № 1854, 1 июля, 1999, с. 4.

¹⁷ Аль-Наср, № 725, ноябрь 1999, с. 26.

В Египте расходы на хадж (паломничество в Мекку, Медину) несло министерство обороны, в том числе не только для военных, но и гражданского персонала. Гражданские должны были выиграть конкурс в заучивании стихов Корана. В подразделениях сирийских вооруженных сил разрешалось присутствие представителей духовенства для исполнения необходимых религиозных ритуалов в случае смерти солдат на поле боя. В иорданской армии существовало специальное управление, следившее за соблюдением норм религии. Во главе этого управления находился муфтий в ранге бригадного генерала. Отношение к вопросам религии в армейской прессе сильно отличалось от того, что писали обычные СМИ. Однако в той мере, в которой армия оказывалась вовлеченной в политику, военные издания обращались к проблемам религии, наряду с другими вопросами гражданского общества. Газета «аль-Наср» лишь косвенно связывала террористические акты в Луксоре (Египет, 1997) с исламом, религиозными силами, и рассматривала их с точки зрения обычной морали.¹⁸

В то же время, армейская печать уделяла серьезное внимание борьбе с фундаментализмом, и ставила вопрос о законности использования подобных методов с точки зрения ислама. Большинство статей обходило молчанием роль военных в борьбе с исламизмом.¹⁹ В Сирии религия в армии служила инструментом легитимации власти, но ее роль была значительно сильнее, чем этого можно было ожидать. В Египте существовал явный разрыв между исламизацией общества и светским характером армии, о чем свидетельствовали публикации армейской печати. Подобное расхождение объяснялось традиционно светским характером правящей египетской элиты и желанием режима обеспечить лояльность военных в борьбе с радикальными и воинствующими группами исламской оппозиции.

Ситуация с исламом в армиях Египта и Сирии свидетельствовала о том, что нарастание религиозных настроений в армии скорее носило инструментальный характер, чем отражало тот факт, что военные и армия как институт искреннее разде-

¹⁸ Аль-Наср, № 702, декабрь 1997, с. 61–63.

¹⁹ (Ан-Наср, № 673, июль, 1995, с. 62).

(Ан-Наср) № 704, февраль, 1998, с. 22).

ляют приверженность к исламу. Военные подчеркивали свою приверженность исламу лишь для того, чтобы успешнее сражаться с проникновением в их ряды радикальных элементов. Когда угроза фундаментализма спадала, военные вновь возвращались к светским и республиканским ценностям. В то же время вряд ли было возможным отрицать роль ислама в формировании коллективной идентичности армии, где многие офицеры и солдаты искренне верили в ислам. В тоже время, любые заигрывания с исламом особенно в условиях вышеотмеченных процессов в государстве и обществе, обычно заканчивались не в пользу власти. На рубеже столетий, светский облик арабского офицера стал изрядно «зеленеть». Откликаясь на вызовы глобализации и модернизации, ближневосточные руководители периодически пытались вывести религиозные настроения из сферы деятельности широких слоев населения и сделать религию частным делом отдельного гражданина. Они полагали, что так им будет легче управлять страной и модернизировать государство.

В основу государственной идеологии закладывались принципы национализма как фактора, определяющего коллективную идентичность армии, поведенческий стереотип военных. Военные могли использовать насилие в качестве одного из инструментов поддержки национализма в противовес религии.²⁰ В данном случае, речь шла о так называемом прогрессивном национализме, который представлял собой более высокий уровень культуры и языка в обществе, что позволяло государству добиваться относительно высокого уровня социально-экономического развития. В тоже время, когда в основу идеологии закладывались идеи национализма, руководство должно было обеспечить достаточно высокий уровень развития, чтобы продемонстрировать обществу превосходство светских идей над религиозной идеологией. Чтобы удержать ситуацию под контролем, властям было необходимо уравновесить степень взаи-

²⁰ См.: Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б. Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973. С. 47–72.

мовления религии и армии в государстве в их взаимодействии с обществом.

С тем, чтобы ограничить проникновение в общество чуждых ему религиозных проявлений режим в ряде случаев мог допустить некоторую степень участия религии в деятельности государства. Тогда роль религии в армии должна была бы сводиться к противодействию религиозной оппозиции. В этом случае государство могло допустить расширение использования религиозных ритуалов в армии в качестве защитного механизма, а когда религиозные оппозиционные движения ослабнут, могло вернуться к прежнему положению. Исламская традиция и культура, играли особую роль в системе арабского национального мировоззрения. В зависимости от политической конъюнктуры государство могло в той или иной степени задействовать исламские идеалы и символы в пропаганде идей арабского национализма в интересах мобилизации широких народных масс. В Сирии существовало два типа национализма; панарабизм ПАСВ и сирийский партикуляризм, которые традиционно формировали официальную государственную идеологию. Идея создания Великой Сирии (Биляд аль-Шам), официально рассматривалась как нелегитимная. В тоже время она нередко использовалась рядом ученых и проповедников в качестве побудительного фактора в межарабской политике Сирии. Идея «Великой Сирии» получала, таким образом, опосредованную поддержку.

Так, на страницах печатного органа сирийских вооруженных сил «Джейш аль-Шааб» в 1993 г. было опубликовано письмо, направленное Х. аль-Асаду рядом палестинских исламистов, которых Израиль депортировал в Ливан в ноябре 1992 года. В письме они выражали поддержку идеи восстановления «Великой Сирии» с центром в Дамаске во главе с Х. аль-Асадом.²¹ В армейской прессе САР редко печатались статьи, апеллировавшие к религии как одному из факторов идентификации армии. Если подобные статьи и появлялись, то в основном в них встречались такие понятия как «аль-шахада» (мученическая смерть за веру) в борьбе с предателями и иностранными агентами. При этом не-

²¹ Джейш аль-шааб, № 1702, март, 1993, с. 6.

редко встречались ссылки на Коран. Таким образом, значение религиозных ценностей не акцентировалось, а ставилось в ряд многочисленных базовых нормативов, определявших поведение военных, среди которых основную роль играли светские, националистические факторы. Ислам служил не конечной целью, а средством для реализации националистических интересов, особенно в вопросах определения лояльности военных и их преданности своему народу и стране.²²

В армии Египта ислам был фактически выведен за рамки инструментария, определявшего корпоративную идентичность египетских военных. В этом смысле основные отличия египетской и сирийской армии сводились к разнице в наборе светских националистических компонентов. В Сирии идеи патриотизма и преданности делу арабского единства были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии. В Египте несмотря на официальную приверженность этой идее, она не получила широкого распространения в армейской среде. В Иордании ислам являлся одним из важных факторов определения коллективной идентичности в вооруженных силах. На обложке ежемесячного военного журнала «аль-Акса» посвященного кончине короля Хусейна были помещены стихи из Корана.²³ В речах и обращениях иорданского монарха к военным более чем у кого-либо из арабских лидеров содержались религиозные элементы. Король Хусейн нередко обращался к иорданским вооруженным силам как «аль-джейш аль-мустафави» (избранной армией), где выражение «мустафави» означает одно из имен Пророка. В тоже время, в Иордании основным мотивом, определяющим поведение военных, являлось служение не Аллаху, а монарху в традициях абсолютной монархии.²⁴ В обращении к вооруженным силам по случаю «Ид аль-Адхъа» (1999) Х. аль-Асад допустил лишь два упоминания о божественном providении.²⁵

²² Джейш аль-шааб. № 1825, апрель, 1998, с. 27–28.

²³ аль-Акса, № 921, март, 1999, с. 30–32.

²⁴ Аль-Акса. № 907, февраль, 1998, с. 22; № 809, декабрь, 1998, с. 30–33.

²⁵ Джейш аш-Шааб, № 1848, апрель, 15, 1999).

Однако политика ограничения религиозных настроений в армии, не спасла вооруженные силы Сирии и Ирака от широкого присутствия в них шиитских милиций. В Египте в январе 2011 г. армия (военная контрразведка) фактически отстранила Х. Мубарака от власти и открыла дорогу «Братьям-мусульманам» на властное поприще. Вероятно, опора на светского арабского офицера оправдывала себя в определенный исторический период. С распространением конфликтов низкой интенсивности и трансформацией понятия войны этот курс утратил свою прежнюю значимость.

§ 2. Религиозно-политический облик военных в АРЕ и САР

В Египте после антимонархического переворота в 1952 г. и утверждения у власти Г. А. Насера, армия постоянно вмешивалась в политику. В период правления А. Садата сокращение расходов на армию заставило военных активизировать свою экономическую деятельность, что позволило им укрепиться в гражданском секторе экономики за счет создания прибыльных предприятий в различных секторах производства и услуг. Инициированные Х. Мубараком в 1990-е гг. неолиберальные реформы привели к появлению нового типа элит, представители которых стали искать связи и контакты с военными. В результате армия получила возможность защищать свои интересы через экономические механизмы. К числу важных институциональных интересов военных можно было отнести сохранение контроля над определением размера военного бюджета и выделяемых на него средств из государственной казны, количеством и видами закупаемой военной техники и вооружений, рядом экономических ресурсов. Контролируя высшую надзорную власть, военные обеспечивали себе законодательный иммунитет, увеличив свою долю в экономике до 40% ВВП Египта. Доходы, получаемые предприятиями военных, ложились на их личные счета и не контролировались государством и обществом. Наряду с защитой своих институциональных интересов военные вмешивались в деликатные сферы жизни общества и политики, чтобы не до-

пустить дальнейшего углубления социального неравенства, способного привести к социальному взрыву в стране.

В правление Х. Мубарака военные дистанцировались от правящей Национально Демократической Партии (НДП) и стали заполнять общественный вакуум, возникший в результате отказа государства от некоторых своих прежних социальных обязательств. Они субсидировали цены на хлеб и поддерживали некоторые государственные проекты в сфере строительства социального жилья и выполнения общественных инфраструктурных проектов.²⁶ Революция 2011 года заставила военных изменить свой поведенческий стереотип, перейдя с прежнего курса «стабилизационной модели», на «кризисную модель» управления государством. После отставки Х. Мубарака армия как один из устойчиво функционировавших институтов, взяла на себя ответственность за сохранение приоритета государственной власти и поддержание других государственных институтов. Выдвижение президентом представителя «Братьев-мусульман» М. Морси и его поддержка Советом объяснялась тем, что за 18 месяцев своего правления Совет не сумел продемонстрировать эффективность управления страной и в результате роль военных сильно ослабла. Правление М. Морси позволило военным заняться поддержанием и укреплением своих ведомственных интересов, в том числе закрепив их конституционным путем.

Возобновившиеся в декабре 2012 года политические протесты сильно подорвали позиции правящего режима. В результате исламистского восстания на Синае, забастовки полицейских возникла реальная угроза стабильности государства. Это вынудило военных полностью переключиться в режим кризисных действий. «Братья-мусульмане» пропустили это поворотный момент. Они полагали, что военные озабочены исключительно стабилизацией положения в стране. При этом они не предпринимали серьезных попыток к политическому примирению и проведению более глубоких социальных реформ. В конечном счете, это привело к еще более сильным и массовым социаль-

²⁶ Подробнее см.; El Houdaiby, Ibrahim. Fighting the last war? Civil-military relations in Egypt. Policy Brief. N° 179 — APRIL 2014.

ным протестам в стране в июне 2013 года, вмешательству военных в политику и отставке президента М. Морси 3 июля 2013 года.

Занятая «Братьями» жесткая линия после отставки М. Морси еще больше убедила военных в необходимости реализации кризисной модели управления. Министр обороны А. Ф. аль-Сиси потребовал народный мандат на борьбу с потенциальной угрозой терроризма. Чтобы избежать повторения сирийского и ливийского сценариев Совет принял решение взять бразды правления в свои руки. На институциональном уровне военные решили оказать поддержку аль-Сиси на президентских выборах в мае 2013 года. На практике это означало устранение сильных потенциальных оппонентов, которые заявили в январе 2014 года о своем стремлении ратифицировать предложенные поправки к конституции в ходе референдума при беспрецедентной явке в 98%. Одновременно армия и полиция нейтрализовали любые несогласные общественные группы и политические партии. Когда нынешний президент Египта А. Ф. аль-Сиси был назначен на пост министра обороны в 2012 г. для многих в армии этот шаг символизировал некую модернизацию национальных вооружённых сил. Тем более сам аль-Сиси в ходе многочисленных совещаний говорил о необходимости укрепления армии и ее модернизации. Решать поставленную задачу министр обороны стал за счет многочисленных военных контрактов. По некоторым данным, Египет занимает третье место в мире по импорту вооружений, несмотря на довольно слабую экономику и растущую бедность населения.

В тоже время организационная структура армии оставалась практически в неизменном виде, как и при прежнем министре обороны М. Х. Тантави. Офицерский корпус отстаивал свои привилегии и противился каким-либо реформам в армии. На практике сохранение статус-кво в организационной структуре армии объективно снижало ее боеготовность и вело к неготовности офицерского корпуса соответствовать новым требованиям и вызовам. Политизация и профессиональная стагнация египетского офицерского корпуса в течение нескольких последних десятилетий привели к тому, что престиж Египта как передовой

военной державы на Ближнем Востоке стал падать. Статичная структура личного состава армии обусловила отсутствие по новому мыслящих командных кадров, способных изменить к лучшему ситуацию в офицерском корпусе Египта. Особенно явно это проявилось во время сражений египетских военных с исламистами из ИГИЛ (запрещено в России) в ходе событий на Синайском полуострове.

В отсутствии серьезных реформ египетская армия превращалась в охранителя долговременной стабильности в самой крупной стране Арабского мира, вместо того, чтобы стать его надежным и эффективным локомотивом. Отсутствие реформ в армии было вызвано социально-экономическим положением в стране и ограниченными возможностями военно-политического руководства Египта. Действительно, в Египте, где зарплаты в госсекторе очень низкие, а места в частом секторе ограничены, карьера военного по-прежнему остается весьма привлекательной. Для молодых людей из пригородов и сельской местности карьера военного служит единственным средством социализации. Десятки тысяч молодых людей ежегодно штурмуют разнообразные военные учреждения страны, чтобы поступить на ограниченное (несколько сотен) число мест бесплатного обучения и, таким образом, обеспечить себе и своей семье относительно приемлемое сосуществование. Высшие военные образовательные учреждения используют свои критерии отбора новых рекрутов, не уделяя главного внимания соответствию соискателя высоким академическим стандартам и его физической подготовке. По сути, эти требования сводятся к тому, чтобы соискатель был мужского пола, являлся выпускником 12-летней школы или колледжа, холостым, не имеющим иного (кроме египетского) гражданства, представителем уважаемой семьи. Последнее условие становится практически непреодолимым препятствием для большинства выходцев из бедных районов, представителей этнических и религиозных меньшинств.

На деле многие молодые рекруты не обладают элементарным жизненным опытом. Большинство оказывается попросту неприспособленными к армейской жизни. Многие слушатели оказались легко восприимчивыми к взглядам самого широкого спек-

тра, — от националистического до исламистского. Слушателям прививались идеи о том, что они (как будущие офицеры) законно занимают место в правящей элите страны, должны быть полностью лояльны власти, чужды приверженности каким-либо демократическим ценностям. Таким образом, из новых рекрутов уже на этапе учебы в Академии формировали охранителей государства и представителей правящей элиты, вместо того, чтобы воспитывать из них карьерных профессионалов на службе своему народу и стране, не вмешивающихся в политику и управление. Если для некоторых поступление в военные учебные заведения превращалось в настоящее испытание, то другие попадали туда, пользуясь семейными и клановыми связями в рамках принятой в обществе патронажной системы взаимоотношений.

Несмотря на то, что официально военные отрицают существование подобной практики, в стране имеется несколько поколений военных, которые принадлежат к определенным семейным кланам, в том числе и аль-Сиси. К тому же общее снижение стандартов национальной образовательной системы и пропаганда ультранационалистических взглядов как решающего фактора определяющего политическую лояльность сказались на составе выпускников военных училищ. Обучение в Академии также не свободно от определенных недостатков. Учебные программы в гражданских ВУЗах значительно разнообразнее и насыщены большим числом предметов, чем в военных. Практические занятия, которые обычно начинаются на третьем году обучения, не отличаются требуемой интенсивностью и тактической подготовкой, способной воспитать молодого офицера, способного к решительным действиям в боевых условиях. Обучение слушателя основам и особенностям руководства фактически отсутствует в программе подготовки. Поскольку служба в большинстве подразделений армии носит срочный характер, то офицеры не заинтересованы в тщательной подготовке и обучении личного состава своих подразделений. Большинство египетских офицеров в руководстве подразделениями делали упор на свое звание и должностное

положение, и не стремились завоевать авторитет за счет эффективного управления и профессионализма.

Подобное положение служило слабым звеном в системе управления войсками, порождало недостатки в цепочке передачи команд, воспитании корпоративного духа и оперативного искусства. Тем более что система продвижения по службе основана главным образом не на критериях меритократии, а патронажной системе и принципах лояльности. Это вело к выдвижению на ключевые посты в оперативном управлении армии не самых подготовленных и способных офицеров. В то же время под командованием молодых офицеров с весьма небольшим жизненным опытом и знанием дела, слабой подготовкой оказывались десятки солдат. Не обладавшие достаточным опытом эффективного руководства, такие офицеры нередко испытывали недоверие со стороны своих начальников, и не обладали достаточным авторитетом в глазах своих подчиненных. Подобная ситуация негативно сказывалась на взаимоотношениях внутри подразделений, затрудняла управление ими и не способствовала формированию командного духа. В результате значительная часть военного командования была не способна быстро адаптироваться к новым реалиям, оставалась догматично приверженной протоколу и не могла эффективно действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Высшее военное руководство настолько прочно удерживало бразды правления в своих руках, что большинство египетских офицеров оказывало незначительное влияние в вопросах оперативного командования своими подразделениями.

При этом офицерский корпус пользовался большими привилегиями по сравнению с остальной частью населения страны, которое было вынуждено нести на себе значительную часть тягот реформ в режиме экономии. Начальные зарплаты офицерского состава в несколько раз превышали прожиточный минимум, офицеры пользовались бесплатным медицинским обслуживанием, льготными кредитами на приобретение жилья и личного транспорта, доходными должностями после выхода на пенсию и безусловной защитой государства. Такие привилегии открывали прямой путь коррупции, так как гражданские

служащие стремились организовать совместные предприятия с военными, чтобы получить защиту в критической ситуации.²⁷ Таким образом, изменение характер военно-гражданских отношений в Египте должно было определяться группой факторов.

Ключевым элементом являлось возвращение военных к модели стабилизационного характера с одновременным проведением реформ и возвращением в систему государственного управления большего числа гражданских специалистов. Необходимо было отказаться от любых попыток новой милитаризации государственных институтов, сохранения сложившегося статус-кво. Система государственного управления, кадровых назначений, формирования бюджетов отдельных ведомств должна была стать более прозрачной. Эти меры могли способствовать снижению степени влияния военных на процесс государственного управления за счет повышения роли в нем гражданских институтов. Подобные реформы могли оказать решающее воздействие на нормализацию отношений военных с исламистами и открыть для исламистов новые каналы социализации. С другой стороны это укрепило бы безопасность в стране, и заставило военных вернуться к их обычной функции защитников государства и перестать вмешиваться в политику.

В Сирии отмечалась тенденция к исламизации и политизации верующих, главным образом, суннитов. Власть пыталась сдерживать эволюцию конфессионального пространства в опасном направлении. Однако Б. аль-Асаду не удалось окончательно покончить с выступлениями воинствующих исламистов и периодическими вспышками насилия. В результате «исламистский вакуум» был заполнен салафитскими провинциальными движениями радикального характера. В борьбе с радикальными исламистами режим использовал вооруженные силы и органы безопасности. Статья 11 конституции 1973 г. давала власти правовые основания применять армию против внешнего и внутреннего противника. Согласно статье 8 партийного устава ПАСВ имела эксклюзивное право на политическую работу в вооруженных силах.

²⁷ Подробнее см.; Egypt's Military Leadership Deficit. Egypt Defense Review. September 29, 2020. <https://cgpolicy.org/articles/egypts-military-leadership-deficit/> (дата обращения: 09.03.2021).

Глубокая вовлеченность армии в политику, использование военных в урегулировании религиозных конфликтов, неизбежно вело к конфессиональным деструкциям в ВС САР. При Х. аль-Асаде система внутренних взаимоотношений в армии была четко сбалансирована с учетом конфессиональных особенностей Сирии. Религиозная символика и атрибутика в армии была строжайше запрещены. Коллективные молитвы в расположении армейских частей были разрешены солдатам срочной службы только в 2002 г. Постепенно армия стала приобретать характер конфессиональной силы. В июне 2009 г. впервые за всю историю современной Сирии начальником Генштаба ВС САР стал христианин генерал Дауд Раджха. В вооруженных силах 70% высшего военного руководства армии и спецслужб составляли алавиты, а остальные 30% распределялись равномерно между суннитами, христианами, друзами и исмаилитами.

В тоже время, в первую декаду 2000-х гг. процент суннитов среди командования «второго эшелона» (начальники штабов дивизий и бригад) имел тенденцию к относительному росту. В 2010 г. сунниты-командиры батальонов представляли 65% командного состава армии против 35% в 2000 г. В ВМС эти показатели равнялись 52% против 35% соответственно. Подобные трансформации были связаны с новой стратегией формирования «смешанного командования» армии. В ее основе лежал принцип, — если командир подразделения алавит, то начальник штаба суннит, глава контрразведки — христианин или друз, и наоборот.

Это объяснялось относительным снижением числа молодых алавитов, поступавших в военные колледжи. Христиане и друзы неохотно шли в военные учебные заведения. Численность же суннитов в военных училищах за 20 последних лет значительно выросла. Произошло это в результате серьезного ухудшения экономического положения и увеличения (в 1,5 раза) числа дивизий, бригад и батальонов. Численный рост суннитов в армии усилил недоверие к ним со стороны режима. Офицеров-суннитов не ставили на командные посты, где принимались решения о перемещении войск внутри страны. Танковые и механизированные дивизии и бригады, в командовании которых было много

суннитов, как правило, размещались на удалении от Дамаска, чтобы они не могли быстро выдвинуться к столице и занять ее. Те же части, которые находились рядом со столицей, были укомплектованы преимущественно алавитами, христианами, исмаилитами и друзами.

Особое внимание режим уделял Военно-воздушным силам (ВВС). Мятеж «Братьев-мусульман» стал испытанием для ВВС САР. Многие летчики-сунниты перелетели вместе со своими самолетами в Ирак и Иорданию. В конце 1981 г. командующий ВВС генерал М. Х. Абаза (суннит) был взорван в собственной автомашине. В январе 1982 г. был раскрыт антиправительственный заговор в рядах ВВС. Во главе заговора стоял майор ВВС Ф. аль-Аззави (суннит) из Дейр эз-Зора.²⁸ Заговорщики планировали нанести воздушный удар по ключевым объектам Дамаска и его пригородам. Через несколько недель режим столкнулся с бунтом в рядах ВВС. Ряд суннитов отказались выполнять приказ о бомбардировке города Хама, который служил оплотом мятежных «Братьев». После восстания «Братьев-мусульман» сунниты были фактически отстранены от руководства ВВС. В ходе войны в Ливане (1982) режим произвел очередную чистку летного состава ВВС, в чей лояльности сомневался. В начале 1990-х годов в рядах военных летчиков и технического состава были произведены аресты после того как специальные службы раскрыли подпольную суннитскую ячейку «Хизб аль-тахрир» в рядах офицерского корпуса ВВС.

В результате чисток в ВВС было набрано много алавитов. Алавиты составляли 80–85% курсантов военных академий и училищ в начале 1980.²⁹ Несмотря на это режим сталкивался со снижением численности алавитов в истребительной и бомбардировочной авиации. Алавиты не могли пройти строгий медицинский отбор. Многие из них, будучи выходцами из прибрежных районов, страдали хроническими заболеваниями легких и но-

²⁸ Ithar Abdul-Haq, 'Mustafa Hamad. Biography of an officer who saved Hafez al-Assad from a hidden coup attempt led by an officer from Deir al-Zour', Zaman al-Wasl, 21 February 2018 <https://www.zamanalwsl.net/news/article/84768/> (дата обращения: 24.09.2019).

²⁹ Hicham Bou Nassif, 'Second-Class': The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces, Journal of Strategic Studies, Volume 38. Issue 5, 2015.

соглотки и на высоких скоростях задыхались и теряли сознание. На этом фоне не менявшаяся за 20 лет абсолютная численность летчиков суннитов, привела к их относительному росту за указанный период. Поэтому власти наращивали количество алавитов в вертолетной авиации и контрразведке ВВС. Структура войсковых соединений и частей, потенциально способных осуществить военный переворот или поддержать его, была организована таким образом, чтобы максимально затруднить подобные действия. Любое летное звено ВВС находилось под неусыпным присмотром контрразведки ВВС («аль-Джавийя»). В результате ее работы офицеры-сунниты были фактически изолированы в ВВС. Курды были практически исключены из командного состава вооруженных сил, за редким исключением выходцев из крупных городов, где, как считалось, они были более «арабизированными». Это предопределило место и роль сирийских вооруженных сил в ходе событий в САР. С другой стороны, начиная с 1970-х гг. численность семьи аль-Асад не превышала 8,3% всех алавитских семей Сирии.

В канун кризиса большинство руководящего состава армии и органов безопасности были выходцами из района, который простирался от Нахр аль-Син и деревни Кардаха до цепи Алавитских гор. Там традиционно проживали высокопоставленные офицеры из знатных алавитских семейств Али Аслана, Али Дубы, Мухаммеда Холи, Гази Канаана, Али Хейрбека, Тауфика Джаалюка, Шафика Файада, Хасана Халиля, Хашема Мааля, Ахмеда Абуда. Число выходцев из семьи аль-Асад на офицерских должностях в армии и спецслужбах было меньше 1% всего офицерского корпуса.

Таким образом, семья аль-Асад не могла рассчитывать на автоматическую поддержку всех офицеров-алавитов, и была вынуждена постоянно заботиться о религиозной легитимации власти, привлекая на свою сторону единоверцев из других стран.³⁰ Правящая алавитская верхушка пользовалась поддержкой 20–25% своих соплеменников. Одни преданно служили режиму, главным образом в армии, спецслужбах, административном ап-

³⁰ В.М. Ахмедов. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М. ИВ РАН. 2018. С. 63–65.

парате. Еще 20–25% алавитов пытались использовать свою конфессиональную общность с режимом для получения различного рода привилегий. Остальные 40–50% занимали по отношению к правящему режиму пассивную позицию.³¹ Они не поддерживали идею «политического конфессионализма», среди них было немало людей недовольных политикой власти, разочарованных режимом. Но они старались не участвовать в политической жизни, хотя и опасались за свое будущее в случае падения режима и прихода к власти суннитского большинства.

Ряд факторов свидетельствовал о смещении ядра алавитской общины из Латакии в другие районы. Это вело к географическому разрыву конфессиональной ткани сирийского социума, которая была соткана Х. аль-Асадом на основе взаимных обязательств, родственных уз, принципах лояльности. В конечном итоге это привело к формированию в военной алавитской элите различных «центров силы» и обострению их борьбы за власть.

§ 3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИРАКСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Особенности развития Ирака в XX веке предопределили тот факт, что иракский офицерский корпус отличался консервативными настроениями с одной стороны, и революционными традициями, с другой. Такой дуализм поведенческого стереотипа иракских военных сформировался в результате вмешательства армии в политику на волне подъема арабских национальных движений.

В начале 1920-х годов, иракские офицеры сломали унаследованную от Османов старую административную систему и создали монархию. В ходе Арабского восстания 1916 г. в войсках мекканского шерифа Хусейна Бен Али сражалось 300 иракцев-выходцев из знатных суннитских кланов. Они составили костяк армии короля Фейсала I (1921–1932). В условиях обострения борьбы за власть при короле Гази (1932–1939) и регенте Абдель Иляхе (1939–1953) армия превратилась в один из центров силы, интервенция военных в политику усилилась. Офицеры стано-

³¹ Volker Perthes. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997, p. 50–58.

вятся организаторами целого ряда переворотов и мятежей. В октябре 1936 г. бригадные генералы Бакр Сидки и Абдель Латыф Нури совершили успешную попытку военного переворота, движущими силами которого были иракские националисты и курдские патриоты.

Сторонники панарабизма в Ираке принимали активное участие в антиправительственных выступлениях 1937–1938 гг. и мятеже 1941 г. В 1958 г. офицерский корпус сверг королевский режим и установил республику. Во главе антимонархического переворота стояли полковник А. К. Касем и подполковник А. С. Ареф из армейской организации «Свободные офицеры», имевшей выраженный панарабский характер. В ходе военного переворота офицеров-баасистов (июль 1968) к власти пришла партия «аль-Баас», идеология которой базировалась на светских началах и социалистических идеях. Партия фактически представляла властное суннитское меньшинство центральных и северных районов Ирака. «Аль-Баас» создала лояльный ей офицерский корпус, который отличался кастовостью и формировался в основном из суннитских племен и кланов. В идеологическом плане иракские офицеры отличались приверженностью идеям арабского национализма левой направленности.

После прихода к власти в июле 1979 г. С. Хусейна контроль над армией осуществлялся путем назначения на командные должности его близких родственников и соплеменников. В практику вошло создание параллельных силовых структур. Одна партийная милиция насчитывала около 50 тыс. человек.³² Укрепление власти тикритского клана С. Хусейна обострило конфессиональные противоречия в армии. Офицеры-баасисты демонстрировали недоверие к военным и гражданским представителям джаафаритского толка ислама и рассматривали их как потенциальных смутьянов и мятежников. Таким образом, иракская армия отражала интересы определенных конфессиональных групп, которые пришли к власти на волне арабских национально-освободительных движений. Наряду с функциями защиты государства военные решали чисто политические зада-

³² MERIA, v. 4, № 4, December, 2000.

чи и влияли на выбор той или иной модели развития. Армия служила орудием в руках правящей суннитской элиты и утверждала в обществе выгодные ей порядки. Сунниты-выходцы из городов и деревень центральных районов Ирака, занимали ключевые посты в армейском руководстве. Курдов в регулярную армию не брали. В отличие от Сирии в Ираке были созданы лояльные режиму курдские вооруженные формирования. Власть пыталась вовлечь в репрессивные действия представителей этнических и религиозных меньшинств с тем, чтобы сформировать у них устойчивую мотивацию защиты режима. Для подавления внутренних беспорядков режим использовал параллельные войска, личный состав которых был тесно связан с властью общей профессиональной принадлежностью.³³ В 1980–1990 гг. иракская Республиканская гвардия из небольшого подразделения по охране режима выросла во внушительную военную силу. В ее состав входило 6 дивизий (три бронетанковые, одна механизированная, две пехотные). Это равнялось приблизительно 1/3 всей численности регулярной иракской армии.³⁴

В Ираке были сильны племенные, земляческие отношения, клановая солидарность, которые определяли судьбу военнослужащего. Бывший иракский лидер С. Хусейн стремился «трайбализовать» Республиканскую гвардию. Элитные части в Ираке формировались в основном из суннитских племен, проживавших в родных местах С. Хусейна.³⁵ Со времен Османской империи шиитов старались не допускать в армию. Согласно указу 1869 г. губернатора иракского вилайета Мидхат паши иракским шиитам было запрещено обучаться в военных школах. После обретения независимости выходцев из шиитских общин старались не допускать до воинских званий выше майора.³⁶ В тоже время, накануне американского вторже-

³³ Minorities and the State in the Arab World, Boulder, Colo.: Lynne Reinner, 1999, p. 136.

³⁴ The Military Balance 2000–2001., IISS. Oxford; UK, 2000, pp. 140–141.

³⁵ Nordlinger Eric A.. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Иy Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs, New Jersey, 1977, p. 127.

³⁶ Аль-Джаббар М. А. Аль-харака-аль-исламийя-ва-ль-джейш-фи-ль-ирак.[Исламское движение и армия в Ираке].Аль-Хаят. 25.02.1997 (дата обращения: 14.07.2023). На араб. яз.

ния в Ирак в составе регулярных сил был довольно значительный процент шиитов, отдельные представители которых (в демонстрационных целях) служили на генеральских должностях. Данное обстоятельство не остановило растущее недовольство шиитской общины своим приниженным положением. Подстрекаемые духовенством иракские шииты периодически организовывали антиправительственные выступления в Неджефе и Кербеле (1977), Багдаде (1979–1980).

Несмотря на то, что во время войны с Ираном большая часть иракских шиитов поддержала режим, немало представителей рядового и сержантского состава сдались в плен и воевали против Багдада в составе добровольческих отрядов созданной Тегераном Исламской армии освобождения Ирака. В 1999 г. после убийства аятоллы М.С. аль-Садра Неджеф, Насирийю, пригороды Багдада охватила волна мощных шиитских выступлений. Республиканская гвардия использовала артиллерию и жестоко подавила протестные движения. В борьбе с шиитскими мятежниками Багдад использовал боевые отряды противостоящей Ирану курдской организации «Моджахедин-хальк».

С учетом глубокой вовлеченности армии в политику военные оказывали заметное влияние на багдадские власти. В Ираке были сильны националистические настроения. В ходе народных протестов 2019–2020 гг. одним из основных требований было прекращение вмешательства Ирана во внутрииракские дела. Иракский премьер-министр М. аль-Каземи, пытался сбалансировать иранское влияние за счет развития связей с арабскими странами. Багдад постоянно показывал, что готов развивать отношения с США даже за счет снижения уровня сотрудничества с Ираном. С другой стороны, влиятельный шиитский лидер М. аль-Садр стремился позиционировать себя как националистически настроенного политика. Связанный с ним альянс «аль-Саирун» победил на парламентских выборах 2021 г.³⁷ Лабильная ситуация в правящих иракских элитах достаточно ярко проявилась в ходе завершившихся в октябре 2021 г. парламентских вы-

³⁷ Hearst, David. 2020. “REVEALED: The Secret US-Iran Deal that Installed Kadhimi in Baghdad.” Middle East Eye, May 14. www.middleeasteye.net/news/revealed-secret-us-iran-deal-installed-kadhimi-baghdad (дата обращения: 12.05.2021).

боров в Ираке. В результате массовых волнений (2019) правительство А. аль-Махди ушло в отставку. Сроки новых выборов перенесли с мая 2022 г. на октябрь 2021 г.

В этих условиях Ирак привлекал особое внимание Ирана и Саудовской Аравии. Между Эр-Риядом и Тегераном обострилось соперничество за влияние в Ираке. После выборов в «правительстве шиитского большинства» сложилась непростая ситуация, чреватая возникновением острых разногласий между ведущими шиитскими политическими силами по кандидатуре нового премьер-министра страны. Выбор кандидатуры М. аль-Каземи представлялся неслучайным. Он уже исполнял обязанности премьера в 2020–2021 гг. М. аль-Каземи оказался единственным премьером, который сумел установить хорошие отношения с парламентом. Он пользовался определенным доверием США, с представителями которых вел переговоры о выводе американских войск из Ирака. В равной степени его поддерживал Иран и проиранские вооруженные формирования Ирака, под контролем которых он контактировал с США. В итоге М. аль-Каземи удалось обеспечить в целом позитивное взаимодействие между Ираком, Ираном и США.³⁸ Определенные проблемы у М. аль-Каземи возникли с одобрением его кандидатуры шиитскими общинами Ирака, прежде всего улемами Неджефа.

В августе 2022 г. в Ираке разразился правительственный кризис. М. ас-Садр штурмовал правительственную резиденцию в Багдаде. М. Каземи был вынужден срочно покинуть Ирак. В октябре 2022 г. новым премьер-министром стал представитель крупнейшего политического альянса «Координационные рамки» М. Ш. аль-Судани. С одной стороны, был положен конец длительной неопределенности во власти и запущен процесс финансово-экономических преобразований. С другой, все прежние внутривнутриполитические и социально-экономические проблемы Ирака оставались нерешенными. Заявления М. аль-Садра о его возвращении в политику были чреватые новым витком полити-

³⁸ Аль-каземи-хияр-джахиз-ли-риаса-аль-вузара-халь-фашль-такаттуля-би-аксар [Аль-Каземи-готовый выбор на пост премьер-министра в случае провала "крупнейшего блока большинства".07.10.2021.<https://www.aa.com.tr/2385114/> (дата обращения: 20.05.2022). На араб. яз.

ческой дестабилизации в Ираке.³⁹ Несмотря на то, что новый премьер-министр представлял блок шиитских политических сил близких к Ирану, ему постоянно приходилось балансировать между Вашингтоном и Тегераном в попытках сохранить внутривнутриполитическую стабильность.

На фоне позитивных изменений в региональной политике (ирано-саудовское примирение, сирийская нормализация и т. п.) КСА и США активизировали свою политику в Ираке.⁴⁰ Принятые иракским режимом меры по ограничению иранского влияния в энергетической и банковской сфере Ирака, консервировали озабоченности Тегерана относительно возможности увода Багдада из орбиты иранского влияния.

³⁹ Масадири-ли-арабий-пост-аль-садр-саяуьд-ли-ль-хая-аль-сиясийя-би-ль-ирак-баъада-зияра-ли-ль-иран-би-висата-мин-хизбала. [Источники Араби Пост: аль-Садр вернется в политическую жизнь Ирака после визита в Иран при посредничестве Хезболлы]. 22.02.2023 Араби Пост. <https://tinyurl.com/5n7td2e9> (дата обращения: 14.03.2023). На араб. яз.

⁴⁰ Гануш С. Д. Халь-караъа-аль-судани-ажрас-аль-хатр[Звонит ли аль-Судани в тревожные колокола?]. 22.02.2023. Аль-Араб. <https://tinyurl.com/3zspte8j/>. (дата обращения: 08.03.2023). На араб. яз.

Глава 6. Сирийский конфликт: причины, специфика, итоги

Сирийский кризис продолжается около 13 лет и приобрел исключительный характер. Несмотря на некоторые реформаторские успехи Б. аль-Асада, общая ситуация в Сирии накануне событий отличалась лабильным характером. Начавшиеся в марте 2011 г. движения социального протеста быстро утратили мирный характер и переродились в гражданскую войну. Лозунги свободы, демократии трансформировались в призывы установления религиозного государства. Это было связано с милитаризацией сирийского кризиса, слабой перспективой политического урегулирования, неспособностью международного сообщества вывести мирные переговоры из тупика. Значительные жертвы среди гражданского населения, миллионы беженцев, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения широких масс. Религиозные, этнические, земляческие аспекты междоусобной борьбы деформировали политическую систему Сирии. В результате страна оказалась расколотой на враждующие районы и была ввергнута в состояние религиозного конфликта. «Исламистский» поворот в сирийском кризисе сопровождался обострением конфессиональной розни с одной стороны и национальным расколом с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в Сирию. Одна часть международного сообщества поддерживала суннитское сопротивление, дру-

гая защищала режим Б. аль-Асада, который опирался на алавитов и внешнюю шиитскую поддержку в лице Ирана. В условиях острого политического кризиса, характер взаимоотношений представителей различных конфессий и этносов играл далеко не последнюю роль в определении путей развития Сирии. Продолжительность кризиса, и сложность примирения конфликтующих сторон были обусловлены рядом фундаментальных факторов.

§ 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И СПЕЦИФИКА СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

После прихода к власти в июне 2000 г. Б. аль-Асада **в Сирии и за рубежом заговорили о «Дамасской оттепели».**

Б. аль-Асад приступил к проведению экономических реформ. В инаугурационной речи 17 июля 2000 г. он высказался за большую открытость политической культуры и административную реформу. Призывы президента к «демократическому мышлению» и «принципу принятия противоположного мнения» отвечали либеральным взглядам части образованного сирийского класса. В октябре 2000 г. передовица официальной сирийской газеты «Тишрин» поместила статью сирийского экономиста А. Далили, утверждавшего, что однопартийная система устарела и не эффективна с точки зрения продвижения экономических реформ.¹ В ноябре 2000 г. президент распорядился выпустить из тюрем 600 политических заключенных, а тюрьма в районе Меззе в Дамаске была закрыта. В январе 2001 г. появилось так называемое «послание тысячи» — обращение представителей сирийской интеллигенции. Либерально настроенная интеллигенция требовала независимости судов, реформирования ПНФ, отмены закона о чрезвычайном положении. Характерно, что практически все кто, публично выступил в поддержку реформ, поддерживали переход власти к Б. аль-Асаду.²

¹ Baidatz Y. Bashar's First Year. From Ophthalmology to a National Vision. The Washington Institute for Near East Policy. Washington DC. Policy Focus. No. 41. July, 2001, p. 2–3.

² Volker P. Syria under Bashar al-Asad: Modernization and the Limits of Change. The International Institute for Strategic Studies. Oxford Net York. July, 2004, p. 15–17.

В отличие от былой атмосферы политической цензуры и страха Сирия оказалась вовлеченной в широкие политические дебаты. В ходе дискуссий выявилось несколько общественных течений, выступавших за те или иные пути развития. Наиболее многочисленной и организованной была группа «консерваторов». Они стремились сохранить прежнюю политическую систему и оставить без изменений политический курс. Их главным лозунгом была «преемственность». Представители этой группы признавали, что в ходе правления Х. аль-Асада были допущены определенные просчеты, но считали, что достижения прежнего режима не должны игнорироваться. Подобных взглядов придерживались представители «старой гвардии», — вице-президент А. Хаддам и министр обороны САР М. Тлас. Социальной основой этой группы была значительная прослойка партийно-бюрократического аппарата, руководители профсоюзных организаций, часть интеллектуальной элиты общества (писатели, журналисты, университетские профессора), связывавшие свою судьбу с прежней системой.

Представителей другого течения можно было условно называть «реформаторами» или «технократами». Они выступали за модернизацию и стремились занять ведущие позиции в государстве. Нередко с ними ассоциировали самого Б. аль-Асада и часть его ближайшего окружения. Сторонники этого движения полагали, что для адаптации Сирии к требованиям новой геополитической обстановки необходимо серьезно реформировать политическую систему. Их взгляды на реформы заключались в требовании экономической модернизации, за которой, как они считали, автоматически должны последовать перемены в политической системе. Социальной базой этого движения была технократическая элита, новые руководящие кадры ПАСВ. Подобной точки зрения придерживалась часть сирийской молодежи, которая считала, что их карьерный рост тормозится за счет старых управленческих кадров. Некоторые руководители спецслужб также поддерживали «технократов», опасаясь, что длительный застой в обществе может вызвать нежелательные политические потрясения и спровоцировать политический кризис в САР.

Наиболее малочисленная группа сторонников реформ придерживалась крайних взглядов и выступала за полный слом политической системы. Сторонников этого направления представляли «либеральные реформаторы», на деле никогда не порывавшие связей с режимом. Осознавая свою политическую слабость и малочисленность, они стремились создать коалицию со сторонниками поэтапной модернизации. Заявляя о своей готовности к сотрудничеству с президентом и его командой технократов-реформаторов, они в тоже время призывали к коренному изменению системы власти и поэтому зачастую оказывались в оппозиции к режиму. Их главными лозунгами была политическая модернизация, утверждение равенства перед законом, отмена однопартийной системы. Среди наиболее видных представителей этого движения выделялась группа либеральных интеллигентов, куда входили профессор экономического факультета Дамасского государственного университета (ДГУ) А. Далили, писатель и журналист М. Кило, адвокат А. аль-Бунни, депутат сирийского парламента Р. Сейф, и некоторые крупные промышленники. Их поддерживали многие члены националистических и леворадикальных группировок, отдельные молодые члены ПАСВ.

Участники этого движения были плохо связаны друг с другом, а их группа имела весьма аморфную структуру. Представители последних двух групп составили ядро так называемого «движения за гражданское общество», которое возникло после прихода к власти Б. Асада. В августе 2000 г. «независимый» депутат Р. Сейф объявил о создании «клубов друзей гражданского общества» и созвал его первое заседание у себя дома. В дальнейшем подобные встречи, где звучали лекции по острым политическим вопросам, стали традиционными. Многие представители сирийской интеллигенции собирались в частных домах, превращенных в своеобразные «политические клубы», и вели острые дискуссии о судьбах реформ.³

В январе 2001 г. около 20 депутатов создали так называемый «независимый парламентский блок», а 70 адвокатов опублико-

³ Droz-Vincent Ph. Syrie: La nouvelle generation au pouvoir. Monde Arabe: Maghreb-Machrek, 2001. N° 173. Pp. 14–38.

вали заявление с требованием отменить закон о чрезвычайном положении 1963 г., воплотить в реальность принцип независимости судов и разрешить создание политических партий за рамками ПНФ. В Дамаске официально начала работать «комиссия по защите прав человека» во главе с сирийским журналистом А. Наиса, который в 1991–1998 отбывал тюремное наказание за критику режима. Среди участников «движения» и «политических клубов» шли постоянные споры о масштабах и скорости реформ, содержании текстов деклараций и петиций и т. п. Плюрализм этого движения способствовал изменению политической атмосферы в стране.

Б. аль-Асад стремился использовать гражданские общества для укрепления позиций сторонников реформ в государственном аппарате и армии, чтобы ограничить противодействие военно-бюрократической элиты Сирии. С этой же целью президент предпринял попытки предоставить большую свободу национальным СМИ. Ведущие государственные газеты возглавили бывший профсоюзный деятель, оппонент власти по социально-экономическим вопросам М. Салама (газета «Ас-Саура») и один из ведущих сотрудников Центра стратегических исследований САР Х. М. Аль-Джарад (газета «Тишрин»). Впервые за последние полвека в Сирии было разрешено издание частных газет. Право на издание независимых газет было ограничено тремя из шести политических партий, сотрудничавших с ПАСВ в рамках ПНФ.

Первая такая газета — «Нидаль аль-Шааб», издававшаяся Сирийской коммунистической партией, — вышла в начале января 2001 г. и критиковала решение правительства разрешить деятельность в Сирии частных банков. В официальных СМИ также помещались материалы с критикой экономической политики правительства. Б. аль-Асад лично встречался с редакторами газет и поддерживал их стремление печатать материалы по реформам в САР. Для укрепления своего имиджа сторонника демократических преобразований президенту было достаточно на первых порах сделать не так уж и много. Во время поездки по стране он публично появился в торговой зоне Алеппо, тогда как его отец Х. аль-Асад после мятежа «Братьев-мусульман» (1979–1982) ни разу не посетил «северную столицу» САР.

Эти и другие шаги президента давали сирийцам надежду на будущее, которое большинство из них связывали с именем Б. аль-Асада. Таким образом, через полгода после прихода к власти Б. аль-Асада демократические и реформистские тенденции стали играть заметную роль в политической жизни САР, и власть не могла их просто игнорировать. Однако эти тенденции не смогли институализироваться и превратиться в массовое народное движение. Когда темпы инициированной Б. аль-Асадом политической либерализации ускорились, представители консервативного движения сделали все возможное, чтобы затормозить процесс реформ. Да и сам президент, обеспокоенный напористой риторикой со стороны «гражданских обществ», не хотел глубоко втягиваться в процесс перемен. Вскоре власть перешла к административным и репрессивным мерам.

В середине февраля 2001 г. 17 членов РР ПАСВ были направлены в провинции и выступили в университетах Сирии «с разъяснением политической ситуации» в стране. Руководил этой кампанией А. Х. Хаддам. Он публично обвинил сторонников политической модернизации в том, что они перешли «красную линию безопасности и стабильности государства». А. Х. Хаддам предупредил университетских профессоров, что интеллектуалы распространяют идеи, подрывающие единство нации. В марте 2001 г. Б. аль-Асад дал понять, что национальное единство, партия Баас, вооруженные силы и курс Х. аль-Асада не подлежат обсуждению и критике. Другие представители власти обвиняли интеллектуалов в предательстве, игнорировании арабо-израильской борьбы и чернении достижений ПАСВ. В закрытом циркуляре ПАСВ 20 февраля 2001 г. сторонники реформ фактически обвинялись в госизмене, служении интересам «врагов родины» и в «ослаблении государства». В официальном заявлении ПАСВ от 18 марта 2001 г. утверждалось, что некоторые представители сирийской интеллигенции «спровоцировали анархию в стране».

Предложения и требования сторонников демократизации и политических свобод были охарактеризованы как «разрушающие и ослабляющие государство». Поборники реформ обвинялись в забвении «сионисткой угрозы», игнорировании общеараб-

ской роли САР и арабо-израильского конфликта. В апреле 2001 г. в интервью спутниковому каналу Абу Даби М. Тлас обвинил авторов «послания тысячи» в «сотрудничестве с ЦРУ и врагами Сирии». Он заявил, что «мы не потерпим, чтобы кто-либо отобрал у нас власть, за которую мы заплатили кровью».⁴ Особое раздражение М. Тласа вызвал тот факт, что «реформаторы» ни словом не обмолвились об арабо-израильском конфликте. Спустя 4 дня после заявления М. Тласа был выпущен новый меморандум в поддержку реформ, где содержались положения, призванные умиротворить власти. Говорилось не только об арабском единстве, но и о «сионистской угрозе». Демократия рассматривалась как «острое оружие», способное обеспечить успех в борьбе с врагами Сирии.⁵ Хотя власти дали отповедь активистам гражданского общества, не все в окружении президента хотели покончить с новой атмосферой открытости.

Однако судьба демократических реформ в САР была предрешена. Действия «консерваторов» были настолько стремительными, целенаправленными и сплоченными, что застали врасплох не только аморфную и плохо организованную группу либеральной интеллигенции, но и сторонников реформ в армии и спецслужбах. Даже такой высокопоставленный сотрудник спецслужб, как генерал Б. Сулейман, известный своими либеральными взглядами и тесно связанный с кланом аль-Асадов, был вынужден отступить. Он перестал высказываться в пользу перемен и оказывать покровительство ряду сирийских интеллектуалов. В середине февраля 2001 г. власти запретили работу большинства «политических клубов». Многих активистов «гражданских обществ» персонально предупредили о необходимости прекратить их деятельность.

В августе 2001 г. был заключен под стражу объявивший голодовку протеста против действий властей депутат парламента от

⁴ Baidatz Y. Bashar's First Year. From Ophthalmology to a National Vision. The Washington Institute for Near East Policy. Washington DC. Policy Focus. No. 41. July, 2001. P. 2–3.

⁵ Volker P. Syria under Bashar al-Asad: Modernization and the Limits of Change. The International Institute for Strategic Studies. Oxford Net York. July, 2004. P. 19–21.

Дамаска М. Хомси. Р. Сейфа лишили депутатской неприкосновенности, против него началось судебное преследование по обвинению в нарушении конституции. Статьи, в которых Р. Сейф был представлен марионеткой в руках иностранцев, публиковались в одном из прорежимных журналов в Лондоне и в частном «сатирическом» журнале в Дамаске. В сентябре Р. Сейф возобновил деятельность своего «клуба» и пригласил туда сирийского эмигранта, ученого-социолога Б. Гальюна. Через несколько дней Р. Сейф и 8 его соратников, среди которых был А. Далили, в течение долгого времени выступавший против коррупции и плохого управления экономикой, были арестованы. В статье, опубликованной в газете «Тишрин» Р. Сейф и М. Хомси обвинялись в том, что они своим поведением спровоцировали власти на жесткие действия, фактически означавшие отступление демократии в Сирии и обострение конфликта власти и прессы. Был арестован, один из лидеров коммунистического движения Р. Турк, который ранее отбыл 17-летний тюремный срок. Выступая на канале «аль-Джазира» он назвал Х. аль-Асада «диктатором».

Эти изменения отразились на «гражданских обществах» и сказались на активистах «политических клубов». Они вынуждены были снизить свою активность. К середине 2001 г. был восстановлен контроль над СМИ, а ряд прогрессивных редакторов уволили. Главный редактор правительственной газеты «Ас-Саура», утверждавший в редакционной статье, что согласие в обществе может быть достигнуто не путем односторонней официальной пропаганды, а посредством политического плюрализма, подвергся давлению со стороны министра информации и в мае 2001 г. отправился в отставку. Увольнение М. Салама, поставленного на этот пост лично Б. аль-Асадом, давало ясный сигнал, что президент принял сторону «консервативных» кругов. Вскоре демократическая активность в Сирии была свернута, политическая деятельность в стране вновь оказалась под жестким контролем спецслужб. Бурные протесты в Сирии и за рубежом в связи с кампанией арестов вынудили сирийские власти пойти на определенный компромисс. Спустя два месяца после ареста М. Хомси и Р. Сейфа, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, было объявлено о том, что суд над ними

будет открытым. На суде Р. Сейф и М. Хомс были приговорены к 5 годам тюрьмы, А. Далили к 10 годам, остальным дали от 2 до 5 лет. Одновременно из тюрем было выпущено свыше 100 политических заключенных, преимущественно «Братьев-мусульман», членов оппозиционных иракских и палестинских организаций.

Очевидно Б. аль-Асаду не удалось долго оставаться «над схваткой» и вскоре пришлось определить собственную позицию. На деле президент не смог полностью встать на сторону демократических реформ, и был вынужден отложить трансформацию политической системы в либеральную демократию, ограничившись заявлениями о необходимости «учета сирийского демократического опыта», представляя ПНФ как «пример подобной демократии». Как утверждали в осведомленных сирийских кругах, большое впечатление на Б. Асада произвело заседание РР ПАСВ в феврале 2001 года. В ходе острых дискуссий было выявлено единство взглядов «старых» и «новых» гражданских и военных членов партийного руководства на происходившие в сирийском обществе процессы.⁶ В декабре 2000 г., выступая перед сотрудниками сирийских спецслужб, Б. аль-Асад высказался в том духе, что сирийские органы «имеют право знать, что делают эти люди» (активисты гражданских обществ), но «не могут препятствовать им». Однако уже в феврале 2001 г., сирийский президент заговорил о том, что «терпение имеет границы» (имея в виду деятельность тех же активистов).

На первых порах Б. аль-Асад работал в чужой команде, и ему приходилось постоянно доказывать свою состоятельность как лидера нации. Предложенная им программа реформ встретила жесткое сопротивление военных и партийных бонз, которым он был обязан своим возвышением. Аресты нанесли серьезный удар либерально-демократическому движению и разочаровали тех, кто связывал надежды на политические изменения с именем президента. Режим скорректировал курс реформ, а органы государственной безопасности восстановили и укрепили влия-

⁶ Из частных бесед автора с представителями "гражданского общества" и сирийских военных. Дамаск. 2001–2007 гг.

ние в обществе. И хотя «комитеты в защиту гражданского общества» продолжали собираться в частном порядке и публиковать свои заявления в ливанских газетах, западных СМИ и в Интернете, «Дамасская оттепель» закончилась.

Период с лета 2000 по начало 2001 г., получивший в новейшей истории Сирии название «Дамасской оттепели», в какой-то степени предопределил события, начавшиеся в марте 2011 г. и вылившиеся позднее в острый общественно-политический кризис в САР. Горький опыт политических преобразований в Сирии создал объективные условия, в которых внешние силы в рамках технологий «цветных революций» спровоцировали сирийский конфликт. С учетом места и роли Сирии на Ближнем Востоке, события «Дамасской оттепели» могли стать определенным предвестником начавшейся на рубеже 2010–2011 гг. «Арабской весны».

Несмотря на провал «Дамасской оттепели», Б. аль-Асад продолжил курс реформ. С начала 2000-х гг. ситуация в регионе не менялась не в пользу Дамаска. Американская оккупация Ирака (2003), «кедровая революция» и вывод сирийских войск из Ливана (2005), обострение вооруженной конфронтации Израиля с «Хезболлой» и ХАМАС в Ливане (2006) и Палестине (2008–2009) спровоцировали рост суннитского сопротивления в соседнем Ираке и Ливане. Нормализация отношений с Турцией, где у власти стояла исламская партия (турецкий филиал «Братьев-мусульман». — А. В.) и укрепление стратегического союза с Ираном вынуждали режим постоянно балансировать на региональной политической арене. Выживаемость режима (как власти нескольких алавитских семей) ставилась в прямую зависимость от способности президента адаптировать политическую систему к новой региональной ситуации.

Реформа политической системы предполагала смену ее профессиональной парадигмы. В составе правительства Н. Отри (2003) было всего 4 алавита (примерно 13%). Прошедший в 2005 г. X съезд ПАСВ вызвал изменения в высшем партийном руководстве. Из 14 вновь избранных руководящих партийцев 8 были суннитами (57%), 2 — алавитами, 1 — исмаилит, 1 — друз, 1 — христианин, 1 — курд (суннит). В обновленном губернаторском

корпусе из 14 глав провинций только 2 были алавитами (14%).⁷ Новая экономическая политика Б. аль-Асада также имела профессиональные измерения. Президент активно развивал экономическую инфраструктуру средиземноморского побережья САР (районы Латакия и Тартуса), где традиционно проживали алавиты и христиане. За счет привлечения зарубежных инвестиций, сотни миллионов долларов вкладывались в строительство и развитие туристического сектора в прибрежных районах. Перестановки в армии и спецслужбах были призваны успокоить суннитскую общину и халебское (Алеппо) землячество Сирии.

В январе 2002 г. в отставку был отправлен начальник Генерального штаба А. Аслан (алавит). На его место был назначен Х. Туркмани (суннит, уроженец Халеба), который в 2005 г. стал министром обороны вместо М. Тласа (суннит). На пост начальника ГШ ВС САР был назначен А. Хабиб (алавит).⁸ В апреле 2003 г. Б. аль-Асад издал закон № 18, который устанавливал жесткие ограничения по возрасту для высшего командного состава армии и спецслужб, а также пересматривал прежние положения о продлении сроков воинской службы и пребывании в запасе. Президент хотел провести структурную реорганизацию органов безопасности в целях усиления контроля над ними. Реализацию реформы органов безопасности президент поручил назначенному в октябре 2004 г. на пост главы МВД Г. Канаану (алавит). Часть силовиков, опасаясь утратить свои властные полномочия, выступили против реформ.

В октябре 2005 г. Г. Канаан при странных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством (выстрелив себе в затылок — А.В.). Предложения по созданию Совета национальной безопасности (СНБ) как надзорного над спецслужбами органа с участием гражданских лиц получили свое практическое воплощение только через 4 года. В руководящий состав СНБ вошли вице-президент Ф. Шараа (суннит), его заместитель Х. Туркмани (суннит), заместитель генерального секретаря ПАСВ М. С. Бхейтан (алавит), генералы Х. Ихтияр (алавит) и А. Мамлюк (алавит).

⁷ Аль-Дустур, 15.07.2004.

⁸ Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, 12.07.2004.

Период 2008–2009 гг. стал для Сирии напряженным временем с точки зрения динамики внутренних событий и региональной обстановки.

Уже через год после переизбрания Б. аль-Асада на второй президентский срок (2007) Дамаск стал свидетелем обострения борьбы за власть в ближайшем окружении президента. Летом 2008 г. начальник Управления военной контрразведки (УВКР) САР А. Шаукат (алавит, муж сестры президента) предпринял попытку установить контроль над всеми сирийскими спецслужбами. Силовики-оппоненты А. Шауката пытались возложить на него ответственность в связи с убийством ливанского премьера Р. Харири (2005), бомбардировкой ВВС Израиля стратегических военных объектов (2007), гибелью одного из руководителей «Хезболлы» И. Мугние (2008). А. Шаукат и другие заговорщики (около 100 офицеров-алавитов спецслужб) были арестованы. Его жена Бушра аль-Асад попросила политического убежища в ОАЭ. После вмешательства мамы президента Анисы Махлюф Бушре было разрешено вернуться домой, ее мужа освободили, и назначили на должность заместителя начальника ГШ ВС САР, повысив в звании до корпусного генерала.⁹ Подобная ситуация свидетельствовала о появлении первых признаков кризиса власти, потенциальном усилении конфессиональной розни, расколе общества, которые вылились в ***начавшиеся в марте 2011 года массовые акции протеста.***

Еще в январе-феврале 2011 г. режим был уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против социальных потрясений и революций. Новый год сирийцы встретили в относительно спокойной обстановке. Согласно отчетам МВФ состояние национальной экономики не внушало серьезных опасений. Доходы от туризма стабильно росли и принесли в казну в 2010 году около 8 млрд долларов.¹⁰ Благосостояние части средних городских слоев улучшилось. Некоторые из них впервые смогли позволить себе покупку импортных автомобилей на местном рынке.

⁹ Из частных бесед автора с сирийскими представителями. 2007–2008 гг. Дамаск-Москва.

¹⁰ The National, 29.12.2011.

По оценке российского востоковеда Б. В. Долгова социально-экономическая ситуация в Сирии в 2010-х гг. отличалась в лучшую сторону по сравнению со многими арабскими странами, затронутыми «Арабской весной» и, прежде всего, с Тунисом и Египтом, где имел место социально-экономический кризис. Так, по данным МВФ на 2010 г., ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Сирии (GDP per capita) составлял \$5.260. Уровень безработицы, хотя и повысился с 8,4% в 2010 г. до 14% в 2011 г., был ниже, чем в Тунисе и Египте. Инфляция в Сирии колебалась в 2010 г. в пределах 4%.¹¹ Качественные показатели сирийского общества также отличались в лучшую сторону по сравнению с другими странами, в которых имели место протестные движения «Арабской весны».

Так, например, достаточно высок был образовательный уровень сирийского общества — число грамотных среди лиц старше 15 лет на 2010 г. достигал 86% (для мужчин) и 73,6% (для женщин). Продолжительность жизни составляла 70 лет. Для сравнения, в РФ в 2010-е гг. согласно рейтингу ООН по качеству жизни, этот показатель составлял 66,5 лет. Таким образом, ситуацию в Сирии перед началом внутреннего конфликта нельзя было определить как социально-экономический кризис, как это имело место в Тунисе и Египте.

На этом фоне сирийское правительство практически не уделяло должного внимания проблеме сотен тысяч голодных и обездоленных сельских провинциалов, которые заполнили пригороды столичных центров. А ведь именно они и стали той взрывоопасной субстанцией, где вспыхнула искра сирийских протестов. Не случайно эпицентром сирийского восстания стала провинция Деръа (население 75 тыс. человек) центр обширной области на юго-востоке Сирии под названием Хауран (население около 1 млн человек). Подавляющая часть жителей этих районов были заняты в сфере сельского хозяйства. В конфессиональном отношении большинство были суннитами, которые и составили костяк протестных движений. Здесь был довольно

¹¹ <http://www.cbssyr.org> in Central Bureau of Statistics. Bulletin of labor force 2010. 29.01.2013.

велик процент людей живущих ниже прожиточного минимума, малообразованных и глубоко верующих. В тоже время, выходцы из этого района были неплохо представлены в высших эшелонах власти. Достаточно сказать, что 10 комдивов сирийских вооруженных сил были связаны родственными и семейными узами с этой частью Сирии.

Неудивительно, что ряд командиров армейских частей, брошенных властью в конце марта, начале апреля 2011 года на подавление восстания отказывались стрелять в демонстрантов. Именно с этого времени в армии начался раскол. Демонстрации в Дамаске 15 марта 2011 года, которые считаются точкой отсчета сирийских событий, не получили должной оценки властей. И даже когда произошли столкновения в Дерья (17–18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь, и были использованы ударные части сил правопорядка, представители власти не проявили особой обеспокоенности. Демонстрации проходили преимущественно мирно, без явных признаков этнической и конфессиональной розни и затронули лишь ряд провинциальных центров. Демонстранты не требовали смены режима, тем более отставки президента. Накануне выступления Б. аль-Асада 30 марта в Народном совете (парламенте) по улицам крупнейших сирийских городов прошли многотысячные шествия в поддержку президента и его курса реформ.¹² Вопреки ожиданиям сирийский президент не осудил избыточное применение силы против демонстрантов и не выразил соболезнования родственникам погибших в ходе волнений в Дерья. Б. аль-Асад возложил ответственность за произошедшие «беспорядки» в стране на происки внешних врагов. Кредит доверия к президенту оставался достаточно высоким в различных слоях сирийского общества. Несмотря на то, что после событий в Дерья «барьер страха» дал заметную трещину, большинство сирийцев, не хотели революции, опасаясь повторить судьбу своих соседей в Ираке и Ливане.

В апреле 2011 г. Б. аль-Асад провел ряд важных мер в законодательной и административной сферах. В апреле президент из-

¹² Foreign Policy, 07.04.2011.

дал указ № 146 о формировании правительства. Несмотря на то, что в правительство были назначены 14 новых министров, это были представители второго чиновничьего эшелона, которые никак не проявили себя в качестве сторонников реформ. Новому кабинету предстояло столкнуться с большими проблемами, которые были вызваны десятилетиями плохого администрирования экономики и ростом безработицы. Еще одним важным решением президента стало возвращение сирийского гражданства 300 000 курдов, проживавших в городе Хасаке на северо-востоке Сирии, которые согласно переписи 1962 года находились на положении иностранцев и были сильно ограничены в своих гражданских правах. При этом статус еще около 100 тысяч курдов так и остался неопределенным. Они находились в Сирии на положении беженцев и фактически были лишены каких-либо гражданских прав. Всего в Сирии по разным оценкам проживало от 1,7 до 2, 2 млн курдов. Такие полумеры не могли удовлетворить курдскую общину Сирии. Тем более что указ президента не сопровождался понятным механизмом его практической реализации. Ряд представителей курдов вообще расценили этот шаг как попытку властей внести раскол в курдские ряды и отстранить курдов от участия в акциях протеста. Президент встретился с рядом видных представителей религиозного суннитского истеблишмента. Б. аль-Асад поддержал расширение объема вещания религиозных телеканалов и высказался за создание в Сирии Высшего института подготовки мусульманских богословов. Одновременно президент отменил закон от июля 2010 года, запрещавший преподавателям ВУЗов вести занятия в никабах, на основании которого своей работы лишились 1200 преподавателей. По мнению властей, это должно было укрепить поддержку правящей алавитской верхушки среди суннитов, которые составляли основу протестных движений. В проведении этих мероприятий не были до конца учтены требования момента и его острота. Напуганные протестами сирийские меньшинства, главным образом, христиане, сочли, что в критической ситуации режим делает ставку на суннитское большинство. Была образована комиссия для подготовки условий с целью отмены закона о ЧП, который впоследствии был заменен на не менее жесткий закон о борь-

бе с терроризмом. Основным предметом критики закона о ЧП со стороны сирийских правозащитников и политической оппозиции являлась его правоприменительная практика и так называемые суды госбезопасности, которые, как правило, принимали решение на основании необоснованных подозрений, доносов, сомнительных оперативных данных, не утруждая себя при этом следственными действиями и судебными процедурами.

Планировалось принятие нового закона о политических партиях. На начало мая 2011 г. намечалось проведение выборов в парламент. Однако без отмены 8 статьи конституции провозглашавшей монопольное право ПАСВ на политическую работу в стране новый закон о партиях вряд ли мог быть реализован на практике. Создать в столь короткие сроки новую партию и пойти с ней на выборы могли лишь вышедшие из глубокого подполья «Братья-мусульмане», к тому же без особых надежд на успех. Одновременно сирийский президент признал законность требований демонстрантов, дал указание освободить арестованных во время беспорядков и выразил соболезнования семьям погибших. Власти освободили около 260 заключенных. Однако эта мера коснулась в основном исламистов и нескольких курдских активистов, давно отбывающих свой срок в тюрьме Сиднайи. Речь президента перед новым составом правительства 16 апреля 2011 г. существенно отличалась от его выступления в парламенте 30 марта и в этом смысле представляла определенный шаг навстречу требованиям протестующих. Президент согласился с тем, что требования демонстрантов носят законный характер и поручил правительству взять на вооружение более открытый, консультационный стиль работы. Б. аль-Асад признал право граждан на мирные демонстрации и поручил в этой связи правительству подготовить проект закона о демонстрациях.

К маю 2011 г. правительство подготовило проекты законов об отмене чрезвычайного положения и судов госбезопасности и об организации, проведении демонстраций. Правительство подняло размер заработной платы работникам госсектора и увеличило размер пенсий. Но в условиях рынка эта прибавка была быстро съедена ростом цен на основные продовольственные и потребительские товары и услуги. Борьба с при-

вилегиями и коррупцией в высших эшелонах власти, на фоне которой сирийский президент в свое время начал восхождение на властное поприще могла бы заставить многих сирийцев серьезнее отнестись к президентской программе реформ. Однако этого сделано не было. Несмотря на то, что президентская программа была призвана реформировать ключевые институты государства, она носила общий характер и не учитывала конкретные пожелания рядовых сирийских граждан. Простые граждане не увидели в ней адресности и ответа на свои социальные запросы.

§ 2. СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА КОНФЛИКТА И ЕГО ДИНАМИКА

Вне зависимости от сирийских руководителей сама логика событий, подталкиваемых внешними силами, заставляла предположить, что власть может проводить реформы только под давлением, а их серьезность и глубина зависят от решимости протестующих. В мае-июне 2011 г. новая волна протестных выступлений охватила сирийские города и ряд пригородов Дамаска, **обнажив социальную основу конфликта.**

Особый характер сирийского конфликта, сложность его разрешения заключались не только в беспрецедентной длительности по сравнению с восстаниями в других арабских странах. Они также определялись рядом глубинных внутренних процессов, которые подспудно зрели на протяжении нескольких последних лет и выплеснулись на поверхность в переломный для страны момент. Специфика сирийского восстания определялась традиционно существовавшей разницей между городом и деревней в Сирии и той ролью, которую сыграла периферия на начальном этапе восстания. Как известно первые наиболее сильные очаги революции вспыхнули в провинциальных центрах. Отчасти это объяснялось тем, что именно там силы безопасности и армия, прежде всего, утратили свой авторитет среди населения.

Накануне сирийских событий в крупные городские центры потянулись безработные сельчане, общая численность которых

насчитывала около 1 млн человек.¹³ Принятая режимом в середине 2000-х годов политика приватизации привела к острой социальной поляризации общества, обнищанию и маргинализации значительных масс населения. Поддержка САР исламского сопротивления в Палестине и Ливане усиливала консервативные настроения в депрессивных районах сирийской глубинки. В результате это привело к тому, что их население оказалось наиболее восприимчивым к самым радикальным идеям. Одновременно, снизилась роль умеренного ислама в сирийском обществе, что усилило экстремистские аспекты в восприятии населением государственной политики и идеологии.

Ряд причин кризиса заключались в специфике демографической структуры сирийского населения, системе распределения ресурсов и социальных благ. Общая численность населения Сирии в 2011 году составляла примерно 22 миллиона человек. Согласно данным статистики, арабы-сунниты занимали доминирующее положение в этноконфессиональной картине страны. В то же время ключевые позиции в политике, экономике и военной структуре занимала небольшая группа арабов-алавитов.¹⁴ В результате падения цен на нефть и распада СССР, страна оказалась неготовой к самостоятельной перестройке своей экономической модели. С приходом к власти в 2000 году молодого президента Б. аль-Асада активизировался поиск новой экономической стратегии, в рамках которой были постепенно отменены государственные субсидии на хлеб, рис, кукурузу и другие продукты питания. Социально-экономическое положение ухудшилось после отмены в начале 2000-х годов топливных субсидий. Резкий рост цен на топливо привел к падению промышленного производства на 4% и ощутимому снижению уровня жизни большинства сирийцев, усугубленному катастрофической засухой.

В то же время, российский специалист по Сирии Б. В. Долгов, ссылаясь на оценки французских экспертов, отмечал, что «чудо-

¹³ Информация получена автором из бесед с различными отрядами сирийской оппозиции 2011–2017 гг.

¹⁴ Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. ИВ РАН. Москва, 2010. С. 152.

вищной засухи» как таковой в действительности не было, так как «зарегистрированный уровень осадков в 2006, 2007, 2009 и 2010 годах был близок к нормальному, причем по всей Сирии, в том числе в аграрных северо-восточных регионах. По-настоящему засушливым был лишь 2008 год».¹⁵

Еще до начала волнений в Сирии можно было наблюдать снижение реального уровня жизни населения. Несмотря на быстрые темпы роста ВВП в 2000-е годы, Сирия оказалась единственной страной «Арабской весны», где наблюдалось снижение средней продолжительности жизни. Сложившаяся ситуация оказалась наиболее благоприятной для роста идей радикального исламизма, а действия властей после начала сирийских событий только укрепили его позиции. Подобные настроения в обществе послужили прекрасной матрицей для распространения джихадистских идей, как местного происхождения, так и пришедших из-за рубежа.

Именно та часть населения, которая в течение нескольких последних лет заполняла пригороды крупных городских центров, сыграла роль своеобразного катализатора сирийского восстания. Радикально настроенные представители новой городской периферии требовали свержения власти, которая сама более полувека тому назад пришла из горных сел и захватила города, создав там свою культуру и установив свои порядки. К началу сирийского конфликта внутри Сирии не было политически организованной оппозиции. Зарубежные отряды оппозиции были плохо связаны с внутренней жизнью в Сирии, были разобщены и занимались в основном информационно-пропагандистской работой. Только через 3–4 месяца после начала сирийских событий оппозиция стала объединять свои ряды и вырабатывать программу действий.

Летом 2011 года представители национальной и зарубежной оппозиции заявили о намерении сформировать временное пере-

¹⁵ Lina Eklund, Darcy Thompson. *Lund University*. La Syrie, une guerre climatique ? Les liens complexes entre sécheresse, migration et conflit. August 28, 2017. <https://theconversation.com/la-syrie-une-guerre-climatique-les-liens-complexes-entre-secheresse-migration-et-conflit-81858> 28/08/2017 (accessed 12.03.2020).

ходное правительство. На съезде оппозиционных политических сил в Дамаске был образован «Национальный координационный комитет сил за национально-демократические перемены». Его возглавил Х. А. Азиз. В состав комитета вошли 13 различных политических партий и организаций левой политической ориентации широкого идеологического спектра (арабские националисты, насеристы, коммунисты, троцкисты) с сильной светской составляющей. В состав его руководящих органов был избран Б. Гальюн, который позднее возглавил образовавшийся в октябре 2011 года Сирийский Национальный Комитет (СНК). Комитет представлял в основном различные отряды зарубежной сирийской оппозиции, в том числе и «Братьев-мусульман». И те и другие выступали за свержение режима Б. аль-Асада, строительство нового сирийского государства на демократических основах.

Руководители оппозиции находились в далеко не «детском» возрасте и олицетворяли собой опыт борьбы с режимом конца XX. Поэтому они испытывали определенные трудности в нахождении общего языка с молодежью из Координационных комитетов сирийской революции. В отличие от СНК Координационные комитеты были против какого-либо иностранного (неарабского) вмешательства в сирийские дела и милитаризации сирийского восстания. Их представители возражали против монополизации какой-либо одной структурой права представлять интересы сирийской революции. Комитеты также считали, что после свержения режима аль-Асада в условиях переходного периода в стране должно действовать 2 конституции. Одна в виде официального текста, которая должна быть вынесена на всенародный референдум. А вторая должна была представлять собой «общественный договор» по основным направлениям жизни сирийского общества, не требующим никакого обсуждения и принятым как данность. В последнем случае речь шла, прежде всего, о защите прав меньшинств в САР.

По оценке Долгова Б. В. сирийская вооруженная оппозиция при поддержке многих внешних акторов не смогла свергнуть руководство Башара Асада, что говорит о его поддержке большинством сирийцев. В то же время режимы Бен Али в Тунисе

и Мубарака в Египте рухнули под напором социальных протестов за несколько недель, не смотря на их поддержку на первом этапе Западом. Кризис в Сирии в этой связи необходимо рассматривать, как специфическую часть «Арабской весны». Социальный протест, как в Тунисе, Египете, Йемене, Бахрейне, был обусловлен внутренними факторами. А именно: социально-экономическим кризисом, коррупцией, произволом и nepотизмом правившей десятки лет властной элиты, отсутствием реальных демократических свобод при показной «фасадной демократии». В то же время в Сирии (так же, как и в Ливии) при наличии внутренних проблем, главными причинами кризиса стали внешние факторы. А именно: поддержка сирийской вооруженной оппозиции США и их союзниками по НАТО, включая Турцию, и монархии Персидского Залива, которые пытались использовать сирийский конфликт для реализации своих стратегических целей. Вместе с тем поддержка внешними силами вооруженной сирийской оппозиции, представленной в основном исламистскими группировками, и присутствие в их рядах тысяч боевиков стимулировало возникновение в Сирии очага радикального исламизма. Это, в свою очередь, способствовало формированию здесь, т. н. «исламского государства» (ИГИЛ) и его экспансии в регионе.¹⁶

Таким образом, сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Х. аль-Асада весь спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране. В результате в сирийском национальном движении, возродившемся на волне «Арабской весны» возобладали религиозные настроения радикального характера.¹⁷

¹⁶ Долгов Б. В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН — М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 212.

¹⁷ Подробнее об Арабской Весне см.; “The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces” (Grinin & Korotayev, 2021), “The Arab Spring. A Quantitative

В мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как «оккупационным», вступившим в преступный заговор с Западом и Израилем, с целью порабощения арабских народов и их подчинения инонациональному господству. В практическом плане подобное мировоззрение служило сильным мотивом борьбы за свержение действующего режима. С другой стороны, кризиса создал предпосылки для обновления ислама как идеологии и способа общественного устройства. В зависимости от политической конъюнктуры подобного рода трансформации могли принимать абсолютно разные формы.

Протестная идеология стала продуктом местных мегаполисов, культуры «новых» горожан, пропагандировавших идеи «постмодернистского» ислама. Как продукт новой городской культуры, «постмодернистский» ислам впитал в себя характерный для левантийских городов дух свободы и либерализма. В мировоззрении «новых» горожан античные концепции справедливости причудливым образом переплетались с идеями равенства и демократии раннего христианства и первоначального ислама. Протестные интернет ресурсы «постили» портреты перебежчиков как иконы, хотя в исламе это категорически запрещено. Однако, в условиях гражданской войны, рожденный на волне арабских революций «постмодернистский» ислам был погребен под пеной джихадистских идей, возобладавших в условиях обострения **гражданского противостояния**.

Летом 2011 г. протестные движения охватили практически все крупные городские и сельские центры страны. Те, кто весной 2011 года вышли на улицы сирийских городов быстро оказались перед выбором, либо остановить мирные протестные акции, либо взяться за оружие. Мирные демонстрации постепенно переросли в ожесточенные столкновения с силами правопорядка. Изменился социальный, возрастной и гендерный состав демонстрантов. К ним присоединились сту-

Analysis” (Korotayev et al., 2021), and Chapter “Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events” (Goldstone et al., 2021).

денты и преподаватели, хозяева мелких лавочек и магазинов, люди среднего возраста, женщины и девушки.¹⁸ Наряду с требованиями свобод и реформ, все чаще стали раздаваться призывы к свержению правящего режима. Немало оппозиционеров продолжало считать, что изменения в стране могли быть осуществлены сверху и требовали отставки силового окружения президента, которое должно было ответить за сотни убитых и раненых в результате применения силы против мирных демонстрантов.

Режим фактически не попытался использовать политические инструменты урегулирования кризиса. Одним из таких инструментов являлась ПАСВ, которая объединяла в своих рядах свыше 1 миллиона членов и образовывала консолидирующий центр мобилизационной модели общества.¹⁹ Поведенческий стереотип политических институтов государства в условиях вертикально выстроенной государственной модели мотивировался транслировавшейся сверху установкой — протестные движения суть результат заговора врагов Сирии.²⁰ На деле, достаточно было организовать антиправительственные выступления на периферии и спровоцировать режим на ошибочные действия. А дальше вступали в силу естественные факторы — нерешенность социально-экономических проблем, безработица, максимализм молодежи, которая составляла половину населения и хотела всего и сразу и т. п. Врагам режима оставалось внимательно наблюдать за происходящим и не давать угаснуть пламени борьбы.²¹ Усиление силовой составляющей в политике режима ускорило структурный кризис власти и обрушило программу реформ под предлогом укрепления стабильности и безопасности.

¹⁸ Lesch, D. (2013). *Syria: The fall of the house of Assad*. Yale University Press. P. 55–87.

¹⁹ Размер среднестатистической сирийской семьи составлял 4–5 человек. Население Сирии составляло 22 млн. человек.

²⁰ См. выступление Б. Асада в парламенте SANA, 30.03.2011.

²¹ См. champress.net; filkkaisrael.com, 28–30.03.2011 Автор рекомендует критически отнестись к информации этих сайтов, так как многие источники Интернета указывают на то, что они действовали при поддержке сирийских и иранских спецслужб.

События июня 2011 г ознаменовали новый этап в развитии сирийского кризиса. Правительственные войска провели спецоперацию на западе Сирии в пограничных с Ливаном районах и на севере вблизи от турецкой границы. В подавлении были задействованы подразделения Дивизии республиканской гвардии (ДРГ), 4-й дивизия спецвойск и отряды «шабиха»,²² командование которыми осуществлял брат президента М. аль-Асад. Эти подразделения на 85–90% были укомплектованы алавитами. Их численность составляла приблизительно 1\3 от общего состава вооруженных сил. Действия режима по подавлению восстания привели к большим потерям не только среди военных, но и мирных граждан. Случаи перехода солдат и офицеров на сторону восставших участились и приняли постоянный характер. В общество был послан сигнал гражданского раскола по конфессиональному признаку.

Об этом свидетельствовала география проведения спецопераций. Зачистке подверглись города, расположенные в районах, примыкавших к местам традиционного проживания алавитов, с преимущественно суннитским населением, окруженные селами, куда на протяжении последних десятилетий мигрировали алавиты. Для власти было важно удержать контроль над районом по линии Хомс — Халеб — Арида — Тель Калах, который в дальнейшем мог стать передовой линией обороны алавитов в противоборстве с суннитами.²³ Мятеж в сирийском городе Хама сыграл роль катализатора в развитии событий в Сирии и вокруг нее. В июле 2011 г в Хаме прошли самые крупные марши протеста с начала сирийского восстания, в которых приняло участие от 500 до 700 тысяч человек. Общая численность всех жителей города не превышала 800 тысяч. Массовые шествия с требованием отставки режима и лично Б. аль-Асада не встретили должного отпора со стороны местных властей и сил безопасности. Четвертый по численности населения сирийский город оказался в руках противников режима. События в Хаме поставили режим перед сложной дилеммой. Превращение города в опорный пункт

²² Агентура тайной сирийской полиции в основном из числа криминалитета и бывших уголовников.

²³ SANA, 20.06.2011.

противников режима означало, что правительство не контролирует ситуацию в Сирии.

Хама, могла стать вторым «бенгази» и спровоцировать вооруженное вмешательство по ливийскому образцу. Штурм города мог ускорить раскол внутри военной корпорации и ужесточить реакцию международного сообщества на события в Сирии. При этом никто не мог гарантировать, что армия расколется на патриотической основе, а не по конфессиональному признаку. Поэтому в отличие от Египта и Туниса сирийский генералитет в целом сохранял лояльность режиму аль-Асада. Дамаск и Халеб выжидали и не принимали активного участия в протестном движении. В этих столичных центрах проживала половина среднего класса Сирии, чьи интересы обычно совпадают с интересами большей части офицерского корпуса.²⁴ После штурма Хамы часть патриотически-настроенных офицеров и солдат вышли из состава правительственных войск и создали Сирийскую свободную армию (ССА).

В течение осени 2011 г. все больше военных переходило на сторону оппозиции. В октябре-ноябре 2011 г. ССА состояла из 22 бригад и 10–15 тысяч бойцов.²⁵ Демонстрации протеста охватили практически всю территорию страны. Для подавления протестных выступлений режим стал использовать бронетехнику, артиллерию, а в ряде случаев и вертолетную авиацию. Число убитых мирных граждан росло и составляло от 30 до 50 человек ежедневно.²⁶ К концу 2011 г. наметилась устойчивая тенденция милитаризация конфликта. В ССА был создан Военный совет, который принял политическую программу построения новой Сирии. Свободная армия атаковала правительственные объекты в Дамаске и его пригородах. Командующий ССА Р. аль-Асаад заявил о готовности продолжать вооруженную борьбу с режимом.²⁷ Численность Свободной сирийской армии, состоявшей преиму-

²⁴ Подробнее см. В. М. Ахмедов. « Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. В Сб. «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М., ИВ РАН. С. 72–91.

²⁵ al-Jazeera.net, 22.10.2011.

²⁶ al-Arabiya.net, 05.11.2011.

²⁷ al-Jazeera.net, 19.11.2011.

шественно из дезертировавших солдат и офицеров, выросла до 30–35 тысяч человек. Несмотря на этот рост, ССА вряд ли смогла бы долго противостоять сирийской армии, поддержанной Россией и Ираном, если бы не исламистская оппозиция, общая численность отрядов которой по разным оценкам колебалась от 70 до 80 тысяч бойцов.²⁸ В отличие от ССА, чью идеологическую основу питали мировоззрения светского и националистического характера, исламские бригады и фронты не испытывали особо сильной нужды в финансировании и оружии, которое поступало им из-за рубежа, главным образом из арабских монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии. Всего на территории Сирии в 2012 году находилось около 1200 вооруженных отрядов различной направленности — от умеренных, до самых радикальных.²⁹

В новый 2012 год Сирия вошла в очень тревожной обстановке. Страна стремительно двигалась в сторону полномасштабной гражданской войны и религиозной розни. После того как сирийское восстание начало перерастать в вооруженную борьбу, позиции исламистских боевиков, начали укрепляться. Достаточно быстро те, кто взялся за оружие оказались в полной зависимости от тех, кто мог их снабдить этим оружием. Как правило, подобная помощь, особенно по мере ее роста, зачастую представлялась в зависимости от лояльности групп сопротивления исламистской повестке, что на практике выражалось не только в выборе названия отряда, но и особом поведенческом стереотипе (установление шариатских законов, например) на освобожденных территориях.³⁰

В условиях «асимметричной» войны, когда режим использовал авиацию и артиллерию для бомбардировки захваченных повстанцами районов, а вооруженное сопротивление испытывало дефицит оружия, акции смертников стали единственным средством поддержания баланса сил на поле боя. Это дало мощный

²⁸ Из неофициальных источников.

²⁹ Itani, F. (2014). Losing Syria and Iraq to Jihadists. Atlantic Council. P. 3–5.

³⁰ Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. ИВ РАН. Москва. 2018. С. 49–62.

рост джихадистским отрядам в силах вооруженного сирийского сопротивления и способствовало на начальном этапе росту их популярности среди части населения освобожденных районов.³¹ Привлечение Б. аль-Асадом иностранных наемников из Ливана, Ирака и Ирана, ряда других стран, вызванное серьезными потерями в живой силе Сирийской арабской армии (САА), легитимировало в глазах местного населения участие в боевых действиях джихадистов из других арабских стран.³² За годы конфликта общие потери правительственных войск составили 65 тысяч человек убитыми. Общая численность дезертировавших солдат и офицеров равнялась (февраль 2013 г.) приблизительно 100 тысячам человек. По различным оценкам, режим должен был бы потерпеть сокрушительное поражение к 2014 г., если бы не получил помощь от своих зарубежных союзников.

После взрыва в июле 2012 г. штаб-квартиры Совета национальной безопасности САР в результате, которого было убито несколько высокопоставленных руководителей сирийских спецслужб и штурма Дамаска режим начал слабеть. Возникла реальная угроза потери столицы, что могло привести к краху режима.³³ Для исправления сложившейся ситуации, режим приступил к созданию вооруженных отрядов по типу народного ополчения. Характерно, что инициатива в создании указанных подразделений принадлежала крупным алавитским бизнесменам и отставным сотрудникам сирийских спецслужб, близким к режиму. Поэтому в начальный период своей деятельности эти отряды больше напоминали частные армии и фактически не подчинялись центральному командованию. Практически все они были сформированы на конфессиональной или этнической основе. Эти факторы снижали эффективность их боевых действий и уровень поддержки со стороны граждан-

³¹ Ахмедов В. М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (1990-е начало XXI в.). Институт Ближнего Востока. Москва. 2015. С. 52–57.

³² Lister, C., & Nelson, D. (2017). All the president's militias: Assad's militiafication of Syria. Middle East Institute.

³³ Bou Nassif, H. (2015). 'Second-Class': The grievances of Sunni officers in the Syrian armed forces. *Journal of Strategic Studies*, 38(5), 626–649.

ского населения. Несмотря на предпринятые усилия, к осени 2015 года общая численность личного состава правительственных войск не превышала 100 тысяч человек против 220 тысяч в начале конфликта.

Неудивительно, что к октябрю 2015 года сирийский режим, уверенно контролировал не более 20% территории страны и не мог обойтись без внешней поддержки, которая объективно усилила **интернационализацию сирийского конфликта**.

В ноябре 2011 глава СНК Б. Гальюн обратился в ЛАГ и ООН и потребовал обеспечить защиту мирных сирийских граждан от действий режима, в том числе путем вооруженного вмешательства.³⁴ Однако зарубежной оппозиции не удалось создать на территории Сирии свой анклав. Не до конца был ясен состав и цели оппозиции, степень ее сплоченности в случае проведения подобной операции. Подавляющее число оппозиционных отрядов выступало против иностранного вмешательства, что не помешало США потребовать отставки режима. В ноябре 2011 г. Анкара призвала аль-Асада добровольно передать власть, чтобы избежать кровопролития в стране.³⁵

Одновременно, ЛАГ выдвинула мирный план по Сирии, который предусматривал немедленное прекращение огня и допуск на сирийскую территорию арабских наблюдателей. Однако сирийская оппозиция отказывалось говорить с режимом. С другой стороны, сирийский режим был не готов идти на уступки оппозиции. В конечном итоге, это привело к провалу миссии арабских наблюдателей, приостановке членства САР в ЛАГ и передаче «сирийского досье» в СБ ООН. Турецкие власти предоставили свою территорию для опорных баз сирийской оппозиции. Особую обеспокоенность Анкары вызывала реакция на сирийские события населения курдских районов и проживавших в районе Искендеруна турецких алевитов (300–400 тысяч).

В мае в СБ ООН был поставлен вопрос о принятии резолюции осуждающей действия сирийского режима. Жесткая пози-

³⁴ al-Arabiya.net, 05.11.2011.

³⁵ Al-Zaman, 22.11.2011.

ция России и Китая не позволила принять антисирийскую резолюцию. Москва неуклонно поддерживала режим аль-Асада, опасаясь, что в случае его смены, российские интересы в Сирии могут серьезно пострадать. В ноябре 2011 г. в территориальные воды САР зашли нескольких военных российских кораблей. Москва продолжила выполнение ранее заключенных с САР контрактов и поставила режиму новейшее ракетное вооружение и системы ПВО.³⁶ В июне 2011 г. в Москву прибыли представители сирийской оппозиции. Российская сторона призывала оппозицию начать диалог с режимом, чтобы перевести конфликт в политическое русло. Оппозиция дала понять, что готова сотрудничать с отдельными представителями режима после отставки Б. аль-Асада.³⁷

В то же время, вне зависимости от политических взглядов и идеологической ориентации все члены делегации отвергли вооруженное вмешательство как инструмент разрешения конфликта. На съездах в Брюсселе, Стамбуле, Дамаске представители оппозиции делали упор на принцип гражданственности как основу нового общественного порядка. По оценке Долгова Б. В. ведущие страны НАТО, включая Турцию и монархии Персидского залива с начала конфликта в Сирии поддерживали внешнюю сирийскую оппозицию и вооруженные исламистские группировки, обвиняли руководство Сирии в «жестокое подавлении народного протеста», налагали экономические санкции и были готовы реализовать в Сирии «ливийский сценарий». Рассматривая цели данных государств, необходимо отметить, что США и их союзники по НАТО определяли правящий режим в Сирии, как враждебный в силу его союзнических отношений с Ираном и поддерживаемого им ливанского шиитского движения Хизбалла. Сирия противостояла Израилю, стратегическому союзнику США, которые не раз обвиняли руководство Сирии в поддержке «международного терроризма», а именно, палестинских организаций и движения Хизбалла. Для США и Израиля ослабление Ирана и его влияния в Ираке, являлись стратегическими

³⁶ «аль-Баас», 19.11.2011; «аль-ВАтан», 17.11.2011.

³⁷ АРР, 02.07.2011.

целями. Значительную роль играло также стремление США ослабить влияние России на Ближнем Востоке, устранив руководство САР, как союзника РФ. Поэтому смена режима в САР или ее расчленение на несколько квази-государств отвечали интересам, как США, так и их союзников.³⁸

После провала серии мирных конференций по Сирии в Женеве (2012–2016 гг.) в поведении ведущих игроков на поле сирийского конфликта, стала отмечаться новая тенденция в отношении режима Б. аль-Асада и вооруженных исламистов в контексте выработки «дорожной карты» политического урегулирования. Речь шла о смене вектора усилий по разрешению конфликта со стороны США, ряда их союзников в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Под впечатлением военных успехов вооруженных исламистов, страны Запада склонялись к идее приоритетности избавления Сирии от воинствующих исламистов, связанных с «Исламским Государством» и «Джабхат аль-Нусра» (запрещены в РФ).

В то же время, другие страны усилили поддержку режима. Иран сыграл ведущую роль в сохранении действующего режима в САР. Тегеран считал Сирию важным плацдармом в регионе. С января 2012 года ЦБ ИРИ открыл многомиллиардную кредитную линию сирийским властям, что позволило им регулярно платить зарплату личному составу вооруженных сил. Тегеран направил в САР несколько тысяч бойцов ливанской «Хезболлы», советников и специалистов из элитного корпуса КСИР «аль-Кодс», а также шиитские милиции из Ирака и Афганистана. По мере превращения вооруженного восстания в гражданскую войну Иран усилил военное присутствие в Сирии.

Участие российских Военно-космических сил (ВКС) в сирийском конфликте коренным образом изменило ситуацию в Сирии и вокруг нее. Менее чем за год силовое участие России привело к тому, что территория, контролируемая сирийским правитель-

³⁸ Долгов Б. В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН — М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 104.

ством, увеличилась до 35–40%.³⁹ Освобождение Алеппо в 2016 г. стало результатом совместных усилий Москвы и Тегерана по поддержке сирийских вооруженных сил. В 2017 г. ситуация во-круг Сирии заметно изменилась. Победа над ИГИЛ оказала влияние на политику основных участников конфликта и определила их поведенческий стереотип.⁴⁰ Россия и США стали уже не столько союзниками в борьбе с терроризмом, сколько соперниками в борьбе за Сирию.

Стратегия США по Сирии изменилась, и аппетиты американской администрации выросли. США стремились ограничить влияние Москвы в Сирии и умалить ее роль как беспристрастного арбитра в Женеве. Москва подверглась беспрецедентной критике и давлению со стороны союзников США в ЕС и НАТО. Несмотря на то, что Анкара пыталась аккуратно выполнять возложенные на нее обязанности, ей нередко приходилось маневрировать между США, Россией и Ираном, чтобы соблюсти ранее достигнутые договоренности с этими странами.⁴¹ Анкара использовала операцию «Щит Евфрата» чтобы расширить зону своего влияния на севере Сирии и занять стратегически важные районы в провинции Идлеб, где базировались отряды «Тахрир аш-Шам» и «Тахрир ас-Сурия».

На юге Сирии США противодействовали находящимся там силам России и Ирана, опасаясь, что могут пострадать интересы США на базе «аль-Танф». Пентагон направил в этот район дополнительно 200 единиц боевого персонала. Американские военные контролировали 10 районов Сирии, дислоцировались на 2-х базах ВВС и 8 опорных пунктах в районах к востоку и северо-востоку от Евфрата. При этом США контролировали до 80% сирийской нефти. Нельзя не учитывать и позицию Израиля, который опасался усиления военного присутствия Ирана и ливанской «Хезболлы» на юге Сирии. С начала сирийского восста-

³⁹ Сведения из бесед автора с представителями сирийской оппозиции в феврале — марте 2017.

⁴⁰ Akhmedov, V. (2019c). Turetskiy Vybor. Journal of the Institute of Oriental Studies of the RAS, 2(8), 214–221.

⁴¹ Akhmedov, V. (2019). Syrian crisis. Special Report. Roundtable on Syria. <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).

ния Израиль нанес по иранским целям на сирийской территории около 80 ударов с воздуха и суши.⁴²

Вопрос о выработке новых параметров безопасности в Сирии являлся ключевым. Многое зависело от того, как Россия, Турция и Иран, США и Израиль будут менять прежние договоренности о системе безопасности в САР. После заявления президента США Трампа 19 декабря 2018 года о намерении вывести американские войска из Сирии ситуация в стране изменилась. Образовался так называемый «вакуум власти», который могли заполнить разного рода экстремистские организации. Это обстоятельство не могло устроить США и их союзников по коалиции. Под предлогом борьбы с терроризмом американские военные пытались заставить своих союзников играть более активную роль в рамках военного присутствия на Ближнем Востоке. Американские военные рассматривали этот план как своего рода компромисс между желанием США вывести войска из зон локальных конфликтов и стремлением сохранить стабильность при минимальном присутствии на Ближнем Востоке.

США стремились переформатировать суть политического решения по Сирии, где не было места Б. аль-Асаду, а роль России и ИРИ была бы серьезно маргинализирована. Действительно Россия и Иран играли ведущую роль в сирийском конфликте. В 2015 году под руководством российских и иранских консультантов режим приступил к созданию четвертого и пятого армейских корпусов, которые интегрировали милицейские подразделения и координировали их деятельность с воздушными и наземными операциями правительственных сил. Это были, прежде всего, боевые отряды ливанской «Хезболлы» (10 000–14 000) и иракские военизированные бригады под командованием генерала Касема Сулеймани.⁴³ Последний фактически командовал обороной Дамаска и его пригородов. К концу 2016 г. общая численность шиитских милиций, действовавших на тер-

⁴² См.; Ахмедов В. М. "Исламистский феномен" сирийского восстания. LAP Lambert Academic Publishing. Berlin-Moscow. 2019.

⁴³ Pollak, N., & Ghaddar, H. (2016). A transformative experience: Understanding Hezbollah's involvement in Syria. Washington Institute for Near East Policy.

ритории страны, достигала 60–62 боевых формирований.⁴⁴ На рубеже 2015–2016 г. г. возникли новые отряды, которые сформировались главным образом на основе существовавших ранее фронтов по типу объединенных военных штабов и боевых соединений. Общая численность различных фронтов и отрядов вооруженной сирийской оппозиции составляла не менее 70 тысяч профессиональных и хорошо вооруженных бойцов. Несмотря на то, что «исламистский феномен» сирийского восстания серьезно трансформировался с начала событий, его идеологическая *матрица* с точки зрения политической повестки осталась прежней. Иными словами, оппозиция оставалась в основном суннитской, с сильным исламистским трендом и объединенной настойчивым стремлением отстранить аль-Асада от власти.⁴⁵

Костяк многих отрядов исламской вооруженной оппозиции составляли салафиты, значительная часть которых была привержена идеологии джихада. На политическом и идеологическом уровне большинство этих групп поддерживало идеи исламского государства в качестве будущего политического устройства в Сирии. Подобный подход затруднял их взаимодействие с ССА и СНКРОС как в военном, так и в политическом плане. Попытки западных держав собрать и объединить лидеров внешней и внутренней оппозиции неизменно заканчивались разногласиями и провалом. С другой стороны, встречи в Астане привели к подписанию важных соглашений, с участием оппозиции (от 50 000 до 60 000 солдат).

Последовательные усилия Москвы, Анкары и Тегерана создали положительную основу для проведения национально-го диалога, который мог привести к сирийскому примирению в рамках более широкого международного формата. В тоже время, слабость сирийского режима, разногласия среди оп-

⁴⁴ Al-Nahhas, S. (2019). Al-Mamluk wa-Qadat al-Istikhbarat al-Judud: Rusiya Tanal Hissat al-Asad. Almodononline. 08.07.2019. <https://bit.ly/2JpNnfM> (дата обращения: 20.09.2021).

⁴⁵ Al-Masri, A. (2017). Analysis: The fifth corps and the state of the Syrian army. Syria Deeply. 11.01.2017. <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/01/11/analysis-the-fifthcorps-and-the-state-of-the-syrian-army> (дата обращения: 23.10.2021).

позиции и иностранная интервенция осложняли ситуацию в стране и откладывали реализацию договоренностей, достигнутых ранее в Астане и Сочи о мирном транзите в Сирии. К 2017 г. в Сирии перестала существовать единая экономика. Большая часть страны вышла из-под контроля центрального правительства.

В результате боевых действий более 6 миллионов сирийцев эмигрировали из страны, и вышли из производственного цикла сирийской экономики. Производство нефти практически остановилось, тысячи фабрик были уничтожены, транспортная система оказалась сильно поврежденной, экспорт остановился, снизился импорт. Социальное расслоение достигло своего пика. В результате сирийская нормализация и восстановление оказывались практически неразрешимой задачей. Главным условием начала процесса восстановления являлось прекращение боевых действий и достижение стабильного мира в стране.

В то же время, организационные вопросы переходного периода и формирования институтов власти с новым наполнением должны были решаться самими сирийцами путем большого общественного договора, в условиях которого стороны были способны пойти на очень серьезные компромиссы. Возможным результатом этого договора могло стать принятие новой конституции и создание учредительного собрания, которое избрало бы представителей органов переходного периода.

§ 3. Основные итоги вооруженного противостояния в САР

Окончание крупных сражений в САР знаменовало новый этап развития сирийских событий. Участие Военно-космических сил (ВКС) РФ в сирийских событиях (с 2015) позволило сирийскому режиму одержать победу над своими соперниками и сохранить территориальную целостность сирийского государства. В политическом плане укрепление позиций правящего в САР режима сняло вопрос о смене власти в САР силовым путем как внутри страны, так и за рубежом, позволило одержать победу над тер-

поризмом и обеспечить в 2020-х гг. переход к периоду «безопасности и стабильности» и «восстановлению».

Несмотря на некоторые успехи Б. аль-Асада по нормализации положения в стране, ***общая ситуация в государстве и обществе остается сложной и характеризуется хрупкой стабильностью.***

Военно-политическая обстановка в САР отличается лабильным характером. Сущностное содержание развития страны содержит много элементов непредсказуемости. Вооруженный конфликт привел к разделу Сирии на зоны влияния региональных и международных сил. В отличие от прежних лет участники сирийского кризиса уделяли больше внимания не столько вопросам вооруженной конфронтации, сколько поиску решений политического урегулирования и возврату к ранее отложенным мирным инициативам и трекам.

В условиях гражданского противостояния произошла деформация властной конструкции, основанной на сложной системе сдержек и противовесов, что ослабило режим и осложнило урегулирование конфликта на ранних этапах. Эскалация вооруженного противостояния фактически разрушила основные институты государства. Отмечалось снижение административного потенциала сирийских управленческих структур. Значительные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения сирийского населения. Многие районы страны сделались легкой добычей экстремистских группировок. Сирия превратилась в источник международного терроризма.

Правящий режим смог удержать власть и установил контроль над большей частью сирийской территории. Б. аль-Асад сохранил институт армии и органов безопасности, который был тщательно отстроен его отцом. В Сирии сохраняется политическое соперничество, в основе которого лежат религиозные, идеологические, этнические противоречия. Резкое ухудшение экономического положения не могло не сказаться на состоянии сирийского общества. Экономический кризис отразился на продовольственной безопасности, за рамками которой к весне 2022 оказалось 12 млн чел., что на 51% больше чем в 2019. По некоторым про-

гнозам этот показатель может увеличиться до 15 млн чел к концу 2023.⁴⁶ Заметно вырос уровень бедности сирийского населения. Показатели жизненного уровня городского населения САР снизились более чем на 10% в 2021–2022 гг. Многие были вынуждены добывать пропитание не столько за счет работы в условиях военной экономики, сколько за счет гуманитарной и других видов помощи. В ходе проведенных в 2021 г. опросов 63% респондентов в Дамаске выразили желание уехать из страны.⁴⁷ В обществе усилился религиозный радикализм, и явно обозначилась тенденция национального сепаратизма. Последствия землетрясения в феврале 2023 г. выразились в оживлении протестного движения в ряде сирийских провинций. Так, в феврале 2023 г. в Сувейду был назначен новый глава территориального МВД генерал Т. Данда. Одновременно части Сирийской Арабской Армии (САА) предприняли ряд мер по усилению безопасности на КПП по линии Канават-Сувейда. Этот район был населен преимущественно друзскими сектантами из организации «Хикмат аль-Хиджри». Армейская группировка была усилена 5 танками. В районе аль-Анкуд был построен новый КПП. Несмотря на предпринятые меры безопасности, местные жители продолжают выходить на митинги протеста. Они требуют помощи властей для преодоления последствий землетрясения 6 февраля 2023 г. По оценкам местных активистов армейское усиление в Сувейде понадобилось силовикам для прикрытия наркотрафика в Иорданию, который они негласно патронируют.⁴⁸ Под вопросом остается сохранение единства территории и перспективы правящего режима.

⁴⁶ Humanitarian needs in Syria have reached their worst levels since conflict began nearly 12 years ago, the Security Council heard on Wednesday. UN. 21 Dec 2022. <https://bit.ly/3WiWu49> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁷ Чалаби, С. (2021). Аль-иттиджях-нахва-аль-хиджра-фи-ль-асима-аль-сурийя-димашк. Марказ аль-Сиясяат ва-ль-бухус-аль-амалият. [Тенденция к миграции в сирийской столице Дамаске]. <https://bit.ly/3X1lfTy> (дата обращения: 20.08.2022). На араб. яз.

⁴⁸ Надир, А. (2023) Истимрар-фалатан-аль-амний-фи-аль-сувейда-рагхмайжаат-аль-амнийя-аль-джадида. [В аль-Сувейде продолжается дестабилизация несмотря на новые меры безопасности]. Февраль, 28. <https://alaraby.co/uk/politics/> (дата обращения: 01.03.2023). На араб. яз.

Возникший политический вакуум заполняется радикальными исламистами, которые пользуются социальной базой поддержки пока продолжаются военные действия. В самой Сирии отмечается некоторая дестабилизация в провинциях Дейр аль-Зор, Ракъа, в приграничных с Иорданией пустынных районах. Это связано с активизацией там деятельности «Исламского Государства» (запрещено в РФ). В 20-х числах июня 2022 года на интернет ресурсах, близких к «Исламскому Государству» («ИГ»), появилась информация об успешных атаках организации на подразделения Сирийской Арабской Армии (САА), 5-го корпуса САА, бригад «аль-Нимр», Сирийских Демократических Сил (СДС). По тем же данным, «джихадисты» использовали ракетное вооружение, типа ПРУ и ПЗРУ. Боевики «ИГ» устраивают засады на официальных гражданских представителей сирийского режима.

В ходе операции «ИГ» в провинции аль-Ракъа (2022) было убито более 10 гражданских лиц. Несмотря на серьезные потери, «ИГ» сумело сохранить часть позиций, демонстрирует способность к выживанию и восстановлению сил. «ИГ» использует тактику мобильных групп и действует в основном в горных и пустынных районах страны, не представляя фатальной угрозы правящему в САР режиму. Тем не менее, сам факт деятельности этой террористической организации, показывает, что силам международной коалиции не удалось окончательно покончить с «ИГ». Учитывая прежний опыт деятельности «ИГ» в САР и Ираке, сохраняется эвентуальная угроза попыток «ИГ» восстановить свои позиции, в случае развития неблагоприятных тенденций в Сирии. Как показывает практика борьбы с «ИГ», никто до конца не знает потенциал этой организации, истинные источники ее подпитки и мотивы ее спонсоров.⁴⁹

В оппозиционных сирийских кругах усилилась дискуссия по вопросу о состоянии механизма принятия решений в системе власти и ее способности преодолеть отмеченные трудности и сохранить стабильность в стране. Ослабление властных структур могло повлечь децентрализацию центров сил, активизацию их

⁴⁹ Исам, В. (2022). Мин-айна-янталак-аль-дауля-би-танфиз-амаль. Откуда ИГ осуществляет операции в Сирии? Июнь, 23 <https://www.alquds.co.uk/> (дата обращения: 24.06.2022). На араб. яз.

заговорщицкой активности, борьбу за власть в рядах правящих элит. В итоге это может привести к падению нынешнего режима.

С другой стороны, кризис в большей степени затронул государство и общество, нежели режим, который продолжает удерживать власть. Режим стремится переформатировать конструктивные особенности государственной модели, используя поддержку внешних сил. Президент проводит «оптимизацию» властной элиты, поставив ее представителей под жесткий персонифицированный контроль главы государства.⁵⁰ Процессы политического урегулирования и восстановления страны, осложняет **падение темпов развития в условиях военной экономики**.

Сирийская экономика отличалась мобилизационным типом военного времени и находилась в состоянии отложенного коллапса. Неолиберальная экономическая политика сирийского правительства накануне кризиса упрочила наметившуюся в 1980-х гг. тенденцию снижения темпов экономического развития в госсекторе.⁵¹ Сирийский конфликт привел к остановке большинства отраслей национальной экономики и резкому снижению деловой активности в стране.

В условиях курса на силовое подавление протестных движений значительная доля бюджетных поступлений тратилась на содержание армии и служб безопасности. К 2017 г. в Сирии перестала существовать единая экономика. В результате боевых действий более 6 миллионов сирийцев эмигрировали из страны, и вышли из производственного цикла. Производство нефти практически остановилось, снизилась добыча газа, тысячи фабрик были уничтожены, сельское хозяйство, транспортная система оказались сильно повреждены, туризм полностью прекратился, экспорт остановился, снизился импорт, ВВП составлял менее четверти от уровня 2010 года.

⁵⁰ Захар. М. (2022) Тахавалят-нухба-аль-низам-аль-хаким-фи-ль-харб-аль-ахлийя-аль-сурийя (2016–20221). [Эволюция правящей элиты в условиях гражданской войны в Сирии]. Аль-Батан, № 40\10. <https://bit.ly/3CJXzLn> (дата обращения: 15.05.2023). На араб. яз.

⁵¹ Daher, J. (2020). State Institutions and Regime Networks as Service Providers in Syria. Middle East Directions. <https://bit.ly/3ZweKd5> (дата обращения: 13.04.2022).

Складывающаяся в стране ситуация характеризовалась невыполнением экономических планов правительства и растущим социальным расколом в стране. Наиболее ярко эти черты проявились в районах находившихся под контролем режима аль-Асада, где отмечался спад экономической и деловой активности в результате энергетического кризиса и ослабления национальной валюты. Согласно данным Центра политических исследований САР общие экономические потери превысили к концу 2021 г. 650 млрд долларов США. ВВП снизился на 20% в период с 2019–2021 гг. Больше всего пострадали отрасли госсектора экономики, прежде всего сельское хозяйство и социальные услуги, где темпы роста сократились в 2021 на 34% и 30% соответственно, в результате засухи, увеличения затрат на средства производства, снижения реальной зарплаты.

Сирия испытывала хронический бюджетный дефицит, размер которого, по оценкам министерства финансов САР, составит в 2023 г. 4860 млрд сир.ф.⁵² В условиях снижения внешних инвестиций, государство увеличивало объем внутренних займов и наращивало выпуск государственных облигаций для покрытия бюджетного дефицита. Общий размер обязательств казначейства составил в 2020–2022 г. 750 млрд сир.ф. Экономическая политика ЦБ САР в условиях ливанского кризиса вызвала падение стоимости сирийского фунта по сравнению с долларом США. Темпы падения составили 215% (2020), 75% (2021), 93% (2022). Обменный курс на черном рынке вырос и составил 7 тыс. сир.ф. за 1 доллар США в декабре 2022 г. В 2019–2022 гг. темпы инфляции составили 600%. Цены на продовольствие и товары первой необходимости выросли на 670% в указанный период. Характерно, что темпы роста цен в подконтрольных режиму районах были немного выше.⁵³

⁵² Ажаз-аль-мувазана-аль-сурийя-яздад-фи-2023.Зияда-аль-раватиб-мумкина.[Дефицит сирийского бюджета вырастет в 2023 году. Возможно повышение размера заработной платы]. Анъаб Балядий. 01.10.2022. <https://bit.ly/3w02p2Z> (дата обращения: 17.02.2023). На араб. яз.

⁵³ Далиль-аль-марказ-аль-сурий-ли-бухус-аль-сиясия-ли-асар-аль-мустагхляка-фи-сурия-ли-фатра-тишир-аль-аваль-2020-хузейран-2022. [Справочник Сирийского центра политических исследований цен на потре-

Дамаск сталкивался с острым топливным кризисом в результате резкого сокращения добычи нефти и производства нефтепродуктов. В январе 2023 г. цена за литр мазута в Дамаске составляла 10 тыс., бензина — 13 тыс. сир.ф. В январе 2023 г. Иран возобновил прерванные в конце 2022 г. поставки нефти в САР.⁵⁴ В первой декаде января 2023 г. иранские танкеры доставили в сирийский порт Баньяс 1 млн баррелей сырой нефти и около 4 тыс. тонн сжиженного газа. Однако иранская помощь не могла полностью удовлетворить потребности сирийской экономики. С 2011 по 2022 гг. добыча нефти и нефтепродуктов в контролируемых режимом районах упала с 380 до 20 тыс. баррелей в день. Чтобы остановить экономический спад сирийская экономика нуждалась в 200 млн баррелей в день. В 2021 г. добыча нефти и нефтепродуктов во всех районах Сирии составляла 859 тыс. баррелей в день. Из них только 16 тыс. баррелей доходило до нефтеперегонных заводов. К середине 2022 г. эти показатели изменились — 80,3 тыс. и 14,2 тыс. баррелей в день, соответственно. При этом 66 тыс. баррелей поступало из спорных районов востока и северо-востока САР.⁵⁵

Отрицательные явления в госсекторе экономики усугублялись ростом коррупции, объёмы которой в денежном выражении выросли к 2022 г. и составили 20–25% от ВВП. В контрабанду и наркоторговлю наряду с военными оказались вовлечены функционеры государственных и частных экономических структур. Так, в ходе встречи с российскими представителями в январе 2023 г. иорданский министр иностранных дел выразил обеспокоенность мерами усиления, которые осуществляла 4-я дивизия войск специального назначения (командир — М. аль-Асад, брат

бительские товары в Сирии в период октября 2020-июля 2022]. 08.12.2022. <https://bit.ly/3vVbj1V> (дата обращения: 02.01.2023). На араб. яз.

⁵⁴ Данная позиция ИРИ носила несколько эмоциональный характер как первичная реакция на спонсируемое РФ сирийско-турецкое примирение. В преддверии намеченного на май 2023 г. визита в САР иранского президента И. Раиси, Тегеран возобновил поставки сырой нефти в САР.

⁵⁵ Аль-Арабий аль-Джадид. Редакционная. 2023 Иран-тутаббак-зияра-траиси-ли-димашк...(Иран предвещает визит Раиси в Дамаск поставками нефти в САР). [https://alaraby.co.uk/economy/Январь 12](https://alaraby.co.uk/economy/Январь%2012) (дата обращения: 20.01.2023). На араб. яз.

президента) в районе КПП на сирийско-иорданской границе (аль-Насиб/аль-Джабер). По мнению Аммана, ряд командиров 4-й дивизии могли быть замешаны в «крышевании» наркотрафика в Иорданию. Иорданские специальные службы и их саудовские коллеги считали, что наркоторговля не только является инструментом «тихой войны», призванным повлиять на позицию соседних государств, но и превратилась в прибыльное дело для некоторых сирийских силовиков и арабских племен, кочующих в этом районе и не признающих национальных границ.⁵⁶

Объем наркотрафика в 2021 г. составил 5.7 млрд долл. США. Заметное снижение темпов экономического роста, затратный характер промышленного производства, резкое падение сирийского фунта затрудняли обеспечение насущных потребностей общества. Перспективы выхода из энергетического кризиса представляются неопределенными. В результате восстановление сирийской экономики с опорой на собственные ресурсы может оказаться практически неразрешимой задачей, что на долгие годы превратит Сирию в страну-должника с постоянно растущим внешним долгом.

Одним из возможных выходов из сложившегося положения может стать использование опыта местного самоуправления.

Восстановление сирийской экономики во многом определялось эффективностью проектов реконструкции с точки зрения использования, имеющихся материальных и людских ресурсов. В сложившихся условиях возрастала роль органов местного самоуправления в процессе восстановления страны. Налаживание сбалансированного взаимодействия между центральной властью и местными советами могло стать решающим условием выполнения проектов реконструкции. Это было особенно важно в условиях пост военного периода, когда власть центра еще слаба, а власть на местах окрепла, и пользуется доверием и поддержкой населения.

С самого начала проект создания районов местного самоуправления сталкивался с целым комплексом проблем, начиная

⁵⁶ Иссам, В. (2023) Кыядий-муарид: Фирка-т-махер-аль-асада... [Руководитель оппозиции: дивизия махера аль-Асада...]. Март, 14. <https://alquds.co.uk> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

с его неоднозначным восприятием местным населением, центральной властью и вооруженной оппозицией. Турция выступила с резкими возражениями против этого проекта и провела в 2019 г. силовую операцию «Оливковая ветвь» на северо-востоке Сирии. Власти Дамаска поддерживали выступления местного арабского населения против отрядов курдского сопротивления и действия активистов местного самоуправления в районах Ракья, Манбидж и Хасака. Действительно, органы местного самоуправления в районах с преимущественно арабским и курдским населением так и не смогли завоевать доверие местных общин и их руководителей по ряду причин. И тех и других (арабов и курдов) смущали выдвинутые местными органами положения о самоидентификации населения. С одной стороны эти положения не обязывали граждан идентифицироваться исключительно на этнической (курдской национальности) основе. С другой, носили слишком «интернациональный» характер, что с точки зрения местных жителей, выходило за рамки национальных и религиозных границ и плохо сопрягалось с этническими и конфессиональными реалиями данной местности и проживавшего там населения. На самом деле в восприятии местного самоуправления сталкивались две противоречивые идеи. С одной стороны за годы кризиса местные власти перестали чувствовать жесткую и повседневную власть центра. С другой они опасались, что в условиях естественной децентрализации сирийской территории, местные органы самоуправления могут приобрести излишнюю самостоятельность и заложить сложившиеся на местах реалии в основу местного законодательства, что заставило бы центр в дальнейшем считаться с ними.

За годы правления аль-Асадов местные власти привыкли к дотационному режиму и опасались, что в условиях самостоятельности, они могут не только лишиться поддержки центра, но стать его соперником. К тому же среди части населения данных районов бытовала идея, что слишком большая независимость местных властей может в конечном итоге подтолкнуть их к полной автономии (вплоть до отделения), чем могут воспользоваться соседние государства, и в результате страна потеряет территориальную целостность. Подобного рода настроения

подпитывались властями Дамаска, которые крайне болезненно воспринимали идею ослабления руководящей роли центра и отвергли идею любой федерализации в рамках проекта конституционной реформы.

В тоже время, сирийский режим не может не считаться с тем фактом, что важную роль в выполнении проектов по восстановлению сырьевой производственной базы, может сыграть национальный капитал — в качестве инициатора привлечения арабских и иностранных инвестиций, в том числе из России и Ирана. До событий 2011 г. национальный капитал имел значительный потенциал роста, но не мог его реализовать в полном объеме из-за ошибок в управлении и определенных ограничений в политической и экономической сферах. В условиях переходного периода и восстановления страны именно сирийский капитал вне зависимости от этнического и конфессионального «окраса» (деньги не пахнут. — А. В.) способен создать в стране привлекательный инвестиционный климат, что может в дальнейшем обеспечить приток солидных вложений из-за рубежа.

Стоит обратить внимание на деловой потенциал исламских движений, которые сложили оружие и готовы работать с властью в мирных условиях. Их социальная база представлена средними слоями населения, занятыми бизнесом, торговлей, финансами, другими видами экономической и коммерческой деятельности, на уровне национальных рынков. «Бизнес-ислам» и его представители пользуются доверием в странах — потенциальных донорах (Турция, Катар, ОАЭ — Братья-мусульмане, КСА — салафиты, Иран — шииты). Они характеризуются умеренными взглядами на внешней арене (как неперемненное условие успешного бизнеса с зарубежными партнерами) и определенной долей консерватизма, как гарантии внутрисемейной и корпоративной устойчивости, лояльности и преданности делу. К тому же, приходя во власть, они делают выбор не в пользу идеологии, а реальной политики и практической деятельности.

В случае длительного удержания власти нынешним режимом он будет вынужден пойти на серьезные политические компромиссы и с большей толерантностью отнестись к тому факту, что в своем большинстве национальный капитал в конфессиональ-

ном отношении представлен суннитской буржуазией. В этом случае правящий в Сирии режим сможет раскрыть скрытый потенциал сирийской буржуазии в восстановлении национальной экономики на суверенной основе.

События марта 2011 г. привели к изменениям в политической системе Сирии, выразившимися в серьезной трансформации сущностного содержания **вертикали власти**. В этой связи, характерна судьба двоюродного брата президента САР Рами Махлюфа. До недавнего времени он был видным представителем властвующей сирийской элиты. Бизнес Р. Махлюфа бы одним из центров сирийской экономики. Сам Р. Махлюф фактически являлся «кошельком» правящей семьи. Он выполнял важные посреднические функции в поддержании деликатных контактов с влиятельными партнерами режима, руководил работой нескольких благотворительных фондов, через бухгалтерию которых проходили огромные финансовые средства. Кажущееся внешнее могущество Р. Махлюфа (о котором на деле мало кто знает — А.В.) не спасло его от Б. аль-Асада.

В течение 2020–2021 гг. сирийский президент последовательно ликвидировал бизнес своего кузена (по матери — А.В.), а затем лишил его какого-либо влияния в стране. Действительно, как свидетельствует реальное состояние дел в близком окружении сирийского президента, все законные пути его возможным конкурентам были надежно перекрыты. Это касалось и его родного брата Махера аль-Асада и его сыновей. Еще совсем недавно, в начале кризиса, личность М. аль-Асада, даже в родственном окружении воспринималась далеко неоднозначно. Его часто критиковали за непрофессионализм и излишнюю жестокость в отношении повстанцев. В то время даже появилась поговорка «Махера в президенты, Башара в больницу» («Махер Иля-ль Кияда ва Башар Иля-ль Айяда»).

На самом деле, боевой инструмент Махера аль-Асада — 4-я дивизия (бывшие «Роты обороны») действовала на двух основных направлениях. Во-первых, подавление повстанцев и освобождение захваченных ими районов. Во-вторых, установление контроля над ключевыми торгово-экономическими путями на территории Сирии и ключевыми пунктами на границе с Ливаном в целях

беспрепятственного снабжения сирийских вооружённых сил и их сторонников в Ливане («Хезболла») оружием и боеприпасами. Возможно, титул «Эмира войны» достался М. аль-Асаду не совсем заслуженно и должен был бы принадлежать другим, чья деятельность отличалась более масштабным характером.

Иногда М. аль-Асаду приписывали особые отношения с Ираном и покойным генералом Касемом Сулеймани, называли его человеком Тегерана в сирийском руководстве. Однако, как свидетельствуют некоторые специалисты, эти слухи не имели под собой серьёзных оснований и могли рассматриваться, как попытки продемонстрировать наличие баланса во власти, и играли роль своеобразных сигналов Москве и Тегерану. В этой связи, стоит отметить, что внутренние конфликты были весьма характерны для правящей в Сирии семьи аль-Асадов — аль-Махлюфов.⁵⁷

С началом сирийских событий они лишь обострились. Достаточно вспомнить генерала Асыфа Шауката — мужа сестры Башара Асада Бушры. Как известно он погиб летом 2012 года во время взрыва в штаб-квартире Совета безопасности САР. Как свидетельствуют хорошо осведомленные источники, до этих событий в него во время ссоры стрелял М. аль-Асад, а еще раньше Басель аль-Асад (старший сын Х. аль-Асада), недовольный женитьбой А. Шауката на его сестре. Некоторые наблюдатели считают, что участие российских ВКС осенью 2015 г. в сирийских событиях поставило крест на властных амбициях Махера аль-Асада. Мы же полагаем, что самым болезненным ударом по правящей семье была кончина супруги Хафеза аль-Асада Анисы Махлюф(2016). Именно она была «мотором» принятия решения в узком семейном кругу по самым важным военно-политическим событиям в Сирии. Более того, она сумела создать особый кризисный центр из самых близких людей и фактически управлять им.

После ее кончины, дела стали разваливаться. Уже никто не мог заступиться за Мухаммеда Махлюфа, который сам со всеми своими капиталами был до конца «использован» своим племянником. Некоторые считают, что после того как Б. аль-Асад пол-

⁵⁷ Из бесед автора с сирийскими представителями. 1995–2007. Дамаск-Москва-Дамаск.

ностью использовал средства семьи аль-Махлюфа, он беспрепятственно отпустил дядю в Москву, где тот заболел COVID-19. Одновременно в Сирии и за ее пределами заговорили о Хафезе — старшем сыне Башара аль-Асада, как о возможном преемнике на посту президента. В этом случае шансы его (Хафеза — В.А.) дяди Махера окончательно улетучивались. Вышесказанное, может свидетельствовать о том, что привычные схемы и среды для выдвижения преемников на властное поприще изменились. И в этой связи шансы близкого родственного окружения Рифаата аль-Асада могут также измениться. Известно, что Хафез аль-Асад принял окончательное решение в отношении своего старшего сына Баселя только после полного разрыва со своим братом Рифатом. И таким образом поставил точку в вопросе преемственности власти.

Что же касается самого Рифа'та аль-Асада, то в начале октября 2021 г. проправительственная сирийская газета «аль-Ватан» писала о его возвращении в Сирию. Р. аль-Асад получил разрешение Б. аль-Асада и вернулся на родину в качестве обычного сирийского гражданина. Напомним, что Р. аль-Асад является младшим (7 лет разницы) братом покойного президента Хафеза аль-Асада и приходится дядей нынешнему президенту Сирии.

Несмотря на свой почтенный возраст (84 года), Р. аль-Асад сохранял ясность ума и обладал отличной памятью.⁵⁸ После серии судебных преследований во Франции и Испании, Р. аль-Асад лишился большей части своих зарубежных финансовых активов и недвижимости. В Дамаске он поселился в своем старом доме в западном квартале Меззе, где традиционно жили представители военной и гражданской элиты Сирии. В конце 1990 гг. часть командного состава армии и спецслужб получила новые квартиры в только что отстроенном жилом комплексе на стыке автострады Меззе и Бейрутской дороги. Офицеры были обязаны переселиться туда по настоянию УВКР САР. При этом старые квартиры сохранялись в их собственности. Многие офицеры подозревали, что новое жилище было технически обработано УВКР. Но приказ, — есть приказ. Да и аренда старых квартир

⁵⁸ Ахмедов В.М. (2022). О возвращении Рифаата Асада. Октябрь, 21. <https://arabesky.livejournal.com/> (дата обращения: 23.05.2023).

в престижном районе сирийской столицы приносила неплохой доход. Недалеко от жилища Р. аль-Асада располагается посольство Ирана. На фронтоне здания красовался огромный плакат, на котором изображен генерал Касем Сулеймани. Одно время он был фактическим губернатором Дамаска и в конце 2020 г. окончил свой жизненный путь в Багдаде в результате воздушного удара США. На стоящих по обе стороны автомагистрали домах можно наблюдать плакаты Аятоллы Хомейни, Генерального секретаря ливанской «Хезболлы» Х. Насрулы. Из части окон дома Р. аль-Асада видны верхушки горы Касьон, которая окружает Дамаск. Когда-то там располагались позиции «Рот Обороны».

В 1980 г. «Роты Обороны» прекратили свое существование. Но их позиции на горе Касьон сохранились. Сегодня там дислоцируются подразделения 4-й дивизии, которую возглавляет племянник Рифа'ата Махер аль-Асад. «Роты обороны» были созданы в 1963 г. одним из руководителей военного комитета ПАСВ М. Омраном. Вскоре их возглавил Рифа'ат аль-Асад. По указанию старшего брата Хафеза Рифа'ат с ранних лет вступил в Баас и окончил Военную академию в Хомсе. У выходца из Кардахи — родового оплота правящего в стране клана аль-Асадов — аль-Махлюфов не возникло проблем с поступлением. Любопытно, что те, кто учился с Рифа'атом в Академии позитивного отзывались о его способностях и личных качествах. Они с улыбкой говорили о том, что Рифа'ат во всем стремился подражать своему старшему брату, хотя и был его полным антиподом по складу характера и личностному психотипу. «Роты обороны» сыграли важную роль в современной сирийской политике.

В феврале 1966 г. с их помощью был смещен со своего поста президент Амин аль-Хафиз. А во время «бескровного» переворота в ноябре 1970, в результате которого к власти в САР пришел Хафез аль-Асад, выведенные Рифа'атом на улицы Дамаска танки вынудили уйти в отставку президента Нурэддина аль-Атаси и помогли арестовать главного соперника Хафеза аль-Асада в партии Салаха Джадида. Следы последнего так и затерялись в казематах сирийских тюрем. Возможно, Рифа'ат действительно верил в то, что он должен разделить властные полномочия со своим старшим братом, а потом встать во главе страны. Подоб-

ные настроения Рифа'ата были небеспочвенны. По воспоминаниям бывшего вице-президента САР А. Х. Хаддама, Хафез аль-Асад одно время был склонен придерживаться идеи партнерства во власти со своим младшим братом.

После первого сердечного приступа в ноябре 1983 г. Хафез аль-Асад серьезно заболел. До ноября 1984 г. страной управлял созданный им комитет из военных и гражданских руководителей. В его состав вошли А. Х. Хаддам (суннит, тогда министр иностранных дел), Мустафа Тлас (суннит, министр обороны), Хикмет Шехаби (суннит, начальник ГШ ВС САР), Али Дуба (УВКР), Ибрагим Сафи (командующий контингентом сирийских войск в Ливане), высокопоставленные офицеры Али Хейдар и Аднан Бадр аль-Хасан. Отличавшийся подозрительностью Рифа'ат, решил, что его брат готовит себе замену в лице старшего сына Баселя, который погиб поздним ноябрьским вечером 1994 г. в автомобильной катастрофе в нескольких десятках метров от международного аэропорта Дамаска. Рифа'ат, который не был склонен к интригам и колебаниям решил перехватить власть.

В конце марта 1984 г. верные ему войска вошли в Дамаск, предварительно окружив столицу и взяв под контроль ее стратегические объекты. Х. аль-Асад был хорошо осведомлен о намерениях и действиях своего брата. Во многом этому способствовал один из высокопоставленных офицеров спецслужб Бахджет Сулейман, который в последствие занял высокий пост в Управлении общей разведки (УОР) САР. Он был не только профессионалом высокой пробы, но и славился в узких кругах склонностью к поэзии. Его стихи и эпиграммы пользовались популярностью не только на поэтических вечерах сирийской интеллигенции (с которой Б. Сулейман вел активную работу. — А. В.), но и имели хождение в коридорах сирийских органов безопасности.⁵⁹

Казалось, вооруженное столкновение неизбежно. Сирийская столица и ее жители оказались перед лицом реальной угрозы. Тогда, отличавшийся не меньшей решимостью, но большим хладнокровием и расчетливостью Хафез аль-Асад, надев военную униформу (делал он это не часто) в сопровождении Баселя

⁵⁹ Неопубликованные материалы автора.

и под прикрытием вертолетного звена явился в штаб-квартиру Рифа'ата в Кабуне. Сегодня этот район практически полностью разрушен, а уцелевшие казармы и жилые помещения занимают бойцы КСИР. Застав Рифа'ата врасплох, Хафез, по свидетельству очевидцев, заявил своему брату, что если он хотел взять Сирию, то вот она стоит перед ним. «Сирия, — это Я», сказал Х. аль-Асад. Вопрос был решен. Рифа'ат отступил. Вскоре он получил формальное назначение на пост вице-президента по вопросам безопасности (которого лишился указом президента в 1998 г.) и одновременно отправился в длительную зарубежную ссылку, которая длилась без малого 30 лет. Одно дело сражаться против «Братьев-мусульман», разрушив Хаму танками и отдавать приказы женскому персоналу «Рот Оборона» срыгивать платки с девушек и женщин в Дамаске, другое решиться на убийство своего старшего брата и племянника. Опустим подробности секретного визита члена Политбюро ЦК КПСС Г. Алиева в Дамаск, где он провел 3 дня и вел многочасовые переговоры с Х. аль-Асадом. Москва была не заинтересована в дестабилизации ситуации в Сирии. И сделала все возможное, чтобы не допустить кризиса. Р. аль-Асад был отправлен в Москву в сопровождении старших офицеров ГШ ВС САР и министра иностранных дел Ф. Шар'а.

Вскоре он покинул гостеприимную российскую столицу и переехал в Швейцарию. Потом обосновался в Испании. Он создал свой спутниковый канал в Великобритании и основал политическую партию в Париже, которую возглавил его сын Сомар. Таким образом, Рифа'ат рассчитывал мобилизовать силы зарубежной сирийской оппозиции в борьбе с режимом. Р. аль-Асад отказался от предложения некоторых английских политиков и парламентариев, которые, как следует из рассекреченных в 2017 г. архивов британской внешней политики, стремились в марте 1990 г. уговорить его вернуться в Дамаск. Англичане полагали, что, если с помощью давления США, Египта и Израиля на Х. аль-Асада, им удастся вернуть Рифа'ата в Сирию, это может смягчить политику режима и несколько ослабить его связи с СССР. Р. аль-Асад критиковал политику режима в Ливане, разрыв отношений с ООП,

сближение с Ираном, скептически воспринял договор о дружбе с СССР (статью 6) от 1982 г.

Он выступал за развитие отношений с арабскими странами, прежде всего Египтом и КСА, призывал начать мирные переговоры с Израилем. Он не был склонен полностью доверять США, хотя в своем секретном циркуляре по армии после событий 1984 г. М. Тлас обвинил его в связях с ЦРУ, Западом, в целом, и КСА. Этот документ больше известен в расширенном виде как политический памфлет М. Тласа «Три месяца, которые потрясли Сирию». Рифа'ат действительно имел неплохие отношения с КСА, куда он впервые был направлен в 1981 г. своим старшим братом с посланием к саудовскому монарху Халеду Бин Абдель Азизу. В секретном письме обсуждались детали американо-саудовских переговоров по Сирии, которыми саудовцы поделились с Х. аль-Асадом. За годы своего изгнания Р. аль-Асад дважды посещал Сирию.

В 1992 г. он ездил на похороны матери и в 1994 г. приехал выразить соболезнования в связи с кончиной Баселя. В этот период начались мирные сирийско-израильские переговоры, и Дамаску удалось временно нормализовать отношения с США. После принятия окончательного решения по Башару как преемника Х. аль-Асада, дорога Р. аль-Асаду в Дамаск была заказана. После кончины Х. аль-Асада в июне 2000 г. Рифа'ат объявил себя законным наследником на властном поприще САР. В ответ А. Х. Хаддам издал указ об аресте Рифа'ата, если он вернется в САР на похороны брата. Сторонники Рифа'ата попытались организовать вооруженный десант с моря на побережье Латакии, но были отбиты сирийскими войсками и не получили поддержки местной алавитской общины. Алавитские шейхи, сторонники Рифа'ата, еще не могли придти в себя от тех обвинений в связях с врагами Сирии, которые обрушил на них М. Тлас в своем знаменитом памфлете, заставив тем самым отвернуться от Рифа'ата и предать его. В своем памфлете М. Тлас обвинял Рифа'ата в стремлении создать в Сирии государство Алавитов. По мнению М. Тласа такое государство обречено жить в орбите Израиля. Позднее, Абу Фирас (он же М. Тлас) говорил (в частных беседах), что ему пришлось это написать. Алавитским шейхам положительно не везло.

Сначала французы обвиняли их как британских агентов, а потом столпы баасистского режима подозревали в связях с ЦРУ.

Но сегодня все это уже история. Все прежние столпы режима созданного Х. аль-Асадом на основе системы сдержек и противовесов с учетом деликатных конфессиональных и этнических хитросплетений и контрбалансов, либо скончались, либо ушли на покой. Да и сам прежний облик режима, не выдержал перегрузок в кризисных условиях и сильно изменился. В итоге, Рифа'ат остался без своих главных противников. Некогда могущественные генералы Али Дуба и Али Хейдар (спецназ САР) состарились и играют со своими внуками в Латакии. Фарук Шар'а (с 2006 г. вице-президент) сегодня безработный и проводит большую часть времени в своем доме в Дамаске. А. Х. Хаддам был объявлен предателем нации и эмигрировал в Париж в 2005 г. В марте 2020 г. он умер от рака. М. Тлас уехал из Сирии в 2012 г и умер в Париже через пять лет. Мухаммед Махлюф, который в 1980 гг. соперничал с Рифа'атом на поприще реализации торговых и финансовых проектов, умер в 2020 от COVID. Его сын Рами лишился всех оборотных средств, после того как Б. аль-Асад разрушил его финансовую империю в конце 2019 г. Сегодня он обычный сирийский гражданин, которого с трудом пускают на порог когда-то созданной им компании.⁶⁰ По-видимому, Б. аль-Асад извлек верные уроки из опыта взаимоотношений своего отца с его младшим братом Риф'атом в 1984 гг. и не придерживался идеи партнерства во власти даже среди своих соплеменников.

§ 4. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И СИРИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

После окончания горячей фазы кризиса Б. аль-Асад стремится сконцентрировать всю власть в своих руках, аккумулировать капиталы на подконтрольных только ему счетах в созданных ло-

⁶⁰ Владимир Ахмедов. 2020. Размышления о преемственности власти в Сирии. 11.10.2020. <http://www.iimes.ru/?p=73639#more-73639> (последнее обращение 20.03.2023).

яльными (лишенными политических амбиций — А.В.) родственниками компаниях⁶¹ и провети *оптимизацию сирийских элит*.

При Х. аль-Асаде реальная власть принадлежала алавитам из кланов аль-Асадов и аль-Махлюфов.⁶² Выходцы из района проживания аль-Асада — Кардахи (Латакия) стояли во главе сил специального назначения, отвечавших за безопасность режима и президента.⁶³ Командный состав армии на 60%-70% был укомплектован алавитами из разных племен и родовых объединений. К концу 1980-х гг. из 24 высокопоставленных военных 14 были алавитами.

Значительным влиянием в армии, органах безопасности пользовались выходцы из племен хаятын и мутавира.⁶⁴ До революции 1963 г. сунниты из провинций не отличались заметной социальной активностью. Путь к власти им был закрыт, и они действовали на самых низких ступенях социальной лестницы. После прихода Х. аль-Асада к власти их продвижение ускорилося, хотя во многом зависело от принятия первенства алавитов.

С начала 1990 гг. сирийская буржуазия стала приобретать весомые позиции в обществе. Отношения суннитской буржуазии с алавитской верхушкой носили на практике клиентский характер. Алавитские патроны получали материальную выгоду от защиты деловых интересов суннитской буржуазии. Удержание власти алавитской элитой придавало политический характер религиозным различиям и служило постоянным катализато-

⁶¹ Daher, J. The Syrian Presidential Palace Strengthens its Concentration of Power: The Rift Makhoul-Assad. Middle East Directions. 13 May 2020. <https://bit.ly/3VZam3e> (дата обращения: 26.09.2021).

⁶² Drysdale, Alasdair. The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis // Middle Eastern Studies, Vol. 17, No. 1, Jan., 1981. P. 3–30.

⁶³ Middle East Intelligence Bulletin (MEIB), v.2, № 6, July; v.2, № 7, August, 2000.

⁶⁴ Подробнее о роли алавитов в сирийском обществе см.: Van Dusen M. H. Intra and Inter-Generational Conflict in the Syrian army. PhD dissertation, Baltimore, Maryland, 1971, p. 384; Faksh Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force. Middle Eastern Studies, v.20, № 2, April, 1984; Abbas Kalidar. Religion and State in Syria. Asian Affairs, February, 1974, № 5, p. 16–22; Kramer Martin. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984, p. 13.; Саутов В. Н. Сирийские алавиты в новейшее время // Арабский мир в конце XX века: Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН. М.: ИИИВВ, 1996. С. 63–79.

ром конфессиональной напряженности в стране. В тоже время, «алавитский фактор» не выражал в полной мере суть властной вертикали при Асадах, а его детерминация могла исказить понимание подлинного характера внутригосударственных процессов.⁶⁵ Суннитское окружение алавитов было сильнее, чем обычно принято считать. В партийном и государственном аппарате принципом кадровой политики было сбалансированное конфессиональное представительство.

На рубеже 1980–1990 гг. число алавитов в руководстве партии и органах государственного управления составляло немногим более 30%. Посты вице-президента, министра обороны, начальника Генерального штаба ВС занимали сунниты — А. Х. Хаддам, М. Тлас, Х. Шехаби. Последние двое способствовали приходу Х. аль-Асада к власти. Наряду с алавитами они составляли ближайшее окружение сирийского президента. До кризиса (2011) все вице-президенты, премьер-министры, большинство министров, в том числе министры иностранных дел, партийные руководители, губернаторы провинций были за редким исключением суннитами. Управление элитами осуществлялось на основе сложных сочленений межобщинных, клановых, семейных равновесий, построенных на межличностных взаимных обязательствах. Устойчивость властной конструкции зависела от личности президента. Поэтому она несла в себе элемент саморазрушения в кризисных условиях.

Практика использования патронажно-клиентской системы запускала механизм холостого хода в развитии государства. Используемый властью управленческий инструментарий (клановость, семейственность, землячество, круговая порука, nepotизм) препятствовал выравниванию формулы власти. Главную опасность подрыва режима изнутри представлял раскол в алавитской верхушке и нарушение связи с остальной частью алавитской общины, другими конфессиями. Поэтому, любые изменения в системе власти не должны были затрагивать ее основ и осуществлялись в режиме ручного управления с одновремен-

⁶⁵ Hinnebusch R. A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. Middle East Policy, 1995, p. 80–86.

ной зачисткой всех инакомыслящих. На практике это приводило к искажению конфессионального баланса во власти. В процессе выдвижения на властное поприще сына Х. аль-Асада Башара самые радикальные решения были приняты в отношении алавитов. Х. аль-Асад опасался, что после его кончины влиятельные алавитские генералы попытаются захватить власть.

В силу неоднозначности проблемы преемственности власти, соображения родственных связей и дружеских уз отходили на второй план. В 1996–1998 гг. президент сурово обошелся со своими братьями Риф'атом и Джамилем, которые рассчитывали использовать его болезнь для усиления собственных властных позиций.⁶⁶ Оба были лишены всех властных полномочий, высланы вместе со своим окружением из страны, бизнес их родных в Сирии и Ливане был прикрыт. Летом 1998 г. президент усилил группу поддержки Башара в военной среде. Он выдвинул на командные должности молодых алавитских генералов (Ш. Файяда, И. Сафи, Н. Аббаса, И. Зейдана, А. Хасана). Стремясь не допустить перекосов в конфессиональной конфигурации силовых структур, президент заблаговременно (в январе 1998 года) повысил в должности 9 молодых генералов, из которых 5 были сунниты, 1-христианин, 1-друг и 2-алавиты.

Несмотря на предпринятые меры, не удалось избежать нарушения сложившегося в армии конфессионального баланса, что вызывало плохо скрываемое возмущение суннитов засильем алавитов. В то же время, Х. аль-Асад смог обеспечить неконфронтационный переход власти к сыну. В условиях кризиса произошла перестройка структуры национальных элит, и были созданы элитарные группы на базе государственных, частных экономических предприятий и военных организаций. В силовых и политических институтах власти появились новые «игроки» (оружейные бароны, политические брокеры, крупные торгов-

⁶⁶ Джамиль аль-Асад попытался возродить боевые отряды алавитов на базе благотворительного Общества "Имама аль-Муртады", которые были распущены указом президента в середине 1980-х гг. вслед за подавлением мятежа "Братьев-мусульман". После кончины Х. аль-Асада (июнь 2000) на основе Общества из уголовных элементов были созданы вооруженные алавитские отряды "аль-шабиха", которые фактически контролировали район Латакии. В 2011–2012 гг. они вошли в состав проиранских шиитских милиций.

цы). В интересах укрепления контроля над ними, режим был вынужден делегировать этим «нуворишам» часть своих властных полномочий, что ослабляло властную вертикаль. Данное обстоятельство служило постоянным источником беспокойства режима, который манипулировал новыми элитами за счет кадровых чисток и перестановок, что зачастую приводило к кадровой чехарде и искажению принципов меритократии при выдвижении кандидатов на высокие посты в государстве.

Начиная с 2016 г. режим провел ряд мероприятий в отношении сирийских бизнес элит. Подобных мер не избежали даже те, кто был вхож в президентский дворец. В условиях падения курса национальной валюты и ужесточения режима санкций эти меры привели к серии банкротств, рейдерским захватам и уходу финансовых активов за рубеж. Наряду с этим шло переформатирование бизнес элиты. Это было хорошо видно на примере выборов в торговые палаты 2020 г. Так, торговые палаты Дамаска и Халеба практически полностью обновили свой состав за счет тех, кто составил капитал на войне и входил в президентское окружение.⁶⁷ Режим использовал ослабление властной вертикали и растерянность в среде сирийских бизнес элит для создания и укрепления неофициальных властных структур, особенно в государственных секторах приоритетного значения. Об этом может свидетельствовать мероприятия в сфере образования, которые проводил офис жены президента Асмы аль-Асад (аль-Ахрас. в девичестве) в 2021 г. по составлению новых учебных пособий на конкурентной основе среди представителей частных компаний.

В период 2014–2020 гг. было запущено 8 новых социальных программ развития преимущественно в подконтрольных режиму районах под патронажем президентского дворца с привлечением финансовых средств зарубежных инвесторов, в том числе, из России. В итоге, удалось обеспечить работу социальных служб. Только в одном 2019 они охватили своим вниманием более 1,5 млн чел. Одной из важных программ развития стал

⁶⁷ Дахер, Д. (2021) Гхураф-аль-тиджара-аль-сурийя- фи-аль-ам-2020. Суьуд-нухба-джадида-мин-риджаль-аль-аъамаль.[Торговые палаты Сирии в 2020 году. Возвышение новой деловой элиты]. Middle East Directions. Апрель, 12. <https://bit.ly/3QGUp1> (дата обращения: 12.09.2022). На араб. яз.

проект жилищного строительства на Средиземноморском побережье. Данный проект был частью масштабной программы Р. Махлюфа по восстановлению жилых домов, пострадавших после пожара 2020 г.

Одним из важных источников пополнения сирийской казны в условиях возросшего спроса на табачную продукцию служил доход от деятельности Генеральной ассоциации табака. Только в 2009 г. сирийское казначейство получило 19 млрд сир.ф. в качестве дохода от ее деятельности. К 2021 г. эти показатели сократились, составив около 45 млн долларов США.⁶⁸ Одной из причин этого являлся общий спад производства и западные экономические санкции, наложенные на Сирию с 2012 г. Однако истинной причиной стала деятельность М. аль-Асада по банкротству табачной компании, которая прежде принадлежала Р. Махлюфу. По некоторым данным, сирийская казна ежегодно теряла около 3 млрд долларов США в виде недополученных таможенных сборов в результате контрабандного ввоза в Сирию табака, алкоголя, продуктовых деликатесов и предметов роскоши через зону свободной торговли международного Дамасского аэропорта.

Новое руководство компании нашло дополнительные каналы беспоплатной поставки табачных изделий в Ливан, используя хорошо отлаженную сеть посредников из отрядов ливанской «Хезболлы».⁶⁹ Смена хозяйствующих субъектов не гарантировала успешность кампаний. Они едва могли обеспечить потребности населения в подконтрольных режиму районах. Главной задачей этих экономических предприятий было создание финансовой глубины для властной элиты и поддержание минимального уровня социальной поддержки населения в освобожденных районах САР.

⁶⁸ Министерство промышленности САР.(2022). Милъяр-ва-820-милъюн-лира-арбах-аль-муъасаса-аль-амма-ли-т-танбах-ли-ль-ам-аль-мадый. Июль, 15. <https://bit.ly/3bsHfUp> (дата обращения: 14.03.2023). На араб. яз.

⁶⁹ Абдельраззак, А.(2022). Аль-мавани-аль-сурийя-тубейду-захабан-ли-ль-низам-аль-асад. Тахриб-ва-силах-ва-мухадиррат.[Сирийские порты отмывают(наличные)средства для режима аль-Асада. Контрабанда оружия и наркотиков]. Аль-Арабий аль-Джадид. Январь, 8. <https://bit.ly/3bwXEY0> (дата обращения: 27.02.2023). На араб. яз.

Соппротивление отставленных от властной кормушки бизнесменов было жестко подавлено властями и не имело даже малейших шансов на успех в условиях острого дефицита финансовых средств и подчинения массового сознания различным фобиям перед безысходностью настоящего и неопределенностью будущего. В 2023 г. отмеченные выше тенденции в социально-экономическом развитии САР сохранились, а власти продолжили работу по созданию альтернативных центров влияния в экономике. В тоже время, эта деятельность могла иметь негативные последствия для ключевых секторов народного хозяйства в силу технологической отсталости новой экономической элиты и ее зависимости от силовых структур, ***офицерский корпус которых переживал системный кризис.***

В условиях гражданской войны армия кардинальным образом трансформировалась. К середине 2013 г. численный состав Сирийской арабской армии (САА) сократился и составлял фактически 50% от прежней численности (220 тысяч). Конфессиональная поляризация и фракционность в офицерском корпусе ослабили боеспособность и эффективность вооруженных сил САР. После начала кризиса режим мог использовать в борьбе с повстанцами не более трети личного состава всех 20 дивизий.

Под полным контролем режима находилось около 20–25 тысяч солдат и офицеров. Национальные вооруженные силы изначально формировались на основе призыва. В результате большая часть рядового, сержантского состава и среднего командного звена были укомплектованы суннитами. Численность созданных режимом нерегулярных милицейских отрядов составляла 150–200 тысяч человек. Режим сделал опору исключительно на лояльные с его точки зрения алавитские части и местные милиции, нерегулярные отряды «шабихи».

Новые части народного ополчения Tiger Forces (командующий Сухейль аль-Хасан) практически полностью были укомплектованы алавитами. Несмотря на то, что главнокомандующий ВС САР Б. аль-Асад делегировал часть своих полномочий милиционным отрядам, они не были на тот момент вписаны в структуру вооруженных сил. Их подлинные интересы плохо корреспондировались с реальным положением дел в стране. Ре-

жим не мог полностью контролировать ситуацию на освобожденных территориях. Обширные участки Латакийского побережья превращались в полунезависимые зоны влияния военных баронов, очаги коррупции, наркоторговли.

В апреле 2015 г. в районе аз-Захра (Хомс) происходили боевые столкновения между частями ВС САР и милиционными отрядами, которые взяли в заложники местных жителей с целью выкупа. Подобные инциденты повторялись неоднократно в течение 2016–2017 гг. В результате дезертирства более 3 тыс. офицеров (суннитов) изменился конфессиональный баланс в армейском руководстве. Алавиты заняли практически все командные посты в армии.⁷⁰ Оставшиеся офицеры-сунниты были изолированы. Им постоянно приходилось доказывать свою лояльность режиму. Поэтому командиры-сунниты предпочитали не проявлять какую-либо инициативу и слепо следовали приказам сверху, что негативно сказывалось на эффективности боевых операций в условиях вооруженного конфликта. Негативную роль сыграли и пропагандистские установки самого режима. Пытаясь очернить оппозиционеров, состоявших в основном из суннитов, режим изображал их как террористов и экстремистов. Разосланный в войска внутренний циркуляр УВКР (Управление военной контрразведки) САР характеризовал суннитских офицеров как опасных заговорщиков и угрозу национальной безопасности страны.

В период с 2000 по 2020 гг. во главе министерства обороны и генерального штаба сменилось 3 суннитов, 3 алавитов, 1 христианин. За тот же период ДРГ возглавляли 6 алавитов, а 4-ю дивизию спецвойск — 4 алавита. Во главе других спецподразделений сменилось 4 алавита и 1 суннит. На постах начальника контрразведки ВВС сменилось 7 алавитов, командующих корпусами — 23 алавита, 7 суннитов, 1 исмаилит. Из 45 командующих дивизиями 5 были суннитами, 1 друз, 1 христианин. Около 85% комдивов были алавитами. В этот же период во главе ВМС и ВВС стояло трое алавитов и двое суннитов. Из 2400 вы-

⁷⁰ Balanche, Fabrice. The Alawi Community and the Syria Crisis / Middle East Institute, May 14, 2015. <http://www.mei.edu/content/map/alawi-community-and-syria-crisis> (дата обращения: 24.06.2022).

пускников Военной академии САР 2018 г. 6% были суннитами, остальные 94% — алавиты. Слабое представительство суннитов в офицерском корпусе послужило причиной длительности вооруженного конфликта.⁷¹

Отсутствие ясной стратегии, недостаток ресурсов привели к появлению гибридной структуры национальных вооруженных сил. В ее рамках действовали слабо скоординированные регулярные части и милицейские формирования. В условиях кризиса роль центрального командования существенно снизилась. Растущая конкуренция и поляризация внутри армии нередко выражалась в участившихся столкновениях между различными вспомогательными силами. Среди личного состава ВС САР усилился раскол на фоне конъюнктурных кадровых перестановок.

Национальная идентичность личного состава сирийских силовых структур подверглась серьезной эрозии. Подрыв единства организационной среды снизил способность военных к развитию национальной самоидентификации. Офицеры уже не были уверены, что они принадлежат к группе с едиными функциями. Принадлежность офицеров к выходцам из одной группы населения, ограничивала национальную ориентированность офицерского корпуса. Внутренне единство офицеров-алавитов не являлось результатом развития общенациональных ценностей. Их объединение происходило на основе чувства собственной исключительности.

При этом офицеры-алавиты не являлись единой конфессиональной группой, а были расколоты по региональным, племенным признакам, степени лояльности режиму. Далеко не все алавиты были согласны с политикой режима. Многие вынужденно поддерживали режим ради выживания общины.⁷² В условиях кризиса офицерский состав ВВС САР раскололся. Раскол усилился после того как многие офицеры сунниты оказались под подо-

⁷¹ Например, накануне гражданской войны в Пакистане, результатом которой стало образование независимого государства Бангладеш, 95% офицеров пакистанской армии были выходцами из западных районов Пакистана. См. Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. Москва, 2016.

⁷² Из бесед автора с сирийскими партнерами. Дамаск (Сирия), апрель 2001 г.; Доха (Катар), май 2017 г.

зрением как потенциальные заговорщики и подвергались постоянным преследованиям со стороны «Джавийя» (Контрразведка ВВС САР), которая практически полностью была укомплектована алавитами. Даже высокопоставленные офицеры сунниты испытывали постоянный страх быть оклеветанными их подчиненными алавитами, которые работали на местные спецслужбы.

В начале событий бесследно исчезли около 20 пилотов суннитов. Кампания против суннитов достигла своего пика после убийства генерала Абдуллы аль-Халиди из штаба командования ВВС в Дамаске в октябре 2012. А. Аль-Халиди выступал против бомбардировок сирийских городов и подозревался в стремлении перейти на сторону оппозиции. По мере роста напряженности внутри ВВС ужесточались меры в отношении пилотов суннитов. Время полетов было сокращено из-за опасений дезертирства. Отпуска отменены. Выход в город был строго ограничен. За летным составом, их родственниками была установлена постоянная слежка. Летчиков из мятежных районов часто вызвали на допрос в контрразведку. Их пристрасно расспрашивали о родственных связях с представителями оппозиции. Большинство офицеров-суннитов ВВС оказались в информационной изоляции. Они не имели представления о происходящих в стране событиях. Даже когда режим утратил контроль над частью сирийской территории, военное командование не было склонно использовать ВВС за исключением логистических операций в мятежных районах.⁷³

По мере эскалации вооруженной борьбы в сирийских ВВС росли диссидентские настроения. Некоторые летчики отказывались выполнять приказы о бомбардировках мирного населения. В период с 2012 по 2015 гг. 73 пилота из ВВС перешли на сторону оппозиции. Сотни человек из числа технического состава и призывников оставили ВВС. Некоторые скрылись у родственников в Сирии, другие перебрались за границу. В рядах личного состава ВВС обострилась конфессиональная рознь. Из 165 дезертиров 95% были суннитами. А среди 144 погибших в боях пилотов

⁷³ Cooper, Tom, 'Air Power in Decline', Key.Aero, 18 May 2017, <https://www.key.aero/article/air-power-decline/> (дата обращения: 12.02.2020).

90% были алавитами.⁷⁴ Большинство боевых вылетов летчики алавиты совершали в районы традиционного проживания суннитов. Накануне кризиса в САР алавиты занимали 79% командных должностей в сирийских ВВС. Только во главе одной бригады стоял суннит, который был арестован в 2013 г. За все время кризиса в стране только один суннит (палестинского происхождения) был поставлен на руководящую должность в ВВС. В результате ВВС САР участвовали в гражданской войне как «конфессиональная» сила. Сформированные в юношеском возрасте жизненные ценности офицеров были связаны с их религиозным, земляческим происхождением. В условиях конфессионального раскола связи с традиционным обществом перевешивали профессиональную сплоченность офицеров, чувство их национальной общности. Например, в Ливане, где мусульманское население численно превосходило христиан, офицерский корпус был практически весь представлен выходцами из христианских общин. В условиях гражданской войны армии удалось избежать участия на чьей-либо стороне. Однако это не помешало мусульманам создать собственные вооруженные формирования.

В результате это привело к полной дезинтеграции ливанской армии. Армия, которая в течение 30 лет занимала позицию не вмешательства в межобщинные споры в основном из-за того, что в ней господствовали христиане, оказалась фактически парализована, когда межобщинные противоречия переросли в гражданскую войну. В Сирии регулярные бомбардировки мятежных территорий спровоцировали обострение конфессиональной борьбы в обществе.⁷⁵

География войсковых операций 2011–2012 гг. носила конфессиональный характер. В условиях войсковой операции удары нередко наносились по районам с преимущественно алавитским населением (Баньяс, Рас-аль-Набаа). Это вело к расколу единства алавитской общины, утраты доверия к Б. аль-Асаду,

⁷⁴ Fabrice Balanche, "Sectarianism in Syria's Civil War", Washington Institute for Near East Policy, 5 February 2018, <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/sectarianism-syrias-civil-war-geopolitical-study> (дата обращения: 12.08.2022).

⁷⁵ Hicham Bou Nassif, 'Second-Class': The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces, *Journal of Strategic Studies*, Volume 38, 2015, Issue 5.

армии, появлению вооруженной алавитской оппозиции типа «Алавийюн аль-Ахрар».⁷⁶ Использование армии для подавления оппозиционных выступлений привело к нарушению военно-политического баланса в пользу военных. Зависимость власти от позиции военных усиливалась. Б. аль-Асад активизировал работу специальных органов по контролю над армией.

Президент регулярно проводил кадровые чистки при малейшем подозрении на снижение лояльности и личной преданности того или иного офицера, начиная с руководителей среднего звена. Б. аль-Асад постоянно пытался расширить позиции офицеров, которые были лояльны исключительно ему одному. Кадровые перемещения в высшем командном составе сирийских органов безопасности (2020–2022) затронули наиболее значимые и боеспособные службы. Первым объектом кадровых изменений стало руководство Управление военной контрразведки (УВКР), Контрразведки ВВС САР, дивизий спецвойск. Кидах Мильхем (алавит, Тартус) возглавил УВКР ВС САР. Руководство «Джавийя» было доверено генерал-майору Гасану Исмаилу (алавит, Тартус). Традиционно во главе УВКР САР и «Джавийи» стояли алавиты. Это были самые влиятельные службы САР, которые следили за порядком в ВС САР. Еще в 2018 г. Б. аль-Асад утвердил УВКР САР в качестве куратора милиций, освободив «Джавийю» от исполнения части этих функций.

Президент не хотел усиления этих спецслужб как единственного посредника в контактах с шиитскими милициями. Б. аль-Асад не торопился продлевать сроки пребывания в должности их глав (К. Мельхем) и (Г. Исмаила), соответственно. Во главе специального подразделения «Бадиа» в составе УВКР Б. аль-Асад планировал поставить генерала Малик Хабиба. Генерал хорошо зарекомендовал себя в качестве командира дивизии этого подразделения в Дейр аль-Зоре. Режим стремился укрепить контроль над нефтегазовыми месторождениями Сирии. Генерал-майор Али Мамлюк (черкес-суннит) был назначен главой СНБ САР. Глава Управления общей разведки (УОР) САР Х. Искандер был ограничен в своих полномочиях и отвечал за процессы

⁷⁶ Подробнее см.: Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: ИВ РАН, 2018. 197 с.

примирения на юге Сирии. Такого рода «функционал обязанностей» делал его потенциальным кандидатом на увольнение как не справляющегося с решением поставленных задач.

В 2021 г. УОР САР возглавил Хусам Лука (суннит, Халеб). Руководство Департамента политической безопасности (ДПБ) МВД САР было поручено Насеру Али (суннит). Назначение в 2021 г. близкого соратника Б. аль-Асада Талала Махлюфа (алавит) на должность главы военного бюро в Президентском дворце имело знаковый характер. Это одна из важных позиций в силовых структурах САР. Военное бюро отвечало за принятие решений о проведении войсковых операций. Командовавший до этого ДРГ САР Т. Махлюф был связан родственными узами с Б. аль-Асадом и его братом Махером. Амер аль-Хамави (алавит) возглавил личный офис Б. аль-Асада. Вместе эти структуры составляли мощный «пул» поддержки президента внутри армии и органов безопасности. Таким образом, в 2020–2022 гг. президент обновил персональный состав лично преданных ему офицеров в армии и органах безопасности. Новые назначения показывали, что в спецслужбах САР Б. аль-Асад старался менять алавита на алавита, суннита на суннита. С другой стороны, критерий личной преданности иногда перевешивал принцип конфессиональной общности.

Характер кадровых замен в основных спецслужбах свидетельствовал о стремлении Б. аль-Асада застраховаться от возможных попыток переворота. Единственная опасность для Б. аль-Асада могла исходить из его ближайшего родственного, силового, алавитского окружения. Перестановки в силовом корпусе рушили устоявшиеся внутрикорпоративные цепочки связей, в том числе коррупционного характера. Режим стремился продемонстрировать полную управляемость силовиков. Б. аль-Асад проводил постоянные чистки и перестановки в руководящем звене армии и спецслужб.

Число уволенных в наиболее боеспособных подразделениях вооруженных сил было несколько ниже, чем в других армейских частях. Так с 2011 по 2018 гг. сменилось три командира 4-й дивизии спецвойск (бывшие Роты Обороны). С 2018 г. и до сих пор ее возглавляет М. аль-Асад. В 2011–2022 гг. сменилось 5 команди-

ров 1-й дивизии, которую с 2022 г. возглавляет бригадный генерал Джабер Али Джабер. Смена министра обороны и назначение нового начальника Генерального Штаба (НГШ) произошла только весной 2022 (спустя четыре года после 2018). Особое внимание режим уделял укреплению личного состава в силовых структурах за пределами Дамаска,⁷⁷ в том числе в рамках подготовки новых кадров в российских военных учебных заведениях и снятия с хозяйственных подразделений вооруженных сил (ВС) ограничений на занятие коммерческой деятельностью (ДРГ, 4-я дивизия).

Что касается спецслужб, то, несмотря на понесенные в условиях кризиса потери, их руководящий состав оставался практически неизменным. Руководители трех основных сирийских спецслужб (Контрразведка ВВС, УВКР, УОР) занимали посты с 2019 г. В 2021 г. глава ДПБ МВД Насер Али был отправлен в отставку. Частая смена руководства спецслужб в силу особого характера господствовавших в них земляческих и конфессиональных раскладок не отвечала запросу власти на поддержание внутреннего баланса сил. Последние перестановки в рамках сирийских спецслужб произошли во время борьбы с Р. Махлюфом в 2020–2021 гг. В настоящее время в разведывательном сообществе Сирии отмечается рост влияния главы Управления Общей Разведки (УОР) САР Хусам Луки. Помимо профессиональной деятельности, генерал курировал ряд ключевых досье внутренней и внешней политики. Он отвечал за вопросы национального примирения, военные тюрьмы в южных и восточных районах страны, поддержание контактов с главой Службы внешней разведки КСА, руководством российских силовых структур.

В конце 2022 г. в военных кругах Дамаска ходили упорные разговоры о том, что Б. аль-Асад готовит его на замену надежному партнеру Москвы генералу А. Мамлюку во главе Совета Национальной Безопасности (СНБ), который курирует работу всех

⁷⁷ Аль-харас-аль-джумхурий. (2021). Ташкилят-джадида-ли-т-аъазиз-химая-т-аль-асад-минха-"аль-иктихам-нисаъий". [Дивизия республиканской гвардии. Новые формирования для усиления защиты аль-асада, в том числе "Женский штурмовой отряд"]. Заман аль-Васль. Май. 29. <https://bit.ly/3J6tdGI> (дата обращения: 20.04.2022). На араб. яз.

сирийских силовиков. Указанные разговоры в значительной мере подпитывалась информацией (требует тщательной проверки) о контактах Х. Луки с руководством российских специальных служб в рамках реализации учебных и тренировочных программ (2022–2023) для офицеров МВД САР под руководством наставников из УОР САР в качестве резерва руководящего состава сирийских спецслужб. Данный проект представлял особую значимость для сирийских силовиков с учетом тех проблем, с которыми сталкивались сирийские органы безопасности в условиях **конфессиональной деструкции в САР**.

В Сирии исторически сложилось полиэтническое и многоконфессиональное общество. Сирийский социум отличался различными по численности и степени консолидированности религиозными общинами. Мусульманская община (более 90% населения) характеризовалась идейным и политическим разнообразием. Она делилась на суннитскую и шиитскую ветви, имевшие многочисленные разветвления. В первой были представлены арабы-сунниты, большая часть курдов, туркмены, северокавказские этносы; во второй — шииты-имамиты, алавиты, друзы, исмаилиты.

Ведущую роль традиционно играли суннитская и алавитская общины. Вторая была более влиятельной и относительно сплоченной.⁷⁸ Однако именно в ней наблюдался наибольший контраст в уровне жизни между немногочисленной властной группой (аль-хасса) и большинством (аль-амма). Со времени арабских завоеваний VII–VIII вв. н. э. Сирией правил суннитское большинство. Приход к власти в ноябре 1970 г. Хафеза аль-Асада произвел религиозную революцию в системе управления страной. С этого времени алавитское меньшинство правит Сирией.

Х. аль-Асад создал авторитарную систему управления и сильное государство. Согласно официальным данным, все население Сирии в 2011 г. составляло приблизительно 22–24 млн человек

⁷⁸ Алавиты (Нусайриты) — сторонники Мухаммеда бен Нусайра аль-Нумайри (ум. 883 г. н. э.) — главы секты крайних шиитов-нумайритов последователей Х шиитского имама Абу Хасана аль-Хади аль-Аскари. Подробнее см: Ал-Хасан ибн Муса Ан-Наубахти. Шиитские секты. М., 1973. С. 256.

и распределялось в конфессиональном и этническом отношении следующим образом: 45% — сунниты, 20% — алавиты, 15% — курды, 12% — христиане, 3% — друзы, 3% — муршидуны, 1,5% — исмаилиты, 0,5% — шииты. Суннитская община была самой крупной сирийской конфессией (45%). В ее состав входили представители различных этносов: туркоманы, черкесы, чеченцы, другие. Второе место по численности принадлежало алавитам (20%). Всего в мире насчитывалось около 40 млн алавитов. Из них более 4 миллионов человек проживали в Сирии. В основном это были жители прибрежных (Латакия, Баньяс) и центральных (Хомс, Хама) районов. В Дамаске с ближайшими пригородами проживало более 1 млн алавитов. На третьем месте находились курды, которые составляли 15% населения. Большинство курдов исповедовало ислам суннитского толка. Обычно курды идентифицировались не на религиозной, а этнической основе. По ряду конъюнктурных соображений курды иногда олицетворяли себя с суннитским большинством. С учетом этого арабов-суннитов в САР было всего 30% населения. Малочисленные конфессии были представлены друзами, муршидунами, исмаилитами и шиитами. На рубеже 1990–2000 гг. в Сирии стал наблюдаться постепенный спад темпов прироста населения до 2,6–2,5% в год. В провинциях этот показатель был еще ниже и составлял 2% (Тартус, Латакия, Сувейда, Хасака). Традиционные проблемы сирийской экономики, внедрение рыночных механизмов в условиях неэффективного аппарата администрирования привели к заметному ухудшению условий жизни сирийской периферии. Молодежь из сельских местностей (главным образом сунниты) хлынула в города в поисках работы и лучшей жизни. С другой стороны, появление новых профессий в связи с использованием достижений научно-технического прогресса и относительное улучшение жизни горожан делали службу в армии не столь привлекательной как прежде.

Накануне сирийских событий сирийское общество было разделено по конфессиональным и этническим линиям. Сирия не сильно отличалась от соседнего Ливана, где, в основе управления страной лежал принцип политического конфессионализма.

Недооценка властью конфессиональной специфики сирийского социума на фоне ухудшения экономического положения сыграла роковую роль в сирийских событиях и способствовала их превращению в вооруженный конфессиональный конфликт. Длящийся 13 лет кризис привел к серьезным изменениям в конфессиональной карте Сирии. Трансформация религиозного и этнического состава предопределялась высокой смертностью, эмиграцией и внутренними перемещениями населения. К весне 2017 года от 7 до 9 млн человек оказалось за пределами страны. Около 6 млн человек находилось в состоянии постоянной внутренней миграции. Население Сирии сократилось до 16 млн человек. Несмотря на это, численность меньшинств выросла на рубеже 2015–2016 гг. на 5% (против 20% до кризиса). Во многом это произошло за счет значительного сокращения суннитов-арабов. Из общего показателя эмигрировавших сирийцев к 2017 г. 80% (около 5,5 млн человек) составили именно сунниты-арабы. Наиболее интенсивные бои велись на территории, где они традиционно проживали.

Гражданская война отрицательно сказалась и на сирийских христианах, которые в отличие от алавитов и друзов не располагали собственным анклавом. К концу 2017 г. общее число покинувших страну христиан составило около 10%. При этом христианская эмиграция началась еще в 2011 г. 10% курдского населения выехало из Сирии в 2015 г. в Иракский Курдистан. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов.⁷⁹ В конце 2017 г. 80% территории находилось под контролем правительства Б. аль-Асада. Там проживало около 75% всего населения Сирии. На территориях, занятых «Исламским Государством» («ИГ» — запрещено в РФ) и вооруженной оппозицией (северо-запад страны, южные районы, Гута), население не могло чувствовать себя в безопасности из-за постоянно ведущихся боевых действий.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Balanche, Fabrice. *Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite*. Confluences Mediterranee, 89, Spring 2014. <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm> (дата обращения: 10.02.2022). Phillips, Christopher. *Sectarianism and Conflict in Syria* // *Third World Quarterly*, 36, No 2, 2017.

В зонах контроля сирийских властей 42% населения было представлено арабами-суннитами против 87% в районах под контролем вооруженной оппозиции. Курды составляли 15% населения страны, сунниты-арабы — 60%.⁸⁰ Большинство алавитов, друзов, христиан, исмаилитов и шиитов поддерживали Б. аль-Асада. Однако относительная малочисленность алавитов и других конфессий на фоне численного превосходства суннитов ставила сирийские власти перед сложной дилеммой. Сирийский кризис являлся до некоторой степени производной «Арабской весны».

Если рассматривать арабские восстания 2010–2011 гг. в рамках религиозной парадигмы, то страны, где они произошли, отличались большинством суннитского населения. И Сирия, где 75% населения исповедовали ислам суннитского толка, не являлась исключением. В условиях вооруженной борьбы открылся путь для возвращения суннитов к власти, которую они утратили после прихода на президентский пост Х. аль-Асада. В 2020–2022 гг. сирийский режим одержал победу над оппозицией и сегодня пытается вывести развитие страны на мирные созидательные рельсы. Однако это вовсе не значит, что религиозный фактор себя не проявит в *сирийской политической перспективе*.

В начале 2023 г. Сирия вступила в следующую фазу кризиса. Ряд признаков указывали на то, что эта фаза может стать периодом примирения и урегулирования. Действительно, вооруженная оппозиция была практически сломлена. Политические оппоненты режима пользуются поддержкой в основном внешних сил в арабских странах, Турции, ряде западных государств. В развитии ситуации вокруг Сирии, как на Западе, так и на Востоке укрепился политический тренд на нормализацию.

Политическая и экономическая блокада режима стали рушиться. В декабре 2018 ОАЭ и Бахрейн объявили об окончании политической изоляции режима, что помогло режиму выровнять отношения с Турцией и Ираном. В 2021 г. ряд западных исследо-

⁸⁰ F. Balanche. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite. Confluenas Mediterranee 89 (Spring 2014) <https://www.cairu.info/revue-confluenas-mediterranee-2004-2-page-29htm>.; Christopher Phillips. "Sectarianism and Conflict in Syria. Third World Quaterly 36, No 2, 2017.

вательских центров заговорили о поэтапном плане нормализации отношений с Сирией.⁸¹ Вслед за этим появилась иорданская инициатива о возобновлении проекта Арабского газового хаба с тем, чтобы сдержать Иран за счет налаживания отношений с режимом аль-Асада. В 2022 Турция выступила за восстановление отношений с Дамаском. В настоящее время, Россия и Иран последовательно продвигают процесс восстановления отношений между Дамаском и Анкарой. Сирийско-турецкое урегулирование определяющий фактор запуска политического процесса в САР. Турция имеет большое влияние на вооруженные группировки на севере САР.

Примирение между КСА и ИРИ, восстановление отношений между Эр-Риядом и Дамаском в марте-апреле 2023 г. также служит положительным знаком. ИРИ и КСА являются ключевыми игроками на поле сирийского кризиса. Арабская «дипломатия катастроф»⁸² фактически обеспечила участие Дамаска в арабском саммите в КСА в мае 2023 г. Российско-сирийские, сирийско-иранские, ирано-российские контакты на высоком уровне в начале 2023 г. в Москве, Дамаске и Тегеране знаменовали новый этап в отношениях РФ, САР, ИРИ. В тоже время государства налаживающие отношения с Дамаском исходят из соображений экономической выгоды.

Арабские партнеры САР стремятся сохранить правящий сирийский режим на плаву из соображений собственной безопасности. В условиях режима западных санкций помощь стран ССАГПЗ явно недостаточна для полноценного восстановления Сирии. Сирия политически разделена на сферы влияния региональных и международных сил. На сирийской земле находятся армии 5 стран. Иран и шиитские милиции вместе с российскими военными контролируют все КПП в Дамаске. Тяжелое

⁸¹ См.: Like, A. Path to Conflict Transformation in Syria. A Framework for a Phased Approach. Carter center. Jan 2021. <https://bit.ly/3ZDEe8o>; Raphael Parens and Yaneer Bar Yam. Step by Step to Peace in Syria. New England Complex Systems Institute. 09 Feb 2016. <https://bit.ly/3kjb4v1> (дата обращения: 18.02.2022).

⁸² Арабская помощь странам, пострадавшим в результате землетрясения 6 февраля 2023 года.

социально-экономическое положение в САР служит барьером на пути политического урегулирования.

Экономический кризис может в любой момент обернуться политическим поражением режима. Сохраняющаяся напряженность в арабо-иранских отношениях, эскалация вооруженного конфликта между Израилем и силами «Исламского Сопротивления» в лице ХАМАС и «Хезболлы» могут серьезно затормозить процессы сирийского урегулирования и нормализации.

Глава 7. Факторы силы и веры в контексте эволюции социальных и политических конфликтов на Ближнем Востоке

На протяжении последних десятилетий Ближний Восток являлся одним из самых неспокойных регионов мира. Степень конфликтности в регионе имела ярко выраженную тенденцию к росту. Подобная ситуация определялась особенностями геостратегического положения региона, соперничеством региональных государств, влиянием внешних сил.

Арабские восстания олицетворяли возвращение политики в широкие массы населения и их активное участие в политическом процессе. Движения социального протеста 2010–2011 гг. обозначили новый этап национально-освободительных революций, начавшихся еще во второй половине XX столетия, лейтмотивом которых стала попытка превращения Ближнего Востока из объекта в субъект международных отношений.¹ Происходившие в регионе события усиливали позиции политического ислама и стремление его различных отрядов к захвату власти в арабских странах, их быстрой исламизации и утрате «светского» характера правления в них.²

¹ Подробнее см.: Кузнецов В. А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток (Опер), 2017, № 3. С. 25–37.

² Graziano, Manlio. The Long Crisis of the Nation-State and the Rise of Religions to the Public Stage // Philosophy and Social Criticism (Sage Publ.), 2016, Vol. 42, No. 4–5.

Как идейно-политический конструкт движения политического ислама не являлись единым целым, тем более устоявшимся явлением. Скорее их можно было рассматривать как определенный политический феномен в процессе развития. Как свидетельствовали сирийские события, вооруженные исламисты, чья идеология базировалась на сочетании культурно-исторического наследия арабов и современных идеологических воззрениях, выступали не только за возрождение ислама, с целью превращения арабо-мусульманского мира в равноправного участника мировых процессов. Они боролись, прежде всего, за утверждение своего определения смысла ислама в современных условиях.

Сирийский конфликт активизировал конфликтный потенциал региона и вызвал изменения в системе региональных, международных отношений на Ближнем Востоке. Вооруженный конфликт в САР привел к обострению ирано-израильского противостояния и осложнил арабо-иранские отношения. Кризис усилил конфессиональную деструкцию в регионе, ускорил процессы трансформации войн и снизил роль регулярных вооруженных сил в поддержании регионального баланса сил.

В результате кризиса позиции официального ислама оказались, если не окончательно подорваны, то существенно ослаблены с точки зрения воздействия на основные внутривосточные процессы. В таких странах, как Сирия и Ирак, где «Арабская весна» сопровождалась продолжительными вооруженными конфликтами, политический вакуум стал заполняться «джихадистскими» движениями, которые пользуются поддержкой до тех пор, пока продолжаются военные действия.

Политизация религии была чревата трансформацией конфессионального пространства.³ В контексте конфликтного потенциала Ближнего Востока конфессиональные деструкции принимали форму войны за веру и религиозно-политических конфликтов. Возрождение религии в качестве причины вооруженных конфликтов вело к изменению обычаев войны, трансформации регулярных армий.

³ Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, Религия, Церковь. № 3 (35), 2017. С. 85–111.

§ 1. РЕЛИГИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙН НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Формирование современных типов государств на мусульманском Востоке началось только в конце XIX века. Для людей, воспитанных в рамках мусульманской традиции, идея войны как орудия религии не являлась неожиданной. Подобное мировоззрение детерминировалось ощущениями внешней угрозы исламской идентичности, мессианскими настроениями, желанием отстроить новое государство на религиозно-политическом фундаменте. По этой причине отказ от идеи религиозной войны шел на Ближнем Востоке значительно медленней, чем в государствах Западной Европы.

Несмотря на провозглашенный светский характер правления в арабо-мусульманских обществах был силен дух традиционализма (фундаментализма).⁴ Его последователи выступали за возврат к священным основам ислама, что предопределяло сохранение устойчивой мотивации определенной формы джихада как войны против искажений истиной веры. Однако, использование религии в качестве антидота экстремизма, такфиризма могло быть безопасным и успешным, если религиозные движения и организации были готовы проявлять гибкость и способность регулировать всплески активности сражающегося авангарда. В современной ближневосточной истории подобные примеры обнаружить достаточно сложно.

В большинстве стран Ближнего Востока религия и религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Зачастую это происходило в противовес светскому судопроизводству, межобщинным, клановым отношениями. В свою очередь это меняло алгоритм взаимоотношений в треугольнике — власть, армия, религия — который служил одним из ключевых элементов государственной инфраструктуры многих стран Ближнего Востока.⁵

⁴ См.: Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, Религия, Церковь. № 3 (35), 2017. С. 85–111.

⁵ См.: Наумкин В. В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 67–80.

Во время «Арабской весны» власть использовала армию для решения конфликтов, как на религиозной, так и светской основе. Подобная практика порождала расхождение между арабскими правящими режимами и официальным исламом, который их легитимировал и обслуживал властные интересы. В результате официальный ислам стал неоднозначно восприниматься в гражданском обществе и в офицерском корпусе, в частности. В этих условиях, лояльность многих военных обеспечивалась до тех пор, пока власть оказывалась способной защищать и пропагандировать религиозные ценности. Постепенно религиозные цели стали служить для участников вооруженных конфликтов оправданием применения несанкционированных властью различных форм насилия, в том числе и к мирному гражданскому населению.

В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных конфликтов. Малообеспеченные социальные страты (около 70% населения ближневосточных стран. — А. В.) находили религию привлекательной потому, что она предполагала готовность сражаться за социальную справедливость. На Ближнем Востоке — родине трех мировых монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) возрастание воинственности одной конфессии неизбежно вынуждало адептов другой защищать свои идеалы и образ жизни, сражаясь под знаменем великой идеи.

Идеология фундаментализма (интегризма) была типична для всех монотеистических религий, но ее радикальный тренд обусловливался политическим процессом. В политических реалиях мусульманского Востока даже светские идеи, становясь символом борьбы, неизбежно обожествлялись, а Бог любви быстро превращался в Бога войны. Вооруженные религиозные конфликты становились важным элементом современного политического противоборства на Ближнем Востоке, принимая форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распрей в силу чего они могли принимать затяжной и латентный характер.

Их мотивационной основой могли служить укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма обостренные вспле-

сками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Наступательная, бескомпромиссная деятельность политических движений и партий могла становиться драйвером религиозных конфликтов. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей.

Одной из первых таких организаций стала ливанская «Хезболла» летом 2006 года. В то время, когда бывший премьер-министр Ливана Ф. Синьора, отрицал причастность властей к нарушению перемирия с Израилем, чья армия вторглась на юг Ливана, генеральный секретарь «Хезболлы» Х. Насрула объявил войну израильскому агрессору. Сегодня ярким примером подобной ситуации могла бы служить Сирия, где решения о начале боевых операций, их прекращении, заключении перемирия принимались лидерами военизированных милиционных формирований при посредничестве режима, России и Ирана (Алеппо — 2015, Восточная Гута — 2017). Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую правила ведения боя. Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные на подобиі народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идейно-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. На начальном этапе большинство отрядов не имели четкой организационной структуры, не располагали армиями, тяжелым вооружением, экономическими ресурсами. Они не придерживались установленных правил войны.

Для реализации поставленных целей использовали нетрадиционные методы. Нередко многие из них прибегали к обычному грабежу, конфискации имущества гражданского населения, наркоторговле. В результате стиралась грань между войной и кри-

миналом. Их бойцы, как правило, не делали различий между военными и гражданскими целями. Сочетая насилие со средствами убеждения, они запугивали противника и мобилизовали местное население на свою сторону. Их поведенческий стереотип определялся балансом между религиозными верованиями, политическими убеждениями, соображениями личной выгоды. Некоторые вдохновлялись националистическими устремлениями, свойственными этническим меньшинствам. Общим для всех являлось неудовлетворенность существовавшим порядком и решимость изменить его посредством насилия.

Религиозные милиции имели общую экзистенциальную основу. Она была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое сознание путем хитроумных манипуляций и психологических установок. Их офицеры обладали сильной мотивацией, имели высшее образование и были способны использовать современные технологии. Например, шиитские милиции Ирака и Сирии демонстрировали способность сотрудничать друг с другом и подразделениями иранских вооруженных сил, образуя ударный отряд исламского сопротивления.

Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Несмотря на свое военное превосходство, регулярные армии не могли выйти победителями в конфликтах низкой интенсивности. Ярким примером являлась война Армии Обороны Израиля (АОИ) против «Хезболлы» на юге Ливана в 2006 году. Неким прообразом современных религиозных милиций были отряды арабских национально-освободительных движений 1940–1960 гг. в сражениях, с которыми Великобритания и Франция потеряли все свои колонии на Ближнем Востоке.

Характерной особенностью конфликтов низкой интенсивности являлось то, что территориальная близость противника не гарантировала победы над ним. Сирийские и иракские вооруженные силы не смогли в одиночку справиться с «Исламским Государством» («ИГ»- запрещено в РФ) и вооруженными сала-

фитскими отрядами. Иорданская армия безуспешно боролась против шиитских милиций юга Сирии занимавшихся наркоторговлей на территории Хашимитского королевства и Саудовской Аравии. Израильская армия не преуспела в сражениях с «Хезболлой» в соседнем Ливане. Ливанская армия даже не пыталась контролировать «Хезболлу» на юге Ливана. Неспособность подавить врага вблизи (внутри) своих границ была чревата отрицательными последствиями для власти и национальных вооруженных сил, если в дело были втянуты группы недовольных с обеих сторон, а театр военных действий захватывал соседние государства. Одним из мотивов силовой операции Ирана в Сирии и Ираке было стремление Тегерана предотвратить распространение угрозы «ИГ» внутрь Ирана с территории Сирии и Ирака. Войны за умы людей нивелировали значимость территории как военного трофея.⁶

Расцвет национализма привел к тому, что ценность той или иной территории определялась не столько наличием в ее недрах природных ископаемых, сколько принадлежностью тому или иному народу. Одним из примеров может служить десятилетний (1979–1988) спор Израиля с Египтом из-за песчаного пляжа Таба к югу от Элата. Укрепление национальных государств на Ближнем Востоке затрудняло использование войны как инструмента изменения государственных границ. Войсковые операции Тегерана, Анкары в Сирии и Ираке показывают, что целью становится не столько ликвидация границ, сколько утрата ими своего значения.

Распространение религиозно окрашенных конфликтов низкой интенсивности, приводило к изменению структуры военных организаций. Повышалась роль личных интересов их лидеров, изменялась природа *интереса* рядовых участников сражений. Участники сражений низкой интенсивности переставали считать себя профессионалами выполняющими долг перед абстрактной политической системой. Военные и экономические функции становились неотделимыми друг от друга. Личная сла-

⁶ Некоторые из вышеперечисленных признаков новых типов войн проявляются сегодня в сражениях АОИ с ХАМАС в Газе и в какой-то мере определяют исход сражений.

ва, прибыль, отнятая у гражданского населения собственность, объявлялись законными целями войны. Для достижения победы в конфликтах низкой интенсивности иногда требовалось отказаться от понятия «интерес» как причины войны.

В итоге сама идея войны ради чего-либо становилась неприемимой. Нередко, организованные сообщества начинали принимать участие в сражениях, не имея на то какой либо особой причины, а потому что у них не было другого выбора. Война вырождалась в борьбу за выживание. С политической точки зрения конфликты низкой интенсивности служили основным инструментом достижения политических перемен. В отличие от традиционных войн, их результаты, как правило, признавались международным сообществом (сражения за Дамаск, Алеппо, Хомс, в ходе сирийского кризиса).

В условиях вооруженного сирийского конфликта идея войны как продолжения религии получила новое звучание. Попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией сталкивались с большими трудностями. Разновидность войн, основанных на разделении армии, правительства и народа (по К. фон Клаузевицу) практически исчезла. Распространение новых видов войны было чревато уничтожением государства как института. На смену государству-нации могли прийти военные организации нового типа.

Основными участниками военных действий в Ираке, Сирии, Ливане зачастую становились не армии, а милицейские формирования. Они были основаны больше на харизматических принципах, нежели чем на институциональных началах. Основной мотивацией их действий служил не профессионализм, а идеологическая лояльность. Они подчинялись определенному руководству располагавшему методами принудительного воздействия. Их руководство было неотделимо от самой организации и мало напоминало правительство. Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия. Военные организации контролировали территорию, не имевшую четких границ.

В условиях вооруженной конфронтации в Сирии и Ираке регулярные армии утрачивали свое традиционное предназначение как защитника народа и государства, перерождаясь в параллельные войска и религиозные милиции, которые охраняли правящую власть. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей воинствующих исламистов и внешней, религиозной экспансии в регионе.

§ 2. Воинствующие исламисты в Сирии и Ираке

В Сирии противоборствующие стороны оказались заложниками радикальных настроений апокалипсического характера и были вынуждены следовать в русле джихадистских идеологем. В массовом сознании алавитов рождалось опасение, что победа суннитской оппозиции может быть чревата физическим истреблением алавитского меньшинства. На ранних стадиях конфликта исламская символика была слабо представлена в протестной среде. Однако она становилось заметнее по мере превращения многих мечетей в штабы «революции», роста влияния мусульманских проповедников в протестном движении. По мере эскалации конфликта, позиции вооруженных исламистов стали укрепляться. Кризис облегчил салафитам возвращение в столичные центры из сельской глубинки, куда они были вытеснены режимом.

Салафиты глубоко проникли в вооруженное движение и определили его социальную основу.⁷ Как указывалось выше, своими корнями салафитское движение уходит в начало XX столетия. Воинствующие салафиты были связаны с Исламским Фронтом Сирии (ИФС) который был основан в июле 2012 г. и являлся версией салафизма джихадистского толка. Большинство его членов были сирийцами.⁸ В состав

⁷ См.; Барут, М. Дж. (2012). Аль-ыкд-аль-ахир-фи-тарих-сурия: джадалият-аль-джумуд-ва-ль-ислах. [Последняя декада истории Сирии: конфликт между застоём и реформой]. Бейрут. The Arab Center for Research and Policy Studies, 2012, p. 293. На араб. яз.

⁸ Abdurrahman Al-Haj, Op. cit., pp.9–12.

Фронта входило более 10 крупных отрядов (Ахрар аль-Шам, Аль-фаджр аль-Исламийя, Ливаа аль-Хак, Джамаат аль-Талиа аль-Исламийя и др.).⁹ ИФС стремился к свержению режима и установлению в стране «цивилизованного государства» на основе суннитской версии ислама «набожных предшественников».

Фронт пользовался поддержкой шейха глобального джихадистского салафизма Абу Бусейр ат-Тартуси. Другой группой являлся Исламский Фронт за освобождение Сирии (ИФОС). Исламский фронт делал упор на общенациональные и традиционные ценности сирийского общества. ИФОС возглавлял Ахмед Исса, который одновременно командовал «Сукур аль-Шам», а Мухаммед Аллюш координировал боевые операции. В состав ИФОС входили «Ливаа ат-Таухид» (Халеб), «Катаиб аль-Фарук» (Хомс), «Аль-Фарук аль-Исламийя» (Хама). Для работы в гражданской сфере был создан исламский комитет «аль-Шам». В его состав входили ряд видных салафитских деятелей. Комитет занимался гуманитарной и просветительской работой. В уставных документах комитета утверждалось стремление к укреплению исламской идентичности Сирии.

В ноябре 2011 г. был создан Фронт Исправления и Развития (ФИР), который следовал в русле традиционной салафитской идеологии. Он имел филиалы по всей Сирии. В его состав входили 139 отрядов. Наиболее крупные отряды ФИР действовали в северных районах Сирии. ФИР возглавлял Абдулгадир Дефис, его замом был Халид Хаммад. В отличие от других отрядов вооруженной сирийской оппозиции в состав ФИР принимались только сирийцы. Фронт располагал значительным потенциалом силы, который определялся его опорой на поддержку племен восточных районов Сирии и значительными ресурсами которые позволяли ему привлекать новых бойцов и заручаться лояльностью других отрядов. ФИР пользовался поддержкой влиятельных салафитских организаций Иордании и КСА и прямой поддерж-

⁹ Aaron Y. Zelin. The Syrian Islamic Front: A New Extremist Force: Policy Watch, 4 February 2013, <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-syrian-islamic-front-anew-extremist-force> (дата обращения: 21.07.2022).

кой руководства этих двух государств.¹⁰ К началу 2016 г. численность воинствующих исламистов в Сирии составляла от 70 до 80 тысяч бойцов.

Под контролем вооруженной оппозиции находилось около 75% территории Сирии. Большинство салафитских отрядов участвовали в управлении подконтрольных районов. Они пытались наладить сеть контактов среди гражданской администрации и населения. В тоже время военная составляющая оставалась приоритетной в деятельности салафитских движений. Салафиты поддерживали идеи исламского государства в качестве будущего политического устройства Сирии. Власть должна была основываться на законах шариата как единственном источнике права. Большинство салафитских отрядов не доверяли сирийской политической оппозиции, попыткам навязать им свою точку зрения. Вооруженное салафитское движение не имело единой политической платформы по актуальным вопросам конфликта. Политические установки часто противоречили друг другу и быстро менялись в зависимости от смены баланса сил и изменения взаимоотношений между различными отрядами вооруженного сопротивления.

Как было отмечено, всплеск салафизма джихадистского характера не имел глубоких корней в Сирии и был обусловлен особыми условиями конфликта.¹¹ Воинствующее салафитское движение не смогло противодействовать усилиям различных сил внутри Сирии и за ее пределами сдерживать рост салафизма и помешать утвердиться ему в новых социальных и культурных реалиях Сирии. Местное население с трудом воспринимало идеи салафизма даже в скорректированном виде применительно к сирийским реалиям.

К 2022 г. воинствующие исламисты были практически полностью разгромлены войсками Б. аль-Асада при поддержке России и Ирана. В Сирии продолжают действовать отряды «Хейат Тах-

¹⁰ Кайли, С. (2013). Аль-саура аль-мусульяха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. [Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива]. Бейрут, Atlas Publishing House, 2013. с. 13–19. На араб. яз.

¹¹ Аль-Хадж, А. (2013). Аль-салафийя-ва-салафиюн-фи-сурия: мин-аль-ислахия-л-джихад. [Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду]. Аль-Джазира Портал. Май, 20., с.11–12. На араб. яз.

рир аль-Шам (ХТШ)»¹² и «Харрас эд-Дин», которые после серии поражений нашли убежище в приграничных сирийско-турецких районах и полностью контролируются Анкарой.¹³ «Харрас эд-Дин» официально оформилась в феврале 2018 года как новая группировка «Аль-Каиды» в Сирии.

Характер отношений с Турцией служит предметом споров и порождает проблемы фракционного характера внутри этих организаций. Идеологическим обоснованием связей ХТШ с Турцией стала фетва, изданная в октябре 2017 г. одним из видных представителей джихадистского движения Абу Катада аль-Фаластыни. Политический представитель ХТШ Юсеф аль-Хаджар публично признал факт близких отношений организации с Турцией, которую он назвал союзником. ХТШ пытается балансировать между прагматизмом и исламистскими принципами. В заявлениях организации отмечается, что «исламская политика является частью джихада» и ХТШ действует в интересах борьбы с «неверными» до тех пор, пока эта борьба не противоречит основам шариата.

После победы Р. Т. Эрдогана на очередных выборах споры об уровне сотрудничества с Турцией усилились. Ряд идеологов современного джихадизма (Абу Мухаммед аль-Макдиси, Абу Хадиджа аль-Урдуний [Билал Хурайсат]) считали Р. Т. Эрдогана светским правителем, приверженцем таухида, что не могло оправдать контакты с турецким лидером. В феврале 2019 лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири подверг критике ХТШ за связи с Турцией. Другие известные клерикалы (Абу Махмуд аль-Фаластыни, Абдулла аль-Мухайсини [КСА], Тарик Абдельхалим [Египет]) полагали, что не обязательно считать Р. Т. Эрдоган «правильным» правителем, но ХТШ не должна плодить

¹² Летом 2016 года организация «Джабхат аль-Нусра» публично отказалась от связей с аль-Каидой и изменила название на «Джейш Фатх аль-Шам», которая преобразовалась в "Хейат Тахрир аль-Шам".

¹³ Подробнее о процессах, происходящих в «аль-Нусре» и внутрисобной борьбе в рядах вооруженной оппозиции см.: Джабхат аль-Нусра — тафкаду- хадынатиха-аль-шаабийя-фи-идлеб-ва-интилак аль-ад-аль-аксийли-т-тафаккук. [Джабхат аль-нусра теряет народную поддержку в Идлибе, запущен обратный процесс ее раскола]. <https://www.elnashra.com/news/show/118521/> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

вокруг себя врагов. Эти споры свидетельствуют о разногласиях и расколе внутри джихадистского движения Сирии. В феврале 2019 г. высокопоставленный представитель непримиримого крыла ХТШ (Абу Якзан аль-Масри) объявил о своем выходе из организации в ответ на интервью Абу Мухаммеда аль-Джулани (эмир ХТШ), в котором он выразил поддержку Турции и планируемых ею операций против повстанческих курдских отрядов в северных районах Сирии.

Летом 2018 г. начались столкновения между ХТШ и «Харрас аль-Дин» в районе Халеба. «Харрас аль-Дин» обвиняло ХТШ в несоответствии ее борьбы принципам «аль-Каиды». Посреднические усилия глава шариатского совета ХТШ (Абу Абдалла аль-Шаами) ничего не дали и раскол в джихадистском движении продолжается. Подавляющее большинство исламистских движений не были представлены в Сирии до начала конфликта ни политически, ни институционально. Их появление было, прежде всего, связано с тем политическим и идеологическим выбором, который был им навязан рядом внешних сил. Религиозный атрибут сирийского конфликта отличался по своей интеллектуальной глубине, идеологической повестке от традиционных движений политического ислама.

Религия использовалась как фактор духовного подъема и временного сплочения перед лицом превосходящих сил режима. В результате «исламистский феномен» кризиса имел потенциально временный характер. Многие сирийцы, вступившие в исламистские отряды, испытывали серьезные трудности в определении своей идеологической идентичности. Уцелевшие отряды вооруженной оппозиции не имеют организационных ниш для возврата в гражданское общество в мирное время.

«Исламское Государство» превратилось в региональную силу в начале 2014 г. До этого времени организация прошла ряд трансформаций. Она брала начало от созданной Абу Мусаб аль-Заркави группы «Джамаат ат-Таухид ва-ль-Джихад», которая являлась иракским филиалом «аль-Каиды». В 1998 г. А. аль-Заркави установил связи с руководством «аль-Каиды». У. Бен Ладен снабдил его средствами на создание тренировочных лагерей в провинции Герат (Афганистан). Считается, что А. аль-Заркави выезд-

жал в северный Ирак через Иран. В Ираке он дал обет верности («байа») Бен Ладену после американского вторжения в Ирак.¹⁴ С середины 2000-х гг. «ИГ» превратилось в одну из мощных террористических организаций. Жесткие действия аль-Заркави против других «джихадистов» служили предметом постоянного раздора с «аль-Каидой».¹⁵ «ИГ» достигло пика могущества к 2007 г. Несмотря на достигнутые успехи и захват части иракской территории, «ИГ» не смогло наладить там систему управления и обеспечить защиту населения. В течение 2006–2008 гг. суннитский мятеж во главе с «ИГ» и «аль-Каидой» был подавлен и унес жизни более чем 10 тысяч бойцов. «ИГ» срочно перегруппировало свои силы. Глава организации Абу Бакр аль-Багдади создал «Совет Шуры», который использовал политическую ситуацию в регионе на рубеже 2010–2011 гг. для восстановления сил организации.

Вывод американских войск создал вакуум безопасности в Ираке. Это дало «ИГ» возможность частично установить контроль над провинцией аль-Анбар (Ирак). Начавшиеся в САР события обеспечили приток экстремистов в Ирак и открыли сирийско-иракскую границу. Неслучайно, среди высшего командного состава «ИГ» можно было встретить бывших высокопоставленных военных из армии С. Хусейна, которые перебрались из Ирака в Сирию. На момент начала сирийских событий на территории Сирии (в районах «аль-Гуты») находилось по разным оценкам от 1 до 1,5 миллионов иракских беженцев, которые спасались от иностранной оккупации Ирака.¹⁶ Растущее разочарование политикой правительства Н. аль-Малики обеспечило поддержку «ИГ» частью иракского населения.¹⁷ Критическим моментом в эволюции «ИГ» стал захват в 2013 г. города ар-Ракъа (САР). «ИГ» рас-

¹⁴ См.: Zack Gold, “Al-Qaeda in Iraq (AQI): An Al-Qaeda Affiliate Case Study. Arlington, Va.: CNA, October 2017, p. 4.

¹⁵ Wright, Lawrence, ISIS’s Savage Strategy in Iraq,” New Yorker, June 16, 2014. <https://www.newyorker.com/news/> (дата обращения: 09.10.2022).

¹⁶ Данные получены из бесед автора с сирийскими коллегами. Апрель–май, 2007 г. Дамаск.

¹⁷ McCants, William, “Who Is Islamic State Leader News, March 8, 2016. <https://www.bbc.com/news/world/> (дата обращения: 27.04.2022).

пространило свое влияние на восточные районы САР и западные провинции Ирака.

Таким образом, «ИГ» контролировало 16–20% территории и населения двух стран. Мятеж «Исламского Государства», и взятие Мосула (Ирак) в 2014 г. усилили позиции «ИГ» в регионе. В 2014 г. «ИГ» сумело полностью овладеть ар-Ракъа, значительной частью Дейр аз-Зора и стратегическими участками территории Алеппо, а также установить контроль над несколькими пропускными пунктами на границе Сирии и Ирака.

Летом 2014 г. организация заявила о создании халифата на оккупированных территориях. А. аль-Багдади публично провозгласил себя халифом.¹⁸ По разным оценкам, численность «ИГ» в Сирии в 2014 г. составляла приблизительно от 7 до 10 тысяч бойцов и имела тенденцию к стремительному росту. Организация контролировала от 30 до 40% сирийской территории. В Ираке «ИГ» смогло нанести поражение превосходящим силам иракской армии, и захватило немалое число современных вооружений, транспорт, средства связи, освободило из тюрем несколько тысяч своих сторонников. Под контролем «ИГ» оказались части Фалуджи, Тикрита и Рамади на западе Ирака. В целом «ИГ» контролировало в Ираке территорию сопоставимую по своим размерам с Иорданией с ее 5 миллионным населением.¹⁹

Постепенно «ИГ» захватывало все большие территории и ресурсы в Сирии и Ираке, и пытались установить там если не свое государство (в его традиционном понимании), то укрепить власть и ввести собственные порядки и нормы жизни в собственной трактовке шариата и мусульманского права. Государство, которое стремилось построить «ИГ» располагалось в стратегически значимом регионе мира. В отличие от Афганистана, Сирия и Ирак, находились в непосредственной близости к Ливану, Иордании, Саудовской Аравии, Турции, Израилю и обеспечивали доступ «джихадистам» к нефтегазовым ресурсам, оружию, криминально-финансовым сетям, через которые они могли по-

¹⁸ Rubin, Alissa J., "Militant Leader in Rare Appearance in Iraq," New York Times, July 5, 2014. <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁹ Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014.

полнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы.

Идеологические установки и политические планы «ИГ», в рамках которых декларировалась идея восстановления «Халифата», находили определенную поддержку не только среди части населения арабских государств. Характерно, что часть членов правящей турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) и ее националистически настроенной оппозиции обнаруживали немало общего в расчетах возможной конвертации этой идеологической «химеры» в совершенно конкретные политические шаги на основе, набирающей популярность в турецких политических кругах идеи «неосманизма».

«Исламское Государство» бросало вызов сложившейся на протяжении последних десятилетий системе государственности в регионе, ломая структуру национального суверенитета и размывая национальную идентичность ближневосточных стран возникших в результате англо-французского передела Османского наследства на Ближнем Востоке в первой половине XX столетия. В случае успешной реализации хотя бы части планов «ИГ» на захваченных территориях, это могло представлять реальную угрозу сохранению внутренней стабильности и территориальной целостности стран, в составе которых были представлены различные этносы и конфессии. «Исламское Государство» сумело активно внедриться в ткань арабских протестных движений.

В Сирии «ИГ» сражалось не только против режима аль-Асада, но и против Запада и поддерживаемых им сил сирийской вооруженной оппозиции. В тоже время «ИГ» стремилось к свержению существующих арабских режимов, рассматривая их политику как несправедливую и несоответствующую нормам «истинного» Ислама. С этой точки зрения «ИГ» могло представлять потенциальную угрозу стабильности арабских монархий Персидского залива. С учетом складывающейся в регионе ситуации, «ИГ» рассматривалось в Иране как потенциальная угроза его национальной безопасности. С другой стороны, угроза «ИГ» для арабских монархий Персидского залива, и его антизападные настроения импонировали некоторым сторонникам жесткой линии в руководстве ИРИ. Они рассчитывали использовать

борьбу с «ИГ» в диалоге с Западом по ядерному вопросу, а также вынудить США признать Тегеран частью вновь создающейся системы региональной безопасности на Ближнем Востоке. Однако, достаточно быстро, в иранском руководстве поняли, что договариваться с «ИГ» бесперспективно.

После мятежа «ИГ» Тегеран нанес несколько авиационных ударов по позициям организации.²⁰ В Ираке Иран в основном использовал ракетное вооружение и БПЛА. Позднее Тегеран применял подобную тактику и в САР. В отличие от Сирии, где состояние внутренней нестабильности не сильно беспокоило Иран, ситуация с Ираком носила принципиально иное измерение с точки зрения безопасности ИРИ. Поэтому если в Сирии Иран сражался с «ИГ» чтобы сдержать ее проникновение на территорию Ирака, то в Ираке Тегеран вел борьбу с «ИГ» до ее полного уничтожения. Атака «ИГ» летом 2017 г. на здание парламента ИРИ и мавзолей аятоллы Хомейни побудила Тегеран нанести по позициям организации несколько авиационных ударов.²¹ Некоторые эксперты полагали, что угроза «ИГ» для безопасности ИРИ была несколько преувеличена. Действия международной коалиции облегчили Ирану задачу в укреплении своего влияния в Ираке и борьбе с «ИГ». Ирану оставалось использовать часть своих сухопутных войск и шиитских милиций для решения поставленных задач. К тому же такая тактика позволяла Ирану позиционировать себя как независимую региональную державу, которая поддерживает местное сопротивление (в основном из шиитских милиций). На практике Тегеран смог с большей эффективностью добиться поставленных задач, чем некоторые члены международной коалиции. В итоге, Иран остановил атаки «ИГ» против своих объектов, в то время как организация продолжала наносить удары по контингентам западных сил в Ираке и сражаться в Сирии.

²⁰ Бомбаран-даиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сехах[Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами].21.11.2018. Табнак Ньюз. <https://tinyurl.com/342smfka> (дата обращения: 23.08.2021). На перс. яз.

²¹ Джозеат-размаш-сехах-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар[Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны].Тазним Ньюз.24.09.2017. <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз.

В тоже время, до начала антитеррористической операции в САР российских ВКС, ни силы международной коалиции, ни режим аль-Асада, ни Иран не смогли нанести решающего поражения «ИГ».

В сентябре 2015 г. Россия инициировала подписание четырехстороннего договора с Сирией, Ираном и Ираком о создании совместной разведывательной комиссии для координации борьбы с ИГИЛ. С 2015 г. «ИГ» стало постепенно терять контроль над захваченными территориями.²² После ослабления угрозы «ИГ» в 2018 г. и выхода США из ядерной сделки с ИРИ, Иран вновь переключил основное внимание на противодействие американским войскам в Ираке. В самой Сирии в 2022 г. отмечалась некоторая дестабилизация ситуации в провинциях Дейр эз-Зор, Ракъа, в приграничных с Иорданией пустынных районах. Это было связано в первую очередь с активизацией там деятельности «Исламского Государства».

§ 3. Роль религии в политике ИРИ на Ближнем Востоке

После исламской революции 1979 года Иран осуществлял **экспорт исламской революции**, стремясь привести к власти в арабских странах идеологически и политически близкие ему правительства.²³ Однако полиэтнический и многоконфессиональный характер арабского общества, доминирующий в арабизме светский компонент и политический консерватизм правящих элит обусловили недостаточную эффективность подобного инструмента иранской политики. Создание силами КСИР в Ливане «Хезболлы» (1982) стало, пожалуй, счастливым исключением. Более того, в результате изменения региональной, международ-

²² Jones, Seth G., James Dobbins, Daniel Byman, Christopher S. Chivvis, Ben Connable, Jeffrey Martini, Eric Robinson, and Nathan Chandler, *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1912, 2017 <https://www.rand.org/> (дата обращения: 24.07.2022).

²³ Подробнее об экспорте иранской революции см.; Дорошенко Е. К вопросу об экспорте «исламской революции» (теория и практика) // *Специальный бюллетень*, 1984, № 1 (229); ИВ АН СССР; науч. ред. А. З. Арабаджян, Л. Е. Скляров. М.: Наука, 1984. С. 136–145.

ной ситуации Иран оказался в политической изоляции на Ближнем Востоке.

Спустя три десятилетия Иран принял на вооружение новую стратегию на Арабском Востоке. Ее сущностное содержание и цели фактически остались прежними, а инструментальное наполнение заметно изменилось и стало более изощренным. Вместо революций Иран стал экспортировать собственную уникальную модель государственного устройства путем конфессиональной экспансии в регионе. Реализация данной стратегии строилась на основе иранской финансовой, логистической поддержки местных милицейских образований, их обучении, тренировки, снабжении оружием, а также культурно-просветительной и религиозной работе с населением.

При новом президенте И. Раиси (2021-н\вр.) политическая стратегия ИРИ усовершенствовалась и приобрела новые изменения. Сирийский кризис и активизация Исламского Государства (запрещено в РФ) в САР и Ираке повлияли на смену тактической парадигмы арабской политики ИРИ. В этих условиях факторы этнической, религиозной общности становились доминирующими мотивами ближневосточной политики ИРИ.²⁴

Важным результатом военных кампаний Ирана в Ираке и Сирии стало создание сети проиранских милиционных формирований и их интеграция в состав сирийских и иракских вооруженных сил. Создание Ираном религиозных милиций в ближневосточных государствах и их интеграция в регулярные части национальных вооруженных сил ускорили процессы трансформации военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке.

Идеологические основы иранской политики были сформированы под сильным влияние КСИР и высшего иранского духовенства. Со времени исламской революции (1979) иранская политика на Ближнем Востоке неоднократно менялась. Однако ее матрицей оставалась политизированная версия шиизма, которая была основой государственной идеологии и инструмен-

²⁴ Филин Н. А. Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после исламской революции 1979 г. // Власть, 2017. № 11. С. 107–110.

том внешней политики. Конфессиональная экспансия Ирана на Ближнем Востоке базировалась на принципах государственно-религиозной модели Исламской республики. Ее формирование началось еще до победы исламской революции и к началу 2000-х гг. институализировалось в форме взаимодействия властных религиозно-политических институтов в духовной, нравственно-этической, экономической и социально-политической жизни общества и государства.

Иранская модель не являлась конечным продуктом. Она развивается и совершенствуется в процессе реализации программных установок исламской революции. Согласно идеологической доктрине Ирана, в основе которой лежит учение об имамате, исламской умме и веляят-е факих, исламская революция служит лишь инструментом шиитского духовенства для подготовки к возвращению «скрытого имама» (Имам аль-Гаиб).²⁵ В конце 1990-х гг. духовный лидер ИРИ А. Хомейни определил пять этапов (задач) исламской революции — исламская революция, исламское государство, исламское правление, исламское общество, исламская цивилизация. К настоящему времени революция решила две первые задачи.

Сегодня Иран стремится выстроить исламское правление. Иранскую модель можно было бы отнести к теократическо-экспансивному типу, предполагающему подчинение государства религии. Однако, как и другие, иранская модель поливариантна.²⁶ Согласно имамитской доктрине исламское правление, — это исполнение божественного повеления. Единственным правителем и законодателем является Аллах. Идеальной моделью правления служат практики праведных халифов и шиитских имамов. Исламское правление призвано обеспечить скрепленный Аллахом союз религии и политики. По сути, это обновленная доктрина имамата, в рамках которой должно создать

²⁵ Aarabi, K. What Is Velayat-e Faqih?. Tony Blair Institute for Global Change, 20 March 2019, <https://institute.global/policy/what-velayat-e-faqih> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁶ См.; Мамедова Н.М Политическая система исламской республики Иран: особенности и возможности трансформации. Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3.

идеальную модель теократического правления, где достигается единство светского и духовного начал в исламе.

В условиях исламского правления военная стратегия ИРИ претерпела важные изменения. Важное место в стратегии и тактике ИРИ стало отводиться ведению асимметричных войн. Появились новые понятия типа, иранская стратегическая глубина, проекция силы, общественная мобилизация. Модифицированная военная стратегия ИРИ строилась на принципах революционной идеологии, на основе ислама и патриотизме. Одним из столпов военной стратегии являлся принцип верховенства вelayat-e-faqih. Он предполагал подчинение духовенству основных институтов государства, в том числе и силовых структур.²⁷ Данная установка воплотилась в создании и поддержке многочисленных шиитских милиций. В итоге Тегеран опутал территорию нескольких арабских стран шиитскими милицейскими формированиями, которые действовали под контролем КСИР.

Организационной моделью проиранских вооруженных формирований на Ближнем Востоке послужили КСИР и «Хезболла». В условиях силовой операции ИРИ в САР и Ираке военная стратегия Ирана приобрела новые измерения. Наряду с прежним оборонительным характером новая доктрина включала задачи проведения зарубежных войсковых операций в интересах обеспечения национальной безопасности Ирана. Модель КСИР как параллельной военной силы послужила прообразом создания проиранских милиций в государствах Ближнего Востока после их интеграции в состав регулярных национальных вооруженных сил.

За четыре десятилетия КСИР превратилась из шиитской милиции (450–500 чел.) для защиты духовенства, в теневое (глубинное) государство в Иране. КСИР был главной движущей силой экспорта исламской революции на Ближнем Востоке.²⁸ По своему подобию КСИР создал в 1982 г. в Ливане «Хезболлу». Костяк личного состава КСИР составили выходцы из религиозной

²⁷ Ward, S. R. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. Middle East Journal, vol. 59, no. 4 (2005), pp. 559–576.

²⁸ Saban, N. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council. 05.11.2020: <https://bit.ly/3dOvG7C> (дата обращения: 20.05.2021).

консервативной среды и малообеспеченных слоев населения (мустадафин). Участие в войне с Ираком обеспечило официальный статус КСИР как регулярной армии. В 1985 г. духовный лидер ИРИ А. Хомейни издал указ о создании в составе КСИР сухопутных сил, ВВС и ВМС, которые являлись параллельными войсками в системе иранских силовых структур.²⁹ А. Хомейни уделял большое внимание развитию КСИР. Он лично назначал не только главу Корпуса, но и командиров дивизий.

Сегодня КСИР является ключевым элементом любого сценария эволюции власти в ИРИ и располагает исключительными ресурсами в вопросах обороны, безопасности, экономики, социальной и идеологической мобилизации общества.³⁰ По мысли иранского руководства КСИР должен стать одним из столпов в системе исламского правления. Нынешний иранский президент считает, что КСИР является стержнем исламской революции и пользуется доверием высшего духовенства ИРИ. Выступая в марте 2021 г. перед командным составом КСИР, И. Раиси заявил, что Корпус блестяще проявил себя в вопросах обороны, безопасности, хозяйственной и гуманитарной деятельности на региональном, международном уровне. КСИР является консервативной организацией. Его социальный состав состоит из представителей религиозных и консервативных слоев населения преданных власти.

В своей деятельности КСИР руководствуется следующими политическими установками; защита режима, личной власти рахбара, обеспечение исламской справедливости. Ислам являлся инструментом, посредством, которого обеспечивалась лояльность военных власти, формировался характер армии. Религиозная лояльность была связана с государством в лице рахбара, поскольку именно он выполнял свой долг и обеспечивал защиту и пропаганду религиозных ценностей. Ислам был интегрирован в «священные» военные ритуалы. Религии отводилась важная

²⁹ См.; Ostovar, A. *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards*. Oxford: Oxford University Press. 2016.

³⁰ См.; Alfoneh, A. *Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran From Theocracy Into Military Dictatorship*. Washington, DC: Rowman & Littlefield, 2013.

роль в политико-воспитательной работе и моральной подготовке солдат, обеспечивались условия соблюдения религиозных ритуалов. Шиитская доктрина служила средством воспитания господствующей самоидентификации офицеров.³¹ В иранских силовых структурах считали, что в недалеком будущем представители КСИР займут подавляющее число мест руководстве «глубинным» государством.

Отношения И. Раиси с КСИР укрепились после того как А. Хаменеи поручил ему возглавить один из крупнейших благотворительных фондов корпуса «аль-Кодс» (спецподразделение КСИР) “*Astan Quds Razavi*”, который является важнейшим инструментом внешней политики Ирана. И. Раиси установил тесные связи с командным составом КСИР и «аль-Кодс», а также лидерами проиранских милиций на Ближнем Востоке. Он неоднократно встречался с генеральным секретарем ливанской «Хезболлы» Х. Насруллой. Иранское руководство взяло на вооружение установку военных КСИР о «Оси исламского сопротивления» как становом хребте иранской политики на Ближнем Востоке. Иран усилил поддержку шиитских милиций в регионе.

Тегеран оказывал большую материально-техническую, финансовую и политическую помощь «Хезболле» (Ливан), бригадам «аль-Фатимиян» (Сирия) и «ал-Хайдариян» (Ирак). Особое внимание уделялось укреплению авторитета иранского руководства и его идеологических установок в среде местного населения и проиранских милиций. Идеологическая доктрина шиитских милиций в странах Ближнего Востока основана на учении об имамате, исламском правлении и веляят-е факих. Согласно ей личный состав шиитских бригад является войнами «Имам аль-Гаиб», а до его возвращения подчиняется приказам верховного лидера ИРИ.³²

³¹ Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н. А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе / РГГУ, ИВ РАН; отв. ред. А. В. Сарабьев. М., 2017. 240 с.

³² Golkar, S., Aarabi, K. The View From Tehran: Iran's Militia Doctrine. Tony Blair Institute for Global Change, 11 February 2021, <https://institute.global/policy/view-tehran-irans-militia-doctrine> (дата обращения: 25.06.2022).

Многочисленность проиранских вооруженных отрядов на Ближнем Востоке и их разношерстный состав затруднял их классификацию и определение подлинного характера взаимоотношений с властями стран-реципиентов, с одной стороны и Ирана, с другой. В западном медийном сообществе дружественные Тегерану вооруженные отряды, несмотря на присущие им различия и разную степень лояльности, характеризовали как «иранские прокси-группы».

В научно-исследовательских центрах США проиранские милицейские отряды рассматривали как поддержку Ираном терроризма на Ближнем Востоке, а их отношения с Тегераном характеризовали как сотрудничество «патрона и прокси» в рамках созданной после исламской революции «прокси-модели», считая ее основным инструментом реализации ИРИ своих целей на Ближнем Востоке.³³ В ряде случаев проиранские вооруженные отряды в Сирии, Ираке, Ливане, Йемене, Палестине, на Бахрейне определяли как «иранские исламистские прокси на Ближнем Востоке».³⁴ Некоторые западные исследователи не считали ливанскую «Хезболлу» самостоятельным партнером Тегерана, и рассматривали организацию как иранскую прокси.³⁵ Некоторые американские политологи упрекали власти Багдада в избыточной опоре на поддержку иранских «прокси-групп».³⁶

Как показывают результаты наших исследований, в ряде случаев проиранские милиции могли действовать автономно, что в принципе не противоречило характеристике их взаимоотношений с Ираном в системе «патрон-прокси», хотя и затрудняло

³³ Vatanka, A. (2018). The Emergence of Iran's 'Proxy Model'. Middle East Institute, June 28. www.mei.edu/publications/emergence-iransproxy-model, p. 3 (дата обращения: 15.01.2022).

³⁴ Lane, A. (2020). Iran's Islamist Proxies in the Middle East. Wilson Center, December 17. www.wilsoncenter.org/article/irans-islamistproxies (дата обращения: 27.02.2021).

³⁵ Hanin, G. (2019). Hezbollah-Iran Dynamics: A Proxy, Not A Partner. The Washington Institute, April 12. www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-iran-dynamics-proxy-not-partner (дата обращения: 17.02.2021).

³⁶ См.: Smyth, Ph (2018). Iranian Militias in Iraq's Parliament: Political Outcomes and U. S. Response. The Washington Institute, June 11. www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iranian-militias-iraqs-parliament-politicaloutcomes-and-us-response (дата обращения: 28.05.2020).

комплексный анализ их взаимоотношений с Тегераном. Ограниченность инструментального подхода определяется тем, что суть системы взаимоотношений «патрон-прокси» описывается как «неформальное соглашение о сотрудничестве между двумя дееспособными асимметричными сторонами, в которых одна сторона (спонсор-патрон) использует другую сторону (прокси) для достижения своих стратегических целей в обмен на ощутимую помощь».³⁷ С этой точки зрения прокси выступала как объективно слабая сторона, часто внесистемная сила, полагающаяся на поддержку патрона и ставящая во главу угла его интересы. Это предполагало директивную модель взаимоотношений, где патрон отдает приказы, которым прокси обязан подчиняться.

В тоже время, такое определение не всегда дает точное представление о комплексном характере взаимоотношений Ирана с его партнерами на Ближнем Востоке. На практике характер отношений Ирана с вооруженными отрядами зависел от группы факторов, наиболее важными из которых были, — идеологическая близость, общность стратегических интересов, политическая целесообразность, взаимовыгодное партнерство. В соответствии с этими критериями союзные Ирану группы можно было классифицировать по нескольким категориям, — партнеры, стратегические союзники, идеологические союзники, прокси и государственные организации. В связи с тем, что Иран был не способен полностью контролировать все союзные ему вооруженные группировки, было бы упрощением характеризовать их только как иранские прокси-группы. Более глубокое понимание природы взаимоотношений Ирана с этими группировками можно было получить, рассматривая их в качестве «младших» партнеров Ирана по оружию, его «военных клиентов».³⁸

Шиитские милиции Ирака являлись не столько клиентами Тегерана, сколько исполняли роль его местных агентств. Отношения Ирана с ливанской «Хезболлой» можно охарактеризовать

³⁷ См.: Moghadam, A., Wyss, M. The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates. *International Security* 44, no. 4 (2020): 119–157. doi:10.1162/isec_a_00377 (дата обращения: 19.04.2021).

³⁸ Afshon, O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. *Security Studies* 28, no. 1, pp. 159–188. doi:10.1080/09636412.2018.1508862.166–167 (дата обращения: 21.01.2023).

как «симбиоз взаимозависимости двух близких союзников». Действительно, «Хезболлу» можно считать наиболее близким Ирану союзником в регионе. Организацию связывали с Ираном не только конфессиональная близость, но и общность стратегических целей и политических задач. Политическое крыло «Хезболлы» уже давно играло самостоятельную роль в системе государственных структур Ливана.³⁹ В тоже время организация получала значительную финансовую, военную и политическую поддержку Ирана. То же можно было сказать о йеменском движении «Ансаруллах» (Хусии). Также как и «Хезболла», «хуситы» получали помощь из Ирана, но имели уникальный опыт выживания в отсутствии внешней поддержки.⁴⁰

На деле, связи Ирана с вооруженными группировками Сирии и Ирака относились к отношениям комбинаторного типа. Возможно шиитские милиции Сирии типа бригад «аль-Зейнобиюн» (Пакистан) и «аль-Фатимийун» (Афганистан) как и ряд вооруженных группировок Ирака, были иранскими прокси-группами. Однако такие отряды, как «аль-Хашад аль-Шаабий», скорее являлись ближайшими партнерами ИРИ на Ближнем Востоке. Несмотря на различный характер отношений этих групп с Ираном, все они имели общие с Тегераном стратегические цели и финансировались из Ирана. И с этой точки зрения всех их можно определить как проиранские вооруженные формирования.

Проиранские вооруженные формирования являлись боевым авангардом созданной Ираном «Оси исламского сопротивления», которая протянулась от Тегерана через Ирак, Дамаск, Бейрут до Газы (Палестина). В течение нескольких десятилетий Иран находится под санкциями и был не в состоянии эффективно противостоять США и Израилю. Создание сети проиранских милиций помогло Тегерану достаточно эффективно и относительно малозатратно решить эту задачу. Подобный ассиметричный подход позволял сдерживать эвентуальную агрессию США

³⁹ Humud, C. E. (2021). Lebanese Hezbollah. Congressional Research Service, February, 1. crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10703 (дата обращения: 17.05.2022).

⁴⁰ Juneau, T. (2021) How War in Yemen Transformed the Iran-Houthi Partnership. *Studies in Conflict & Terrorism*, pp. 1–23. doi:10.1080/1057610x.2021.1954353 (дата обращения: 25.06.2022).

и Израиля против Ирана и его союзников в регионе. В последнее десятилетие иранская сеть милицейских отрядов заметно расширилась и укрепилась в различных странах Ближнего Востока.

На рубеже 2021–2022 гг. после прекращения активных боевых действий в Сирии и убедительной победы Б. аль-Асада, Иран добился триумфальных успехов на сирийском направлении, которые увенчались восстановлением дипломатических отношений с КСА (март 2023), визитом И. Раиси в Дамаск и возвращением Сирии в арабское лоно (май 2023). Сегодня, дело за «малым», — постараться удержать взятую высоту в условиях обострения палестино-израильского конфликта. И в этом плане Иран может рассчитывать на проиранские вооруженные формирования, общая численность которых на Ближнем Востоке, включая Афганистан и Пакистан, составляла на рубеже 2021–2022 гг. более 250 000 человек.⁴¹

⁴¹ Seth, J. G. (2020). *Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities*. Center for Strategic & International Studies (CSIS), January 6. www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-iranspower-and-exploiting-its-vulnerabilities, p. 11 (дата обращения: 20.04.2022).

Глава 8. Война и дипломатия как инструменты политики ИРИ на Ближнем Востоке

§ 1. ПАРТИЯ АЛЛАХА В ЛИВАНЕ

Появление в Ливане «Хезболлы» произошло под влиянием ряда внешних и внутренних факторов.¹ Шиитские общины Ливана сыграли особую роль в этих событиях. Большинство ливанских шиитов идентифицировали себя не столько с Дамаском, сколько с Неджефом, Кербелой (Ирак) и Кумом (Иран).

В условиях французского мандата (1920–1944) шиитские элиты заметно укрепили свои позиции после того, как их джаафаритские² правовые школы получили официальное признание метрополии. Развитие процессов урбанизации способствовало превращению ливанские шиитов в политически мобилизованную страту ливанского общества. Воспользовавшись израильской оккупацией юга Ливана и войной 1982 г., Иран через территорию Сирии направил в страну около 3 тысяч бойцов из

¹ «Хизбаллах» — в переводе с арабского — Партия Аллаха. Употребляемая в тексте русская транслитерация «Хезболла» (Перс. яз.) больше соответствует истинной природе этой организации.

² Джа'афариты — последователи джа'афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. в 765 г. н. э.). Джа'афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джа'афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты. Подробнее см. «Ислам. Энциклопедический словарь». М., 1991.

элитных подразделений Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В их задачу входило оказание поддержки шиитскому движению в Ливане.³ К началу 1980 гг. организация «АМАЛЬ»⁴ завоевала в шиитской общине Ливана прочные позиции. Ее руководство в лице Н. Берри заручилось поддержкой со стороны Дамаска и не хотело терять своего влияния на шиитскую общину, переориентировавшись на интересы Ирана.

Иранское руководство развернуло мощную пропагандистскую кампанию против Н. Берри и оказало большую финансовую и идеологическую помощь его заместителю Х. Мусави, выпускнику юридического факультета Тегеранского университета и ревностному стороннику идей аятоллы Хомейни. Летом 1982 года Х. Мусави обвинил Н. Берри в предательстве интересов ливанских шиитов. В этих условиях в июне 1982 г. на организационном съезде, в работе которого принимали участие представители из различных районов Ливана, было принято решение о создании новой организации «Хезболла».⁵

Укрепление «Хезболлы» в районах традиционного влияния «АМАЛЬ» привело к усилению соперничества двух организаций, которое во второй половине 1980-х гг. приняло форму ожесточенных вооруженных столкновений, наряду с обострением палестинских междоусобиц в Ливане. Вмешательство Дамаска смогло остановить кровопролитные столкновения между «АМАЛЬ» и «Хезболлой», которые приняли особенно ожесточенный характер в 1988 г. В результате так называемых Таифских соглашений 1989 г. Сирии удалось не допустить разоружения «Хезболлы», оставив ее в качестве единственной ливанской организации с военной инфраструктурой. Дамаск получил возможность осуществлять контроль над снабжением «Хезболлы» оружием.

³ Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // «Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции». М.: МГУ им. Ломоносова. 21.03.2002.

⁴ Арабская аббревиатура от Афвадж аль-Мукаввама аль-Любнанийя (Полки ливанского сопротивления).

⁵ Интервью Х. Насралла журналу аль-Васат март 1996 г. (на араб. яз.).

В январе 1989 г. между Дамаском и Тегераном были достигнуты «специальные соглашения». Ливанская «Хезболла» восстановила свою военную инфраструктуру, и возобновила операции на юге Ливана. В 1991 г. «Хезболла» превратилась в ведущую военную силу ливанского сопротивления, действующую на юге страны против союзной Израилю Армии Южного Ливана (АЮЛ) и израильских войск. К этому времени стало ясно, что политика создания в Ливане исламской республики по типу иранской сталкивается с большими трудностями. Начиная с 1990-х годов «Хезболла» стала постепенно трансформироваться из чисто военной и полувоенной силы в политическую организацию. Летом 1992 г. руководство ИРИ рекомендовало лидерам «Хезболлы» начать превращение этой организации из чисто военизированной группировки в активную политическую силу ливанского общества. Лидеры организации заявили об отказе от диверсионно-террористических методов борьбы и несколько снизили уровень военной активности на юге Ливана.

Осенью 1992 г. «Хезболла» получила 8 из 128 мест в ливанском парламенте, что позволило ей, блокируясь с другими депутатами-исламистами, иметь от 10 до 20% голосов и таким образом претендовать на роль одной из ведущих политических сил Ливана. Х. Насрулла формально возглавил организацию в феврале 1992 г. после гибели А. Мусави во время налета ВВС Израиля на юг Ливана. Бывший генсек «Хезболлы» С. Туфейли, лидер «радикалов» не вошел в состав руководства, а его сторонники, — выходцы из Бекаа и северных районов Ливана лишились практически всех руководящих постов в организации. Состоявшийся в июле 1995 г. очередной съезд «Хезболлы» сохранил контроль над руководством организации в руках Х. Насруллы и его сторонников. В 1992 г. боевое ядро военного крыла «Хезболлы» было выделено в самостоятельную единицу, формально не связанную с организацией.

Таким образом, была достигнута цель сохранения оружия организации в качестве серьезного рычага воздействия на возможные изменения внутренней и внешней ситуации. Общая численность членов «Хезболла» к началу 2000-х гг. составляла свыше 10 тысяч бойцов. В результате парламентских выбо-

ров в Ливане в августе-сентябре 2000 г. «Хезболла» получила 12 мест в парламенте. «Хезболла» имела сотни и тысячи активистов и сторонников в Ливане. Ее светская и религиозная деятельность составляли важную часть жизни шиитской общины Ливана, и обеспечивала организации прочную и долговременную основу для мобилизации в свои ряды новых преданных членов и бойцов из числа местного населения. За последние два десятилетия шиитская буржуазия Ливана значительно окрепла. Она вела активную борьбу за передел сложившихся зон финансово-экономического влияния, путей транспортировок и рынков сбыта товаров.⁶ В своей борьбе шиитские «нувориши» могли с успехом использовать потенциал «Хезболлы» для оказания выгодного им воздействия на своих экономических конкурентов, как из числа шиитов, так и представителей других конфессий. В обмен на поддержку организации, они оказывали «Хезболле» свою финансовую помощь.

Создание «Хезболлы» было обусловлено не столько попыткой экспорта исламской революции, сколько стремлением иранской политической элиты интегрироваться в ливанскую политическую жизнь. «Хезболла» всегда была «проблемной» организацией с точки зрения сирийского режима. В фундаментальных вопросах исламской веры и практики «Хезболла» находилась ближе к Тегерану, а идеологическая ориентация организации была далека от идей непролетарского социализма ПАСВ. К тому же задачи «Хезболлы» в Ливане не всегда совпадали с планами Дамаска в отношении этой страны и в регионе в целом. Сирии приходилось пристально следить за тем, чтобы «Хезболла» в ходе своих операций против Израиля соблюдала установленные «правила игры», а также осуществлять постоянный мониторинг за деятельностью организации с тем, чтобы она не выходила за рамки сирийских политических планов в регионе. В 1990-начале 2000 гг. Сирия контролировала «Хезболлу».⁷ Во многом

⁶ Подробнее см.; Ливан: надломленный конфессионализм // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И. Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 188–196.

⁷ Abukhalil, A. Syria and the Shiites: Al-Asad's Policy in Lebanon. *Third World Quarterly*, Vol. 12, No. 2, Apr. 1990. P. 1–20.

этому способствовал тот факт, что в Ливане с 1976 г. размещался 30 тысячный контингент сирийских войск. Дамаск использовал «Хезболлу» для сдерживания Израиля, но не хотел усиления организации, которая могла соперничать с ней в Ливане. Однако сирийский контроль над организацией был ограничен растущим влиянием ИРИ в Леванте.

Иран стремился сохранить влияние на «Хезболлу», чтобы использовать ее как инструмент воздействия на ситуацию в регионе. Иранская помощь «Хезболле» отличалась большей глубиной и была сильно идеологизирована. Она базировалась на общности шиитской доктрины, идеологических установках и имела глубокие исторические корни. На рубеже 1999–2000 гг. помощь Ирана «Хезболле» оценивалась в 30 млн долл. в год. С уходом сирийских войск из Ливана в 2005 г. позиции «Хезболлы» упрочились. В 2006 г. «Хезболла» показала свою силу в сражении с Израилем на юге Ливана. После усиления «Хезболлы» Иран стал постепенно доминировать в этой арабской стране. «Хезболла» стала основным инструментом Ирана в Леванте и сдерживании Израиля. Кризис в САР поставил Иран, «Хезболлу» в сложное положение. Многие политические силы Ливана меняли свое отношение к Дамаску и Тегерану.⁸

В условиях сирийского кризиса «Хезболла» выстраивала свою стратегию на основе 5-летнего плана. Согласно этому плану «Хезболла» еще накануне событий приступила к созданию на территории САР отрядов исламского сопротивления. При этом «Хезболла» не рассчитывала на продолжительный вооруженный конфликт в САР. Организация опасалась, чтобы длительная война в Сирии могла сказаться на ее позициях в Ливане. «Хезболла» не имела никакого желания нести в будущем людские и материальные потери в Сирии. С учетом этого руководство «Хезболлы» приняло план, согласно которому в Сирии должна была быть создана внешне независимая структура, которая на деле находилась бы под управлением «Совета Шуры» и замыкалась непосредственно на генерального секретаря «Хезболлы» Х. Насруллу.

⁸ Владимир Ахмедов. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. ИВ РАН. Москва. 2010. с. 152–173.

Наряду с этим «Хезболла» стремилась выйти за рамки Ливана и укрепить свои позиции в Ираке и Йемене. Однако, несмотря на присутствие «Хезболлы» в Сирии, Ираке, Йемене, где ее отряды проводили самостоятельные акции, они в той или иной мере оставались, связаны со своим центром в Ливане, который обеспечивал взаимосвязь с «театрами» военных действий в Сирии, Ираке и Йемене. В 2020-х гг. общая численность отрядов «Хезболлы» в САР составляла 50 тысяч бойцов, которые рекрутировались из представителей различных общественных и религиозных слоев сирийского населения. При этом акцент делался, прежде всего, на тех сирийцах, которые под воздействием иранской пропаганды приняли шиизм, а также из представителей христианской и друзской общин.

«Хезболла» пыталась выстроить в Сирии модель «Исламского Сопротивления» («ИС») на подобии той, которую она создала в Ливане. Одновременно, высокопоставленные офицеры «Хезболлы» находились в постоянном контакте с представителями правительственных войск в Сирии и Ираке, управляя их действиями. За время участия в сирийской кампании организация потеряла несколько тысяч высокопоставленных офицеров и основательно испортила отношения с политическими силами в Ливане и большинстве арабских государств. Перспективы разрешения сирийского конфликта беспокоят руководство организации, которая оказалась в террористических списках многих исламских государств.

§ 2. Религиозные милиции Сирии

Создание милиционных отрядов в САР было обусловлено состоянием сирийских вооруженных сил и изменением характера войны между правительственными войсками и вооруженной оппозицией. Через несколько месяцев после начала кризиса сирийская армия показала неспособность сражаться против исламистского сопротивления.

Изменение конфессионального состава сирийских силовых структур создало благоприятные условия для укрепления иранских позиций в офицерском корпусе САР. Первоначальная цель

ИРИ заключалась в реорганизации отрядов «шабиха», чья история уходила корнями в 1980-е годы. Иран поддержал атаки «шабиха» против демонстрантов после начала кризиса. В дальнейшем Тегеран перестроил «шабиху» и создал на ее основе Национальные силы обороны (НСО). За счет увеличения числа офицеров КСИР в составе Дивизии республиканской гвардии (ДРГ) и 4-й дивизии спецвойск под командованием брата президента М. аль-Асада. Иран расширил свои позиции в элитных частях сирийских вооруженных сил.

На практике это выражалось в создании объединенных командных штабов ДРГ и КСИР координировавших войсковые операции сирийской армии. Иран на регулярной основе выплачивал зарплату офицерам ДРГ и 4-й дивизии спецвойск, а также подразделениям «Хезболлы», которые были включены в состав этих силовых структур. Позднее, боевые подразделения «Хезболлы» получили официальный статус регулярных частей вооруженных сил САР. На деле они подчинялись Ирану, их личный состав финансировался из иранской казны. Дивизия республиканской гвардии и 4-я дивизия Спецвойск были тесно связана с КСИР и «Хезболлой».

Они принимали активное участие в создании шиитских милиций в САР, их последующей интеграции в регулярные части сирийских вооруженных сил. К 2015 г. общая численность нерегулярных вооруженных формирований сражавшихся на стороне режима составляла от 35,000 до 40,000 человек.⁹ Часть этих формирований была включена в состав 4-го армейского корпуса, который сирийский режим под руководством иранских и российских советников начал создавать в конце 2015 г.¹⁰

Иранская поддержка способствовала некоторому укреплению боеспособности национальных вооруженных сил и позволила режиму добиться определенных успехов в борьбе с вооруженной оппозицией. Однако этого оказалось недостаточно для того, что-

⁹ Syria Deeply. Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. Newsdeeply. 11.01.2017. <https://www.newsdeeply.com/> (дата обращения: 15.01.2020).

¹⁰ Ахмедов В. Кто воюет в Сирии? Институт Ближнего Востока. 2014. <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322> (дата обращения: 01.09.2020).

бы сирийская армия могла сохранить достигнутые успехи, тем более обеспечить устойчивую победу правительственных войск над вооруженной оппозицией. Даже те стратегически важные районы Сирии, которые Иран пытался контролировать оставались нестабильными в результате растущего числа локальных и иностранных участников вооруженного конфликта. Сражения с вооруженной оппозицией вели к ощутимым потерям среди офицеров КСИР и истощали боевой потенциал «Хезболлы».

Гибридная война, которую вооруженные исламисты навязали сирийской армии, вынудила Б. аль-Асада и его союзников создать новые войсковых подразделений на основе милиционных отрядов.¹¹ Накануне сирийских событий двое высокопоставленных иранских военных Х. Хамадани и К. Сулеймани (бывшие командующие КСИР) сформировали из алавитской молодежи боевые отряды общей численностью свыше 2 тысяч человек. Эти отряды приняли активное участие в борьбе с повстанцами в составе Национальных сил обороны (НСО).

Создание НСО стало одним из первых шагов Тегерана в формировании шиитских милиций в САР. В 2012 г. офицеры КСИР под командованием Х. Хамадани на основе прорежимного ополчения Хомса создали первые отряды НСО, в составе которых наряду с шиитами сражались сунниты и друзья. Создавая НСО, Иран частично использовал опыт ливанской «Хезболлы» и иракских Сил народной мобилизации (СНМ). Вскоре, НСО распространили свою деятельность на другие сирийские провинции за счет проведенной КСИР реструктуризации проасадовских милиций типа «шабиха» и Местных Народных Комитетов. НСО считались одной из крупнейших проиранских милиций, чья совокупная численность составила к концу 2012 года около 40 тысяч бойцов.¹² Заметную роль в создании милиций сыграли принципы не только религиозной, но и земляческой общности. В на-

¹¹ Özdemir, Ö. B. Iran-Backed Militia in Syria: Profiles and Functions. Analysis (304). Center for Middle Eastern Studies. ORSAM. Ankara (Turkey). 21 September 2022, pp. 1–28.

¹² Perlov, O., Dekel, U. (2018). The Model of Iranian Influence in Syria. The Institute for National Security Studies (INSS), July 27. www.inss.org.il/publication/model-iranian-influence-syria (дата обращения: 25.09.2019).

чальный период кризиса Тегеран создавал в САР милиции под предлогом защиты шиитских святынь в Сирии.

В первые два года сирийских событий наиболее массовое присутствие проиранских милиций наблюдалось в шиитских деревнях в районах аль-Захра, аль-Нубул, аль-Кусейр. Если местом рождения НСО был Хомс, то создание в 2013 году другой крупнейшей проиранской милиции Местных сил обороны (МСО) происходило за счет объединения различных проасадовских милиций Алеппо, Дейр аль-Зора и Ракъа. В начальный период деятельности МСО их командные пункты и боевые отряды дислоцировались именно в этих сирийских провинциях. Позднее они инкорпорировали в свои ряды часть прорежимных христианских милиций и распространили свое влияние на Дамаск, Хаму и Латакию.¹³

В отличие от НСО, которые не получили официального статуса в системе национальных вооруженных сил и вскоре оказались под контролем России, руководство МСО полностью находилось в руках «Хезболлы» и КСИР, офицеры которых отвечали за планирование войсковых операций, подготовку личного состава, снабжение вооружением. После серии оргштатных мероприятий из племенных отрядов северо-западных районов в составе МСО была создана «Народная армия» (Силы народного ополчения). Спустя некоторое время «Народная армия» превратилось в структурное подразделение регулярных вооруженных сил САР (ВС САР). На деле командный состав «Народной армии» состоял в основном из иранцев, и она выполняла особые функциональные задачи и имела самостоятельное финансирование.

Достаточно быстро численность МСО выросла до десятков тысяч человек, и составляла к 2015 году около 50 тысяч бойцов. Подобно СНМ в Ираке («аль-Хашд аль-Шаабий») сирийские отряды МСО превратились в одну из наиболее боеспособных сил режима.¹⁴ Однако в отличие от НСО МСО отличались строгой религи-

¹³ Shaban, N. The Iranian Crescent: Iran's Political, Geostrategic and Economic Interest in Syria-Part Three-Syrian-Iranian Relations since 2000, Konrad Adenaur Stiftung, p. 6.

¹⁴ См.: Azizi, H. (2022). Integration of Iran-backed armed groups into the Iraqi and Syrian armed forces: implications for stability in Iraq and Syria, Small Wars & Insurgencies, p. 508.

озной индокриной своего личного состава и имели признанный режимом статус части национальных вооруженных сил. Тот факт, что в командном составе МСО присутствовали бывшие офицеры-баасисты (в основном из Ирака) был призван служить ширмой для придания светского, национального характера новой вооруженной структуре, которая на деле оказывалась идеологически заточенной под исламскую идею в ее шиитской интерпретации.

Иран взял на свое содержание личный состав МСО, бойцы которого получали от 30 до 50 тысяч сирийских фунтов ежемесячно, а также пользовались иными льготами, предоставленными правительством ИРИ. Иран настоял на том, что в МСО могут также воевать иранские резервисты, которых Тегеран привлекал большой зарплатой и дополнительными льготами за счет средств из собственного военного бюджета. В судьбоносные для сирийского режима моменты общая численность СНО и МСО превышала 100 тысяч человек за счет мобилизации резервистов и шиитских наемников из Ирака, что показывало реальные возможности Тегерана по изменению баланса сил в сирийском конфликте.¹⁵

В составе МСО действовали небольшие по численности милицейские отряды. Одним из таких отрядов была бригада «аль-Бакир». Бригада была создана в 2012 г. в период сражений за Алеппо. Она была укомплектована выходцами из племени аль-Багара, кочевавшего в районах Алеппо и Дейр аль-Зора. Как и в других сирийских племенах центральных и восточных районов Сирии большинство членов племени являлись суннитами. Но среди племенных глав было немало шиитов, которые и составили костяк бригады. Считается, что свое название бригада получила по имени влиятельного шиитского клирика Мухаммеда аль-Бакира. Бригада имела тесные связи с КСИР, движением «Хезболла аль-Нуджаба», ливанской «Хезболлой». «Аль-Бакир» внесла большой вклад в деятельность Ирана по шиитизации восточных районов Сирии. В 2015 году бригада принимала активное участие в боестолкновениях в южных пригородах Алеппо.

¹⁵ Perlov, O., Dekel, U. (2020). Ук. соч.

по и пустынных районах Дейр аль-Зора. Она сыграла заметную роль в сдерживании проамериканских сил в САР, прежде всего отрядов Сирийских демократических сил (СДС) в Африне.

Другой отряд МСО, — бригада «Сейида Рукъайя» появился в 2013 г. и был назван по имени дочери имама Хусейна. Изначально бригада являлась одним из подразделений иракских «Батальонов Сейид аль-Шухада», созданных шиитами Ирака. Постепенно она приобрела самостоятельный характер. К 2015 г. ее численность не превышала 8 тысяч бойцов. Бригада «Сейида аль-Рукъайя» сражалась в основном в пригородах Дамаска.¹⁶ Костяк личного состава бригады состоял из шиитов провинции Дамаск, которые были мобилизованы Ираном для защиты шиитских святынь в этом районе. Поскольку большинство личного состава бригады составляли жители квартала Джафар ас-Садик, ее иногда называли «джаафаритской силой». Тем более что квартальная мечеть района была построена в 1985 году на деньги ИРИ в стиле хусайний и служила своеобразным инструментом мягкой силы Тегерана в Дамаске и пригородах.

Милиционный отряд «Хезболла аль-Нуджаба» одним из первых расширил ареал своих действий за пределы шиитских святынь столичных пригородов. «Хезболла аль-Нуджаба» была создана одним из руководителей иракской милиции «Асаиб Ахль аль-Хак» А. аль-Кааби, который был тесно связан с КСИР. В 2011 году, по поручению КСИР, А. аль-Кааби создал «Хезболла аль-Нуджаба» для обороны шиитских святынь в дамасских пригородах. Организация имела тесные связи с «Катаиб аль-Хезболла» (Ирак) и ливанской «Хезболлой». «Хезболла аль-Нуджаба» активно действовала в различных районах Сирии. В июне 2013 г бойцы организации сражались за Алеппо.

При поддержке «Хезболла аль-Нуджаба» были созданы другие шиитские бригады «Аммар бин Ясир» и «аль-Хамад». Организации имела собственный пропагандистский орган — «аль-Нуджаба ТВ», которое поддерживалось министерством

¹⁶ См.: Smyth, Ph. (2015) Hizballah Cavalcade: al-Quwat al-Ja'afariyah & Liwa Sayyida Ruqayya: The Building of an "Islamic Resistance in Syria", Jihadology, 2015.

информации ИРИ.¹⁷ Другой сирийской милицией, которая начала свое начало в Ираке, были «Катаиб Сейид аль-Шухада». Она была создана в 2013 г. главой иракских «Катаиб Хезболла» Абу Мустафой аль-Шейбани, который сотрудничал с КСИР и принимал активное участие в борьбе с вооруженной сирийской оппозицией. Первоначально «Катаиб Сейид аль-Шухада» организационно входили в состав иракских Сил народной мобилизации (СНМ) и напрямую финансировалась из иракской казны. «Катаиб Сейид аль-Шухада» сражались против сирийской оппозиции в аль-Гуте и Дерья, американских военных в САР и неоднократно подверглась налетам авиации США и Израиля в районах аль-Танф и аль-Букамаль.

В этом же году была создана бригада «Зульфикар», названная в честь знаменитого меча Али.¹⁸ Первоначально бригада действовала в составе милиционного ополчения «Абуль Фадль аль-Аббас» и ее личный состав был в основном представлен иракскими и ливанскими шиитами. Бригада «Зульфикар» активно сражалась на юге Сирии и в пригородах Дамаска (аль-Адра и аль-Набак), действуя под контролем объединенного оперативного штаба 4-й дивизии войск специального назначения под командованием М. аль-Асада. Сирийская милиция «Кувват аль-Рида» являлась боевым отрядом ливанской «Хезболлы» и находилась под ее полным контролем.

Основателем «Кувват аль-Рида» считается офицер «Хезболлы» Х. И. аль-Хейдар (оперативный псевдоним-Абу Мустафа). «Кувват аль-Рида» были названы по имени 8-го шиитского имама. Штаб-квартира организации находилась в Хомсе.¹⁹ В состав «Кувват аль-Рида» входили шииты из Дамаска, Хомса, Дерья, Алеппо. География сражений «Кувват аль-Рида» была обширна и охватывала районы Алеппо, Дейр аль-Зора, аль-Гуты, Хомса и Дерья.

¹⁷ См.: Knights, M. (2021). Profile: Harakat Hezbollah al-Nujaba, The Washington Institute, p. 12–19.

¹⁸ По распространенной в Ливане и Сирии татуировке с изображением этого меча, которая обычно наносится выше запястья и ниже предплечья правой руки, можно определить принадлежность ее обладателя к шиитской ветви ислама.

¹⁹ См.: Iran's Networks of Influence in the Middle East, The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2020, p. 95.

Бригада также действовала в Идлибе, Латакии и Кутайфе.²⁰ «Куват аль-Рида» были одной из немногих шиитских милиций, которые сотрудничали с российскими ВКС. Ее бойцы проходили тренировку в лагерях сирийской армии под руководством российских военных инструкторов.²¹

Наиболее известными и крупными шиитскими милициями Сирии считаются бригады «аль-Аббасиюн», «аль-Фатимиюн» и «аль-Зейнобиюн», в составе которых сражались преимущественно шииты из Ирака, Афганистана и Пакистана, соответственно. Одной из первых шиитских милиций Сирии были бригады «Абу аль-Фадль аль-Аббас» (аль-Аббасиюн). Они были созданы КСИР в 2013 г. из шиитских милиций Ирака «Катаиб Хезболла» и «Армии аль-Махди».²² Бригады «аль-Аббасиюн» создавались под задачу охраны шиитских святынь в пригородах Дамаска. В дальнейшем, они достаточно ярко проявили себя в сражениях с ИГИЛ (запрещено в РФ) в Ираке и Сирии.

В Сирии бригады сражались в районах Ябруда, Млейхи, Карба, Кабун, Касима, Барзе и Джобар. «Аль-Аббасиюн» имели особые отношения с ДРГ и действовал в тесной координации с дивизией. Бригады «аль-Фатимиюн» были созданы в 2011 г. как батальон из афганских шиитов. В их состав входили афганские шииты-беженцы в Сирии (пригороды Дамаска) и Иране. «Аль-Фатимиюн» сражались против ИГИЛ в пригородах Алеппо, вооруженной сирийской оппозиции в Дерья, Хомсе, Идлибе, Хама, Дейр аль-Зоре и Дамаске. Афганских бойцов отличали высокая дисциплина и боевые качества.

В 2021–2022 гг. «аль-Фатимиюн» стали называть себя армией, их численность составляла около 20 тысяч человек. После прекращения активной фазы боев личный состав бригад «аль-Фатимиюн» сократился на 50%.²³ Размер жалования бойцов «аль-Фатимиюн» варьировался в пределах 450–700 долларов

²⁰ Al-Tamimi, A. J. (2015) Quwat al-Ridha: Syrian Hezbollah", Syria Comment.

²¹ Fainberg, S. (2017). Russian Spetsnaz, Contractors and Volunteers in the Syrian Conflict", Ifri, p. 24.

²² Smyth, Ph. (2013). From Karbala to Sayyida Zaynab: Iraqi Fighters in Syria's Shia Militias, CTC Sentinel, Syria Special Issue, volume, 6, issue 8.

²³ Shaban, N. Ук. соч., с. 8–9.

США в месяц. Бойцы «аль-Фатимиюн» имели особые привилегии, социальный пакет и гражданство Ирана. Бригады «аль-Зейнобиюн» были созданы КСИР за счет оптимизации бригад «аль-Фатимиюн». В состав «аль-Зейнобиюн» входили пакистанские беженцы в Сирии. В 2013 г. пакистанские бойцы сражались в рядах бригад «аль-Фатимиюн». На рубеже 2014–2015 гг. бригада «аль-Зейнобиюн» оформилась как самостоятельная сила.²⁴ В отличие от «аль-Фатимиюн» численность личного состава «аль-Зейнобиюн» не превышала 3 тысяч.²⁵ КСИР отвечал за идеологическую и боевую подготовку шиитских милиций, в том числе и бригады «аль-Зейнобиюн». В начале кризиса бригада действовала в пригородах Дамаска, а со временем расширила ареал своих операций в Дерья, Хомсе и Дейр аль-Зоре. Бригада неоднократно подвергалась актам турецких ВВС в районе Идлиба. Наряду с иностранными наемниками, силы НСО и МСО сыграли решающую роль в войсковой операции Ирана в САР.

После провала сирийской армии в Кусейре (2013) участие «Хезболлы» смогло переломить ситуацию в боях с повстанцами в Кусейре, Хомсе и Дамаске в пользу режима.²⁶ Ливанская «Хезболла» отличилась в боях с салафитскими отрядами «Джейш аль-Ислам» и «Ахрар аль-Шам» в Восточной Гуте (2013) и пригородах Дамаска. В результате Иран смог организовать в 2016 г. осаду Алеппо и окончательно очистить аль-Кусейр от мятежников. Афганская бригада «аль-Фатимиюн» также сыграла большую роль в осаде промышленной сирийской столицы. Одновременно проиранские милиции сдерживали вооруженные силы Турции и их прокси в различных районах Сирии.

В целом, «Хезболла» и шиитские милиции изменили ход гражданской войны в пользу Ирана и режима Б. аль-Асада. В тоже

²⁴ Zahid, F. (2016). The Zainabiyoun Brigade: A Pakistani Shiite Militia Amid the Syrian Conflict, *Terrorism Monitor*, volume: 14, issue 11.

²⁵ Wigger, L (2019). Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation." *Zenith.Me*, September 26. magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia (дата обращения: 20.03.2020).

²⁶ Blanford, N. (2013). The Battle for Qusayr: How the Syrian Regime and Hizb Allah Tipped the Balance, *CTC Sentinel*, vol. 6, issue. 8, p.21.

время, для достижения своих целей в САР Иран мог опираться не на все отряды шиитских милиций. Например, «Бригады Иерусалима» в зависимости от складывающейся в Сирии военно-политической ситуации в равной степени были близки к России и Ирану. Часть шиитских милиций наряду с Ираном, тесно взаимодействовали с националистическим сирийским ополчением типа «Бригады аль-Баас».²⁷

Начиная с 2015–2016 гг. Иран в одностороннем порядке стремился провести реорганизацию шиитских милиций, интегрировав часть их личного состава в формальные армейские структуры Сирии. В результате Тегерану под видом эксперимента удалось включить несколько наиболее преданных милицейских формирований в состав ДРГ и 4-й дивизии спецвойск. В 2017–2018 гг. режимы Сирии и Ирака обеспечили законодательную базу для интеграции шиитских милиций в национальные вооруженные силы обеих стран. Процесс и результаты интеграции в САР и Ираке разнились в зависимости от динамики роли ИРИ в этих странах и во многом зависели от характера отношений милицейских отрядов с Тегераном, степени их участия в деятельности иракских и сирийских силовых структур.

Особенности интеграции шиитских милиций Сирии и Ирака определялись различиями тактического, организационного, поведенческого характера. Процессы интеграции в Сирии и Ираке отличались по своим мотивам и целям. Результаты интеграции по-разному влияли на динамику вооруженных сил Ирака и Сирии, характер военно-гражданских отношений в обеих странах. В какой-то степени эти различия были обусловлены разницей в условия возникновения шиитских милиций и принципах их формирования в Сирии и Ираке.

В Ираке Иран стремился сохранить полуавтономный статус «аль-Хашад аль-Шаабий» как параллельных войск. В Сирии же Иран выступал за полную интеграцию милицейских формирований в национальные вооруженные силы. В Сирии Силы местной обороны практически полностью интегрировались в сирий-

²⁷ Malmvig, H. (2018). *Mosaics of power: Fragmentation of the Syrian state since 2011*, DIIS Report, No. 2018:04, p. 8.

ские вооруженные силы. Ирану не удалось легитимировать НСО как самостоятельную боевую единицу в составе сирийских вооруженных сил подобно иракским СНМ. В 2018 Б. аль-Асад подписал указ о расформировании НСО и зачисление их личного состава в штат регулярной армии.

Часть отрядов НСО вошли в состав созданного Россией 5 корпуса САА, в рамках курса Москвы на постепенное снижение влияния религиозных милиций из-за их дестабилизирующей роли в процессе мирного транзита. После этого Иран переключил свое внимание на МСО. После 2017 г. МСО вошли в состав регулярных сирийских частей. Сегодня МСО считается крупнейшей иранской милицией в Сирии и насчитывает около 50 тысяч бойцов. По соглашению 2017 года между Б. аль-Асадом и Ираном КСИР вместе с ГШ ВС САР совместно управляют МСО до окончания кризиса в Сирии.²⁸ Шиитская милиция «аль-Аббасиюн» была преобразована в отдельную дивизию в составе ДРГ. Часть отрядов бригад «аль-Зейнобиюн» и «аль-Фатимиюн» также вошли в состав сирийских вооруженных сил. Согласно указу Б. аль-Асада афганским и пакистанским бойцам было предоставлено сирийское гражданство. Всего в состав сирийской армии было интегрировано около 53 тысяч бойцов шиитских милиций.²⁹

В отличие от Сил народной мобилизации Ирака далеко не все сирийские милиции разделяли идеологические и политические установки Ирана. Причина заключалась в их неоднородном конфессиональном и этническом составе и целях участия в сирийских событиях. Так, основу бригад «аль-Фатимиюн» и «аль-Зейнобиюн» составляли шииты, которые признавали власть «велят-е факих». Значительное число бойцов «аль-Фатимиюн» и «аль-Аббасиюн» было представлено афганскими беженцами, которые долгое время жили в Иране.

²⁸ Odeh, Dia, et al. (2019). The Syrian Army: Between Russian Control and Iranian Infiltration. Enab Baladi, November 13. english. enabbaladi.net/archives/2019/11/the-syrian-army-between-russian-control-andiranian-infiltration (дата обращения: 21.12.2020).

²⁹ Alami, Mona. (2018). Syria Seeks to Integrate Myriad Paramilitaries. Al-Monitor, December 3. www.al-monitor.com/originals/2018/11/syria-state-army-integrate-paramilitary-militias.html (дата обращения: 14.07.2019).

В тоже время, основным мотивом участия в сирийской кампании многих шиитских милиций в составе НСО и МСО были соображения материального порядка.³⁰ Степень их близости к Ирану зависела от объема финансовой поддержки. В отличие от иракских «аль-Хашад аль-Шаабий» большинство сирийских милиций сильно зависели от иранской финансовой подпитки. Так, бойцы «аль-Фатимийун» получали ежемесячно около 700 долларов США. Их финансирование лично контролировал К. Сулеймани вплоть до своей кончины в 2020 г. Заработок остальных колебался в пределах 100–300 долларов США в месяц. Финансирование фонда заработной платы осуществлялось из бюджета КСИР и частично за счет средств иранского фонда «Бонаяд Мостазафан». В отличие от Ирака в Сирии Иран играл определяющую роль в вопросах управления, финансирования шиитскими отрядами.³¹

Несмотря на различия шиитских милиций Сирии, фактор религиозной близости с Тегераном имел определяющее воздействие на их поведенческую модель, даже после их интеграции в состав национальных вооруженных сил. Курдский фактор играл второстепенную роль в военной операции Ирана в САР. Несмотря на общность целей в борьбе с «ИГ» в ходе сирийской кампании вряд ли можно было говорить об образовании ирано-курдского альянса. В Сирии курды были тесно связаны с США и во многом разделяли американскую установку на отстранение Б. аль-Асада от власти. В отличие от Ирака, в Сирии Тегеран сделал явный акцент на сотрудничестве с алавитами и шиитами. В результате, Тегеран смог создать многоуровневый и долговременный механизм влияния на сирийские силовые структуры и заметно упрочить свои позиции в этой арабской стране.

³⁰ Azizi, H. (2020). Iran's Multi-Faceted Strategy in Deir Ez-Zor. German Institute for International and Security Affairs (SWP), March 15. www.swp-berlin.org/10.18449/2020C15 (дата обращения: 21.03.2021).

³¹ Former IRGC Official Says Soleimani Asked Him for Money to Pay Proxies in Syria. Radio Farda, 2020. April 6. en.radiofarda.com/a/former-irgc-official-says-soleimani-asked-him-for-money-to-pay-proxies-in-syria/30532758.html (дата обращения: 21.10.2021).

§ 3. ШИИТСКИЕ МИЛИЦИИ ИРАКА

В результате американской оккупации Ирака в 2003 г. структура иракских вооруженных сил была сильно деформирована. Изменился их конфессиональный состав. Еще в 1980 гг. Тегеран инициировал создание под эгидой Высшего Совета Исламской Революции Ирака (ВСИРИ) «Куват аль-Бадр». Позднее «Куват аль-Бадр» стали главным поставщиком иранского оружия шиитским милициям Ирака. В 2019–2020 гг. организацию возглавлял Х. аль-Амини.³²

В 2006 г. для борьбы с американской оккупацией на базе 3-х шиитских милиций были сформированы «Катаиб Хезболла». Численность организации составляла 5 тысяч чел.³³ Еще одна шиитская милиция «Катаиб аль-Шухада» изначально была частью «Катаиб Хезболла». В 2014 г. вслед за призывом влиятельного шиитского клирика А. аль-Систани «Катаиб аль-Шухада» превратились в самостоятельную организацию. Ее численность составляла около 4 тысяч чел. В 2006 г. К. аль-Газали создал «Асаиб Ахд аль-Хак», которые выделилась из «Армии аль-Махди», созданной М. аль-Садром в 2003 г. для борьбы с США. Вскоре организацию возглавил практикующий иранский юрист выходец из Ирака М. Х. Шахрудди. К 2019 г. численность «Асаиб Ахд аль-Хак» составляла 50 тыс. чел. После вывода части американских войск из Ирака в 2011 г., Иран превратился в одну из самых влиятельных сил в Ираке.³⁴

На базе шиитских милиций Тегеран сформировал Силы народной мобилизации (аль-Хашад аль-Шаабий). Силы народной мобилизации (СНМ) возникли в 2014 г. как добровольческие отряды для сражения с ИГИЛ. В отличие от других иранских милиций Ирака в СНМ входили отряды суннитских племен, йезид-

³² Rajab, A. (2014). The Badr Shiite Organization; Iraqi Faces and Iranian Loyalties. Islamic Movements Portal, December 3. <https://islamistmovements.com/12148> (дата обращения: 27.08.2017).

³³ Mapping Militant Organizations. (2020). Kata'ib Hezbollah. Stanford University, September. cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/kataib-hezbollah (дата обращения: 17.03.2021).

³⁴ Pollack, K. M. Iran in Iraq. Washington, D.C.: Atlantic Council, December 2017, pp. 1–11, <https://tinyurl.com/mrds5tu5> (дата обращения: 20.09.2022).

ских и христианских общин которые объединились для борьбы с ИГИЛ. Институциональное оформление СНМ как альтернативных регулярной армии милицейских формирований происходило в несколько этапов. После захвата Мосула, иракский премьер-министр Н. аль-Малики призвал иракский народ создать добровольческие отряды для борьбы с ИГИЛ. А. аль-Ситани издал фетву, обращенную ко всему мужскому населению страны, объединится для отпора «такфиристам».³⁵

В апреле 2015 г. премьер-министр Ирака Х. аль-Абади (главнокомандующий ВС Ирака) издал указ о прямом подчинении СНМ офису премьер-министра. Командующий СНМ Ф. аль-Файяд был назначен на должность советника премьер-министра по вопросам безопасности, которую он занимал до июля 2020, когда новый премьер-министр Ирака М. аль-Каземи произвел кадровые перестановки в системе иракских сил безопасности.³⁶ Указ 2015 г. был первым шагом иракских властей по контролю над шиитскими милициями Ирака. После того как в 2015 г. СНМ перешли под контроль багдадских властей они стали менее зависимы от иранского финансирования. В 2019 г. из государственного бюджета Ирака было выделено 2,16 млрд долларов США на содержание СНМ.³⁷ В 2021 г. каждый боец организации получал в среднем около 600 долларов в месяц. Отдельное вознаграждение полагалось за участие в боевых операциях. Ряд бойцов организации извлекали дополнительные доходы от частной охранной деятельности, в портах и пограничных КПП.³⁸

³⁵ См.; Iraq Conflict: Shia Cleric Sistani Issues Call to Arms. BBC News, 2014 June 13. www.bbc.com/news/world-middle-east-27834462; Amnesty International. 2017. Iraq: Turning a Blind Eye. Amnesty International. www.refworld.org/pdfid/586e061e4.pdf (дата обращения: 11.02.2020).

³⁶ The National. 2020. Iraq PM Mustafa Al Kadhimi Reshuffles Top Security Posts." July 4. www.thenationalnews.com/world/mena/iraq-pm-mustafa-al-kadhimi-reshuffles-top-security-posts-1.1044117 (дата обращения: 12.09.2021).

³⁷ Atallah, Ph. (2019). The Future of the Iraqi Popular Mobilization Forces." Foreign Policy Research Institute, August 19. www.fpri.org/article/2019/08/the-future-of-the-iraqi-popular-mobilization-forces (дата обращения: 14.09.2020).

³⁸ Al-Nidawi, O. (2019). The Growing Economic and Political Role of Iraq's PMF." Middle East Institute, May 21. www.mei.edu/publications/growing-economic-and-political-role-iraqs-pmf (дата обращения: 17.05.2020).

С 2018 процесс интеграции шиитских милиций в вооруженные силы Ирака ускорился. В июле 2019 г. премьер-министр Ирака А. аль-Махди издал указ, согласно которому СНМ должны были полностью войти в состав иракских вооруженных сил. Все подразделения СНМ изменили свое название в соответствии с нормативами иракских вооруженных сил. Указ накладывал ограничения на занятия СНМ политической и экономической деятельностью. Несмотря на то, что указ ускорил процесс ввода милиций в состав регулярной армии, его положения были выполнены не полностью. Иракские власти постоянно испытывали трудности с контролем над «аль-Хашад аль-Шаабий» поскольку Иран стремился сохранить организацию как параллельные войска.³⁹

Несмотря на то, что СНМ стали боевой единицей регулярных армейских частей, они оставались зонтичной организацией для многих шиитских милиций.⁴⁰ СНМ состояли из 42 вооруженных отрядов общей численностью около 120 тысяч бойцов. В конце 2020 г. в результате внутренних распрей четыре бригады вышли из состава СНМ и образовали новую структуру (аль-Хашад аль-Атбаа). Среди вооруженных группировок в составе СНМ четыре имели тесные связи с Ираном. Это «Катаиб Хезболла», «Асаиб Ахль аль-Хак», «Катаиб Сейд аль-Шухада», «Куват аль-Бадр». Такие фракции как «Хезболла аль-Нуджаба» и «Сарая аль-Хорасани» были не так сильны, как первые четыре и действовали в союзе с ними. Иран снабжал шиитские милиции Ирака оружием и организовывал подготовку и обучение их бойцов.

Личный состав СНМ был представлен шиитами и тесно связан с ИРИ конфессиональной общностью, схожестью идеологических и политических взглядов. За исключением группы М. аль-Садра «Сарая аль-Салям» несогласной с политикой

³⁹ Azizi, H. (2019). Is Iran's Influence in Iraq Waning? Al-Monitor, July 10. www.al-monitor.com/originals/2019/07/iraninfluence-iraq-waning.html (дата обращения: 27.04.2020).

⁴⁰ States within the State: Kadhimi's Challenge is to Bring Shia Militias under Control. Al Jazeera Center for Studies, July 22. studies.aljazeera.net/en/policy-briefs/states-within-statekadhimi%E2%80%99s-challenge-bring-shia-militias-under-control (дата обращения: 25.08.2021).

СНМ в отношении багдадских властей, остальные отряды СНМ были ближайшими союзниками Ирана. Командиры СНМ публично признавались в верности принципу «веляят-е факих». Глава «Сарая аль-Хорасани» А. аль-Ясери открыто заявлял, что СНМ являются отрядом Верховного лидера ИРИ (рахбара).⁴¹ Верховный лидер ИРИ А. Хаменеи заявил, что стратегической задачей ИРИ является убрать США с Ближнего Востока. После гибели в январе 2020 г. К. Сулеймани и командира СНМ А.М. аль-Мухандиса, организация усилила операции против военных объектов США.

Власти Ирака оказались под жестким прессингом шиитских организаций, которые стремились вынудить их изменить характер отношений с Вашингтоном. СНМ обвинили американских военных в ударах по гражданским объектам и базам СНМ в Ираке. Иран нанес серию ударов по базе ВВС США Айн аль-Асад (Анбар). Таким образом, СНМ и другие шиитские милиции решали одну из главных стратегических задач Ирана по ослаблению американского присутствия в регионе. Интеграция шиитских милиций была призвана придать новое качество иранскому присутствию в регионе в организационном и сущностном выражении. Иран не только укрепил позиции в вооруженных силах Ирака, но создал новый формат взаимоотношений с властями Багдада. Иран укрепил сотрудничество с Ираком в вопросах безопасности и обороны, расширил свое влияние в политической и военной элите Ирака, укрепил контроль над шиитскими милициями.

В формате отношений Ирана с Ираком наряду с официальным и неофициальным измерением появилось новое — полуофициальное измерение. Это делало сложным для противников ИРИ достоверно определить истинный масштаб иранского влияния в Ираке. За счет ввода СНМ в иракскую армию Иран смог создать полуавтономную структуру в армейских подразделениях и органах безопасности Ирака, которая на деле подчинялась Тегерану, а не местным властям. Интеграция СНМ не ослабила

⁴¹ Renad, M., Jabar, F. (2017). The Popular Mobilization Forces and Iraq's Future. Carnegie Middle East Center, April 28. carnegie-mec.org/2017/04/28/popular-mobilization-forces-and-iraq-s-future-pub-68810 (дата обращения: 15.06.2019).

эту организацию, а наоборот усилила ее за счет официальной легитимации.

В иракских вооруженных силах стала формироваться новая идеология индокринации личного состава на принципах, шиитской версии ислама в иранской трактовке. Связанное с КСИР иранское новостное агентство «Тасним» отмечало, что СНМ получили новую среду самоидентификации в отличие от принципов (секуляризм, арабизм) иракской армии. Интеграция иранских милиций в национальные вооруженные силы обеспечила Тегерану качественно новое влияние в регионе, и упрочила способность ИРИ противостоять локальным, региональным вызовам. Тегеран обрел страховку на случай смены правящей иракской элиты. Присутствие шиитских милиций в сирийских и иракских силовых структурах гарантировало Ирану что Дамаск и Багдад вряд ли смогут в ближайшее время нормализовать отношения с США и Израилем за рамками политического курса Ирана в регионе.

Иран создал многоуровневый и долговременный механизм влияния в регионе. В результате расширилась сфера политических маневров ИРИ на Ближнем Востоке. Инкорпорированные в армейскую среду шиитские милиции оказывали все возрастающее влияние на процессы принятия жизненно важных решений в Ираке. Они сохранили связи с мелкими отрядами, оказывали им поддержку в рамках связанных с армией различных союзов и фронтов (Иракский Фронт Сопротивления). Идеологическая и религиозная общность между шиитскими милициями в составе регулярных войск и иранскими военными не только сохранилась, но и окрепла. Благодаря этому Иран получил возможность влиять на поведенческую модель личного состава иракских вооруженных сил.

В своей политике на Ближнем Востоке Тегеран по-прежнему предпочитал опираться на полуофициальные, негосударственные образования в интересах создания широкой сети влияния в армии и общественных институтах региональных государств. Подобная модель поведенческого стереотипа оказала большое влияние на развитие Ирака и Сирии. Багдад и Дамаск оказались в центре региональной напряженности. Власти были вы-

нуждены лавировать между идеологическим и национальным выбором национальных элит. Иран добился того, что сегодня в Сирии и Ираке весьма затруднительно создать инклюзивное правительство на основе общенациональной идентичности. Процесс интеграции шиитских милиций в регулярные силы Ирака и Сирии пока не завершен. Иран не торопит события и продолжает направлять на Ближний Восток новые милиционные отряды.

Глава 9. Специфика конфессиональной экспансии Ирана в Сирии и Ираке

§ 1. ПРОИРАНСКИЕ МИЛИЦИИ И ВНЕШНИЕ АКТОРЫ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Несмотря на окончание «горячей» фазы сирийского конфликта и интеграцию шиитских милиций в вооруженные силы Сирии и Ирака, Иран продолжил поддерживать различные негосударственные милицейские формирования и создавать новые. В 2021–2023 гг. Иран создал в Сирии и Ираке новые вооруженные отряды для усиления своего влияния в политической, экономической, идеологической сферах жизни этих стран. Еще в 2011 году после начала вывода американских войск из Ирака, Иран активизировал военно-техническое сотрудничество с Багдадом и оказал финансовую поддержку иракским ВС. В январе 2014 г. был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам военно-технического сотрудничества. Тегеран обязался оказать помощь Багдаду в развитии его вооруженных сил с целью сохранения территориальной целостности и поддержания безопасности.

В июле 2017 г. был подписан еще один протокол по вопросам обороны и безопасности. Иран обязался оказывать военно-техническую и логистическую поддержку иракским вооруженным силам. В апреле 2019 г. был подготовлен новый проект документа о сотрудничестве в сфере безопасности границ, борьбы с терроризмом и мигрантах. В ноябре 2022 г обе стороны заявили о подготов-

ке нового договора по военно-техническому сотрудничеству.¹ В июле 2020 г. Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.² В начале 2022 г. было заключено соглашения между командованием 4-й дивизии спецвойск и руководством КСИР о создании 11 новых командных штабов под совместным управлением в стратегически важных районах Сирии (Халеб, Хама, Хомс, Пальмира, Дейр эз-Зор). Иран взял под свой контроль стратегически важные участки сирийско-иракской границы между аль-Букамалем и аль-Каимом, превратив их в безопасные коридоры доставки оружия и боеприпасов, прохода новых отрядов шиитских милиций в Сирию.³

Эти договора обозначили новый этап в подходах ИРИ к сотрудничеству с Ираком и Сирией в военных вопросах. Всего с января по март 2022 г. Тегеран смог создать 38 новых укрепрайонов в Халебе и его пригородах, где находятся основные промышленные зоны и ремонтные мастерские. В конце марта 2022 г. Иран перебросил часть своей боевой авиации из Пальмиры на восток Хомса, построил в юго-западных пригородах Дейр аль-Зора новые тренировочные аэродромы и фактически создал в указанных районах свою бесполетную зону. В целях закрепления своего военного присутствия в САР и Ираке Иран использовал новую тактику, которая предусматривала значительное расширение ареала действий шиитских милиций. Для охраны своих военных складов в районах Хомса, Хамы, Халеба, Дейр аль-Зора и Пальмиры, Иран создал новые отряды шиитских милиций. Весной 2022 г. из части личного состава «Хезболлы» и «аль-Фатимийюн» были созданы бригады «Фаджр аль-Ислам», во главе которых стояли офицеры КСИР. К марту 2022 г. отря-

¹ Sarhang, H., Nada, G. (2020). Iraq Timeline: Since the 2003 War. United States Institute of Peace, May 29. www.usip.org/iraq-timeline-2003-war (дата обращения: 15.08.2021).

² Карам, Ф. (2022). Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии. Июнь, 4. <https://aawsat.com/home/article/3577221/> (дата обращения: 21.09.2021). На араб. яз.

³ Нааме, А. (2021). После «Аль-Имам Али»..., Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. Ноябрь, 28 <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (дата обращения: 15.08.2022). На араб. яз.

ды ливанской «Хезболлы», «Асаиб Ахль аль-Хак», «Харакат аль-Нуджаба, «аль-Бакир» нарастили численность своего личного состава и пополнили арсеналы новым вооружением.

К началу апреля 2022 г. указанные милиции создали около 120 новых укрепрайонов на востоке Хомса, в Хаме, Ракаа, Дейр аль-Зоре, разместив там более 4,5 тысяч бойцов.⁴ Дислоцированные в северных и южных районах Дейр аль-Зора милиции контролировали стратегически важный район сирийско-иракской границы, который служил постоянно действующим пропускным пунктом для иранского транспорта, направляющего вглубь сирийской территории и Ливан.

Вместе с иракскими СНМ сирийские милиции «аль-Бакир», «Хезболла аль-Нуджаба» и «аль-Фатимиюн» контролировали район от аль-Хусейнии до Бокруса, а также район аль-Маядин, который был превращен Ираном в один из своих форпостов на Ближнем Востоке. В аль-Букамаль на сирийско-иракской границе тесно сотрудничали шиитские милиции Ирака и Сирии (бригады «аль-Туффуф», «аль-Бадр», «аль-Кодс» и «Хезболла аль-Нуджаба»). Свои интересы в Сирии и Ираке Тегеран лоббировал через местных бизнесменов и политиков, связанных с шиитскими милициями. В Ираке бывшие премьер-министры Н. аль-Малики и Х. аль-Абади считались «людьми Ирана». Проиранские фракции в парламенте защищали интересы ИРИ в Ираке. Например, альянс аль-Фатх (политическое крыло аль-Бадр) имел большое влияние в иракском парламенте. Коалиция Н. аль-Малики «Даулят аль-Канун» (Государство Закона) сотрудничала с Ираном. Создание проиранских вооруженных отрядов повлияло на характер взаимодействия основных участников сирийского конфликта. В условиях изменения обычаев войны милиционные отряды достаточно быстро превратились из объекта в субъект взаимодействия основных акторов сирийского кризиса.

После создания шиитских милиций в Ираке и Сирии влияние ИРИ в регионе заметно выросло. Иран укрепил свое присутствие в Ираке и Сирии за счет борьбы с ИГИЛ, в том числе силами

⁴ Абдерразак, С., Карам, Ф. (2022). Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. Июль, 7. <https://awsaat.com/home/article/3577076/> (дата обращения: 10.03.2023). На араб. яз.

шиитских группировок типа «аль-Хашад аль-Шаабий». Шиитские милиции сдерживали Анкару на севере, США на юге Сирии и служили контрбалансом российскому влиянию в районах под контролем сирийского режима. К началу 2023 года Иран располагал более чем 300 базами и опорными пунктами только в Сирии. В 2022 г. шиитские милиции создали мощные позиции на средиземноморском побережье Сирии и практически полностью контролировали значительные участки сирийской территории и приграничные районы Ливана.

Основной задачей проиранских отрядов в Сирии было сбалансировать американское военное присутствие в регионе. Подразделения КСИР, «Хезболлы» и шиитские милиции активно противодействовали американским военным в восточных и южных районах Сирии. На востоке Сирии шиитские милиции оказывали поддержку армии Б. аль-Асада по сдерживанию союзных США отрядов Сирийских Демократических Сил (СДС). Несмотря на потери в результате воздушных атак США, шиитские милиции не прекращали атаковать американские войска на базе «аль-Танф».

Шиитские милиции сдерживали военное присутствие Турции в Идлибе и Алеппо. Ирано-турецкое соперничество в Сирии проходило в форме противоборства шиитских милиций и протурецких сил сирийской оппозиции. Турецко-российские переговоры в декабре 2016 г. о предотвращении гуманитарной катастрофы в Алеппо прошли без участия Ирана. Тегеран был напуган возможностью ослабления своего присутствия в Сирии. Отряды ливанской «Хезболлы» и «Хезболла аль-Нуджаба» блокировали эвакуацию жителей из Алеппо и вернули Иран за стол российско-турецких переговоров. Напряженность между Анкарой и шиитскими милициями выросла после дислокации турецких военных в Идлибе в 2018 г. В ходе военной операции Турции в Африне (Оливковая ветвь) турецкие военные столкнулись с бойцами из бригады «аль-Бакир». Турецкая армия уничтожила около 30 шиитских милиций и полностью заблокировала их деятельность в районе Африна.⁵ В Идлибе оппозиционные отряды ССА при поддержке Турции сражались против шиитских милиций и правительственных сил, поддер-

⁵ Al-Tamimi, A. J. (2018) Who are Liwa al-Baqir, the pro-regime unit seeking to enter Afrin?. MECRA, 2018...

жанных Россией. После гибели 33 турецких военных в боях за Идлеб Турция начала операцию (Spring Shield). Анкара атаковала силы режима и шиитских милиций в Идлибе с помощью БПЛА. В ходе атак турецких БПЛА десятки бойцов ливанской «Хезболлы» и бригады «аль-Зейнобиюн» были убиты. Несмотря на жесткие действия турецких военных, шиитские милиции продолжали атаки на турецкие силы в Идлибе и Тель Рифате. Несмотря на попытки России создать современную сирийскую армию на базе 5-го корпуса, Москва была вынуждена смириться с шиитскими милициями. Сирийские органы безопасности предпочитали милиционные отряды, нежели централизованную сирийскую армию, которую было бы труднее контролировать. Имевшие свои милиции, оружейные бароны, были избраны в парламент и обрели определенное политическое влияние. Сирийские районы на юге и востоке страны стали свидетелями конкуренции между Ираном и Россией.

Россия создала 5-й армейский корпус, который должен был уравновесить 4-ю дивизию спецвойск находившуюся под контролем Ирана. В отличие от Ирана, Россия была ограничена в выборе средств мобилизации местных сил. Российские военные не имели опыта использования религиозных инструментов в работе с местными игроками на поле сирийского кризиса. Несмотря на это Россия смогла установить тесные контакты с 25-й дивизией специальных операций («Tiger Forces») под командованием С. Хасана, бригадой аль-Кодс, христианскими милициями в Хаме, отрядами бывших оппозиционных сил в Дерья. Провинция Дерья, как очаг сирийского сопротивления, подвергалась ожесточенным атакам правительственных сил. После подписания соглашения между оппозицией и режимом в Дерья в 2018 г при посредничестве России конфликт принял новые формы. Как гарант перемирия Россия получила возможность создания собственных милиций в Дерья под прикрытием 5-го корпуса ВС САР. Москва пыталась использовать бывших оппозиционеров, которые сражались в составе 8-й бригады 5 корпуса под командованием Ахмеда аль-Ода. Однако сирийский режим не признал 8 бригаду и позволил проиранским милициям атаковать ее позиции в Дерья.

Российские военные не контролировали полностью подразделения 8 бригады и не смогли убедить ее командиров выйти из города и сражаться на других сирийских фронтах. В итоге Москва была вынуждена прекратить поддержку 8 бригады в Деръа. В 2021 г. подразделения «Хезболлы», бригады «аль-Аббасиюн» заняли центр Деръа, вынудили бойцов 8 бригады сложить оружие и подписать новое соглашения в пользу Ирана.⁶ До конца 2022 г. Россия частично сохраняла свое военное присутствие в Деръа. Москва опиралась на контакты в различных силовых структурах режима дислоцированных в Деръа. Российские военные пытались установить контакты с местными племенами, чтобы упрочить свое влияние в этом районе. Однако Москва не имела иранского опыта создания милиций, неправительственных организаций, культурно-религиозных центров для укрепления своих позиций в Сирии. Поэтому проиранским милициям удалось сорвать планы Москвы по созданию собственных вооруженных отрядов на базе 8 бригады. С другой стороны, в Дейр аль-Зоре подразделения 5 корпуса и иранские милиции сотрудничали в борьбе с ИГИЛ. После начал украинской СВО влияние России на милицейские отряды ослабло.

Сокращение объемов финансирования вынудило многие милиции переориентироваться на Иран.⁷ Прежде всего, это затронуло личный состав Сил национальной обороны (СНО) в районе Дейр аль-Зора. Многие бойцы стали переходить в милицейские формирования под эгидой КСИР. Связанный с Ираном сирийский бизнесмен М. Хамшо выделил средства для снабжения милиций продовольствием и обмундированием. На фоне практически полного прекращения финансирования из Москвы отряды СНО в районе аль-Маядин стали конфисковать недвижимость местного населения. Связанные с Россией милицейские отряды аль-Катарджи пытались заручиться поддержкой САА. Милиции аль-Катарджи занимались охраной транспортировки нефти

⁶ Grajewski, N. (2021). The Evolution of Russian and Iranian Cooperation in Syria, CSIS, 2021.

⁷ Abu al-Khair, W. (2022). Russia-backed militias in Syria feel the pinch as focus shifts to Ukraine”, Caravanserai. 2022..

и пограничных районов в Дейр аль-Зоре.⁸ Одним из важных источников финансирования проиранских милиций стал нарко-трафик. В период с 2021–2022 гг. специальные службы Иордании и Ирака конфисковали произведенные в Сирии наркотические вещества на сумму 9,5 млрд. долларов США.⁹ Сирийские районы, расположенные по линии Латакия — Кусейр — Каламун — Дамаск — Деръа — Сувейда стали центрами производства и транспортировки наркотических веществ.

Израиль не имел собственного военного анклава и союзных милиций в САР. Израиль мог бы исправить сложившийся в Сирии баланс сил в результате наземной операции. Однако этот шаг был чреват серьезными политическими рисками и финансовыми издержками. Воздушные налеты израильской авиации на позиции шиитских милиций активизировались после 2013 года и до 2017 года ограничивались пригородами Дамаска. С 2017 по 2022 гг. воздушные атаки Израиля составили 95% от всех атак за период с момента начала кризиса. Только в 2017–2018 гг. израильская авиация совершила более 50 атак против шиитских милиций в различных районах Сирии. В 2019 г. Тель-Авив нанес около 10 ударов по позициям шиитских милиций в Дейр аль-Зоре и аль-Каиме (Ирак).¹⁰ 60% всех атак израильских ВВС на шиитские милиции в САР пришлось на 2020 год.

Основными целями израильских ВВС стали пригороды Дамаска и районы аль-Сухна и аль-Кабаджид. Израиль наносил удары по скоплению шиитских милиций в районе шиитской святыни Сит Зейнаб и иранской военной базы в аль-Букамаль, военным заводам ракетного оружия в пригородах Алеппо. В 2021 г Израиль нанес 65 ударов, преимущественно по Дейр аль-Зору, Латакии, Хомсу, Тартусу. Ударам подверглись шиитские милиции, которые организовывали транспортно-логистические операции по доставке иранских военных грузов и личного состава КСИР в Ли-

⁸ Abu al-Khair, W. (2022). Russia-backed militias in Syria feel the pinch as focus shifts to Ukraine”, Caravanserai, news.com/en_GB/articles/cnmi_ca/features/2022/07/01/feature-02 (дата обращения: 23.07.2022).

⁹ Lister, Ch. (2022). We cannot ignore Syria’s emergence as a narco-state. Middle East Institute, 2022.

¹⁰ Times of Israel, Israel blamed as deaths reported in airstrike on pro-Iran Iraqi militia. August, 2019.

ван. По данным израильтян в результате авиаударов логистические коридоры шиитских милиций в Сирии на 70% потеряли функциональность. Действия израильских ВВС не смогли остановить шиитские милиции и ограничить их влияние в Сирии.

Проиранские вооруженные формирования создали идеологический плацдарм для проведения в регионе иранской гуманитарной дипломатии по укреплению религиозного влияния ИРИ на Ближнем Востоке.

Особый характер государственной модели ИРИ детерминировал специфику политики Ирана на Ближнем Востоке. В процессе эволюции религиозного пространства Ближнего Востока этнические и религиозные различия превращались в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государств. В иранской политике возросла роль неклассических инструментов, основанных на культурном, цивилизационном влиянии, борьбе за души и умы людей. Одним из таких инструментов была политика «мягкой» силы, в рамках которой сочетались силовые и гуманитарные методы.

В современных международных отношениях совокупность данных ресурсов раскрывается как «мягкая сила» и рассматривается с позиции применения ненасильственных способов воздействия.¹¹ В условиях обострения идеологической борьбы внешнеполитические акции ИРИ, выстраиваемые на основе артикуляции озабоченностей населения воспринимались в контексте гуманитарного воздействия. Вооруженное вмешательство ИРИ в САР и Ирак сочеталось с элементами гуманитарной дипломатии. Поддержка ИРИ шиитских милиций, особенно в интересах борьбы с «ИГ» воспринималась частью местного населения в гуманитарном аспекте и являлась инструментом «мягкой силы». Военная кампания ИРИ в САР и в Ираке обеспечила качественные сдвиги в «гуманитарной» дипломатии ИРИ балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой» силы.

¹¹ Подробнее об этом см; Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии// Сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). — Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2018. С. 15–19.

На практике насильственные меры успешно обеспечивали обретение ресурсов «мягкой силы» и способствовали повышению эффективности гуманитарной дипломатии. Изменения в военной стратегии ИРИ оказали влияние на корректировку инструментария иранской дипломатии. Конфессиональная политика Ирана в САР определялась группой факторов. Сирийский кризис создал благоприятные условия для распространения иранского влияния в ключевых государствах Ближнего Востока, близких Ирану в конфессиональном и этническом отношении.

Несмотря на прагматичный характер внешней политики ИРИ, тот факт, что Иран являлся идеологическим государством, во многом детерминировал характер принимаемых решений. Идеология служила инструментом мобилизации внутренних и внешних сил для поддержки иранского участия в сирийских событиях.

§ 2. Инструменты «мягкой силы» ИРИ в ИРАКЕ

Наличие близких Ирану в конфессиональном отношении групп населения сыграло заметную роль в решении Тегерана усилить свое военное присутствие в Ираке. Иран имел давние отношения с иракскими курдами и нередко манипулировал ими в собственных интересах.

Свержение режима С. Хусейна в Ираке пробудило в Иране опасения, что курды могут использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства. Правительство в Эрбиле и в целом иракские курды были враждебно настроены в отношении Ирана. Тегеран опасался усиления активности курдских сепаратистов с баз на иракской территории. В Тегеране полагали, что в случае полного вывода американских войск из Ирака, курды могут использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства. В результате мог включиться механизм дезинтеграции Ирака и соседних стран. Иран последовательно выступал за сохранение территориальной целостности Ирака. Важным фактором, повлиявшим на решение Ирана укрепить иракскую государственность, стал проведенный иракскими курдами в 2017 г. референдум о соз-

дании независимого государства. Иран был обеспокоен таким поворотом событий.¹² Тегеран приложил все усилия к тому, чтобы не допустить отделения иракского Курдистана в качестве самостоятельного государства. Накануне референдума по отделению К. Сулеймани встретился с М. Барзани и убедил его не выносить данный вопрос на всеобщее голосование. Когда же М. Барзани призвал к референдуму о независимости Курдистана, Тегеран закрыл границы с Иракским Курдистаном. Одновременно части КСИР при поддержке полков регулярной армии «Артеш» блокировали курдские районы Ирана приграничные Ираку, чтобы не допустить контактов курдского населения двух стран. Иран был вынужден применить ракетное оружие и БПЛА.¹³

Иран также использовал связи с шиитскими общинами Ирака в интересах укрепления своих позиций в этой арабской стране. В первой трети 2000-х гг. в Ираке проживало 20 млн шиитов, которые составляли от 60 до 75% населения страны. Ирак являлся вторым после Ирана крупным шиитским государством на Ближнем Востоке. В самом Иране 90–95% населения (свыше 80 млн человек) являлись шиитами.¹⁴ Шиитские общины сыграли важную роль в планировании ИРИ своих военных операций в Ираке и других странах Ближнего Востока. Они существенно облегчили действия Ирана в этих государствах. В отличие от Ирака подобные этнические и религиозные группы Сирии не имели поддержки международного сообщества.

Исторически связь большинства иракских шиитов с Ираном обуславливалась сложным характером их взаимодействия с властями Багдада. В 1970-х гг. рост влияния шиитского духовен-

¹² Adelkhah, N. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact, *Terrorism Monitor*, Vol. 13, No. 2, January 23, 2015, pp. 9–11 <https://tinyurl.com/mr3dvtvx> (дата обращения: 13.02.2023).

¹³ Джозеат-размаш-сеха-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар [Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны]. *Тазним Ньюз*. 24.09.2017. <https://tinyurl.com/2s3rmtkd> (дата обращения: 14.07.2022). На перс. яз.

¹⁴ Eisenstadt, M., Knights, M., Ali, A. (2011). *Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach*. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, April 2011. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-influence-in-iraq-countering-tehrans-whole-of-government-approach> (дата обращения: 22.09.2022).

ства в Иране и Ираке, создание исламских партий, движений типа «ад-Даава», вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. Находящийся в ссылке в Неджефе (Ирак) аятолла Хомейни оказывал большое влияние на шиитских духовных лидеров Ирака типа М. аль-Садра, М. аль-Бакира, М. аль-Садека.¹⁵ Ирак, где большинство населения было представлено шиитами, проявлял беспокойство активностью Ирана. Тем более что права шиитов в Ираке были некоторым образом ущемлены. Эта практика достигла своего пика во времена правления С. Хусейна.

После исламской революции в Иране (1979 г.) политика ИРИ представляла угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства Ирака. Иракский лидер опасался революционных призывов иранского духовенства обращенного к иракским шиитам и политики экспорта исламской революции. Иракские шииты подвергались гонениям со стороны баасистских бюрократов, которые являлись суннитским большинством во власти. С. Хусейн пытался секуляризировать шиитские святыни Ирака, превратив их в музеи. Высланные в период ирано-иракской войны (1980–1988) иракские шииты, создали в Иране Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). Позднее он стал известен как Высший исламский совет Ирака (ВИСИ). После свержения С. Хусейна в 2003 г. иракские шииты вернулись в Ирак. Многие из них стали руководителями шиитских милиций и членами нового иракского правительства.¹⁶ В условиях правительства шиитского большинства нужда в поддержке Ирана стала ослабевать. Новое руководство Ирака не изменило прежнюю позицию по Шатт эль-Араб и Алжирским соглашениям 1975 г. Мирный договор между двумя странами так и не был подписан.

¹⁵ Borzon D. Iraq Conflict Is a Battle for Identity. Los Angeles Times. April. 16, 2007. <https://tinyurl.com/4mxdrrs6> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁶ Eisenstadt, M. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed. The Iran Primer: Power, Politics, and U. S. Policy, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010, pp. 1–7. <https://tinyurl.com/4bmssy5p> (дата обращения: 21.08.2022).

Власть шиитского большинства в Ираке, сделала иракских суннитов враждебными в отношении Ирана.¹⁷ Иракские сунниты бойкотировали парламентские выборы 2005 года. Шиитская община Ирака была разделена по линиям принадлежности ее членов к разным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру экономических предпочтений. Шииты Ирака отличались своими религиозными и политическими взглядами, степенью лояльности различным духовным лидерам.¹⁸

Многие иракские шииты светской ориентации были более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. В прошлом многие из них симпатизировали социалистическим теориям. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (М. аль-Садр, например) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. В проведении своей политики в Ираке Иран был вынужден учитывать соперничество и расхождения доктринального характера между шиитскими лидерами Ирака. Аятолла Абуль Касем аль-Хои не являлся поклонником имама Хомейни. Его сторонники и последователи были настроены против Ирана и использовали антииранскую карту для налаживания связей с США после американского вторжения в Ирак. Аятолла А. аль-Систани был известен своими доктринальными расхождениями с имамом Хаменеи и его концепцией исламской республики. Аятолла М. аль-Садр придерживался антиамериканских взглядов. Когда американцы закрыли его печатный орган «аль-Хавза» в 2004 г. его сторонники и милицеские формирования (Армия аль-Махди) устроили беспорядки в Багдаде. У М. аль-Садра сложились напряженные отношения с аятоллами М. аль-Хои и Б. аль-Хакимом.

Среди шиитских группировок Иран имел близкие связи с ВСИРИ во главе с аятоллой Б. аль-Хакимом., а после его кон-

¹⁷ Parasiliti, A. T. Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects. pp. 1–11. In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press. 1993, pp. 217–244.

¹⁸ Филин Н.А., Пилюяна М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества. Общенациональный научно-политический журнал «Власть». No 2. 2015, с. 133–137.

чины с его родственниками (братом и племянником). Однако семейство аль-Хаким нельзя было назвать последовательными сторонниками Ирана. Они самостоятельно вели дела с арабскими странами и США, а Иран использовали в своих политических целях. Аятолла А. аль-Систани являлся сторонником старой шиитской школы и не поддерживал участие духовенства в политике, как это практикуется сегодня в Иране. Расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли Ирану процесс выстраивания отношений с иракскими шиитами как единой структурой. Попытки Тегерана управлять ею были чреваты осложнением отношений с шиитами Ирака. Поэтому Тегеран не мог в полной мере контролировать развитие политического процесса в Ираке.

Раскол внутри шиитской общины Ирака и среди ее духовных лидеров оказывал влияние на политику Ирана в Ираке.¹⁹ С другой стороны, поддержка шиитских общин повышала авторитет Тегерана как надежного брокера в разрешении внутри иракских конфликтов.²⁰ Несмотря на приложенные усилия, Иран не смог установить прочных контактов с суннитской общиной Ирака, в глазах которой он воспринимался как конфессионально ориентированное государство и не пользовался их доверием и поддержкой. Использование Ираном этнических и конфессиональных сообществ Ирака привело к неоднозначным последствиям. Часть политических сил почувствовали силу и решили добиться независимости и самостоятельности. Это угрожало позициям ИРИ в Ираке. Нарушало установку на сохранение территориальной целостности Ирака как гарантию национальной безопасности Тегерана.

Несмотря на то, что численность иранских резидентов в Ираке заметно выросла в период с 2003 по 2014 гг. связи Ирана с шиитскими общинами Ирака стали постепенно ослабевать. Доля иракских шиитов, которые считали Иран надежным партнером, сократилась с 76% до 43% между 2015 и 2018 гг. Число иракских шиитов, которые позитивно относились к Ирану, также упа-

¹⁹ Hazran, Yusri. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // Middle East Journal, Autumn 2010, Vol. 64, No. 4. Pp. 521–541.

²⁰ Alireza, N. Iran's Role in Iraq: Room for Cooperation? Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-151-OSD, 2015pp. 1–23.<https://tinyurl.com/bdxpket5> (дата обращения: 25.12.2021).

ло в процентном отношении с 88% до 47% в указанный период. Одновременно выросла доля тех шиитов, которые считали Иран угрозой иракскому суверенитету с 25 до 58% между 2016–2018 гг.²¹ Подобная ситуация была чревата серьезными издержками для иранской политики в отношении багдадских властей. Нельзя было исключать вероятного конфликта с шиитскими общинами Ирака.²² Это могло произойти в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа со стороны арабских стран, угроз в лице США.

Таким образом, стратегическим установками религиозной экспансии ИРИ в Ирак являлась активная работа с меньшинствами, формирование правительства шиитского большинства, поддержка негосударственных вооруженных формирований и создание проиранских милиций.

§ 3. Гуманитарная дипломатия ИРИ в Сирии

Арабо-иранское историческое наследие формировало особый подход Ирана к сирийскому конфликту. В религиозно-идеологическом плане иранское духовенство рассматривало участие в сирийских событиях как продолжение векового соперничества между шиитами и суннитами. Давние связи Ирана с алавитским режимом также определяли отношение Тегерана к сирийскому кризису.²³

Иран добивался признания алавитов в качестве одной из шиитских сект. В 1970 г. глава Высшего шиитского совета Ливана Муса аль-Садр и Аятолла Хасан Ширази признали алавитов

²¹ Al-Dagher, M. Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why. Washington Post, November 16, 2018. <https://tinyurl.com/tbm2z9px> (дата обращения: 29.04.2021).

²² Аль-тайяр-аль-садрий-явуд-ли-аль-махалийя-мин-баваба-рафд-таадиль-аль-канун. [Садристское движение возвращается чтобы принять участие в выборной кампании в местные органы власти и отказывается от исправления закона]. 26.02.2023. Аль-Араб. <https://tinyurl.com/3fmjc3ch> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

²³ Алавиты (Нусайриты) — сторонники Мухаммеда бен Нусайра аль-Нумайри (ум. 883 г. н. э.) — главы секты крайних шиитов-нумайритов последователей X шиитского имама Абу Хасана аль-Хади аль-Аскари. Подробнее см: Ал-Хасан ибн Муса Ан-Наубахти. Шиитские секты. М., 1973. С. 256.

как ветвь шиизма.²⁴ Магистральным направлением гуманитарной дипломатии Ирана в САР было распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм сирийского населения. Основным инструментом реализации этой политики служило формирование законодательной базы, а также приобретение недвижимости, жилищное строительство, переселение в САР шиитов из других стран. Тегеран провел реконструкцию шиитских святынь, расширил географию религиозного паломничества, создал сеть культурно-образовательных центров.

Сирийский режим на законодательном уровне поддержал культурно-религиозную экспансию ИРИ в САР. В 2018 г. был издан президентский указ, согласно которому в рамках министерства вакфов был образован Научный совет по юриспруденции со специальной квотой для шиитов. Это позволило представителям шиитского духовенства занять высокие должности после получения ими сирийского гражданства. В конце 2021 г. в Сирии был принят закон № 28 об укреплении роли Высшего исламского совета (ВИС). Новый закон отменил 35 статью закона № 31 от 2018, которая регулировала работу министерства вакфов в вопросах взаимодействия с институтом муфтията и порядком издания фетв. ВИС сильно ограничил права 4 суннитских мазхабов (ханбалитского, ханифитского, шафиитского, маликитского) на религиозную работу с населением и управление вакфами.²⁵ Как правило, собственность вакфов в денежном выражении составляла весьма приличную сумму, не облагалась налогом, находилась за пределами контроля фискальных органов государства и имела постоянный источник пополнения. Любой мусульманин мог на определенных условиях передать все свое движимое и недвижимое имущество в вакф, чтобы избежать светской системы налогообложения. При этом он сохранял право распоря-

²⁴ Friedman, Y. (2022). Musa al-Sadr and the missing fatwa concerning the Alawi religion," *British Journal of Middle Eastern Studies*, Sept. 2022, pp. 4–9.

²⁵ Аль-Хейр, М.М. (2021). Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада. Ноябрь, .11, <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (дата обращения: 17.02.2022). На араб. яз.

жаться своими средствами и приращивать их через гибкую систему исламских банков, отдавая часть дохода в вакф.

Таким образом, материальная база сирийских суннитов, скрытая от контроля государственных органов, оказывалась серьезно подорванной. На законодательном уровне было решено, что только представители джаафаритского²⁶ мазхаба имеют преимущественное право на издание фетв и другие виды религиозной деятельности, в том числе управление вакфами. В новом законе было прописано, что сунниты больше не являются религиозным большинством в САР и ставятся в один ряд с другими мусульманскими конфессиями.

Иран глубоко проник в систему шариатской юриспруденции и государственные институты САР, действующие в религиозной сфере, типа министерства вакфов.²⁷ После принятия указанного закона любые законодательные действия в религиозной сфере стали осуществляться в соответствии с положениями шиитской доктрины. Прежде всего, это затронуло систему управления вакфной собственностью и работу с личными сбережениями мусульман. Одновременно, сирийский режим формировал легальную основу изменения демографии сирийского общества.

В 2012–2017 гг. президент подписал ряд указов, согласно которым разрешалось конфисковать собственность лиц осужденных по различным обвинениям и изымать нежилые объекты недвижимости. В 2018 г. был принят закон № 10, который дал право командирам проиранских милиций отчуждать в свою собственность любые объекты недвижимости, в случае если их владелец не мог подтвердить свои права владения. За время конфликта из страны выехало более 6 млн сирийцев, а документы и архивы были уничтожены или пропали. В результате десятки

²⁶ Джа'афариты — последователи джа'афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. в 765 г. н. э.). Джа'афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джа'афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты. Подробнее см. «Ислам. Энциклопедический словарь». М., 1991.

²⁷ См.; Colin, C., Smyth, Ph. (2017). The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. CTC, Sentinel, Vol. 10, No. 10, November 2017.

тысяч шиитских бойцов с семьями стали собственниками объектов недвижимости в различных районах Сирии.²⁸

Особое внимание Тегеран уделял увеличению численности шиитского населения в Дамаске и его пригородах. До начала сирийских событий провинция Дамаск была суннитским поясом безопасности сирийской столицы. Для того чтобы укрепиться в этом районе Иран использовал тактику ливанской «Хезболлы» в южных пригородах Бейрута (аль-Дахия). В 2015–2016 гг. в результате тяжелых сражений в пригородах Дамаска и Алеппо, суннитская оппозиция потерпела поражение, и ее личный состав вместе с семьями вынужден был выехать в Идлиб. Вскоре за ними последовали мирные жители расположенных на границе с Ливаном сирийских городов Блудан, Ябруд, Мадайя, Сергайя, Кисва и Забадани, которые оказались под контролем «Хезболлы». Конфискованные дома заняли шииты-выходцы из Ирана, Афганистана, Ирака и Пакистана.²⁹

Операции по переселению проводилась под контролем КСИР и «Хезболлы» по формуле так называемого «Соглашения четырех городов». В 2014 году проживавшие в пригородах Дамаска Мадайя и Забадани сунниты под давлением КСИР «поменялись» местом жительства с шиитами из Фуа и Кефрайя в провинции Идлиб. Эта схема стала надежным инструментом эволюции профессиональной карты в других районах Сирии. Наряду с Дамаском Тегеран проявил повышенный интерес к суннитскому оплоту в Алеппо. Алеппо был расположен в нескольких десятках километров от турецкой границы и связан со Средиземноморским побережьем. В 2014 году шиитские милиции из Ирака, Афганистана и Пакистана во главе с КСИР начали операцию по захвату Алеппо. В 2016 г. восточные районы Алеппо были освобождены от повстанцев. Сотни тысяч суннитов выехали из разрушенных районов. Иранская строительная компания «Джихад аль-Бина» вела масштабные работы по реконструкции социальных объектов городской инфраструктуры.

²⁸ Inbari, P. (2014). Demographic Upheaval: How the Syrian War Is Reshaping the Region. Jerusalem Center for Public Affairs, June 17, 2014.

²⁹ Zaman al-Wasl, June 12, 2022.

Связанные с шиитскими милициями агентства недвижимости скупали жилые объекты под предлогом их реконструкции. Восстановленные кварталы заселили десятками тысяч шиитских семей из Ирака, Афганистана, Пакистана.³⁰ Иран открыл свое консульство в Алеппо, основал духовную семинарию. В городе аль-Сафира в 25 км к юго-востоку от Алеппо начал работать Центр по изучению персидского языка. Города Хомс и Хама, являлись своеобразным пограничным пунктом между суннитскими районами центра и алавитским анклавом на западе Сирии. В стратегическом отношении этот район связывал Дамаск с Латакийским побережьем и служил коридором в Иран через Ирак. В начале 2009 г. режим начал крупный инвестиционный проект «Мечта Хомса», который в рамках реновации предусматривал ликвидацию суннитских кварталов старого города.

В период кризиса в Хомсе и его пригородах шли длительные и ожесточенные сражения. Тысячи жителей были переселены и бежали. С принятием закона № 10 в 2018 г. проект реноваций в старых кварталах Хомса был возобновлен. Многие мечети Хомса были превращены в центры пропаганды шиизма, значительная часть недвижимости была конфискована.³¹ Иранская строительная компания «Джихад аль-Бина» вместе с фондом «Имам аль-Кадим» отстроила несколько шиитских школ в городе Дейр аль-Зоре и основала религиозные центры в городе аль-Маядин.³²

В духовной экспансии Ирана в Сирии большое внимание уделялось вопросам святых мест. В 1999 году Тегеран начал программу реконструкции шиитских святынь в Сирии.³³ В Дамаске и пригородах три шиитских святыни были названы в честь дочерей и внучек Али, — «Сейида Зейнаб» «Сейида Сакина» и «Сейида Рукья». «Сейида Зейнаб» располагалась в 10 километрах от центра Дамаска. Этот район был населен преимущественно

³⁰ Saban, N. (2020). Ук. соч.

³¹ Reuters. (2018). Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete, July 18, 2018.

³² Messing, D. (2021). The Bright Light Institute'—Another Iranian Organization Spreading Shiism in Eastern Syria. Alma Research and Education Center, Kfar Vradim, Isr., Mar. 14, 2021.

³³ Alfoneh, Ф. (2022). Ahmadinejad Versus the Clergy. American Enterprise Institute, Washington, D.C., Aug. 21, 2008.

но иракскими шиитами, которые спасались в Сирии от преследований режима С. Хусейна. В 2003 г. шиитское население района пополнилось беженцами из оккупированного США Ирака. После войны 2006 года туда переселились беженцы из Ливана. В 2020 г. квартал был переименован в город Сейида Зейнаб, где был начат строительный проект «Пригороды Зейнаб». В 2006 г. иранский президент М. Ахмединежад посетил восстановленную в рамках проекта реноваций 1999 г. могилу Сейида Сакина в Дарайа (пригород Дамаска). Расположенная в старом Дамаске рядом с мечетью Омейядов могила Сейида Рукайя претерпела серию реконструкций и сегодня занимает площадь в 4 тыс. м². В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде районов провинции Дейр аль-Зор. Они арестовали настоятелей и муэдзинов местных мечетей, которые отказались изменить формулу азана (призыв на молитву) в соответствии с нормами шиизма. На их место поставили новых служителей культа. Одновременно были изменены названия некоторых мечетей в районах на западном берегу Евфрата. Прежде всего, эти нововведения коснулись г. Махкан, где дислоцировались бригады «аль-Аббасиюн» и «аль-Зейнобиюн».³⁴ Так, мечеть Фарук Омар стала именоваться Великой мечетью Махкан.³⁵ Как считали местные жители, эти изменения коснулись, прежде всего, мечетей, в названиях которых были упомянуты имена трех из четырех праведных халифов Абу Бакра, Омара и Османа, которые были известны своим «пристрастным» отношением к шиитам (алидам).³⁶ После частичной реставрации

³⁴ Аль-Хейр, М.М. (2021). Объявление шейха Усамы ар-Рифаи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада. Ноябрь, 21. <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (дата обращения: 18.08.2022). На араб. яз.

³⁵ Иссам, В. (2021). Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора. Ноябрь, 24. <https://www.alquds.co.uk/> (дата обращения: 21.09.2022). На араб. яз.

³⁶ В данном случае речь идет об оценке местным населением действий КСИР и шиитских милиций. Для углубленного понимания вопроса о времени появления суннитов и шиитов (алидов) и их противостоянии в правление трех праведных халифов (ок. 632–656 гг. н. э.) см.: Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса. Шиитские секты. Пер. с Арабского, исслед. и комментарии С. М. Прозорова. Изд-во «Наука». Москва 1973.; Al Samawi M. T.. The Shi'a: The Real Followers Of The Sunnah. Translated by Hassan M Najafi. Ansariyan

мечети утратили прежний архитектурный облик, превратившись в хусайнии.³⁷

В городе аль-Маядин была сооружена мечеть Али бен Аби Талиба (Айн Али) на месте где по приданию конь Али выбил копытом из земли источник свежей воды. На регулярной основе стало осуществляться паломничество в шиитскую мечеть аль-Нукта в Забдийя. Согласно шиитским поверьям один из камней мечети имеет полость в форме капли, где содержится кровь Хусейна бин Али (внук пророка), который был убит в битве при Кербеле (680 г. н. э.). В январе 2022 г. там прошла мемориальная церемония в связи со второй годовщиной смерти Касема Сулеймани. В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР. На деле, паломничество к шиитским святыням в Сирии не прекращалось во время конфликта.

До событий марта 2011 г. Сирию ежегодно посещало более 500 паломников из Ирана и Ирака. Иранские паломники, как правило, ограничивались посещением шиитской мечети «Сит Зейнаб». Пользуясь статусом паломника, они беспрепятственно проникали в Ливан, укрепляя связи с ливанскими шиитскими общинами. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр аль-Зоре, Деръа), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников.³⁸ В 2011 г. президент издал закон, согласно которому комплекс Сейда Рукая в Дамаске признавался учебным заведением по изучению шиизма. Сегодня он известен как

Publications. 2007. <https://www.scribd.com/document/48784142/The-Shi-a-the-Real-Followers-of-the-Sunnah> (дата обращения: 29.03.2022).

³⁷ Особый архитектурный стиль строительства молитвенных домов, который стал практиковаться в Иране с XV века в период расцвета династии Сефевидов. Сефевиды утвердили шиитское направление ислама в Иране. Название «аль-хусайнийя» связано с именем имама Хусейна (внука Пророка) павшего в боях с Омейядами при Кербеле (Ирак).

³⁸ Нааме, А. (2021). Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? Ноябрь, 13. [https:// www.arab_21.com/story/1397691/](https://www.arab_21.com/story/1397691/) (дата обращения: 24.05.2022). На араб. яз.

Университет исламских исследований Биляд аш-Шам. В 2014 г. был издан указ о преподавании шиитского вероучения в специализированных сирийских школах, которые открылись в том же году в различных городах страны.³⁹

В 2021 году в Сирии действовало 6 иранских университетов. Из них 5 были созданы после 2011 г. Работа строилась на основе учебных программ разработанных министерством науки ИРИ. Для поступления в них требовалось свободное владение персидским языком. В Дамаске, Хлебе, Латакии, Дейр аль-Зоре работало 15 культурных центров Ирана. В 2017 году в городе аль-Сабахан (восточные пригороды Дейр аль-Зора) культурный центр ИРИ направил сотни молодых людей на учебу в Иран. В 2017 г. государственный иранский телеканал «Аль-Алам» запустил в САР вещание «аль-Алам Сирия ТВ» на арабском языке.

Распространение шиитского вероучения и обращение в шиизм местного населения занимало центральное место в политике Ирана в САР. Эта деятельность была ориентирована, прежде всего, на средние и беднейшие слои сирийского населения в стратегически важных для ИРИ районах Сирии.⁴⁰ В 1981 г. младший брат Х. Аль-Асада Джамиль основал в Латакии «Общество имама аль-Муртады», основной задачей которого было обращение алавитов сирийского побережья и суннитских племен центральных и северо-восточных районов САР в истинный шиизм.⁴¹ В 2000 г. А. С. Мусави — один из видных иранских клириков основал под Алеппо Шиитский культурный центр. До начала событий в САР иранские проповедники вели активную проповедническую деятельность среди сирийских племен на востоке страны. Они смогли обратить в шиизм одно из влиятельных сирийских племен Дейр эз-Зора — Баггара.

В последующем это дало возможность ИРИ распространить свое влияние в этом районе. Тегеран использовал племенных вождей для обращения в шиизм жителей ряда деревень. В 2017 г.

³⁹ Elaph (London), Oct. 14, 2014.

⁴⁰ Stein, E. (2017). Ideological Codependency and Regional Order: Iran, Syria, and the Axis of Refusal. PS: Political Science & Politics, Vol. 50, No. 3, July 2017.

⁴¹ Los Angeles Times, Dec. 17, 2004.

правительственные войска и шиитские милиции освободили эти районы от ИГИЛ.⁴² Тысячи оставленных домов были конфискованы. В ходе конфликта многие племенные вожди тесно сотрудничали с КСИР и шиитскими милициями. В поддержку Ирана выступило племя аль-Машхада, которое ведет свою родословную от иранского города Мешхед. В городе аль-Маядин дислоцировались подразделения корпус аль-Кодс, куда вступили сотни местных жителей. Были созданы отряды «Имама аль-Махди», где проходили стрелковую подготовку тысячи молодых людей.

Северо-восток Сирии служит естественным коридором между Сирией и Ираком, а город Ракъя является историческим местом. В 657 г. н. э. в его окрестностях произошла знаменитая битва при Сиффине между Али бин Абу Талибом (4-й праведный халиф) и Муавией бин Абу Суфьяном (основателем династии Омейядов). В 2014 по 2017 гг. в Дейр аль-Зоре происходили сражения между САА и ИГИЛ, которое оккупировало этот район. В сравнении с другими районами САР в провинциях Ракъя и Хасака иранские позиции были не так сильны. Несмотря на то, что еще до кризиса Тегеран привлек на свою сторону племя аль-Хамад в Ракъя, Иран испытывал затруднения в распространении шиизма в этом районе.⁴³ Во многом это было связано с присутствием курдских отрядов, а также соперничеством между США и Турцией за влияние в этом нефтеносном районе.

Как правило, суннитов значительно было проще обратить в классический шиизм, чем представителей других сирийских конфессий. Местное курдское население отклонило предложения Ирана восстановить построенную в 1980 гг. большую шиитскую мечеть на окраинах Ракъя, которая была разрушена ИГИЛ в 2014 г. Иран не стал оказывать давление на местное население, опасался религиозного бунта в Ракъя. Слабое присутствие шиитских милиций в юго-восточных районах Хасака вынуждало Иран действовать через сеть культурных центров, пыта-

⁴² Orient News, Jan. 16, 2022; Zaman al-Wasl (Homs), Mar. 26, 2020.

⁴³ Dukhan, H., Alhamad, A. (2021). Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes. The Washington Institute for Near East Policy. Washington, D.C., Apr. 6, 2021.

ясь обратить в шиизм местное население.⁴⁴ Тегеран смог обратить в шиизм несколько сот жителей г. Мисьяф и завербовать их в шиитские милиции.⁴⁵ В отличие от деловых кварталов Дамаска (аль-Хамидийя, например), где празднование «ашуры» стало обычным делом еще до кризиса, религиозная ситуация на юге Сирии была иной. С 2018 г. после победы над оппозицией в Деръа начался процесс «шиитизации» местного населения. Иранские миссионеры рассчитывали на поддержку иракских шиитов из района аль-Матар, где находилась шиитская мечеть. Шииты из района Бусра аль-Шам в пригородах Деръа вместе с «Хезболлой» сражались против суннитского ополчения. Город аль-Кафра был центром операций «Хезболлы» и оплотом иранской духовной экспансии на юге Сирии. Характерно, что город аль-Кафра это родина генерала Р. аль-Газали заместителя некогда всесильного Г. Канаана бывшего командующего сирийским воинским контингентом в Ливане. По иронии судьбы именно суннитская семья аль-Газали оказала Ирану помощь в продвижении шиитов в этом районе. КСИР создал здесь местные милиции «Корпус аль-Арин» и «Бригаду 313». «Бригада 313» была названа по имени 313 сторонников аль-Махди, которые в его отсутствие защищают справедливость на земле.

В сентябре 2018 г. специальный посланник аятоллы Хаменеи в САР А. Ф. Табтабаи посетил Деръа и выделил финансовую помощь новым шиитским милициям. Была также профинансирована деятельность иранского благотворительного фонда «аль-Захра», который имел вооруженное крыло «Львы аль-Захра» и работал в различных районах Сирии. Населенная друзьями аль-Сувейда была единственной сирийской провинцией, большинству жителей которой удалось сохранить конфессиональную идентичность. Несмотря на то, что друзья не выступили против режима Б. аль-Асада, их отношения с алавитами и шиитами были напряженными.

⁴⁴ Hassan, M., al-Ahmed, S. (2022). Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces. The Middle East Institute, Washington, D.C., Mar. 24, 2022.

⁴⁵ Al-Mudun. (Beirut), Nov. 1, 2015.

В поисках контрбаланса иранскому влиянию в Сирии друзья рассчитывали на Россию как своего возможного защитника. В 2015 году лидеры друзской общины аль-Сувейды обратились за помощью к российским военным после гибели основателя анти иранского "Движения Достойных", в смерти которого они винили Тегеран. В попытках наладить контакты с местным населением, офицеры КСИР организовали визит лидеров друзской общины в Тегеран. Представители посольства ИРИ в Дамаске и офицеры корпуса «аль-Кодс» стали чаще навещать Сувейду. Тегеран запустил ряд гуманитарных и социальных программ в аль-Сувейде.⁴⁶ С учетом серьезных различий в религиозных доктринах друзов и шиитов и запрета переходить в другую веру, шансы на «шиитизацию» друзов были ничтожны. Однако офицеры КСИР, пользуясь бедственным положением друзов, смогли вовлечь нескольких жителей в состав проиранских вооруженных отрядов.

В условиях кризиса сирийский социум пребывал в тяжелом положении. Образованный класс пытался обрести идейную основу для новой самоидентификации. Иран опирался на доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью в распространении шиитского вероучения среди жителей столичных центров САР. Тегеран стремился мобилизовать широкие народные массы в свою поддержку, прежде всего молодежь, большинство которой было неграмотно. Иран использовал проверенные и наиболее доходчивые средства и методы.

Это, прежде всего, религиозная пропаганда иранской версии ислама. Тем более, Ислам не поощряет, но и не запрещает переход из одного мазхаба в другой (джаафаритский, например). Религиозная политика Ирана в САР имела глубокий политический контекст. Иран стремился продемонстрировать, что война в Сирии закончилась. Следовательно, присутствие там иностранных военных незаконно. Одновременно, Тегеран укреплял легитимность шиитских милиций в Сирии. Гуманитарная дипломатия

⁴⁶ Syrian News Agency (Damascus), Sept. 27, 2017.

изменила социо-культурный облик современной Сирии и сделала сирийские власти еще более зависимыми от Ирана.

Использование фактора конфессиональной общности, сопровождавшееся определенными рисками для политики Тегерана. Поддержка шиитских общин высвечивала Иран как не столько политического, а религиозного актора на поле сирийского конфликта и подчеркивала опасность религиозного измерения сирийского кризиса. Подобный политический инструмент был эффективным, пока Тегеран мог управлять религиозными процессами в САР. В случае отказа механизма управления Иран рисковал ослабить свою политику в Леванте.

Глава 10. Эволюция региональных международных отношений на Ближнем Востоке в условиях сирийского кризиса

§ 1. Основные этапы и факторы влияния ирано-израильских отношений

История ирано-израильских отношений насчитывает более семи десятилетий. С начала 1950 гг. связи между Тель-Авивом и Тегераном отличались в целом дружественным характером. Однако господствующая арабская среда, в которой развивались ирано-израильские отношения, во многом предопределила развитие конфронтационности между Тель-Авивом и Тегераном. Кризис в САР активизировал конфликтный потенциал Ближнего Востока и обострил ирано-израильское противостояние.

После обретения Израилем национальной независимости в 1948 г. обе страны инициировали развитие взаимовыгодных экономических контактов. С 1948 по 1978 гг. связи между Тель-Авивом и Тегераном носили в целом дружественный характер. С начала 1950 гг. ирано-израильское взаимодействие ставится важным фактором региональных, международных отношений на Ближнем Востоке.

После исламской революции 1979 г. в Иране конфронтация между Тель-Авивом и Тегераном постепенно усиливается. В последующие три де-

сятилетия ирано-израильское противоборство приняло форму прокси-войн, которые в целом не выходили за географические рамки Леванта.

С середины 1980 гг. ирано-израильское противостояние становится важным элементом ближневосточного конфликта и определяет параметры системы региональной безопасности.¹

Начавшийся в марте 2011 г. кризис в САР усилил ирано-израильскую конфронтацию, придав ей новые формы.² С 2012 по 2019 гг. Израиль нанес десятки тысяч воздушных ударов по военным целям ИРИ и «Хезболлы» в САР, тщетно пытаясь сдерживать расширение иранской стратегической глубины к северным границам еврейского государства.³ Ни Тель-Авив, ни Тегеран не хотели ввязываться в масштабную вооруженную конфронтацию. Иран был заинтересован в продвижении переговорного процесса по иранскому атому. А Израиль шел в русле американской политики рамочного сдерживания иранских региональных устремлений.

На рубеже 2019–2020 гг. стратегическое видение методов и средств вооруженного противостояния двух стран стало постепенно меняться. Используя свои позиции в Ираке, Сирии, Ливане, и Йемене, Тегеран начал «тестировать» допустимую глубину силового ответа Израилю. Сдерживание иранской угрозы стало приоритетной задачей всех израильских силовиков. Специальные службы Израиля работали по трем основным направлениям; срыв иранской ядерной программы, уничтожение ракетного потенциала «Хезболлы», ослабление иранского влияния на Ближнем Востоке и в Закавказье.

Если в последние десять лет Тель-Авив и Тегеран практиковали «войну теней», которая в основном не выходила за пре-

¹ Малащенко А. Ближневосточные конфликты: вероятность обострения в контексте общей нестабильности в регионе в 2020-е годы // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1(60). С. 120–132. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-1-120-132>.

² Ахмедов В. М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). Москва. ИВ РАН. 2022. С. 58–64.

³ Garrett N.. Iran's Confrontation with Israel over Four Decades. May 19, 2021. <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/jan/21/iran-confrontation-israel-over-four-decades> (дата обращения: 27.03.2023).

дела Леванта, то к концу 2022 г. ситуация заметно изменилась. Война разведок и диверсионных подразделений двух стран охватила территорию Ирака, Аравийского полуострова, Турции, Azerbaijan. Жертвами «шпионских разборок» становились не только военные цели, но и мирное гражданское население двух стран. Первые три месяца 2023 г. стали критическими в изменении парадигмы ирано-израильского конфликта. В январе 2023 г. Израиль с одобрения США нанес удар по иранским военным предприятиям в Исфахане, используя свои возможности в Иракском Курдистане. В этом же месяце в регионе прошли крупные американо-израильские учения по отражению ракетной атаки «условного» противника.⁴

В феврале-марте 2023 г. Тель-Авив нанес серию ударов по военным целям ИРИ, «Хезболлы», «Исламского Джихада» в САР (Дамаск, Алеппо, аль-Букамаль). В ответ Иран оперативно подготовил ответные удары по военным объектам Израиля в Иракском Курдистане и Azerbaijan и укрепил системы ПВО в Ираке и Ливане на случай дальнейшей эскалации вооруженной конфронтации с Израилем и США. Тегеран поставил новейшие системы ракетного вооружения «Хезболле» и инициировал создание объединенных командных штабов «Исламского Сопротивления» в Ираке, Ливане, Палестине для нанесения ударов по глубинным районам Израиля, в том числе, отрядами джихадистов-смертников. После одностороннего выхода США из ядерной сделки с ИРИ (2018), Тегеран вплотную подошел к завершению своей ядерной программы. Расширение военнотехнического сотрудничества с Россией и Китаем внушало иранским руководителям надежду не остаться в одиночестве перед лицом Израиля и США. За время военной операции в Сирии и Ираке иранские военные приобрели уникальный опыт взаимодействия регулярных частей с шиитскими милициями, которыми Тегеран наводнил регион от Йемена до Афганистана. В конце марта 2023 г. иранские и сирийские военные нанесли серию чувствительных ударов по американским военным целям в САР.

⁴ Dalia Dassa Kaye. Israel's Dangerous Shadow War With Iran. Why the Risk of Escalation Is Growing. February 27, 2023. <https://www.foreignaffairs.com/israel/israels-dangerous-shadow-war-iran> (дата обращения: 25.03.2023).

В октябре 2023 года союзные Ирану и «Хезболле» силы «Исламского Сопротивления» Газы нанесли ракетные удары по израильским поселениям в Палестине. На Ближнем Востоке вновь ожил призрак «Большой Войны».

Характер ирано-израильских отношений определялся целой группой факторов. Динамика развития двусторонних связей зависела от эволюции внутренних процессов в Иране и Израиле. Особенность формирования политических систем двух стран, природа правящих элит, конфессиональный и этнический состава местного социума также оказывали влияние на ирано-израильские контакты. Немаловажное значение в этом плане имели идеологические установки, демографические показатели, географические параметры, специфика ресурсной базы. Израиль и Иран являлись «аутсайдерами» Арабского мира.

В 1940–1960 гг. в силу ряда географических факторов, этнических, конфессиональных, культурных различий населения Израиля и Ирана, Тегеран не рассматривал Тель-Авив с точки зрения потенциальной угрозы своей безопасности. Данное обстоятельство способствовало сближению двух стран в 1950 гг. на фоне мощного подъема движений арабского национализма и панарабизма.⁵ В это время в Израиле (Д. Бен Гурион) была взята на вооружения так называемая «периферийная» стратегия во внешней политике. В результате проведенной в Тель-Авиве и Тегеране переоценки объектов национальных угроз и их источников между двумя государствами сложились нормальные отношения, и наладилось взаимовыгодное сотрудничество.⁶

Религиозная и этническая несхожесть израильского и иранского социумов, детерминированность политики идеологическими установками на основе консервативных религиозных воззрений могли неоднозначно сказаться на характере двусторонних отношений в случае их необдуманного исполь-

⁵ Подробнее об эволюции арабского национализма см.: Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. — Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04>.

⁶ Подробнее по этому вопросу см.: Uri Bialer. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951. Middle East Journal, 39.Spring 1985, pp. 292–315.

зования в механизме принятия решений. Одним из мотивов сближения с Ираном послужил тот факт, что с момента образования еврейского государства, арабские страны с преимущественно суннитским населением, мечтали стереть его с лица земли. На этом фоне шиитский Иран представлялся разумным выбором.⁷

Через три десятилетия Тель-Авиву пришлось иметь дело с «Осью исламского сопротивления», ударный отряд которого был представлен суннитским ХАМАС в Газе и шиитской «Хезболлой» в Ливане. Две ливанские войны (1982, 2006) привели к созданию на северных границах Израиля ливанской «Хезболлы», ее превращению в ведущую военно-политическую силу Ливана. Две крупные военные операции Израиля (1993, 1996) против организации и вывод израильских войск с юга Ливана (2000) не остановили «Хезболлу», которая стала матрицей многочисленных шиитских милиций созданных Ираном в ходе сирийского кризиса. После исламской революции в Иране (1979) Тегеран разорвал все отношения с Израилем и заявил о необходимости уничтожения еврейского государства. Во многом этому способствовало принятие на вооружение Исламской республикой Иран (ИРИ) концепции «дьявольской троицы» в лице империализма, международного сионизма и арабских реакционных режимов во главе с Королевством Саудовская Аравия (КСА). Развитию антиизраильских настроений в Иране способствовали, по некоторым данным, антисемитские взгляды консервативной части иранского духовенства, которые основывались на историческом придании о том, что исповедовавшая иудаизм часть населения Медины (племя Бану Курайз) предала Пророка Мухаммеда («Битва у рва», 627).⁸ Усилившееся вмешательство духовенства в политику, приводило в ряде случаев к тому, что внешнеполитическая концепция ИРИ в постреволюционные годы базировалась в ряде случаев на исламских воззрениях отдельных политически влия-

⁷ Garrett N. Iran's Confrontation with Israel over Four Decades. May 19, 2021. <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/jan/21/iran-confrontation-israel-over-four-decades> (дата обращения: 27.03.2023).

⁸ Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. Москва, 1966, с. 96–100. с 784

тельных клерикалов.⁹ Установление и развитие отношений между Ираном и Израилем привело к обострению отношений шахской власти с духовенством и светски настроенными иранскими националистами. Духовенство стремилось защитить святыне места в Палестине, а националистические настроенные силы усматривали общие черты в борьбе палестинцев и антиколониальном движении в Иране 1951 г. И те и другие выступали с резкой критикой действий иранского правительства в вопросах взаимодействия с Израилем. В этих условиях правительство М. Мосадека (1951–1953) проводило политику, которая у ряда экспертов получила название «просчитанная амбивалентность». Наиболее жесткую позицию в отношении политики шаха занимали коммунисты (партия «Туде») и исламисты («Федаины Ислама»).

В канун государственного переворота 1953 г. произошло усиление позиций левых сил в армии на фоне слабости правительства М. Мосадека. Данный факт вызвал в Тель-Авиве опасения возможностью переворота в Иране, и прихода к власти левых во главе с военными наподобие Египта и Ирака.¹⁰ Обострение отношений шахской власти со светской и религиозной оппозицией стало особенно заметным в период развития процессов модернизации в стране в 1960–1970 гг. Националистически настроенные сторонники премьер-министра Ирана М. Мосадека были тесно связаны с исламистскими силами Ирана.

В 1960 гг. эти группы установили тесные контакты с арабскими националистами и исламистами и пользовались их поддержкой. Они строили свою политику в отношении Израиля исходя из внутренних соображений ненависти к шахскому режиму и его прозападной ориентации. Их радикальность в отношении власти шаха усилилась после свержения М. Мосадека. Позднее исла-

⁹ См.: R. K. Ramazani. Iran and the Arab-Israeli Conflict. Middle East Journal 32. Autumn 1978, p. 415; Uri Bialer. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951. Middle East Journal, 39. Spring 1985, pp. 292–315; McGlinchey S. and Murray W. R.. Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977. Diplomacy and Statecraft, 28, no. 2, 2017. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09592296.2017.1309883> (дата обращения: 08.11.2019).

¹⁰ См.: Arvand Abrahamian. The 1953 Coup. Science and Society 65, no. 2. Summer, 2001, pp. 182–215; Sohrab Sohbani. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989, pp. 77–84.

мистское крыло националистических сил объединилось с левыми и исламистскими силами и выступило на стороне исламской революции 1979 г. в Иране.

Таким образом, внутренние факторы не оказывали определяющего влияния на природу государственной политики Ирана в отношении Израиля и наоборот. Однако, их недоучет в процессе принятия внешнеполитических решений мог иметь эффект отложенных конфликтов между Тель-Авивом и Тегераном.

Характер ирано-израильского взаимодействия сильно зависел от системных факторов международных отношений на Ближнем Востоке. Межарабские отношения, арабо-израильский конфликт, палестинская проблема во многом определяли динамику ирано-израильских отношений. Многие арабские политики рассматривали отношения Ирана с Израилем не в контексте геополитики и региональной безопасности, а как демонстрацию антиарабских настроений. Отношения Ирана с Израилем придали новые измерения представлениям об угрозах и безопасности в арабо-мусульманском регионе. Арабские страны манипулировали фактором иранской и израильской угроз, для того, чтобы сбалансировать отношения друг с другом, добиться влияния в арабской среде или получить материальные выгоды. В 1961 г. президент Египта Г. А. Насер обратился к шаху Ирана через ректора университета «аль-Азхар» шейха Шалтута, поставив под вопрос исламскую идентичность Ирана. Когда в 1965 г. шах Ирана вместе с королем КСА присоединился к проекту создания Организации Исламской Конференции (ОИК), Г. А. Насер выразил сомнения в искренности этого шага Ирана. В 1958 г. Ирак обвинил Иран в тайных планах изменить демографический баланс в арабских монархиях Персидского залива и превратить их в свои колонии. После арабо-израильской войны 1967 г. Иран решил сбалансировать отношения с Израилем за счет развития связей с враждебными Израилю арабскими режимами. С точки зрения Израиля нормализация отношений Ирана с Ираком была весьма тревожным сигналом и вызовом национальной безопасности еврейского государства. Тель-Авив опасался, что решив проблему курдов, Саддам Хусейн может активизироваться на израильском направлении. Для Израиля была крайне нежелатель-

на любая нормализация отношений Ирана с арабскими странами.

Конфликты и враждебность в арабо-иранских отношениях отвлекали внимание арабских стран от Израиля и его политической повестки в регионе.¹¹ Израиль надеялся, что исламская революция в Иране может внести коррективы в позиции арабских стран в отношении еврейского государства. Революционная риторика ИРИ вызывала опасения не только у консервативных арабских лидеров, но и настораживала баасистов в Ираке и Сирии, которые опасались, что она может дестабилизировать население в их странах. Одновременно Тель-Авив рассчитывал, что ирано-иракская война (1981–1988) может побудить Иран вернуться лицом к Израилю.

Первые 6 лет ирако-иранской войны Израиль помогал Ирану, снабжая его оружием. Ожидания Израиля в отношении нового исламского режима в Иране оказались ошибочны. С конца 1980 гг. Израиль стал менять свою ближневосточную стратегию, делая акцент на нормализации отношений с отдельно взятыми арабскими государствами. Во многом этому способствовал визит президента Египта А. Садата в Иерусалим и подписание Кэмп-дэвидских соглашений (1978).

Изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке на рубеже XX–XXI вв. повлияло на мировоззрение многих арабских стран в отношении Израиля.¹² Израиль добился подписания соглашений с палестинцами в Осло (1993), заключил мирный договор с Иорданией (1994). Монархии Персидского залива стали пересматривать характер своих отношений с Израилем. Последовательный курс ИРИ на уничтожение израильского государства и защиту прав палестинцев рассматривался в Египте, Иордании, Совете Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ) как препятствие на пути нормализации арабо-израильских отношений. Поддержка Ираном экстремистских движений в Палестине типа ХАМАС и «Исламский Джи-

¹¹ Sohbani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989. С. 77–84.

¹² См.: R. K. Ramazani. Iran and the Arab-Israeli Conflict. Middle East Journal 32. Autumn 1978, p. 415.

хад» затрудняло арабские усилия по достижению компромисса с Израилем.¹³ В 2000 г. в ряде арабских столиц и Тель-Авиве заговорили о возможности установления арабо-суннитского и израильского альянса против шиитского Ирана. В 2020 г. эти договоренности реализовывались в виде «Авраамских соглашений».

В действительности, Иран и Израиль обладали достаточно ограниченным политическим инструментарием в выстраивании отношений в арабской среде. Сложная судьба ирано-израильских отношений демонстрировала определенную политическую «изолированность» Израиля и Ирана и их «зажатость» между арабскими амбициями и соперничеством мировых держав на Ближнем Востоке. Враждебность в ирано-израильских отношениях, как впрочем, и согласие, автоматически не гарантировали Тегерану и Тель-Авиву дружбу с Арабским миром. Теоретически системные факторы региональных, международных отношений могли позитивно воздействовать на характер отношений Ирана с Израилем. Однако на практике это приводило к обострению ирано-израильского противостояния в регионе.¹⁴ Взаимодействие Тель-Авива и Тегерана превратилось во вневременной фактор напряжения в региональной политической среде. Сирийские события, в которые оказались вовлечены ведущие региональные и мировые державы, только усилили ирано-израильские противоречия.

§ 2. Кризис в САР и ирано-израильский конфликт

Начавшийся весной 2011 г. кризис в САР эскалировал проблему противостояния Ирана и Израиля на Ближнем Востоке. Характерно, что в 2011–2013 гг. Тель-Авив спокойно относился к действиям ИРИ по поддержке режима Б. аль-Асада. И только, когда стало очевидным, что Тегеран использует ситуацию для снабжения «Хезболлы» новейшим вооружением, Тель-Авив отреагиро-

¹³ Звягельская И., Тюкаева Т. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2(61). С. 80–95. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-2-80-952>.

¹⁴ Степанова Е. Динамика диалога в конфликтах: второй трек. Пути к миру и безопасности, 2019, № 1(56), с. 135–146. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-135-146>.

вал.¹⁵ С 2013 года Израиль нанес по сирийской территории около 300 ударов с воздуха и суши.¹⁶

В начале 2018 г. в сирийском небе развернулась настоящая воздушная война. В ней приняли участие ВВС Израиля, ВВС и ПВО Сирийской арабской армии (САА), иранские Беспилотные летательные аппараты (БПЛА). В феврале 2018 г. израильские вертолеты перехватили иранский летательный аппарат, вторгшийся на Голанские высоты. Вслед за этим израильская авиация нанесла серию ударов по иранским объектам в пригородах Дамаска, Дерья и Кунейтры. Объектом израильского авиаудара стали подразделения «Бригады 313» дислоцированные в городке Димас и по трассе Дамаск–Бейрут. В результате израильских авиаударов были уничтожены три батареи сирийских ПВО и четыре иранских военных объекта.

Весной 2018 г. Израиль нанес несколько ударов по территории Сирии в районе Хомса, уничтожив ряд военных сирийских и иранских объектов. В мае 2018 г. Израиль нанес удар по 1-й бронетанковой дивизии ВС САР в районе Кисва (пригород Дамаска). В результате оказались уничтожены иранские установки «Фаджр-3». Иран выпустил 20 ракет по израильским позициям на Голанских высотах. В ответ израильская авиация атаковала иранские цели в районах Дамаска, Кунейтры и Дерья, нанеся более дюжины ударов по военным объектам Ирана и «Хезболлы».

Иран продолжил укреплять свои позиции в САР и наращивать силы шиитских милиций за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана. Подобная активность Ирана не могла долго оставаться незамеченной в Израиле. Зимой 2018 г. ирано-израильское противостояние продолжилось. Израиль нанес серию авиаударов по Дамаску и его пригородам, главной целью которых стали склады с оружием и боеприпасами. Израильские удары по иранским объектам в Сирии смогли

¹⁵ Ахмедов В. М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). ИВ РАН. Москва. 2022. С. 58–64. 272 с.

¹⁶ Аль-Хамид Т. Израиль-Иран ва-т-тагйир аль-истратиджий [Израиль-Иран... смена стратегии] // Аль-Шарк аль-Аусат. 01.02.2023. <https://aawsat.com/home/article/4130901> // (дата обращения: 10.03.2023). На араб. яз.

на какое-то время затормозить иранскую экспансию в восточные районы Сирии.

В апреле 2019 г. Израиль нанес удар по городу Хама с целью уничтожить военные объекты КСИР в районе лагеря «ат-Тал'а». В целом же, израильские удары по иранским объектам в Сирии оказались неспособны серьезно поколебать прочность иранских позиций в САР. В конце 2021 года Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство второй крупной военной базы Ирана в САР в районе аль-Букамаль на правом берегу Евфрата.

После серии израильских ударов по иранским объектам в САР Иран рассредоточил руководящие кадры КСИР, «Хезболлы» и шиитских милиций в различных районах Сирии. Например, часть шиитских формирований («аль-Хайдариюн») дислоцированных в непосредственной близости от иракской границы были переведены в район Сувейды. Шиитские милиции успели укрепить свои позиции в районе Дейр аль-Зора, опасаясь атак сил Западной Коалиции и Израиля. Иран расширил сеть своих боевых ячеек в САР и фактически обезопасил свои позиции от атак со стороны США и курдских формирований. В феврале 2022 г. Иран заметно расширил поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. Одновременно Тегеран активизировал деятельность шиитских милиций на юге Сирии, прежде всего в районах Дера'а и аль-Сувейда. К началу 2022 г. подконтрольные Ирану районы сирийской территории выросли.

В июне 2022 года после массовой бомбардировки израильской авиацией Дамасского аэропорта между Тель-Авивом и Тегераном развернулась настоящая шпионская война без «красных линий», и был открыт «сезон охоты» на старших офицеров элитных подразделений армии, служб безопасности и высокопоставленных гражданских специалистов, занятых в сферах ядерных технологий. В 2022 г. был убит начальник управления специальных операций КСИР в Сирии и Ираке генерал С. Ходаи. Аналогичная участь постигла начальника управления закордонных операций КСИР генерала А. И. Заде. Эти громкие убийства обнажили лишь верхушку айсберга тайной войны

между КСИР и «Моссад». Специальные подразделения КСИР вели «охоту» на офицеров «Моссад». Тегеран провел серию удачных операций в Ираке, в ходе одной из которых обезвредил израильскую агентуру в Эрбиле (Ирак). Со своей стороны специальный отряд израильских снайперов ликвидировал в Багдаде несколько офицеров КСИР. В 20-х числах июня 2022 г. подразделения военной разведки Турции и специальные отряды полиции провели серию арестов в отелях Стамбула. Было задержано несколько граждан ИРИ и Турции, которые подозревались в покушении на убийство израильских туристов.

Несмотря на то, что главной мишенью КСИР являлись офицеры «Моссад», иранские специальные службы и подконтрольные им боевые зарубежные ячейки вели «отстрел» гражданских лиц. Созданные иранской разведкой и ливанской «Хезболлой» в Латинской Америке боевые ячейки атаковали руководителей еврейской общины в Буэнос-Айресе (Аргентина). О накале шпионской войны между Тегераном и Тель-Авивом свидетельствуют ряд фактов. Иранская делегация на переговорах в Вене отклонила требование Запада отказаться от мести за убийство К. Сулеймани в январе 2020 года.¹⁷

Во второй половине июня 2022 г. был снят с поста начальника разведки КСИР генерал Х. Тайиб. Ряд экспертов считали, что отставка Х. Тайиба была вызвана провалом операции КСИР в Стамбуле и убийством нескольких высокопоставленных иранских офицеров. Отставка Х. Тайиба знаменовала собой начало масштабных кадровых перестановок в иранских силовых структурах на уровне высшего и среднего командного состава.¹⁸ Ирано-израильское противостояние обострилось и вышло за пределы Леванта. Ни одна из сторон конфликта не была готова «сложить оружие».

¹⁷ Харб-джавасис-иранийя-исраильийя-фи-т-туркийя. Редакционная. [Израильско-иранская шпионская война в Турции].//Аль-Кудс. 23.06.2022.2022. <https://alquds.co.uk/> (дата обращения: 08.07.2022). На араб.яз.

¹⁸ Маза-яа'ани-аль-карар-гейр-муфаджи'а-би-иб'ад-каид-мухабарат-фи-файлак-аль-харас-аль-ираний...? Редакционная. [Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР].// Рай аль-Яум. 23.06.2022. URL: <https://raialyoum.com/> (дата обращения: 06.06.2022). На араб. яз.

Наоборот, география смертоносных акций «Моссад» и КСИР расширилась и охватила Аравийский полуостров, Ирак, Турцию и Азербайджан. Тегеран был обеспокоен активной ролью Израиля в Азербайджане. Особую тревогу Ирана вызывало нахождение израильских войск специального назначения на северных границах ИРИ. По оценкам Тегерана, в сложившейся ситуации Израиль мог дать ассиметричный ответ на действия ИРИ и «Хезболлы» в ближневосточном регионе. Таким образом, тщательно отстроенная Тегераном ось сопротивления Израилю серьезно меняла свою директорию.

Израильское присутствие на Кавказе, рассматривалось в Иране как потенциальная угроза национальной безопасности и территориальной целостности ИРИ. Иран испытывал тревогу по поводу возможных действий Израиля в отношении иранских азербайджанцев, общая численность которых составляла около 25% совокупного населения ИРИ. Иран, который активно работал в среде иранских и шиитских анклавов в арабских странах, ясно осознавал весь негативный потенциал эвентуальной активности Израиля в азербайджанской общине Ирана, большинство представителей которой, проживали в северо-западных иранских провинциях на границе с Арменией и Азербайджаном.

Тегеран испытывал скрытые опасения, что если Израиль при поддержке ряда арабских стран Персидского залива начнет работу в этом направлении, то это может реально угрожать сохранению территориальной целостности Ирана. Озабоченности Ирана были не беспочвенны, если принять во внимание народные волнения в иранской провинции Хузистан (июль 2021), которую многие арабские националисты и исламисты до сих пор считают арабской территорией, «оккупированной» Ираном.

В октябре 2021 Иран провел военные маневры вблизи пограничной территории с Азербайджаном, что, естественно, вызвало негативную реакцию Баку и Анкары.¹⁹ Израильское военное присутствие в Азербайджане имело под собой определенные ос-

¹⁹ Иран-тахш'а-вужуд-хизб-алла-аль-исраилийя-алья-худудха-аш-шималийя. Редакционная [Иран опасается присутствия израильской Хезболлы на своих северных границах]//Аль-Араб. 10.07.2022URL: <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 06.08.2022). На араб.яз.

нования. В конце 2021 года глава израильской разведки находился с визитом в США. В ходе встречи со своими американскими коллегами он передал им особое досье по Ирану. В досье содержалась новая информация о ядерной программе Ирана.

В документе были указаны два секретных объекта где, по оценке израильтян, Тегеран вел работы по обогащению урана свыше установленной нормы (20%). Один из объектов был расположен на севере Ирана в 50 км. от границы с Азербайджаном. Второй, — находился на юге Ирана в провинции Ахваз на побережье Персидского залива. В середине декабря 2021 г. глава израильской разведки публично пообещал, что он не допустит появления у Ирана ядерного оружия. С аналогичным заявлением выступил и президент Израиля И.Герцог, который подчеркнул, что в случае провала переговоров в Вене Израиль сделает свой выбор самостоятельно.²⁰ Примерно в это же время на одном из предприятий в иранском городе Натанз (Исфахан) произошел взрыв.

По данным арабских источников в воздушное пространство Ирана проникли неопознанные БПЛА, которые могли принадлежать Израилю. По тем же данным, 5 БПЛА несли на борту совершенное электронное оборудование для ведения разведки и сбора данных относительно ведущихся в г. Натанзе работ. Поднятые в воздух ВВС КСИР не смогли поразить неопознанные БПЛА, которые беспрепятственно около часа совершили несколько облетов территории вокруг Натанза.²¹

Еще одним «полем брани» между ИРИ и Израилем стал регион Персидского залива. Тегеран был раздосадован торжественным открытием в 2021 г. посольства Израиля в Манаме (Бахрейн). В начале октября 2021 г. на своем сайте КСИР поместил угрозы в адрес властей Бахрейна. Руководители КСИР сделали ряд резких заявлений в связи с визитом министра

²⁰ Аль-Джарида-такшафу-маяф-раис-"аль-мосад"-ли-байден-би-ша'ан-иран. Редакционная[Аль-Джарида раскрывает Дж. Байдену досье главы "Мосад" по Ирану.]/Аль-Джарида 07.12.2021.URL: <https://www.aljarida.com/articles/1638813289975756> (дата обращения: 16.12.2021). На араб. яз.

²¹ Маджид М. Масадир-ли-ль-кабас-таират-мусейира-ихтаракат-аджав-иран[Источники Аль-Кабас: беспилотники нарушили воздушное пространствоИрана]/АльКабас.08.12.2021URL: <https://www/alqabas.com/article/5870214/> (дата обращения: 20.12.2021). На араб. яз.

иностранных дел Израиля в Манаму. Действительно, во время своего визита на Бахрейн израильский министр посетил 5-й американский флот США (Персидский залив). На борту одного из эсминцев он провел переговоры с представителями властей Манама о возможности организации совместной обороны против иранской угрозы. Одновременно министр обороны Израиля встретился с командованием 5-го флота США и пытался договориться о совместных операциях в случае нарастания военной угрозы со стороны Ирана. По оценке иранских военных, Израиль стремился превратить Бахрейн и ОАЭ в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана.

География Бахрейна, его близость к Ирану позволяли создать там идеальную разведывательную базу Израиля против Ирана. В случае расширения Израилем своей деятельности на Бахрейне, Иран планировал усилить свое военное присутствие в прибрежных водах Бахрейна и начать проводить спецоперации на его территории при поддержке местных оппозиционных группировок типа «Ассоциации Народного Согласия», «аль-Махтар» и «аль-Аштар».²² Ирано-израильское противостояние, в том числе в зонах жизненно важных интересов России, представляло потенциальную угрозу позициям Москвы на Ближнем Востоке и затрагивало вопросы национальной безопасности Российской Федерации.

Москва в равной степени имела хорошие отношения с Тель-Авивом и Тегераном и сотрудничала с ними по целому комплексу вопросов политики и безопасности в Сирии, на Ближнем Востоке, в целом. После начала российской спецоперации на Украине, Москве постоянно приходилось отвлекаться от генеральной политической линии в разрешении сирийского конфликта, чтобы снизить градус противостояния сторон и обеспечить положительное saldo в отношениях с ними.²³

²² Хамуд Ю. Халь-татахаваль-бахрейн-ли-с-саха-т-аль-джадида-ли-сыраъа бейна исраиль-ва-ль-иран.[Превратиться ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном?]/Аль-Халидж 13.07.2021.URL: <https://alkhaleejonline.net/> (дата обращения: 21.07.2021). На араб.яз.

²³ Степанова Е. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России. Пути к миру и безопасности, 2012, № 2(43), с. 7–25.

На практике усилия Москвы обеспечить необратимое решение вопроса о ирано-израильском противостоянии в САР имело лишь временный эффект и оканчивались с «нулевой суммой».

В начале 2023 г. в ирано-израильском конфликте произошли критические изменения. В январе-марте 2023 г. выросла частота и интенсивность ударов израильских ВВС по иранским целям в Сирии. Главной задачей ударов израильских ВВС по сирийской территории являлся не уход Ирана из Сирии, а снижение уровня иранского военного присутствия и блокирование поставок оружия ливанской «Хезболле».

Израильские ВВС нанесли серию ударов по военным складам ИРИ на территории международного аэропорта в Дамаске и Халебе, иранскому военному транспорту в районе аль-Букамалья, в результате которых были сорваны поставки оружия ливанской «Хезболле» и проиранским милициям в пригородах Халеба и на севере Сирии.²⁴ В середине марта 2023 г. израильская авиация нанесла удар по одному из центральных районов сирийской столицы (Кафр Сусе), где проходила встреча военного представителя «Исламского Джихада», члена ПБ организации А. аль-Аджура с сирийскими и иранскими силовиками.²⁵

Воздушные атаки Израиля стали «привычным» элементом сирийского конфликта. Дамаск, Тегеран, другие участники сирийских событий не могли остановить израильские авиаудары и фактически перестали их комментировать. С другой стороны, Тель-Авив не сумел защитить мирные израильские поселения от растущей военной угрозы ИРИ и «Хезболлы», ХАМАС с территории Сирии, Ливана и Палестины.²⁶ Израиль сталкивался с серьез-

²⁴ Ваиль И. Сурия: Аль-дарба аль-исраилийя-туаркиля-накль-аслиха-ли-ль-милишийят-аль-иранийя. [Сирия: израильский удар помешал переправке оружия иранским милициям].// Аль-Кудс. 07.03.23.URL: <https://alquds.co.uk/> (дата обращения: 10.03.2023). На араб. яз.

²⁵ Ля-ривая-с-сурийя-камиля-ва-ля-иа'альян-исраиль... Редакционная. [Ни полного сирийского рассказа, ни заявления Израиля ...].// Рай аль-Яум.20.02.2023. URL: <https://raialyoum.com/> (дата обращения: 11.03.2023). На араб. яз.

²⁶ Аль-Мактари Б. Дипломасия-т-дарура-фи-ль-иттифак-ас-са'удий-аль-ираний... [Вынужденная дипломатия в ирано-саудовском соглашении...].// Аль-Арабий 24. 03.2023. URL: <https://alaraby.co.uk/opinion/> (дата обращения 28.03.2023). На араб. яз.

ными проблемами безопасности на севере Палестины и юге Ливана, которые ему приходилось решать в условиях определенной внутривнутриполитической турбулентности.

Особые опасения Израиля вызывала деятельность «Катаиб аль-Радван» (Батальон Радван).²⁷ Это сравнительно новое подразделение в составе ливанской «Хезболлы» во главе с начальником палестинского отдела организации Х.Х. Ноубаллой. Батальоны Радван были созданы для проведения разведывательно-диверсионных операций в северных районах Палестины. Их личный состав был укомплектован ветеранами боевых действий в Сирии, Ираке и Йемене. В составе батальонов действовали подразделения специалистов по кибервойнам и отряды смертников.

В результате практически бесперебойных поставок из Ирана, «аль-Радван» имели на вооружении самоходные артиллерийские установки, ракеты среднего радиуса действия, БПЛА, средства ПВО и радиоэлектронной борьбы (РЭБ). По данным израильской разведки, «Батальоны» планировали серию атак на севере Палестины с целью захвата района аль-Джалиль.²⁸ Таким образом, в продолжавшейся свыше 10 лет «воздушной войне» Ирана и Израиля в Сирии возникла тупиковая ситуация в плане достижения результата приемлемого для обеих сторон конфликта.

В январе 2023 г. беспилотники ВВС Израиля нанесли удар по военным предприятиям в районе Исфахана (Иран). По оценке арабских военных экспертов, Израиль нанес удар со своих баз в районе Эрбиля (Иракский Курдистан).²⁹ Таким образом, Тель-Авив давал понять, что теперь его основной целью являются не только проиранские шиитские милиции в Сирии, а также военные объекты на иранской территории. Одновременно, Тель-

²⁷ Радван () — ангел охраняющий вход в рай, подобно [католическому] апостолу Петру.

²⁸ Ма-Хия-Катаиб-аль-Радван? Редакционная.[Кто такие батальоны Радван].//Рай аль-Яум. 08.01.2023.URL: <https://raialyoum.com/> (дата обращения: 09.02.2023). На араб. яз.

²⁹ Таукит-мадрус-ли-ль-хужум-аль-исраилий-алья-мунша'ат-васат-иран. Редакционная. [Выбрано время для израильской атаки на предприятия в центре Ирана].//Равабит 31.01.2023. URL: <https://rawabetcenter.com/archives/157118/> (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.

Авив продемонстрировал, что по-прежнему располагает неплохими позициями в иранских специальных службах.

Израильская операция была проведена вскоре после визита в Израиль в 20-х числах января 2023 г. высокопоставленной делегации США, в составе которой находился Директор ЦРУ США. В ходе визита обсуждались проблемы иранского атома и координации израильско-американских действий по отражению иранской угрозы в регионе.³⁰ Израильские атаки на военные объекты в Исфахане свидетельствовали о значимых коррективах в стратегии Израиля и США в отношении Ирана. В свою очередь, Тегеран подготовил ответные удары силами БПЛА по военным объектам Израиля и США в Ливане, Сирии, Ираке, Афганистане, Азербайджане.³¹

Иранские специальные службы разоблачили более 10 агентов израильской разведки «Моссад» действовавших на иранской территории.³² Отряды исламского сопротивления (прежде всего, «Хезболла») завершили создание объединенных командных штабов для проведения совместных операций против израильской армии и вооруженных сил США в регионе. Тегеран заблаговременно поставил отрядам исламского сопротивления в Ливане и Палестине новейшие системы ракетного вооружения, нацелив их на ответный удар по глубинным районам Израиля.

В апреле-мае 2023 г объединенное руководство сил исламского сопротивления подготовилось к отражению израильских ударов, которые Тель-Авив мог нанести по целям Исламского Сопротивления («ИС») в Ливане и Ираке. Тегеран увеличил численность шиитских милиций в северо-восточных районах страны (Дейр аль-Зор). Силами сирийской транспортной авиа-

³⁰ Аль-Хамид Т. Израиль-Иран ва-т-тагйир аль-истратиджий [Израиль-Иран... смена стратегии].// Аль-Шарк аль-Аусат. 01.02.2023. URL: <https://aawsat.com/home/article/4130901/> (дата обращения: 10.03.2023). На араб. яз.

³¹ Антуан А. Б. Ма-хия-аль-хиярат-аль-саяса-амам-иран-ли-рад'а аля-ль-худжум-аль-исраилий-фи-исфахан.[Три варианта иранского ответа на израильскую атаку в Исфахане].// Рай аль-Яум.30.01.2023.URL: <https://raiaiyom.com/> (дата обращения: 09.02.2023). На араб. яз.

³² Рейхан И. Хужум-исфахан: амрика-тарф'а-аль-аса-фи-важх-иран[Атака на Исфахан: Америка размахивает дубинкой перед лицом Ирана.] // Азас 01.02.2023.URL: <https://asasmedia.com/news/395500/> (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.

ции сотни бойцов ливанской «Хезболлы» и шиитских милиций, а также около 150 инструкторов КСИР были перемещены из Дамаска в северо-восточные районы Сирии. Прибывшие с юга САР, иранские милиции создали новые плацдармы в стратегически важных районах вблизи от укрепрайонов США. В начале 2023 г. общая численность иранских военных в Дейр аль-Зоре составляла около 12 тысяч офицеров КСИР, которые действовали совместно с проиранскими вооруженными отрядами. Они концентрировались в районе Сбихан.

Их основной задачей был контроль сирийско-иракской границы и мониторинг отрядов СДС. Иран использовал свои позиции в Хасаке, чтобы укрепить контроль над всей сирийско-иракской границей. С этой точки зрения, КПП аль-Ярабийя играл важную роль в укреплении восточного коридора в Хомс. Кроме этого он позволял в перспективе установить полный контроль над границей и гарантировал свободное перемещение проиранских милиций в пограничной полосе.³³

По оценкам арабских экспертных кругов, сложившаяся в ирано-израильском противостоянии ситуация была чревата рисками новой войны на Ближнем Востоке.

Иранские руководители были не готовы мириться с ударами израильской авиации по иранским военным объектам на территории третьих стран, тем более, внутри Ирана. Многие высокопоставленные представители иранского духовенства и военные демонстрировали готовность к более решительным мерам сдерживания Израиля и США на Ближнем Востоке. Несмотря на возможную переоценку военно-политического потенциала ИРИ в длительном вооруженном конфликте с Израилем, было достаточно сложно предсказать вероятную реакцию Тегерана на новые атаки Израиля против иранских стратегических объектов. Ставка на начавшиеся в сентябре 2022 г. протестные движения, проблемы в экономике, вызванные режимом санкций, политическую изоляцию ИРИ оказались несостоятельными.

³³ Касир К. Аль-хизб-ва-ль-михвар-ястаиддан-ли-ль-харб-ва-т-тасвийя [Партия (Хезболла) и Ось (Исламское Сопротивление) готовятся к войне.. и миру] //Асас 04.03.2023.URL; <https://asasmedia.com/news/395915/> (дата обращения: 15.03.2023). На араб. яз.

В сложившейся ситуации Тегеран усилил меры безопасности внутри страны, и укрепил военное присутствие сил «ИС» в арабских странах Ближнего Востока. В случае если иранские руководители сочли бы, что американо-израильские меры сдерживания имели целью свержение правящего режима, то иранский ответ мог выйти за рамки ограниченных действий. Попытка использования израильскими ВВС аэродромов на территории соседних Ирану арабских стран для нанесения удара по военным целям внутри ИРИ, кратно увеличивала риски распространения ирано-израильской вооруженной конфронтации на весь регион, и ставила под удар американских военных в Персидском заливе, Ираке и Сирии.

В свою очередь, израильское правительство Б. Нетаньяху не могло мириться с иранскими ответными мерами, особенно если их целью становилось гражданское население Израиля, как это было в Турции, Аргентине (2022). Успехи ИРИ в работе над ядерной программой могли побудить Израиль к более решительным действиям против ядерных объектов Ирана, чтобы отбросить иранскую программу на десятилетия назад. Поставки Тегераном Москве беспилотников, превратили Иран в глазах США и ЕС в фактического участника конфликта на Украине и угрозу европейской безопасности.

Сохраняющаяся конфронтация России и Запада на Украине, которая складывалась не в пользу Вашингтона, могла побудить США выйти за рамки стратегии ограниченного конфликта с Ираном и открыто поддержать израильские удары по Ирану.³⁴

Подвижки в общеарабской позиции по сирийской нормализации в пользу Дамаска и Тегерана ставили Тель-Авив в непростую ситуацию. Израиль не мог игнорировать политические дивиденды от «Авраамских соглашений» 2020 г. В Израиле вспоминали дипломатический демарш министра иностранных дел ОАЭ, который в 20-х числах марта 2023 года намерился сократить дипломатическое представительство в знак протеста оскор-

³⁴ Абу Зухри А. Иран-ва-любнан-ва-кита'а-газза-ва-ль-харб-аль-исраилий-аль-мухтамал. [Иран, Ливан и сектор Газа..., и возможная война Израилем]. // Palestine Times Press .04.03.2023.URL; <https://palltimeps.ps/post/354610/> (дата обращения: 20.03.2023). На араб. яз.

бительных для палестинцев заявлений некоторых министров израильского кабинета. ОАЭ первыми из стран ССАГПЗ установили дипломатические отношения с Израилем и в дальнейшем двусторонние контакты развивались по самому широкому спектру вопросов. Конечно, в Тель-Авиве понимали, что заявления шейха Бин Заида были во многом продиктованы стремлением ОАЭ играть более весомую роль в межарабских отношениях, а жесткая позиция правительства Б. Нетаньяху мешала реализации этих планов.³⁵

В тоже время, следование прежним курсом на треках палестино-израильского урегулирования и конфронтация с ИРИ могли надолго отложить осуществление планов Тель-Авива в вопросе нормализации отношений с КСА и расширения сотрудничества с другими членами ССАГПЗ. На самом деле арабские монархии с опасением относились к перспективе появления ядерного оружия у Тегерана. Но еще больше они боялись быть ввергнутыми в войну на Аравийском полуострове. Несмотря на это, к весне 2023 года в Израиле не пришли к единому мнению относительно вероятных уступок в Палестине в процессе налаживания отношений с КСА. Королевство стремилось играть значимую роль в вопросах арабо-иранских отношений и арабо-израильского урегулирования по схеме ОАЭ — сначала мир с Ираном, потом с Израилем.

Диалектический выбор между конфронтацией и нормализацией с арабами и персами, когда единство противоположностей трактуется как обеспечение интересов государственной безопасности Израиля, могло в конечном итоге привести к смене кабинета.³⁶ После восстановления отношений с КСА Иран отработывал алгоритмы взаимодействия с Королевством в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене. Ранее в октябре 2022 г. Иран дал понять, что намерен восстановить отношения с Египтом. В ноябре 2022 г.

³⁵ Ашраф К. Ба'да-тавагхаль-фи-т-татб'иа... хал-татадж'а-аль-алакат-аль-имаратий-аль-исраилийя?[После углубленной нормализации...повернутся ли вспять израильско-эмиратские отношения]//Аль-Халидж 23.03.2023. URL; <https://khaleej.online/zzmkE3> (дата обращения: 27.03.2023). На араб. яз.

³⁶ Аль-Раби'а М. (.2023). Большие пертурбации в регионе и израильский «психоз». Ливан в ожидании «Париж-2». Март, 16. <https://tinyurl.com/3fewbha4> (дата обращения: 17.04.2023). На араб. яз.

в Шарм аль-Шейхе прошли переговоры вице-президента ИРИ А. Саладжеги и главы египетской разведки А. Камиля.³⁷ Тегеран поддержал усилия Москвы и Анкары по сирийско-турецкой нормализации и содействовал подготовке четырехсторонней встречи (САР, Турция, Россия, Иран) в интересах возобновления отношений между Дамаском и Анкарой. Состоявшийся зимой 2023 г. визит И. Раиси в Пекин породил надежды в ИРИ на возможность снижения американского давления на Тегеран.

Появившиеся весной 2023 года позитивные признаки в развитии региональной ситуации не смогли снизить накал ирано-израильского противостояния. В апреле 2023 года бойцы палестинского движения «ХАМАС» выпустили десятки ракет с территории Юга Ливана. Одновременно с территории Газы и Голанских высот (Сирия) были нанесены ракетные удары по районам Северной Галилеи. Данная акция была предпринята в ответ на жесткие действия израильских силовиков в отношении арабских паломников в мечете аль-Акса и показала стратегическое изменение в правилах ирано-израильской конфронтации с учетом укрепления позиций ХАМАС в Сирии и Ливане.

Апрельские акции «ИС» продемонстрировали несостоятельность израильских заявлений о то, что Тель-Авив способен вести войну на нескольких фронтах и определять в одностороннем порядке «правила ведения боя» на своих южных и северных границах. Иран добился координации сил «ИС» в этих районах и навязал Израилю свою тактику боя. После того как Тель-Авив продемонстрировал в январе 2023 г. (атака на Исфахан), что располагает позициями внутри Ирана, Тегеран решил атаковать Израиль с трех направлений. Ракетные удары ИС по районам Северной Галилеи вызвали возмущение израильтян. В Тель-Авиве народ вышел на улицы в знак протеста деятельностью правительства Б. Нетаньяху. По мнению некоторых членов израильского кабинета, Израиль должен был нанести массированный

³⁷ Аль-Шарк аль-Аусат. (2022). Аль-алякат-аль-ирания-аль-мысрия-ала-даъава-мин-джадид [О возобновлении ираноегипетских отношений]. Ноябрь. 20. <https://aawsat.com/home/article/399825> (дата обращения: 15.09.2023). На араб. яз.

удар по базам «ИС» на Юге Ливана и в Сирии, чтобы продемонстрировать способность сдерживания «ИС».

По оценке военных представителей «ИС», первой целью израильского удара должны были стать Я. Синавр (представитель ХАМАС в Газе) и С. аль-Арури (глава ПБ ХАМАС), которых в Израиле считали причастными к планированию ударов по Израилю. Тель-Авив также подозревал С. аль-Арури в связях с ливанской «Хезболлой» и деятельности по укреплению позиций ХАМАС на севере Ливана.³⁸ Бывший министр обороны Израиля А. Либерман заявил, что работа нового израильского кабинета во главе с Б. Нетаньяху ввергла страну в тяжелое положение. По оценке министра сельского хозяйства Израиля А. Дитхетра (бывший глава «Шабак») опасения Израиля нанести ответный удар по позициям «ИС» в Ливане могло подтолкнуть ХАМАС к акциям в израильской глубине с территории Юга Ливана. По мнению израильского кабинета, Иран не хотел начала большой войны в регионе.

В то же время, Армия обороны Израиля (АОИ) намеревалась нанести точечные удары по ХАМАС на юге Ливана и в Газе, чтобы избежать масштабного столкновения с «ИС».

Ракетный обстрел с территории Ливана застал Израиль врасплох. Израильские военные не могли точно определить, кто именно нанес удар по северу Галилеи. Между тем, накануне ракетного удара И. Ханья (Хамас), Х. Насралла (Хезболла), Исмаил Каани (корпус аль-Кодс КСИР), М. Амани (посол ИРИ в Бейруте), встретились во время ифтара в Бейруте.³⁹ На встрече обсуждались последние сдвиги в региональной политике в свете конфронтации с Израилем. Характерно, что в это же время на улицах юга Ливана появились плакаты и фото встречи Х. Насралла с И. Ханья. «Хезболла» испытывала определенное опасение в связи с саудовско-иранским соглашением.

³⁸ Абир Б. (2023). Натаньяху-юхатит-ли-игхтияль-кабир..., [Нетаньяху планирует убийство высокопоставленных...]. Апрель, 14. <https://www.asasmedia.com/news/396520> (дата обращения: 15.05.2023). На араб. яз.

³⁹ Каир, К. (2023). Лиқаъа-ислами-фи-байрут: рамадан-саяшхад-тасъидан-фи-филастин ["Исламская" встреча в Бейруте: Рамадан станет свидетелем эскалации в Палестине]. Апрель, 2. <https://www.asasmedia.com/news/396321> (дата обращения: 24.06.2023). На араб. яз.

По оценке руководителей организации, действия ИРИ в отношении нормализации с КСА были несвоевременны и отличались некоторой поспешностью. В последние годы «ИС» стремилось преодолеть Авраамские соглашения и сгладить напряженность в ирано-арабских отношениях. «ИС» смогло вернуть ХАМАС в Сирию, обеспечить новый уровень коммуникаций между «Хезболлой» и шиитскими общинами Ливана, перенести вооруженный конфликт с Израилем на его территорию. Не удивительно, что, по мнению некоторых руководителей «Хезболлы» восстановление отношений между ИРИ и КСА могло привести к ослаблению позиций «Хезболлы» в Сирии и Йемене. В тоже время, в руководстве организации были уверены, что Тегеран будет требовать от «Хезболлы» выполнения стоящих перед нею задач в Леванте в полном объеме.

По мнению арабских военных экспертов, «Хезболла» не рискнула бы выступить против Тегерана, и была вынуждена приспособливаться к изменениям в регионе.⁴⁰ Так, в ходе ирано-российских переговоров в Москве в марте-апреле 2023 г. Россия и Иран договорились ускорить выполнение ранее подписанного соглашения о создании совместных российско-иранских предприятий и расширить объемы грузоперевозок по Каспию. Впервые за последние два десятилетия российский сухогруз ошвартовался в порту на севере ИРИ.

В конце первой декады апреля 2023 г. в Иране находилась высокопоставленная российская делегация. Москва и Тегеран договорились о расширении транспортных коридоров (прежде всего Север-Юг) в интересах активизации технико-экономического сотрудничества. Россия и Иран фактически договорились по вопросу финансирования проекта ирано-российской продовольственной зоны для региона Ближнего Востока за счет привлечения государственных и частных инвестиций, в том числе из арабских стран. В этой ситуации «Хезболла» вряд ли рискнула бы предпринять несогласованные

⁴⁰ Аль-Хусейни Г. (2023). Халь-танжах-иран-фи-тагхиир-амаль-хизбалла? [Преуспеет ли Иран в изменении характера деятельности "Хезболлы"?] Апрель, 13. <https://aawsat.com/home/article/4269776/> (дата обращения: 14.07.2023). На араб. яз.

действия, способные осложнить планы Москвы и Тегерана на Каспии и Ближнем Востоке. Если на юге Ливана ситуация практически не изменилась после ракетного удара по израильским поселениям, то на политической площадке Бейрута страсти накалились. Давние соперники «Хезболлы» (с 2006–2009 гг.) вновь подняли вопрос об оружии организации. Они обвиняли «Хезболлу» в «порочных» связях с ХАМАС и причастности к недавним обстрелам Израиля, заявляя, что организация в очередной раз принесла в жертву исламскому сопротивлению интересы ливанского народа. Ливанской «Хезболле» все сложнее становится объяснять, что в контексте парадигмы борьбы с Израилем оружие становится общим достоянием, а юг Ливана и Палестина превращается в единый фронт борьбы. Солидарное «молчание шиитов» в связи с ракетным обстрелом северных районов Израиля с территории юга Ливана вовсе не означало наличие общей позиции в вопросе борьбы с Израилем между «Хезболлой» и АМАЛЬ.

Со своей стороны, США не были готовы поддержать массивную военную операцию Израиля против Ирана. В этом случае арабские партнеры США в Персидском заливе могли решить, что Вашингтон намерился поставить их под персидские кинжалы, поскольку в случае крупномасштабного ирано-израильского конфликта они скорее видели себя, нежели Израиль в качестве приоритетных целей иранской военной машины. Горький опыт ударов иранских ВВС по энергетическим объектам стран ССАГПЗ (2019) не давал угаснуть опасениям подобного рода.

К тому же новая война на Ближнем Востоке, в условиях противостояния с Россией на Украине могла губительно сказаться на американской экономике. США были обеспокоены возможностью сделки между Россией и Ираном по ВТС. По некоторым данным (требуют дополнительной проверки) Иран собирался поставить Москве в начале второго квартала 2023 г. около 6 тысяч БПЛА и ракет среднего радиуса действия. В свою очередь Россия была готова поставить в Иран 30–50 истребителей типа «Су-35» и комплексы «С-400». С конца декабря 2022 г. группа иранских летчиков из КСИР стажировалась в России, оттачивая

под руководством российских инструкторов летное мастерство.⁴¹ В отсутствие ядерной дипломатии и эскалации ближневосточного конфликта налаживание каналов связи с Ираном могло иметь решающее значение в процессе управления кризисом.

После ракетной атаки ХАМАС США предприняли срочные меры по сдерживанию эскалации конфликта. Вашингтон информировал израильскую сторону о нежелательности развязывания новой войны в регионе в период правления Б. Нетаньяху. Американские представители проинформировали израильских военных о том, что США не могут организовать воздушный мост для поддержки АОИ, т.к. вооруженное противостояние на Украине отнимает у Запада значительные силы. Глава СНБ США Дж. Салливан направился с визитом в Израиль, а потом посетил Каир и Доху. США рассматривали АРЕ как главную силу сдерживания в Газе, а Катар был призван умиротворять обстановку на северных фронтах в Сирии и Ливане. По просьбе США глава египетской разведки генерал А. Камель организовал тайную челночную дипломатию между ХАМАС (Газа) и Израилем. Он провел ряд встреч с И. Ханья и его представителем в Газе (Я. Синвар). Лидеры ХАМАС заявили, что не стремятся к широкомасштабной конфронтации с Израилем и надеются, что израильский ответ будет носить ограниченный характер и не выйдет за рамки ранее достигнутых соглашений. А. Камель передал это послание ХАМАС американцем и те дали понять Израилю, что не хотят широкомасштабной конфронтации в Леванте. Катарский министр иностранных дел М. аль-Халифа активизировал контакты с «Хезболлой» и ИРИ. Тегеран и организация отказались предоставить какие-либо гарантии отказа от повторных ударов по израильским поселениям в Палестине, в случае ответного израильского удара по позициям ХАМАС и «Хезболлы» в Палестине и Ливане. После консультаций с Вашингтоном Тель-Авив принял решение нанести ответный удар по банановым плантациям в южных районах Ливана (предположительно в Сайде), чтобы избежать нового витка вооруженной конфронтации. Компро-

⁴¹ Ибрагим, Р. (2023). Иттифиак-русий-ираний..., [Российско-иранское соглашение...]. Февраль, 8. <https://asasmedia.com/news/395254/> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

миссионное решение, принятое кабинетом Б. Нетаньяху было призвано удовлетворить правых радикальных министров в правительстве Израиля, и дать понять арабским партнерам США, что Тель-Авив ценит их посреднические усилия.⁴²

В первой декаде октября 2023 года ХАМАС атаковал Израиль. Атака ХАМАС была вызвана опасениями палестинцев расширением масштабов поселенческой деятельности Израиля в Палестине. Операция «Потоп аль-Аксы» готовилась в обстановке строжайшей секретности. Ударную силу операции составили около 1000 офицеров ХАМАС, которые проходили подготовку в Иране. Их задачей являлось проникновение по туннелям на территорию Израиля для захвата 130 заложников.

За несколько часов до начала операции военное руководство ХАМАС проинформировало лидеров «Исламского Джихада» о планируемой атаке. После начала движения боевиков по туннелям подразделения ХАМАС и «Исламского Джихада» выпустили по израильской территории более 3000 ракет. Подразделения бригад «аль-Кассам» и «аль-Кодс» высадились на израильском побережье. Одновременно подразделения РЭБ ХАМАС и «Исламского Джихада» вывели из строя системы раннего предупреждения и электронную защиту «Железного Занавеса», что обеспечило внезапность и неожиданность атаки ХАМАС.⁴³

Израиль пока не может ликвидировать бригады аль-Кассам в Газе, которые ведут ракетный обстрел израильской территории. По этой причине Тель-Авив намерен провести наземную операцию, и пытается добиться переселения мирного населения Газы в Синай. Но Египет уже отверг этот план. В тоже время, в последние два десятилетия наземные операции Израиля в Ливане и в Газе провалились. Даже если АОИ вновь оккупирует Газу, то вряд ли она сможет долго удерживать позиции. К тому

⁴² Рихан, И. (2023). Мыср-ва-катар-ва-амрика: асрар-висата-анказат-любнан..., муваккатан.[Египет, Катар и США: тайное посредничество спасло Ливан... временно] Апрель. 12.<https://www.asasmedia.com/news/396484> (дата обращения: 13.05.2023). На араб. яз.

⁴³ Рейхан, И. (2023). Тадарабу-фи-иран..., ва-абару-тахта-аль-ард-ва-онлайн. [Готовились в Иране, а проникли под землей и онлайн]. Октябрь, 13, <https://www.asasmedia.com/news/398491> (дата обращения: 14.10.2023). На араб.яз.

же наземная операция выравнивает возможности ХАМАС и АОИ и ведет к потере технологического преимущества израильских военных.

Нельзя не учитывать и отношение израильских резервистов к СВО в Газе. По данным израильских источников, если в 1974 году от службы в армии были готовы отказаться 20% резервистов, то сегодня этот показатель выше в несколько раз. Особенно это касается людей в возрасте до 35 лет, которых в отличие от их старших товарищей направляют на фронт. Израиль рассматривает вариант захвата сельскохозяйственных угодий в Газе, чтобы не вести сражения в условиях города.⁴⁴ В этом случае потери АОИ будут минимальны, и она сможет сохранить имидж армии-победителя. Однако ХАМАС готов дать отпор любой наземной операции Израиля в Газе. К тому же сложно предсказать реакцию остальных сил «ИС». Недавние призывы командира бригад «аль-Кассам» М. Дейфа к силам «ИС» поддержать «ХАМАС» в борьбе с Израилем не остались без внимания. В ночь с 9 по 10 октября 2023 года в Багдаде прошла закрытая встреча 7 проиранских милиций.

Представитель бригад «Хезболла аль-Нуджаба» заявил, что иракские милиции атакуют американских военных в Ираке в случае наземной операции Израиля в Газе. В Ирак прибыл командующий корпуса «аль-Кодс» И. Каани. Представитель бригад «Сейд аль-Шухада» заявил, что иракские милиции способны выдвинутся к границам Израиля с Ливаном в течение нескольких часов. Защита Газы важнее, чем обязательства милиций перед властями Багдада, — подчеркнул он.⁴⁵ 10 октября 2023 г. проиранские милиции Сирии атаковали израильские позиции на сирийско-израильской границе, выдвинувшись из западных

⁴⁴ Аль-Амин, И. Катаиб-аль-кассам-тантазир-аль-хужум-аль-баррий-вахизбалла-ярифуду-тахгир-аль-муадалат: амрика-такуд-аль-харб-аль-исраилийя-дыда-газа... ва-михвар-аль-мукаввама-фи-истифар [Батальоны "аль-Кассам" ждут наземную операцию, "Хезболла" отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израиля против Газы, а "ось сопротивления" в полной готовности]. Октябрь. 11. <https://al-akhbar.com/Palestine/370996> (дата обращения: 15.11.2023). На араб. яз.

⁴⁵ Мармаль, И. (2023). Халь-тусдир-аль-авамир-ли-кувват-аль-радван?[Будут ли отданы приказы батальонам "аль-Радван"]. Октябрь. 13. <https://www.aljoughouria.com/ar/news/693571> (дата обращения: 19.11.2023). На араб. яз.

районов провинции Деръа. Подразделения САА и «Хезболлы» приведены в боевую готовность на границе с Голанскими высотами. 11 октября 2023 года «Исламский Джихад» при поддержке «Хезболлы» обстрелял ракетами израильскую бронетехнику на границе с Ливаном. Иран и «Хезболла» готовы к длительной войне и не позволят ликвидировать силы «ИС» в Палестине.⁴⁶

Тегеран уже заявил о прямой поддержке сил «Исламского Сопротивления» в Ливане и палестинцев в Газе в случае начала наземной операции. Недавно Иран поставил партию ракет дальнего радиуса действия бригадам «аль-Радван», которые способны атаковать израильские поселения на севере. Ракетный арсенал «Хезболлы» может нанести значительный ущерб израильским аэродромам и портам что парализует действия АОИ. В этом случае авиация США и Израиля, скорее всего, ударит по промышленным объектам на иранской территории. Однако для того, чтобы предотвратить ответные удары Тегерана по американским позициям в странах Персидского залива США потребуются не один месяц подготовки и большое число самолетов и авианосцев.

В этой связи США, Израиль и Иран скорее предпочтут тактику сдерживания, нежели крупной конфронтации. По данным источников «ИС» израильские военные по совету своих американских коллег не выдвигают бронетехнику ближе, чем на 15 километров к границе с Газой. АОИ проводит тактику выжженной земли в приграничной с Газой полосе, чтобы вынудить 500 000 палестинцев выйти из анклава. «Хезболла» вряд ли примет самостоятельное решение о войне с Израилем без согласия Тегерана.

Тем более момент упущен. Если бы Иран решил атаковать Израиль силами «Хезболлы» и шиитских милиций в Сирии, то сделал бы это 6–7 октября. От того как будет развиваться ситуация в палестино-израильском конфликте будет во многом зависеть перспектива «большой войны» на Ближнем Востоке.

⁴⁶ Аль-Таби, А., Кудама, Х. (2023). Халь-ятадахаль-хизбалла-аскарийян-лидахам-газа? Синарьохат-мухтамала. [Примет ли "Хезболла" участие в войне, чтобы поддержать Газу? Возможные сценарии]. Октябрь, 23. <https://arabi21.com/story/1543136/> (дата обращения: 25.11.2023). На араб. яз.

§ 3. СИРИЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ МЕЖАРАБСКИХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сирийский кризис всколыхнул весь конфликтный потенциал региона и обострил характер арабо-иранских отношений. Арабские страны затаили с решением вопроса сирийской нормализации. Спровоцированная «Дамасской оттепелью» (2000–2001) и «Движением зеленых» в Иране (2009), «Арабская весна» сформировала негативную среду для работы государственных институтов и развития социума в арабских странах Ближнего Востока.

Первые серьезные попытки вернуть Дамаск в лоно арабской семьи, были предприняты Королевством Саудовская Аравия (КСА) примерно через год после участия российских Военно-космических сил (ВКС РФ) в сирийском конфликте (осень 2015). Эр-Рияд был не столько обеспокоен присутствием российских военных, сколько иранским усилением в САР. Особый характер российско-сирийских отношений не мешал Саудовской Аравии выстраивать собственные схемы многостороннего взаимодействия с Дамаском в 1980–2000 годах. И наоборот, усиление иранских позиций в Сирии и Ливане после прихода к власти в САР Б. аль-Асада (июнь 2000) затрудняло политические маневры КСА в этих странах.

Однако, нападение в 2016 г. на посольство КСА и саудовское консульство в Мешхеде (Иран) привело к разрыву отношений с ИРИ. Кувейт, Катар и ОАЭ понизили уровень представительства в ИРИ, а Бахрейн разорвал дипотношения с Ираном. Действия Кувейта были продиктованы активностью, так называемой, шпионской сети «Абдали», к которой, по некоторым данным, имел отношение Иран. Однако после визита президента ИРИ в Кувейт в феврале 2017 г. отношения стали постепенно налаживаться. Вовлеченность России в военное противостояние с Западом на Украине порождала скрытые опасения в Эр-Рияде относительно возможного ослабления роли Москвы в САР и дальнейшего усиления позиций ИРИ в Леванте.

Военно-политическая активность Тегерана в САР носила выраженный религиозный окрас и сопровождалась попытками перестроить конфессиональный баланс в сирийском соци-

уме. Многие представители правящей саудовской элиты считали ошибкой поддержку сирийской оппозиции и изоляцию Сирии в результате событий марта 2011. Они полагали, что, таким образом, арабы облегчили укрепление Ирана на Ближнем Востоке.

Подобная позиция имела свои исторические прецеденты. Поведенческий стереотип КСА определялся сущностными характеристиками межарабских отношений на рубеже столетий. В последние десятилетия, изменение динамики идеологических парадигм в арабских странах Ближнего Востока и межарабского баланса сил оказали большое влияние на характер межарабских отношений. Размывание традиционной системы государственного управления и власти в арабских странах, изменение регионального баланса сил меняли характер межарабских отношений.

Саудовская Аравия превратилась в одного из ключевых игроков на Ближнем Востоке и стремилась определять параметры регионального порядка. Саудовские шаги в этом направлении стали особенно заметными после властного восхождения Мухаммеда бен Сальмана. В июле 2017 г. Мухаммед бен Сальман стал наследным принцем, в апреле 2022 премьер-министром. По должности ему перешло курирование сирийским и йеменским досье внешней политики КСА. О решительности М. бен Сальмана мог свидетельствовать тот факт, что спустя 2 месяца после его назначения на пост министра обороны (2015) КСА начало военную операцию в Йемене. ОАЭ активно поддерживали КСА. Это вызвало конфликт среди членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Катар выступил против политики КСА и ОАЭ.⁴⁷ Особую озабоченность КСА вызывали контакты Катар с «Братьями-мусульманами». Доха поддержала правительство М. Морси в Египте. Катар оказывал помощь «Братьям» в Сирии. Эр-Рияд был недоволен работой «Аль-Джазиры» и ее отношениями с Ираном.

В 2017 г. эти разногласия достигли пика. КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет разорвали отношения с Катаром и устроили воздушную

⁴⁷ Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. No 1, 66–96.

блокаду Дохи. Иран предоставил свое воздушное пространство Катару, открыл свои порты, и снабжал Катар продовольствием. Катар восстановил отношения с Ираном в полном объеме. В октябре–ноябре 2017 стороны обменялись визитами высоких официальных лиц. Катар выразил желание инвестировать в развитие иранских портов и наладить долговременное экономическое сотрудничество с ИРИ. В 2021–2022 гг. Катар принял активное участие в реконструкции САР. Доха была убеждена в том, что в Сирии необходимо обеспечить комплексное урегулирование, а не идти путем постепенного умиротворения отдельных районов. Доха особо выделяла проблемы возвращения сирийских беженцев и оказание гуманитарной помощи как непереносимые условия для достижения прочного и долговременного урегулирования в этой арабской стране. Катар стал крупнейшим донором гуманитарной помощи САР. С 2011 по 2021 гг. Доха выделила около 2 млрд долларов на оказание гуманитарной помощи Сирии. В сентябре 2021 г. Катар принял участие в проекте по восстановлению северных районов Сирии, который получил название «Города Надежды». В рамках реализации этого проекта на севере САР с центром в Азазе планировалось построить 1400 домов, куда смогли бы вернуться около 9 тысяч сирийских беженцев. Общая оценочная стоимость проекта составила около 7,5 млн долларов. В результате, связи с Ираном стали частью внешнеполитической стратегии Катара.⁴⁸ С учетом места и роли САР в региональных событиях, процессы ускоренного политического урегулирования, экономической реконструкции Сирии, приобретали особое звучание.

В зависимости от того, как быстро удалось бы КСА остановить вооруженный кризис в САР, Дамаск в будущем мог сыграть в пользу саудовского доминирования на Арабском Востоке. КСА стало предпринимать попытки вернуть САР под арабский контроль и побудить его отойти от Тегерана. Однако Дамаск не торопился выполнять требования Саудовской Аравии и разрывать

⁴⁸ Аль-Ани Т. (2021). Ma aghammiya-t-daur Turkey-Katary fi-t-tad'im al-karar as-siyasy fi syria? В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САР? <http://khaleej.online/3oBeVo> (дата обращения: 21.04.2022). На араб. яз.

связи с Ираном. Одновременно сирийский режим предпринял ряд шагов по сближению с другими арабскими странами, исходя из соображений политической целесообразности и финансово-экономической выгоды. Развитие ситуации в Сирии и вокруг нее, стало постепенно занимать приоритетные позиции в политической повестке большинства государств Аравийского полуострова.⁴⁹ Визит министра иностранных дел ОАЭ в Дамаск в первой декаде ноября 2021 г. был тесно связан с характером взаимоотношений стран ССАГПЗ с США.

Очевидный провал стратегии США на Ближнем Востоке был виден на примере Афганистана, Сирии, Ирака. Арабские монархии были готовы поддерживать переговорный процесс по ядерной программе Ирана, чтобы дать возможность США быстрее определиться в отношении к Тегерану и его ядерной программе. В ходе переговоров с сирийским руководством А. Бин Заид дал ясно понять, что арабские монархии не ставят вопрос нормализации отношений с САР в зависимость от изменения характера отношений Дамаска с Тегераном. Многие руководители арабских монархий пришли к убеждению, что разбить стратегическое партнерство Дамаска и Тегерана, в обозримой перспективе практически невозможно. Несмотря на нерешенность проблемы островов в Персидском заливе, в Абу Даби предпочли не поднимать этот вопрос, чтобы не раздражать Иран.⁵⁰ Иран обеспечивал более 40% доходов внешней торговли эмиратов.

Лабильная ситуация в регионе и явное превосходство Тегерана в Персидском заливе, заставляли государства этого субрегиона временно забыть о своих прежних амбициях. Арабские монархии Персидского залива были обеспокоены, прежде всего, собственной безопасностью, и поэтому предпочитали игнорировать военно-политическое присутствие Тегерана в Ираке, Сирии, Ливане. Для арабских монархий Персидского залива этот

⁴⁹ См.; Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации. Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019.

⁵⁰ Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск? Редакционная статья. 11.12.2021. <https://www.raiayoum.com/> (на араб. яз.).

вопрос приобретал особую актуальность в связи с характером отношений Ирана с КСА.

В последние десятилетия, несмотря на спорадические контакты между КСА и ИРИ, природа их двусторонних отношений оставалась неизменной. Иран и КСА относились друг к другу с взаимным недоверием и подозрительностью. Несмотря на десятилетиями наработанный общий негативный фон в отношениях между Эр-Риядом и Тегераном, в обеих странах всегда были силы несогласные с враждебным курсом КСА в отношении ИРИ, и наоборот.⁵¹ Естественно, сложное историческое наследие и религиозный фактор оказывали значительно большее влияние на этот процесс, чем в случае нормализации отношений Ирана с другими арабскими странами. Ваххабизм как государственная идеология КСА определил заведомо отрицательное отношение саудовских властей к Ирану. Часть властной элиты КСА, близкая к М. бен Сальману считала, что если наследному принцу удастся реализовать планы общественного переустройства Королевства путем новой самоидентификации саудовского социума на основе идей партикулярного национализма, прежний характер связи дома аль-Сауд и ваххабитского духовенства может измениться.⁵²

С другой стороны, после исламской революции 1979 политизированная версия шиизма стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики ИРИ. На деле она сужала горизонты внешней политики Ирана и ограничивала возможности для маневра на Ближнем Востоке. Любые новации в этом плане могли оказать влияние на изменение характера ирано-саудовских отношений.⁵³ Изменение внутривластной ситуации внутри КСА и Иране на фоне охвативших Ближний Восток событий подтолкнули страны к тому, чтобы начать процесс переосмысления характера двусторонних связей.

⁵¹ Хамуд, Ю. «Неминуемое соглашение». Наступит ли в сложных саудовско-иранских отношениях новый период нормализации. 10.12.2021. <http://Khaleej.online/MDkVKB>. (на араб.яз.).

⁵² См.; Наумкин В. В. Предисловие // Делонг-Ба, Натана. Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад / Пер. с англ. А. А. Филиппова, отв. ред. В. В. Наумкин. М.: Ладомир, 2010. С. 5–11.

⁵³ Long D. E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects. Mediterranean Quarterly 15, no. 3. Summer 2004.

После 2016 г. представители КСА и Ирана провели в Багдаде 4 раунда переговоров, в ходе которых обсуждались различные варианты восстановления двусторонних отношений. В первых числах октября 2021 г. министры иностранных дел КСА и Ирана последовательно сделали заявления о ведущихся между Тегераном и Эр-Риядом переговорах. Так, министр иностранных дел КСА Фейсал Бин Фархан рассказал о том, что в 20-х числах сентября 2021 г. в Багдаде завершился 4-й раунд переговоров между представителями двух стран. Он подчеркнул особый характер этой встречи, которая прошла после избрания И. Раиси на президентский пост в ИРИ. В работе 4-го раунда приняли участие государственный министр КСА по иностранным делам Адель аль-Джубейр и генеральный секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Али Шамхани. Буквально через несколько дней после своего саудовского коллеги иранский министр иностранных дел Хусейн Амир Абдулахян в ходе выступления в Бейруте сообщил о некоторых аспектах 4-го раунда переговоров в Багдаде. По словам иранского министра саудовско-иранские переговоры двигались в верном направлении. Между КСА и ИРИ были достигнуты специальные договоренности по особым вопросам двусторонних и региональных отношений.

Прошедшая в сентябре 2021 г. в Багдаде серия саудовско-иранских встреч могла в недалекой перспективе способствовать нормализации двусторонних отношений. Договаривающиеся стороны рассчитывали, что 5-й раунд даст конкретные результаты в виде официальных договоренностей по ключевым вопросам двусторонних отношений. Несмотря на то, что ирано-саудовские переговоры проходили в сугубо закрытом режиме, а суть обсуждаемых вопросов тщательно скрывалась, ряд признаков указывали на то, что в Эр-Рияде и Тегеране было общее желание нормализовать характер двусторонних отношений. На переговорах речь шла об открытии консульских представительств, развитии торгово-экономического сотрудничества и поиске путей урегулирования конфликта в Йемене.

До разрыва отношений между Ираном и КСА ежегодный объем товарооборота двух стран в период с 2006 по 2016 гг. составлял 500 млн долларов. Политика США двойных стандартов

в отношении Ирана и КСА побудила их к выходу на прямые контакты. В Иране уже порядком устали от политической игры США, которые одновременно оппонировали Ирану и пытались возобновить с ним переговорный процесс по «мирному атому». ⁵⁴ Подобные действия США были продиктованы в первую очередь несогласованностью действий внутри американской администрации и отсутствием общей позиции США и их европейских партнеров. После того как США демонтировали и вывезли с территории КСА комплексы ПВО «Патриот» отношение к США в КСА изменилось.

Внутри саудовского руководства окончательно сформировалось убеждение, что в складывающейся ситуации на Ближнем Востоке Эр-Рияд уже не может целиком полагаться на США в вопросах защиты своей национальной безопасности и обеспечения саудовских интересов в регионе. В случае достижения согласованного политического решения Тегеран и Эр-Рияд были вполне способны самостоятельно урегулировать йеменский кризис. Атаки «хуситов» не представляли прямой угрозы для национальной безопасности КСА. Куда большую обеспокоенность саудовские военные проявляли в отношении национальных нефтеперерабатывающих предприятий и нефтепромыслов, маршрутов доставки нефти в Персидском заливе в случае дальнейшей эскалации вооруженного конфликта в Йемене.

До конца 2021 г. обе стороны заявляли о достигнутом прогрессе в сближении позиций Эр-Рияда и Тегерана и формировании общей позиции по обсуждаемым вопросам. Однако возникший осенью 2021 г. дипломатический кризис между КСА и Ливаном в контексте сирийского конфликта поставил под вопрос примирение между Эр-Риядом и Тегераном. В последние годы позиции КСА в Ливане ослабли, в том числе из-за отношения Эр-Рияда к вооруженному конфликту в САР. Предпринятые КСА на фоне переговоров с Ираном попытки укрепить связи с ливанскими политическими силами натолкнулись на скрытое сопротивление ливанской «Хезболлы», которая подчинялась приказам

⁵⁴ Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене. Редакционная статья. 13.10.2021. <https://alarab.co.uk/> (на араб.яз.).

из Тегерана. Саудовско-ливанский кризис отразил весь спектр расхождений между Эр-Риядом и Тегераном по вопросам безопасности на Ближнем Востоке.

По мере разрастания кризиса между Эр-Риядом и Тегераном, стороны обменялись рядом нелицеприятных заявлений, которые могли означать, что восстановление дипломатических отношений между КСА и ИРИ откладывается. Так, член комитета по внешней политике и безопасности иранского меджлиса (парламента) М. Машкини фактически обвинил Эр-Рияд в затягивании переговорного процесса с Ираном. Ему вторил министр иностранных дел ИРИ, который дал понять, что КСА не заинтересовано в налаживании отношений с Ираном. В свою очередь, министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал Бин Фархан подчеркнул, что Ливан находится под контролем Тегерана. Действительно, Эр-Рияд неоднократно обвинял Иран в поддержке экстремистских и сепаратистских движений в Йемене, Ливане, Сирии, Ираке. На самом деле разногласия между КСА и ИРИ выходили далеко за пределы конфликта в Йемене и Ливане и имели экзистенциальный характер.⁵⁵

В сложившейся ситуации Саудовская Аравия решила восстановить прежний объем отношений с Пакистаном. После отказа Исламабада поддержать КСА в йеменском конфликте в 2015 и 2018 гг. отношения между странами заметно охладели. Саудовцам было сложно забыть нанесенные (предположительно ИРИ) в сентябре 2019 удары по нефтехранилищам на саудовской территории в районе Бкейк и Хрейс.

В свое время КСА затратило сотни миллионов долларов на поддержку ядерной программы Пакистана в надежде на то, что Исламабад сможет создать для Эр-Рияда ядерный «зонтик», который защитит саудовцев от возможных ударов Ирана. С другой стороны, КСА учитывало особый характер традиционных связей между Исламабадом и Дамаском и рассчитывало использовать свои контакты в Пакистане для удаленного налаживания процесса сирийского урегулирования. При этом саудовские руководители не обольщались на счет Исламабада. Они отдавали себе

⁵⁵ Хамуд. Ю. Повлияет ли кризис между Эр-Риядом и Бейрутом на саудовские переговоры с Ираном? 11.06.2021. <http://khaleej.online/9DWdj3> (на араб.яз.).

ясный отчет в том, что в случае вооруженного конфликта с Ираном Пакистан не станет сражаться «в одном окопе» с Эр-Риядом. Основные опасения Эр-Рияда были связаны с возможными ударами США и Израиля по Ирану.

В этом случае КСА рассчитывало на то, что Исламабад окажет саудовцам необходимую военно-политическую поддержку, чтобы не допустить иранских ударов по территории Королевства.⁵⁶ Подобные опасения арабских монархий Персидского залива имели достаточно обоснованный характер. В последние годы Персидский залив стал превращаться в новый район конфронтации между Ираном и Израилем. Еще в 1990 гг. когда у арабских стран Персидского залива были нормальные отношения с Ираном, Оман и Бахрейн поддерживали контакты с Израилем. Политика США по созданию израильско-суннитского альянса против Ирана подталкивала эти страны к развитию связей с Израилем.

Однако активизация контактов Израиля и стран Персидского залива началась позже, когда иранская угроза в Сирии стала особенно явной. Не все страны Персидского залива хотели вести диалог с Израилем за счет отношений с Ираном.⁵⁷ Определенную роль в продвижении этого трека сыграл визит в Оман израильского премьера Б. Нетаньяху в октябре 2018 г. Возможно Оман хотел обезопасить себя от последствий эвентуальных ударов США по Ирану.⁵⁸ Летом 2020 г. были подписаны так называемые Авраамские соглашения о нормализации отношений Израиля и ряда арабских государств Персидского Залива.

Подписание указанных соглашений отражало новый тренд развития ситуации в регионе, в котором идея сирийской нормализации за счет секвестирования связей с Ираном занимала не последнее место. Все больше арабских государств начинало разделять указанную идею и пересматривать свои прежние установки в отношении сирийского режима. Во многом это про-

⁵⁶ КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противодействии Ирану. Редакционная статья. 11.07.2021. <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).

⁵⁷ Hanley, Delinda C. UAE Seeks Regional Stability.Warns against War on Iran. Washington Report on Middle East Affairs 26, no.8. November, 2007.

⁵⁸ Dourian, Kate. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram, May, 18. 2007.

исходило под воздействием процессов, которые породили события «Арабской весны». Многие арабские руководители начинали осознавать, что главная опасность исходит от рвущихся к власти местных радикальных исламистов и крупных региональных соседей в лице Турции и Ирана, которые стремятся поделить регион на зоны своего влияния. После подписания соглашений между Израилем, Бахрейном и ОАЭ, Иран резко ужесточил антиизраильскую риторику и усилил свои позиции в САР. Тегеран полагал, что Израиль стремился превратить Персидский залив в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана.

В случае расширения Израилем своей деятельности, Иран планировал проводить спецоперации на территории ряда арабских монархий.⁵⁹ Иранская дипломатия и подразделения КСИР обладали достаточно обширным запасом методов и средств, чтобы подорвать идущие вразрез иранским интересам соглашения на региональном уровне. В феврале 2020 г. на одном из заседаний Стратегического Совета ИРИ по международным делам прозвучала идея об организации новой мощной палестинской интифады. В этих целях планировалось задействовать позиции ИРИ в САР и Ливане.

В сентябре 2020 г. представители руководства «ХАМАС» и «Хезболлы» договорились о более тесном сотрудничестве по ключевым военно-политическим вопросам. Иран на постоянной основе оказывал поддержку «ХАМАС» и «Исламскому джихаду», используя транзитный путь через сирийскую территорию. Более осторожно и скрытно Иран поддерживал нерегулярные контакты с представителями «Аль-Каиды» и «Талибан» (еще до прихода к власти в Кабуле) по мере необходимости. По оценке спецслужб арабских стран Совета Сотрудничества, первые контакты между Ираном и «Аль-Каидой» были зафиксированы после событий 11 сентября 2001 г.

Отношения между ними носили весьма неровный характер и отличались взаимным недоверием и цинизмом. Однако когда речь шла об интересах национальной безопасности Ирана, Те-

⁵⁹ Хамуд.Ю. Превратиться ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном? 13.07.2021. <https://alkhaleejonline.net/> (на араб.яз.).

геран не брезговал пользоваться логистической и военной поддержкой «Аль-Каиды» в проведении операций против Израиля и США. Известно, что в своей пропагандистской деятельности «аль-Каида» постоянно уделяла внимание палестинскому вопросу. Так, после решения США перевести в 2018 г. свое посольство в Иерусалим Айман аль-Завахири публично осудил бездействие арабских стран и призвал мусульман к вооруженному джихаду против арабских правительств и США. В 2019 г. после признания США Голанских высот территорией Израиля А. аль-Завахири призвал палестинцев к атакам смертников на Израиль и его объекты.

В тоже время отношение «аль-Каиды» к палестинскому делу носило неопределенный характер. Воинственная риторика «аль-Каиды» по палестинскому вопросу не сопровождалась конкретными операциями, что вызывало резкую критику в джихадистских и такфиристских кругах. Однако существовала гипотетическая опасность, что рано или поздно «аль-Каида» под воздействием Ирана может перейти от слов к делу. В 2015 г., по некоторым данным (требуют дополнительной проверки), иранские власти освободили из-под домашнего ареста 5 старших оперативников «аль-Каиды», удерживаемых на территории ИРИ. При этом двое из них Сэйф аль-Адель и Абу Мохаммед аль-Масри (оба египтяне — А.В.) оставались в Иране, откуда, по всей видимости, пытались помогать руководить деятельностью организации. Трое других, в том числе заместитель А. аль-Завахири по египетскому досье Абу Хейр аль-Масри, Халед аль-Арури (старший оперативник по иорданскому досье) и Сари Шихаб вошли в состав проиранских сил, действовавших на территории Сирии. Предоставление Ираном убежища ряду руководителей «аль-Каиды» с тем, чтобы предотвратить враждебные действия организации в отношении ИРИ и ее интересов, сопровождалось логистической поддержкой ее оперативников. В свою очередь Иран мог рассчитывать на ответные действия со стороны организации. Несмотря на свою доктрину ограниченного сотрудничества и взаимодействия в условиях враждебного окружения и контролируемого характера такого сотрудничества, «аль-Каида» могла пойти на контакт с Ираном с учетом

оправданного риска и очевидной выгоды. Аравийские монархии опасались, что примирение с Израилем и поддержка сирийской оппозиции может породить иные виды угроз и косвенно способствовать расширению иранской «Оси сопротивления» с привлечением в нее новых радикальных элементов, в том числе и «аль-Каиды» (естественно, неофициально). Тем более что Иран был обеспокоен стремлением арабских стран снизить уровень иранского присутствия в Сирии и стремился не допустить создания арабо-израильского альянса с участием Дамаска. В марте 2022 г. министр иностранных дел ИРИ посетил Дамаск и Бейрут. Высокопоставленный иранский представитель уверил руководителей Сирии и Ливана, а также глав шиитских милиций и общин, что Иран не намерен менять характер своей политики в регионе.⁶⁰ Неожиданный визит Б. аль-Асада в Тегеран в июне 2022 г. внес коррективы в арабские планы в отношении Дамаска.

В течение нескольких последних десятилетий, отношения Ирана с арабскими монархиями Персидского залива носили уникальный характер и определялись факторами региональной безопасности. В отличие от других арабских стран, географическая близость Ирана и «малых» монархий Персидского залива, служила важным аспектом в их двусторонних отношениях. Территориальные и демографические различия между Ираном и «малыми» монархиями Персидского залива генерировали озабоченности последних за свою безопасность. В случае вооруженного конфликта военная мощь и экономический потенциал Ирана, который, отчасти, определялся его территориальными и демографическими особенностями, могли обеспечить Тегерану военное превосходство и стать решающим фактором в определении исхода конфликта. Напротив, «малые» монархии Персидского залива отличались незначительной численностью коренного населения и были вынуждены опираться на инациональную рабочую силу в своей экономической деятельности и вопросах обеспечения безопасности (на уровне рядового и сержантского состава в регулярной армии — А.В.). Кроме того,

⁶⁰ Аль-Факих, И. Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов далеких от Вашингтона. Стамбул. 05.04.2022. <https://www.aa.com.tr/ar/2555368/> (на араб.яз.).

в большинстве этих стран проживали крупные иранские общины, которые имели глубокие исторические корни. Конфессиональные различия между коренным населением и иранскими общинами служили дополнительным источником напряжения в отношениях с Ираном. Власти «малых» монархий рассматривали шиитские общины на своей территории как инструмент влияния Ирана и потенциальный фактор саботажа и дестабилизации. Поэтому для «малых» монархий Персидского залива иранские общины представляли большую опасность, нежели выходцы из Индии или Пакистана.

С другой стороны, присутствие шиитских общин на территории «малых» государств Персидского залива не обязательно предполагало враждебность в отношении Ирана. В Кувейте проживало 30–40% шиитов, большинство из которых были этническими иранцами. При этом отношения между Кувейтом и Ираном носили в целом нормальный характер. Примерно так же складывались отношения между ИРИ и Катаром.⁶¹ Последние изменения в политике США на Ближнем Востоке явно складывались не в пользу арабских монархий Персидского залива. Несмотря на это арабские монархии не доверяли Ирану и хотели бы иметь арабскую систему безопасности, возможно, с участием России и Китая как ее гарантов. В отличие от стран Арабского Востока, правящая элита арабских монархий Персидского залива никогда не была национально ориентированной. Большинство арабских монархий Персидского залива не прошло путь борьбы за национальную независимость и предпочитало доверять свою безопасность Западу. Их правящий класс опасался не столько Ирана, сколько арабского национального движения, которое сегодня пытается возродиться, в том числе и на основе объединения арабских усилий в деле палестино-израильского урегулирования (к вопросу об эволюции понятий угроз — А.В.). Вооруженное вмешательство ИРИ в ряд арабских стран Ближнего Востока показало, что Тегеран не собирается менять характер своей региональной политики. В ряде случаев Тегеран намеренно обострял ситуацию в арабских странах, где иранские пози-

⁶¹ См.: Kamrava, Mehran. *Qatar: Small State, Big Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013. 206 с.

ции были особенно сильны. Таким образом, Иран стремился выиграть время и завершить свои проекты по укреплению позиций на Ближнем Востоке.

Подобная тактика действий была чревата высокими рисками, но в определенных обстоятельствах могла позволить Тегерану успешно решить поставленные задачи. Приход на президентский пост в Иране И. Раиси, который был известен своими тесными связями с силовиками, укрепил имперское сознание в иранском руководстве, которое искусственно подогревалось иранским духовенством. Таким образом, была сформирована религиозно-идеологическая основа иранской политики на Ближнем Востоке. Военная операция Ирана в Сирии и Ираке позволила ему распространить проекцию силы на ряд других государств региона. В Сирии и Ираке Иран обеспечивал сохранность законной власти и укреплял государственность, в Ливане он поддерживал своих союзников, в Йемене формировал фронт поддержки «хуситов» против своего регионального соперника КСА. Одномоментная вовлеченность ИРИ в ряд региональных конфликтов поднимала авторитет Ирана в регионе. Иран доказал что способен одновременно вести успешные войны на нескольких фронтах.

Силовая операция ИРИ в Ираке и САР обеспечила Тегерану взаимодействие с представителями различных этносов и конфессий (курдами, суннитами и шиитами). Таким образом, Тегеран опровергал обвинения в том, что он действует исключительно в интересах шиитских групп населения. Благодаря борьбе с «Исламским Государством» в Сирии и Ираке, Иран приобрел имидж борца с международным терроризмом. Тегеран позиционировал себя как защитника сирийского народа и сирийских меньшинств. Антитеррористическая операция ИРИ в САР объективно повысила авторитет ИРИ на региональной арене. США стало сложнее оправдывать свое решение о внесении КСИР в списки террористических организаций. Ведь именно КСИР стоял во главе борьбы с «ИГ» в Ираке и САР.

Тегеран укрепил свой авторитет на международной арене. Это объективно повышало запросную планку ИРИ на переговорах с Западом по иранской ядерной проблеме. Иран умело восполь-

зовался борьбой с «ИГ» для направления переговорного процесса в выгодное для себя русло. Аргументация ИРИ сводилась к тому, что достижение договоренностей высвободит дополнительные силы ИРИ для борьбы с международным терроризмом. Вооруженная интервенция Ирана стала не столько ответом на действия «ИГ», особенно в САР, сколько стремлением ИРИ решить основную геостратегическую задачу по формированию благоприятной геополитической среды для своих действий на Ближнем Востоке.⁶² Иранские силовые структуры приобрели новый опыт участия в вооруженных операциях за пределами национальных границ. С учетом того, что в результате военных кампаний Ирана в Ираке и Сирии шиитские силы стали частью национальных вооруженных сил и ключевых институтов государственного управления, Иран глубоко проник в общественные, административные и политические институты этих государств и мог влиять на работу механизма принятия решений. В итоге Иран обеспечил сохранность оси исламского сопротивления и решил свои геополитические задачи.

§ 4. СИРИЙСКО-ТУРЕЦКАЯ НОРМАЛИЗАЦИЯ И АРАБСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА САР

События в Сирии развели Иран и Турцию по разные стороны политических баррикад. Анкара выступила против правящего в САР режима и предоставила свою территорию в качестве плацдарма противникам Дамаска. Сегодня турецкие войска находятся в Сирии и в Ираке. Анкара поддерживает противостоящие Дамаску боевые формирования сирийской оппозиции. После 12 лет с начала сирийских событий и в результате изменения ситуации в регионе в ирано-турецких отношениях выявляется больше общих черт, чем различий.

В Тегеране считают, что сирийско-турецкое примирение чрезвычайно важно с точки зрения окончания военной фазы сирийского кризиса, ликвидации вооруженных группировок, ко-

⁶² См.; Ахмедов В. М., Кулагина Л. М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.). Москва. ИВ РАН. 217 с.

которые контролировали некоторые районы на севере САР. Сближению позиций Тегерана и Анкары во многом способствовала Россия, объединив усилия Ирана и Турции в рамках «Астанинских» встреч как стран-гарантов по сирийскому урегулированию.⁶³ Данное обстоятельство не мешает Ирану и Анкаре конкурировать в Сирии и на Ближнем Востоке, в целом. Оба государства являются региональными державами и стремятся укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Несмотря на различия в этническом, религиозном составе населения, государственной идеологии, политических системах, в политике Турции и Ирана на Ближнем Востоке прослеживается немало общих факторов.

Обе страны используют наряду с политическими инструментами силовые методы для реализации своих интересов в регионе. Мотивы их действий и характер интересов в государствах Арабского Востока, не носят конфронтационного характера и не ведут к обострению ирано-турецких связей. Характер отношений Ирана и Турции с ближневосточными государствами характеризуется определенными различиями, которые Анкара и Тегеран стараются использовать для укрепления собственных позиций в регионе. В результате разрыва отношений с Дамаском, Анкара утратила возможность прямого контакта с сирийским режимом. Сирийско-турецкое взаимодействие осуществляется сегодня по иранским каналам.⁶⁴ Иран стремится воспользоваться хорошими отношениями Турции с Израилем⁶⁵ и монархиями Персидского залива для снятия напряженности в отношениях с Тель-Авивом и Эр-Риядом.

Тегеран и Анкара имели общие озабоченности в отношении намерений и действий отрядов курдского вооруженного сопротивления, прежде всего, в лице СДС и РПК. Несмотря на то, что

⁶³ Сиржави А. Ничего нового в 18 раунде конференции в Астане кроме осуждения Израиля и части копии (материалов) 17 раунда..., подробности. 19.06.2022. <https://awtanpost.net/post/48672/> (на араб.яз.).

⁶⁴ Турция не нуждается в «Братьях-мусульманах», чтобы закрыть суннитский вакуум в Ливане. Редакционная статья. 11.17.2021. <https://alarab.co.uk/> (на араб.яз.).

⁶⁵ После резких антиизраильских заявлений Р. Т. Эрдогана в 20-х числах октября 2023 года в связи с событиями в Газе, он стал "врагом номер один" для еврейского государства.

Дамаск отложил четырехструнную встречу в ходе визита Б. аль-Асада в Москву в марте 2023, Анкара продолжала работать над этим вопросом при посредничестве Москвы. Помимо вопросов вывода войск, распределения водных ресурсов, продовольственной безопасности, Дамаск настаивал на выделении сирийско-турецкого кейса в отдельный трек, несвязанный с турецкими внутриполитическими раскладками. Анкара же хотела организовать встречу в верхах до майских (2023) выборов в Турции. Анкара считала что, несмотря на резкие заявления Б. аль-Асада в Москве относительно проблемы урегулирования, возможность двусторонней нормализации до президентских выборов сохраняется.

Турция работала над графиком поэтапного вывода войск с севера САР. Анкара внимательно изучала перспективы развития ситуации в этих районах с точки зрения безопасности и гуманитарного положения местного населения.⁶⁶ Гарантами выполнения турецких обязательств станут Москва и Тегеран вне зависимости от результатов президентских выборов в Турции. В начале апреля 2023 года в Москве проходила встреча квартета по сирийско-турецкой нормализации в составе России, Турции, Ирана и Сирии. Накануне встречи сирийская делегация провела закрытые консультации с иранской и российской сторонами относительно ряда вопросов нормализации с Турцией. По словам Генерального Координатора Высшего Сирийского Совета по делам племен и кланов Шейха Мудара Хамада аль-Асъяда, сирийский режим действует исключительно по сценарию Москвы и Тегерана. Дамаск, Москва и Тегеран хотели использовать желание Анкары позиционировать встречу «Асад — Эрдоган» как козырь в предвыборной борьбе, — заявил Мудар. Однако Турция была не готова выполнить требования Дамаска пока окончательно не решит проблему угрозы курдских вооруженных отрядов и не расформирует СДС.⁶⁷

⁶⁶ См. Mamluk and Fidan between two meetings. al-Idrak for Studies and Consultations. Istanbul. Special Assessment. August. 2021 [https://www.idraksy.net/Mamluk-and-Fidan-between-two-meetings\(2\).pdf](https://www.idraksy.net/Mamluk-and-Fidan-between-two-meetings(2).pdf). (in Arabic). Халаф К. Просил ли Хаккан Фидан о встрече с Асадом в Дамаске? 16.09.2021. <https://www.raiaiyoun.com/> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.

⁶⁷ Gorvett J. Secret Syria talks speak to a post-US Middle East era. Syrian and Turkish Intel chief meeting in Baghdad is just one of many signals the region's

Поскольку иранская вооруженная интервенция в САР принесла ИРИ значительные политические выгоды, **арабская перспектива** САР выглядела неоднозначно.⁶⁸ Иран вмешивался во внутренние дела стран ССАГПЗ и их лидеры не могли ничего с этим поделать. Попытки США и Израиля сдержать активность Ирана в регионе не увенчались успехом. Неудивительно, что правящие элиты Сирии и Ирана с недоверием воспринимали планы Аравийских монархий по урегулированию кризиса в САР. Однако страны ССАГПЗ продолжали работу по возврату Сирии в арабскую семью.

Несмотря на настороженное отношение в КСА и Катаре к сирийской нормализации, ОАЭ поддерживали связи с высокопоставленными представителями сирийского режима. ОАЭ выступали против радикального исламизма, который превалировал в рядах вооруженной сирийской оппозиции. ОАЭ практиковали прагматичный подход к сирийскому кризису и осуществляли программу финансовой поддержки молодых представителей режима аль-Асада. В январе 2023 г. министр иностранных дел ОАЭ А. бин Заид аль-Нахайян прибыл с визитом в Дамаск.

Ранее в марте 2022 г. Б. аль-Асад побывал с визитом в Абу-Даби. ОАЭ стремились вернуть САР в арабское лоно, чтобы избежать дальнейшего сближения Дамаска с Ираном и Турцией. Несмотря на недовольство США посреднической деятельностью ОАЭ, Абу-Даби продолжили работу по сирийской нормализации. В ОАЭ исходили из своих интересов и хотели повысить свою роль в межарабских отношениях. ОАЭ опасались усиления иранских позиций в регионе и распространения влияния шиитских милиций в странах Залива. В марте 2023 лидер Сирийских демократических сил М. аль-Абди и Б. Талабани провели переговоры с советником по национальной безопасности ОАЭ Т. бин Заидом аль-Нахайяном. В ходе встречи ОАЭ выразили заинтересованность в оказании помощи сирийским курдам достичь со-

geopolitics are again fast reconfiguring. Asia Times. 20.09.2021.<https://asiatimes.com/2021/09/secret-syria-talks-speak-to-a-post-us-midd> (дата обращения: 20.09.2021).

⁶⁸ Редакционная статья. 23.03.2023. Сирия и КСА: Обратилось ли время вспять? <https://tinyurl.com/f9svh8tr> (дата обращения: 15.06.2023). На араб. яз.

глашения с режимом Б. аль-Асада, при условии предварительной выработки «дорожной карты» урегулирования.⁶⁹

Изменение характера системы международных отношений и региональной политики, баланса сил на Ближнем Востоке на рубеже 2023 г. не могли не сказаться на характере ирано-саудовских связей и сирийско-саудовских отношениях. С середины февраля 2023 г в КСА активизировалась подготовка к восстановлению дипломатических отношений с Сирией. В начале марта 2023 министр иностранных дел КСА Фейсал бин Фархан заявил на саммите по безопасности (Мюнхен) о формировании единой арабской позиции относительно сирийской нормализации. Он подчеркнул, что позиция Дамаска сделала возможным его возвращение в ЛАГ.

В начале апреля 2023 года министр иностранных дел САР Ф. Мекдад прибыл в Джидду, чтобы обсудить детали сирийско-саудовской нормализации.⁷⁰ Это был первый за последние десять лет визит высокопоставленного сирийского дипломата в КСА. Визит последовал за соглашением между КСА и Дамаском о восстановлении отношений и открытии посольств. Поражала скорость, с которой велась подготовка к участию САР в арабском саммите. Вероятно, КСА ждали подходящего момента для возобновления диалога с САР. Благоприятные условия сложились после восстановления саудовско-иранских отношений 10 марта 2023. Уже в начале апреля Иран заявил о создании ирано-саудовских торговых палат для подъема товарооборота между двумя странами. Данный шаг был предпринят в развитие ранее подписанных соглашений (май 1998) о сотрудничестве в торговле, инвестициях, технологии, науке, культуре, спорте.

⁶⁹ Аль-Мудун. (2023). Халь-зара-мазлюм-абадаи-аль-имарат-ли-талаб-аль-висата-маъа-аль-асад? [Посещал ли Мазлюм Абади ОАЭ чтобы просить о посредничестве в (урегулировании) отношениях с аль-Асадом?]. Май, 4. <https://www.almodon.com/arabworld/2023/5/4/> (дата обращения: 14.07.2023). На араб. яз.

⁷⁰ Аль-Араб. (2023). Аль-Микдад-фи-джидда-нихая-т-аль-катъиа-аль-саудия-аль-сурия [Мекдад в Джидде. окончание паузы в сирийско-саудовских отношениях]. Апрель, 13. <https://alarab.co.uk/> (дата обращения: 19.09.2023). На араб. яз.

По оценке саудовских экономистов, деятельность совместных торговых палат могла оздоровить финансовый и инвестиционный климат в экономике стран Совета Сотрудничества. В середине апреля 2023 г. в Джидде проходила арабская встреча, на которой обсуждались условия участия САР в арабском саммите 19 мая 2023 г. Основной задачей встречи стало преодоление разногласий внутри ССАГПЗ. Такие страны как Марокко, Кувейт, Катар, Йемен скептически относились к возврату САР в ЛАГ. Они считали, что Б. аль-Асад должен прежде нормализовать отношения с политической оппозицией, чтобы дать возможность всем сирийцам участвовать в определении будущего страны.

Накануне арабской встречи в Джидде Иордания выдвинула план политического урегулирования в САР. Впервые план был представлен сирийскому руководству в марте 2023 года во время визита в Дамаск министра иностранных дел Иордании А. Сафади. Предполагалось сформировать арабскую группу прямого действия по отработке пошаговой дорожной карты сирийского урегулирования. Амман согласовал план с США и ЕС. По мнению арабских монархий, поддержка Запада могла сыграть решающую роль в вопросе снятия санкций и запуска процесса реконструкции. Вопросы национального примирения и освобождения десятков тысяч сирийских заключенных занимали важное место в иорданском плане. Особое внимание было отведено проблеме наркотрафика из Сирии в Иорданию и страны Совета Сотрудничества. По оценке сирийской политической оппозиции, возврат Дамаска в ЛАГ мог уничтожить процесс политического урегулирования в САР. Однако ее голос не был услышан даже в США, которые сдержанно относились к сирийской нормализации. Визит сирийских оппозиционеров (Бадр Джамус, Салем аль-Мусаллат, Ибрахим Берро, Анас аль-Абдо, Фадва аль-Оджели) в конце апреля 2023 г. в США стал для них сущим разочарованием. Заместитель Госсекретаря Барабра Лиф не приняла делегацию, несмотря на заранее оговоренную встречу. Вместо нее делегацию принял Итан Голдридж (отвечает в Госдепе за сирийское досье- А.В.). За исключением сенатора Т. Круза остальные американские законодатели сослались на занятость и не пришли на встречу. По мнению некоторых членов сирийской оппозиции КСА пыта-

лось сорвать визит сирийских оппозиционеров в США, особенно, после посещения Б. аль-Джамусом Эр-Рияда, где ему заявили о необходимости принять арабскую (саудовскую) инициативу по Сирии как основу будущего взаимодействия КСА с сирийской оппозицией. По оценке американской администрации, все отряды сирийской оппозиции находятся сегодня под плотной опекой турецких органов безопасности и в этой связи не могут представлять самостоятельный интерес для США. К тому же у оппозиции весьма напряженные отношения с курдской администрацией на севере САР. Часть сирийской оппозиции пытается организовать в США конференцию курдских политических сил Сирии с тем, чтобы добиться признания США этой группы как законного представителя сирийского народа.⁷¹

В мае 2023 года арабские министры иностранных дел единогласно проголосовали за восстановление членства САР в ЛАГ. Условия возвращения Сирии в арабскую семью были скорректированы на встрече в Аммане 1 мая 2023 с участием КСА, Иордании, Египта, Ирака и министра иностранных дел САР. Арабские страны потребовали от Б. аль-Асада выполнить положения резолюции СБ ООН № 2254, а именно — освободить политических заключенных, организовать поиск без вести пропавших, провести выборы в законодательные органы власти с участием международных наблюдателей. Сирийские власти должны были также сформировать коалиционное правительство, остановить поток наркотиков с сирийской территории в соседние арабские страны, освободить возвращающихся беженцев от тюремного наказания.

Примечательно, что накануне саммита Амман выступил с угрозами в адрес Дамаска, пообещав провести войсковую операцию на юге САР для пресечения наркотрафика.⁷² В марте 2023 года иорданские военные расстреляли группу сирийских наркоторгов-

⁷¹ Хусейн, А. (2023). Вашингтон-тусаддим-вафд-аль-муарада-аль-сурийя-ма-аляка-аль-саудия? [Вашингтон "бортует" делегация сирийской оппозиции. Какова (в этом) роль КСА?] май, 04. <https://www.almodon.com/arabworld/2023/5/4/> (дата обращения: 14.09.2023). На араб. яз.

⁷² Аль-Кодс. (2023). Халь-ялтазим-аль-низам-аль-сурий-би-шурут-аль-арабия?[Будет ли сирийский режим выполнять арабские требования?].Май, 07. <https://www.alquds.co.uk/> (дата обращения: 11.07.2023). На араб. яз.

цев на сирийско-иорданской границе. Ирак конфисковал большую партию наркотических веществ, которые пытались переправить через сирийскую границу. Оман, который считался одним из главных посредников в деле сирийской нормализации, пополнил свой террористический список лицами из близкого окружения Б. аль-Асада. Международные и сирийские правозащитные организации подтвердили факт ареста сирийских беженцев вернувшихся весной 2023 г. в Сирию из Ливана. Действия арабских стран можно было расценивать как прямое указание Б. аль-Асаду, что возвращение Сирии в арабскую семью должно сопровождаться выполнением требований арабских стран.

В канун решения ЛАГ, сирийский режим подавал вполне очевидные сигналы своего отношения к арабским посредническим усилиям. Во время работы Иорданского саммита (1 мая 2023 года) арабские министры столкнулись с жесткой позицией сирийского министра иностранных дел, который категорически отверг требования арабских стран как предварительное условие возвращения Сирии в лоно арабской нации. Ознакомившись с решениями Иорданской встречи, Б. аль-Асад публично потребовал от ее участников извиниться за вмешательство во внутренние дела суверенной Сирии. Вообще-то, еще весной 2023 года стало ясно, что возвращение Сирии в ЛАГ не обязательно пойдет по сценарию арабских монархий Персидского залива. Переговоры Б. аль-Асада в Москве в марте 2023 г. и исторический визит президента ИРИ И. Раиси в Дамаск 3–5 мая 2023 г. давали ясный сигнал о том, что у Дамаска есть своя межарабская повестка.⁷³

Арабские партнеры Сирии в Персидском заливе, прежде всего Саудовская Аравия, были обескуражены майскими торжествами в Дамаске по случаю визита в Сирию иранского президента И. Раиси. После «дипломатии катастроф» (февраль),⁷⁴ восстановления КСА отношений с Ираном (март) и Сирией (апрель), разноформатных арабских встреч по Сирии в Эр-Рияде и Джидде

⁷³ Атаван, Б. (2023). Сурия-лям-тугадир-аль-уруба-хатта-таъуд-иля-жамийъатиha [Сирия не откажется от арабизма чтобы вернуться ЛАГ]. Май, 07. <https://www.raiaalyoum.com/> (дата обращения: 10.05.2023). На араб. яз.

⁷⁴ Арабская гуманитарная помощь Сирии после землетрясения 6 февраля 2023 года.

(апрель), консолидированного арабского решения о возвращении САР в ЛАГ (май) иранский президент, игнорируя саудовское приглашение, приехал в Дамаск. Мало этого, во время торжественных мероприятий в Дамаске не было сказано ни слова об участии арабских монархий в гуманитарной помощи Сирии после землетрясения 6 февраля 2023, их роли в сирийском урегулировании, восстановлении страны. Саудовская инициатива по урегулированию сирийского кризиса была фактически проигнорирована, если не сказать, перелицована Тегераном в свою пользу.

Передача в фактическую собственность земельных участков и части жилого фонда в городских центрах (Дамаск, Халеб, Хомс, Хама, Латакия, Тартус) Москве и Тегерану на правах бессрочной аренды в счет погашения много миллиардных сирийских долгов, могла впечатлить кого угодно, не говоря уже о сирийской политической оппозиции. Только в ходе визита И. Раиси в Дамаск, в собственность ИРИ перешло около 5000 гектаров сирийских земель в различных районах страны.⁷⁵ По данным сирийской газеты «Аль-Ватан», в счет погашения долгов Дамаск был готов передать российским компаниям крупные контракты на добычу и разработку полезных ископаемых (нефти, газа, фосфатов). Данный вопрос обсуждался на встрече Б. аль-Асада в Москве с профильными министрами российского правительства. Тогда же сирийский президент призвал Москву расширить российское военное присутствие в Сирии. Сирийский президент предложил увеличить количество российских военных баз на сирийской территории.

Таким образом, Б. аль-Асад дал понять, что он признает сложившуюся в Сирии политическую географию и способен ее контролировать. Москва же может уделить больше внимания преодолению глобальных угроз. Выступая вместе с И. Раиси на праздновании победы «Оси исламского сопротивления» (Тегеран, Багдад, Дамаск, Бейрут, Газа) в борьбе за Сирию, Б. аль-Асад публично заявил об общей доктринальной основе сирийско-иранского альянса. Сирийский президент отметил, что ирано-

⁷⁵ Диб, О. (2023). Раиси-фи-димашк-ля-аль-рияд. [Раиси в Дамаске а не в Эр-Рияде]. Май, 04. <https://www.alaraby.co.uk/opinion/04.05.2023> (дата обращения: 09.05.2023). На араб. яз.

сирийские отношения насчитывают более 40 лет, отличаются стратегическим характером, прошли испытание тяжелыми для обеих стран временами. Сирия без колебаний поддержала Иран в его войне с Ираком, — вспоминал Б. аль-Асад. Сирийский президент послал ясный сигнал братским арабским странам, что Иран занимает приоритетное место в ближневосточной политике САР. Заявления сирийского президента содержали явный профессиональный подтекст. Посол ИРИ в САР Хусейн аль-Акбари дал понять, что в иранском руководстве крепнет уверенность в том, что визит И. Раиси обеспечит реализацию в Сирии и регионе, в целом, результатов борьбы Ирана за Ближний Восток.

На встрече И. Раиси с Б. аль-Асадом был подписан меморандум о взаимопонимании и долгосрочном всеобъемлющем сотрудничестве. Официальные иранские представители рассказали о достигнутых с Дамаском договоренностях увеличить численность иранских туристов (паломников) в САР до 50 тысяч против прежних 500 человек ежегодно.⁷⁶ Одним из важных вопросов сирийско-иранских переговоров стала проблема восстановления сирийской экономики. Накануне визита И. Раиси было сформировано около 10 консультативных комиссий по различным направлениям сирийско-иранского сотрудничества в ключевых сферах жизнедеятельности сирийского государства. В их задачу входила подготовка проектов соглашений, которые должны были быть подписаны в ходе визита иранского президента в САР. Так, в рамках комиссии по банковским и финансовым вопросам отрабатывались новые схемы взаиморасчетов, чтобы избежать негативного воздействия режима западных санкций. Комиссия по инвестициям приняла несколько инвестиционных проектов в электроэнергетической области под девизом перспективного строительства региональной энергетической системы с участием Ливана, Ирака и Турции.

В ходе работы транспортной комиссии был принят проект современных железных дорог, которые должны напрямую связать (иракский транзит) Дамаск и Тегеран. Одновременно были согласованы совместные проекты в области наращивания морских

⁷⁶ Аль-Кодс.(2023).Аль-Асад-изъан-ли-иран-ва-русия-ва-мутаалаба..., [Аль-Асад-"комплимент" Ирану и России и требование...]. Май, 04. <https://www.alquds.co.uk/>. Дата обращения: 12.05.2023. На араб.яз.

перевозок и строительства новых иранских портов (баз) в Сирии. Тегеран обещал профинансировать проекты развития сирийского каботажного судоходства. Важнейшей частью переговоров стало обсуждение вопроса о создании в САР надежного оборонительного щита против израильской авиации. Тегеран был готов в поставит в САР новейшие системы противовоздушной обороны для создания паритета в воздухе. Накануне визита И. Раиси иранские военные специалисты провели переговоры со своими российскими коллегами в САР относительно возможностей задействовать ранее поставленную Дамаску российскую систему ПВО «С-300», а также изучили перспективы закупок в РФ современных систем противоракетной обороны для Сирии.⁷⁷

По оценкам саудовских экспертов, визит И. Раиси открыл новую страницу в сирийско-иранских отношениях. За время сирийского конфликта характер ирано-сирийских связей кардинально изменился и сегодня мало напоминает отношения двух дружественных суверенных государств середины 1970 гг. Понятно, что визит И. Раиси в Дамаск проходил на фоне региональных сдвигов в контексте саудовско-иранского примирения и нормализации саудовско-сирийских отношений. Эр-Рияд надеялся, что Тегерану вполне должно хватить двух месяцев (с 10 марта 2023) чтобы выказать свои добрые намерения в отношении арабских монархий Персидского Залива. Однако, как показал визит И. Раиси в САР, Тегеран не собирается выводить свои войска и шиитские милиции из Ирака, Сирии, Ливана и Йемена. По мнению саудовских политиков, Тегеран и Дамаск хотят предать забвению события марта 2011. Однако больше всего руководителей ССАГПЗ насторожили звучавшие рефреном заявления иранских и сирийских представителей о победе над американской гегемонией на Ближнем Востоке. Тегеран расценивал последние сдвиги в региональной политике как ослабление позиций США на Ближнем Востоке и позиционировал визит И. Раиси в Дамаск как новый этап борьбы с гегемонией США в регионе. Заявление Б. аль-Асада о расширении российского военного присутствия

⁷⁷ Сидки, Б. (2023). Низам-аль-асад-юрассих-тамавадаха-аль-истратиджий... [Сирийский режим урепляет свой стратегический плацдарм...]. Март, 29. <https://chat.whatsapp.com/CkhL4b6whrkCiEwex7XWz8> (дата обращения: 16.04.2023). На араб. яз.

в САР насторожило США. Вашингтон расценивал действия сирийского президента как вызов американской военной мощи и европейской безопасности на юге Средиземноморья. Во время конференции стран доноров в Брюсселе, Вашингтон блокировал любое участие представителей из контролируемых режимом районов.⁷⁸ По данным саудовской разведки, США наращивали свое военное присутствие в регионе и готовили вместе с Израилем «блицкриг» в отношении сил «Исламского Сопротивления» в Ливане и Палестине. В этих условиях Дамаск вряд ли откажется от поддержки Тегерана.

В перспективе арабская политика Дамаска будет во многом определяться характером эволюции сирийско-иранских и арабо-иранских отношений, развитием политических систем этих стран, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Заметное влияние на региональную политику САР будет оказывать природа трансформации региональных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке. В этой связи, особую озабоченность вызывает социально-экономический кризис в САР и складывающаяся вокруг Дамаска конфликтотенная обстановка. В самой Сирии продолжается острое политическое соперничество, в основе которого лежат религиозные, идеологические, этнические различия, которые внешние акторы искусно используют для обеспечения своих интересов на Ближнем Востоке.

Таким образом, сирийское урегулирование выходит за пределы одной страны и служит своеобразным катализатором реформирования системы региональной безопасности на Ближнем Востоке.

⁷⁸ Сбор средств для оказания помощи странам пострадавшим от землетрясения 6 февраля 2023 года.

Заключение

На рубеже XX–XXI веков Ближний Восток пережил ряд крупных трансформаций общественно-политического характера. Окончание «холодной войны» и распад биполярной мировой системы обозначили новый этап в развитии международных отношений в регионе. На Ближнем Востоке обострилась борьба за влияние между крупными региональными и международными игроками. Политика этих государств мотивировалась желанием переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Вовлеченность ближневосточных государств в общемировые процессы глобализации и модернизации происходила на фоне эволюции характера действующих политических систем. Немало стран региона стояло на пороге передачи власти от одного правителя другому, от старого порядка к новым возможностям. В государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Вооруженные силы превратились в важнейший силовой инструмент политической власти.

Отличительной особенностью последних десятилетий XX века стало заметное усиление «исламского фактора» в общественно-политической жизни Ближнего Востока. В силу неразвитости демократических институтов государство на Ближнем Востоке было более слабым конструктом, чем такие социальные институты, как религия, об-

щина, семья. Несмотря на провозглашенный светский характер правления в арабо-мусульманских обществах был силен дух фундаментализма. В большинстве стран Ближнего Востока религия и религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Зачастую это происходило в противовес светскому судопроизводству, межобщинным, клановыми отношениями. В таком обществе религия оказывала существенное влияние на политику.

Политизация религии сопровождалась конфессиональными деструкциями, которые вводили религиозное пространство в состояние перманентного кризиса. Политизация ислама была связана с релятивизацией традиционных религиозных ценностей. На практике это выражалось в активизации радикальных исламских движений, представители которых стремились утвердиться во властных структурах государства. Специфика политического процесса затронула сферу духовной жизни ближневосточных народов. Это привело к серьезным сдвигам в сознании людей.

Таким образом, в канун «Арабской весны» большинство ближневосточных стран находились на переходном этапе развития. Многие государства были политически раздроблены. В обществе формировался отчетливый запрос на сильное, социально ответственное государство, которое могло бы обеспечить эффективный контроль, как за ходом реформ, так и процессом демократизации. В тоже время власть аккумулировалась в руках различных кланов и властных команд.

Правящие режимы стремились сохранить сложившийся баланс сил, особенно, позиции военных, от которых напрямую зависела проблем смены власти и сохранения правящих элит. Между формирующимся гражданским обществом и властью сохранялось немало противоречий. В результате возможности ближневосточных руководителей противостоять внешним и внутренним вызовам оказывалась по многим параметрам ограниченными. В значительной степени это объяснялось спецификой формирования и развития ближневосточных государств. «Арабская весна» круто изменила ход политического процесса в странах Ближнего Востока, спровоцировала не-

гитивные тенденции в общественно-политическом развитии ближневосточных государств и серьезно дестабилизировала внутривосточную ситуацию в регионе. На протяжении последних десятилетий Ближний Восток являлся одним из самых беспокойных регионов мира. Степень конфликтности в регионе имела ярко выраженную тенденцию к росту. Возникновение новых конфликтов замешанных на старых политических дрожжах вело к разрушению политических систем и институтов государства.

В результате размывались национальные границы, рушились суверенитеты, видоизменялась парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекалось на поиск новой самоидентификации. Оказавшись в фокусе мирового внимания, ближневосточные государства боролись за сохранение собственной государственности и национального суверенитета. Ярким примером может служить Сирия.

Сирийский кризис продолжается около 13 лет и приобрел исключительный характер. В условиях развития гражданского противостояния выстроенная Х. аль-Асадом модель государственного управления оказалась серьезно подорванной. Деформация властной конструкции, основанной на сложной системе сдержек и противовесов, ослабила режим и осложнила урегулирование конфликта на ранних этапах. Эскалация вооруженного противостояния фактически разрушила основные институты государства. Значительные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения. Многие районы страны сделались легкой добычей экстремистских группировок. Сирия превратилась в источник международного терроризма.

На рубеже 2022–2023 гг. режим Б. аль-Асада одержал убедительную победу над вооруженной оппозицией. Практически вся территория перешла под контроль сирийских властей. В развитии сирийского кризиса начался новый этап политического урегулирования и социально-экономической реконструкции. Несмотря на некоторые успехи Б. аль-Асада по нормализации положения в стране, общая ситуация в государстве и обществе

остается сложной. Военно-политическая обстановка в САР отличается лабильным характером.

Сущностное содержание развития страны содержит много элементов непредсказуемости. В Сирии сохраняется политическое соперничество, в основе которого лежат внутренние религиозные, идеологические, этнические противоречия. Сегодня Сирия расколота политически на зоны влияния региональных и международных сил. Под вопросом остается сохранение единства территории и перспективы правящего режима. Тяжелое социально-экономическое положение в САР служит барьером на пути политического урегулирования. Экономический кризис может в любой момент обернуться политическим поражением режима.

Кризис в САР, его характер и последствия нарушили региональный баланс сил. В кризисных условиях власти использовали армию для решения конфликтов, как на религиозной, так и светской основе. Подобная практика порождала расхождение между правящими режимами и официальным исламом, который их легитимировал и обслуживал властные интересы. В результате официальный ислам стал неоднозначно восприниматься в гражданском обществе и в офицерском корпусе, в частности. Выход на политическую арену радикальных исламистских движений изменил политический облик Ближнего Востока.

Радикальные исламисты выступали за возврат к священным основам ислама, что предопределяло сохранение устойчивой мотивации определенной формы джихада как войны против искажений истиной веры. В контексте конфликтного потенциала Ближнего Востока конфессиональные деструкции принимали форму религиозно-политических конфликтов. Возрождение религии в качестве причины вооруженных конфликтов вело к изменению обычаев войны, трансформации регулярных армий. Вооруженные религиозные конфликты становились важным элементом политического противоборства на Ближнем Востоке, принимая форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн.

В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распрей в силу чего они могли прини-

мать затяжной и латентный характер. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей. Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую правила ведения боя. Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные на подобии повстанческих армий и милиционных сил. Религиозные милиции имели общую экзистенциальную основу. Она была образована из паттернов религиозной доминанты, внедренных в их политическое сознание путем хитроумных манипуляций и психологических установок.

В то же время нерегулярные вооруженные отряды отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идейно-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. В условиях вооруженной конфронтации регулярные армии утрачивали свое традиционное предназначение как защитника народа и государства, перерождаясь в параллельные войска и религиозные милиции, которые охраняли правящую власть. Распространение новых видов войны было чревато уничтожением государства как института. На смену государству-нации могли прийти военные организации нового типа. Идущие в регионе процессы трансформации войны и эволюции национальных вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей внешней, религиозной экспансии в регионе.

Борьба за Сирию обострила ближневосточный конфликт, участники которого рассматривали сирийские события как новую возможность укрепить свои региональные позиции в рамках начавшегося процесса реформирования Ближнего Востока. Сегодня вооруженное противостояние в Сирии постепенно отходит на задний план, отдавая приоритет острому соперничеству ведущих мировых держав и крупных региональных игроков за Ближний Восток. Сирийский кризис обострил характер

арабо-иранских отношений и придал новые измерения арабо-иранским разногласиям. Вооруженное вмешательство Ирана в ряд арабских стран существенно изменило характер борьбы за Ближний Восток.

Сегодня характер наиболее острых конфликтов в регионе и основные параметры их урегулирования в немалой степени определяются политикой Ирана в этом стратегически важном районе мира. Вооруженный конфликт в САР усилил ирано-израильскую конфронтацию, придав ей новые формы. Если в последние десять лет Тель-Авив и Тегеран практиковали «войну теней», которая в основном не выходила за пределы Леванта, то к концу 2022 г. ситуация заметно изменилась. Война разведок и диверсионных подразделений двух стран охватила территорию Ирака, Аравийского полуострова, Турции, Азербайджана. Появившиеся весной 2023 года позитивные признаки в развитии региональной ситуации не смогли снизить накал ирано-израильского противостояния. В октябре 2023 года союзные Ирану силы «Исламского Сопротивления» Газы нанесли ракетные удары по израильским поселениям в Палестине. На Ближнем Востоке вновь ожил призрачный «Большой Войны».

Урегулирование сирийского кризиса является важным фактором, определяющим конфликтный потенциал региона. Затянувшийся процесс сирийской нормализации вызывает обеспокоенность ближневосточных государств. Отсутствие внутривнутриполитической устойчивости в САР чревато дестабилизацией обстановки в других странах Ближнего Востока. Сохраняющаяся напряженность в арабо-иранских отношениях, эскалация вооруженного конфликта между Израилем и силами «Исламского Сопротивления» в лице ХАМАС и «Хезболлы» могут серьезно затормозить процессы сирийской нормализации. Таким образом, сирийское урегулирование выходит за пределы одной страны и служит своеобразным катализатором реформирования системы региональной безопасности на Ближнем Востоке. Складывающаяся сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке диктует необходимость выработки новых подходов к ее оценке и адекватному восприятию быстро меняющихся реалий.

Ситуация на Ближнем Востоке является не только предметом интереса внешней политики России, но затрагивает вопросы национально-государственной безопасности Российской Федерации. В этих условиях ближневосточная политика России приобретает новые измерения. Наряду с цивилизационными, гуманитарными, культурными аспектами развития отношений с ближневосточными государствами, особое значение приобретает задача создания на Ближнем Востоке надежных военных, экономических, политических позиций России.

Summary

At the turn of the XX–XXI centuries, the Middle East passed through a number of major socio-political transformations. The end of the Cold War and the collapse of the bipolar world system marked a new stage of international relations in the region. Middle East witnessed struggle for influence between major regional and international players which politics were motivated by force and desire to shape the regional balance of power in their own interests.

The involvements of Middle Eastern states in globalization processes have turned out with the evolution of existing political systems. Many countries in the region were on the verge of transferring power from one ruler to another, from the old order to new opportunities. The military had been actively involving in politics. The armed forces have become the most important political instrument of Arab rulers. A distinctive feature of the last decades was the noticeable strengthening of the “Islamic factor” in the socio-political life of the Middle East.

The lack of democratic institutions in the Middle East determined weakness of the state in comparison with such social institutions as religion, community, and family. In contrast with proclaimed secular nature of government, the spirit of religious fundamentalism remained strong in Arab-Muslim societies. Muslim clerics actively influenced state’s identity, power na-

ture and legislative practice. In Muslim-Arab societies religion significantly influenced on politics.

The politicization of religion was accompanied by confessional destructions, which brought the religious space into a state of permanent crisis. The radicalization of Islamic movements forces their leaders seek power in the Middle East. The specifics of the political process affected the sphere of spiritual life of the local population and marked a serious shift in people's consciousness. On the eve of the Arab Spring, most Middle Eastern states were politically fragmented. There was a clear demand in society for a strong, socially responsible state that could provide effective control over the progress of reforms and democratization.

At the same time, power has been still accumulated in the hands of various clans and power teams. The ruling elites strived to maintain the existing balance of power, preserving the position of military which determined the power changing processes. As a result, the ability of Middle Eastern leaders to confront external and internal challenges was limited in many ways. The "Arab Spring" radically changed the course of the political process in the Middle East and seriously destabilized political situation in the region. Over the past decades, the Middle East has been one of the most turbulent regions in the world. The degree of confrontation in the region had a pronounced upward trend. The emergence of new conflicts with an old political background led to the destruction of local political systems and state institutions.

As a result, states borders were blurred, sovereignties were destroyed, the paradigm of new state building was modified, and society was doomed to search for a new self-identification. Finding themselves in the focus of the Syrian crisis, the Middle Eastern states fought to preserve their national sovereignty.

The Syrian crisis shaped a new phase of political and military struggle for the Middle East. The Syrian crisis has been lasting for about 13 years and has become exceptional case in contemporary Mideast politics. The social protest in Syria has begun in March 2011 as peaceful movement and later degenerated into a bloody civil war. Syria was pushed into both a secessionist upheaval and the breakdown of the population's national identity. Syria's former political

system and its institutions have been demolished and the country's new environment has made them incapable of having an impact on the conflict without foreign assistance. The Syrian crisis categorized by the traditional distinction between the country's urban and rural environments. It is well known that the provincial centers were the breeding grounds of the revolution. This can be explained by the fact that the army and the security forces originally lost their authority among the population exactly in those centers.

The situation before the uprising was complicated by the sudden socio-economic deterioration among the population in the periphery due to several years of dry spells, as well as the crippling drought of 2010. Consequently, some 1 million bankrupted farmers and unemployed villagers began moving to Syria's major population centers right before the uprising. The unrest in Syria showed the full extent of the severity of the division of the former alliances in the region. As events developed in Syria many regional and international actors considered it as a good opportunity to rid Syria of al-Assad. Iran feared that regime change in Syria could undermine Iranian interests in the region. In the wake of crisis aggravation in Syria and the hostilities in Iraq caused by "Islamic State's" revolt, the component of direct force in Iranian foreign policy began to prevail.

This gave an impetus for military intervention in Syria and Iraq to safeguard Iranian security and preserving regional power balance in favor of Iran. Iran increased its military presence in Syria through IRGC and Artesh's regular units and Shiite militia. The appearance of Russia's Aerospace Forces (RAF) in the fall 2015 helped to start improving the situation. In less than a year, the territory under Syria's control grew to 35–40% of the country's territory. Russia's effective diplomatic campaign (ceasefire, de-escalations Astana agreements) combined with military efforts played a decisive role in keeping al-Assad in power and reasserting regime influence across Syria. Coordinated military and diplomatic efforts helped Moscow to achieve all its primary goals, securing Russia's long-term strategic influence and reduce U.S. rivalry in Syria. Russia's diplomatic activity in Astana (Kazakhstan) assisted Moscow to maximize its advantages and facilitate gains at the international negotiating table (Geneva). The 20th round of Astana meeting's

(June 2023) statement rejected unilateral sanctions that violate international law, international humanitarian law, and the UN Charter. This statement implies the potential development of regional, international stance favoring easing of sanctions on Al-Assad's regime and reaffirmed opposition to bypass the regime and Russia's approval. Moscow continues to support regime forces securing stability of Damascus (with suburbs) and Russian basing in western, northeastern Syria.

Those issues and many others formed a subject of academic research by V. M. Akhmedov (Ph.D.), senior researcher in the Moscow based Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science in his new book **“The Middle East on the boundary of centuries (the end of XX – 2020th of XXI). The Developments of Political Processes and the Syrian Crisis”**. The main research's goal shaped by comprehensive study of the new developments in Mideast politics in context of the struggle for Middle East caused by eruption of the Syrian crisis. Main attention is paid to investigate reasons and essences of the major transformations in the regional political processes.

The research study of the nature and specificity of the regional political developments helped the author to group most influential factors in explaining specificities in developing regional, international relations in the Middle East. Akhmedov stresses that the Syrian crisis brought to policy new social strata. The entry of radical Islamist movements into the political arena has changed the political face of the Middle East. Radical Islamists proclaimed return to the sacred foundations of Islam, which formed strong motivation for a certain form of jihadist activities. In view of the conflict environments of the Middle East, religious destruction acquired the form of religious and political conflicts.

The revival of religion as a motive of armed conflicts led to changes in the customs of war and transformed the structure of regular armies. Armed religious conflicts have become an important element of political confrontation in the Middle East, taking the form of low-intensity conflicts (LIC) or hybrid wars. These conflicts were based on deep historical roots of confessional and ethnic strife, due to which they could take on a protracted and latent character. The specifics of

LIC in the Middle East were determined by a group of factors. To the extent that war was seen as an instrument of religion, the right to declare it became the privilege of religious parties and movements, rather than of the state and secular authorities.

An author considers that religious criteria determine the composition of conflict's actors, the laws and rules of war. The non-state actors in such conflicts were armed groups modeled after rebel armies and militias. Religious militias had a common existential basis. It was formed from patterns of religious dominance, introduced into their political consciousness. At the same time, irregular armed groups differed in their origin, religious affiliation, principles of indoctrination, ideological and political attitudes, and relations with regional governments and political forces.

As religious strife developed, regular armies lost their traditional purpose as state's protectors, degenerating into parallel troops and religious militias. The spread of new types of war was fraught with the destruction of the state as an institution. The nation-state could be replaced by a new type of military organization. The ongoing evolution of regular armed forces formed facilitated external religious expansions in the region.

Akhmedov states that despite al-Assad's victory over opposition, situation in Syria remains difficult. Syria politically divided into zones of regional, international influences, and experiences internal rivalry based on sectarian differences. Because of the crisis, more than 6 million Syrians left the country and exited productive cycle of the Syrian economy. The oil, gas production practically stopped and GDP's rates in 2022 was less than a quarter of its 2010 level. Economic crisis led to decline in living standards and high poverty of local population. Growing social split has reached its peak. The demolished state institutions, depletion of administrative resources complicate regime's ability to manage current situation.

Meanwhile, the crisis affected al-Assad's regime to a lesser extent than the state and social institutions. The Syrian regime holds power rearranging its civil-military features and reshuffling power elites, placing them under strict personal control of the head of state. In 2021–2023 Syrian regime carried out reforms in armed forces and conducted massive reshuffles in officer corps in order to ensure their

personal loyalty to B. Al-Assad and incorporate 25% of pro-Iranian militias (Local Defense Forces) in the Syrian Army. B. Al-Assad abandoned the idea of disbanding numerous Shiite militias, fearing their possible insurgent strives, and adopted the tactic of their absorption into national armed forces.

The consequences of the earthquake (February 2023) revived protest movements in northeast Syria where pro-regime forces face stability challenges. Despite the military defeat of Islamic State, terrorist's threat began reemerging in northeast Syria where Syrian Democratic Forces had to counter Turkish military. Radical Islamists (Tahrir al-Sham) continue guerilla attacks on pro-regime targets in northwest Syria.

The Syrian Crisis created new security, political environment that emphasized complicity of regional and international relations in the Middle East. The author admits that process of ongoing changes in the Arab politics could not be considered apart of the continuing confrontation between Iran and the Arab monarchies of the Persian Gulf, on one hand, and between Iran and the Israel and USA, on the other. The Syrian Crisis intensified the Iranian-Israeli confrontation. In the last ten years Tel Aviv and Tehran waged a "proxy-wars", which did not extend beyond Levant.

By the end of 2022 the situation had noticeably changed. The war of Iran-Israelis' intelligence agencies covered the territory of Iraq, the Arabian Peninsula, Turkey, and Azerbaijan. The positive signs in regional developments that appeared in the spring of 2023 could not reduce the intensity of the Iranian-Israeli confrontation. In October 2023, Islamic Resistance allied Hamas launched missile attacks on Israeli settlements in Palestine.

Middle East shadowed once again with the ghost "Long War". Akhmedov shows that Iran's armed intervention in a number of Arab countries has changed significantly the struggle for the Middle East. Iran used its "Coups de force" in order to facilitate and accelerate the process of socialization of Shiite communities, to increase their influence in Arab society, and create positions in the political systems of these states.

Akhmedov studies the main spheres of Iran-Arabs interactions in the region and Syria, especially. The ongoing clashes in different parts

of Syria and continued Israeli attacks on Iranian objects proved, that Iran wasn't going to reduce its military presence in Syria, but is striving to expand positions in Syria, and undermine Sunny-Israeli alliance in the region. Akhmedov V. M. came to conclusion that the future of great-power competition in the Middle East plays important role in shaping Iranian vision of its military activities in the region.

Syria's geostrategic position positioned the resolution of the Syrian crisis as an influential factor of regional conflict potential. The spring 2023 brought some positive developments in regional situation. The resumption of Iran-Saudi, Syria-Saudi diplomatic relations signaled the end of Syria's international isolation, facilitated the process of Syrian reconciliation, and provided Damascus's return into the Arab's family. The political and economic blockade of the regime began to crumble.

The Saudi-Iranian normalization shaped the process of Arab-Iranian rapprochement, restricted U.S. attempts to retain its shrinking regional influence, complicated broader implementation of the U.S. guided plans to establish Israeli-Sunny anti Iranian alliance (Abrahams accords). American withdrawal from Afghanistan (2020), Iraq (2021) favored further decline of U.S. leading role in the region. Key regional players (Iran, Saudi Arabia, and Turkey) strive to achieve bigger influence within the former US interest zone. The Arab states did not see an active American role in security guarantees in the Gulf regarding the duration of US support. A positive Arab approach to Tehran's initiative on regional security system under Russian and China's tutelage marked the beginning of a new world order in the Middle East. The regional political and military developments ended with the return of Damascus in Arab "family" in May 2023.

Nevertheless, considering differences among Arab states, Damascus have many chances to remain a player in Arab politics and potential counterweight to key regional players. This role could be enhanced if Syrian regime manages to justify vital expectation of the Syrian people, achieve peace in Syria, balance its relations with Iran, Turkey and Israel and finally emerge from its international isolation. If, however, military conflict lasts, Syria could become so weakened that it would become irrelevant to Arab and regional politics.

Should Damascus avoid this choice, the state of its relationship with Arab countries will be considerably influenced by the changing dynamics of intra-Arab politics and the changing balance of power in the Middle East.

Meanwhile, the fragile stability in the Middle East hinders the process of political settlement and economic reconstruction in Syria. Israeli Special Military Operation in Gaza generated significant implications on international relations in the Middle East. Although most Middle East countries hadn't yet introduce sanctions against Israel and avoided delivering military support to Hamas, they strived to preserve balance in their relations with U.S.A., on one hand and Iran, Islamic Resistance Axis, on the other. The ongoing confrontation between Israel and Hamas in Gaza may acquire a broader character, spreading far beyond Palestine.

Under these conditions, Russia's Middle East policy acquires new dimensions. The current situation in the Middle East prescribes developing new approaches to its assessment and adequate perception of rapidly changing realities. Along with developing civilization, humanitarian, cultural aspects in Russia-Arab relations, the task of creating sustainable military, economic, and political Russian positions in the Middle East to contain the hostile actions is of particular importance.

Аннотация

Монография В. М. Ахмедова «Ближний Восток на рубеже столетий (конец XX — 20-е годы XXI в.). Динамика политического процесса и кризис в САР» представляет собой инновационное комплексное исследование эволюции региональных, международных отношений на Ближнем Востоке в условиях обострения конфликтного потенциала региона, вызванного сирийским кризисом. Целью работы является всестороннее исследование характерных черт протекания современного ближневосточного политического процесса.

Хронологические рамки работы охватывают период с момента окончания «холодной войны» до настоящего времени. Действительно, с момента крушения биполярной системы в развитии Ближнего Востока произошли качественные и структурные изменения на региональном и субрегиональном уровне. В монографии исследуется природа конфликтного потенциала региона, дается анализ сущности и императивов политики региональных, международных акторов ближневосточного политического процесса.

Проанализирована специфика сущностных характеристик развития Ближнего Востока, а также воздействие сирийского конфликта на геополитическую динамику региона. Автор изучает влияние внутренних и внешних факторов на политизацию религии и развитие радикальных, экстремистских

тенденций в общественно-политической жизни ближневосточных государств. Предпринята попытка выявить предпосылки зарождения движений экстремизма на Ближнем Востоке.

Рассмотрены основные факторы исламизации арабского национально-освободительного движения и особенности эволюции общественно-политического сознания ближневосточного социума. Автор отмечает органическую взаимосвязь исламистского феномена с событиями в Сирии как основном объекте регионального, международного соперничества.

Подробно исследованы причины эволюции обычаев войны, характер трансформации вооруженных сил ближневосточных государств в условиях эскалации религиозно-политических конфликтов в регионе. Дан анализ негосударственных вооруженных формирований Сирии и Ирака, рассмотрена специфика конфликтов низкой интенсивности в условиях борьбы за Ближний Восток. Изложенные выше положения объясняют причину избрания автором указанной темы исследования.

Достижение поставленной цели осуществлялось на основе оригинальной теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям. Ведущим методом исследования послужил синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений. В рамках избранного метода исследования автор проанализировал эволюцию региональных, международных отношений на Ближнем Востоке на рубеже столетий.

Автор обращает внимание на особенности внутреннего положения в ряде ближневосточных стран. Показывает специфику развития политических и управленческих институтов государства в региональном и международном контексте. Успешное разрешение поставленных задач предполагало синтез системно-исторического, конфликтологического, культурологического и структурно-функционального анализа.

Изучение характера эволюции региональных отношений дается с учетом основных характеристик политики ближневосточных государств, а также факторов, влияющих на их поведе-

ние. Автор проанализировал ключевые элементы политической структуры ряда стран, их идеологию, географию, исторический опыт, демографию и ресурсную базу. В рамках системного подхода изучены факторы, влияющие на возможности выбора зависимых и слабых государств (Ливан, Сирия, Ирак) в условиях сирийского кризиса. Ахмедов В. М. констатировал, что сложившаяся система международных отношений отличалась значительным неравенством государств.

Большинству небольших арабских стран приходилось выстраивать «отношения зависимости» от крупных региональных и мировых держав, что подрывало их возможности действовать самостоятельно. В контексте конструктивистского подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, общественного дискурса, в определении поведенческого стереотипа ключевых участников сирийского конфликта. Ахмедов В. М. пришел к выводу, что категории национальной идентичности и идеологии (светской и религиозной) важны с точки зрения изучения некоторых аспектов политики ближневосточных государств.

Однако эти категории сами по себе не могут служить факторами определявшими характер региональных, международных отношений на Ближнем Востоке в условиях сирийского кризиса. В этой связи автор исследовал внутренние категории, определявшие внешнюю политику крупных региональных стран. Для исследования динамики ирано-израильских и арабо-иранских отношений автор рассмотрел с позиций реализма системы власти и безопасности в Иране, Сирии и Ираке. Автор сделал вывод о том, что в условиях обострения борьбы за Ближний Восток Иран, прежде всего, заботился о сохранении баланса сил и учитывал виртуальность начала масштабного конфликта с США и Израилем. С учетом избранной темы и метода исследования автор разработал оригинальную исследовательскую концепцию и адекватную ей структуру работы.

В результате автор сосредоточился на решении основного исследовательского вопроса о природе эволюции политического процесса на Ближнем Востоке, в контексте которого были рассмотрены основные параметры сирийских событий. Автор подробно исследовал роль и структуру силовых структур Сирии

и Ирака в кризисных условиях, характер их взаимодействия с иранскими вооруженными силами и шиитскими милициями. Сделан подробный анализ эволюции конфессионального пространства ряда арабских стран, как мотива вооруженного вмешательства региональных, мировых держав в их внутренние дела. Подробно изучены особенности иранской вооруженной операции в этих арабских странах.

Автор подвел предварительные итоги вооруженного конфликта в САР и обозначил сирийскую перспективу в контексте исследования проблемы арабо-иранских отношений. Ахмедов В. М. констатировал усиление политической роли военных в арабских странах и сделал вывод о том, что высокий уровень участия военных в политике ближневосточных государств определялся расстановкой сил внутри этих стран и их культурно-историческими традициями. Исследованы инструменты, с помощью которых правящие режимы добивались лояльности армии и органов безопасности.

Наряду с профессионализмом и личными качествами, политический конформизм, конфессиональные признаки определяли продвижение по службе. Повысилась роль спецслужб и специальных войск для контроля над армией. Несмотря на относительную самостоятельность военных в условиях кризиса, армия находилась под жестким контролем спецорганов с сильно выраженными признаками конфессиональной и земляческой общности. Сделан вывод о том, что в результате внедрения в вооруженные силы региональных стран соответствующей политической, религиозной идеологии, они превратились в идеологические армии. Особое внимание автор уделил роли этнических и религиозных факторов в эволюции военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке.

Ахмедов В. М. констатировал, что в кризисных условиях идеологические армии нередко перерождались в конфессиональную силу, защищали интересы правящих элит и служили инструментом конфессиональной экспансии. В Иране элитные войска (КСИР) контролировались духовенством в лице духовного лидера ИРИ и послужили идеологической и организационной моделью создания проиранских вооруженных формирований на

Ближнем Востоке. В Сирии военные проводили в жизнь собственные политические решения правящего алавитского меньшинства с использованием силы оружия или угрозы ее применения. Отмечается, что инкорпорирование шиитских милиций ИРИ в регулярные части арабских армий изменило их идеологическую основу и принципы индокринации личного состава арабских вооруженных сил.

Наряду с социальными и институциональными аспектами активности военных, немалую роль играл субъективный фактор и психологическая мотивация действий офицерского корпуса на политической арене. На примере ряда арабских армий и иранском опыте использования шиитских милиций показано как национальные особенности людей оказывали влияние на армию. Констатируется, что в арабских странах и Иране природа правящей элиты определяла военно-политический курс и выбор военной силы, методы вооруженной борьбы. В работе также рассмотрена деятельность различных отрядов «Исламского Сопrotивления» в условиях сирийского конфликта.

Автор исследовал политическую роль ливанской «Хезболлы», «Братьев-мусульман» Сирии и Египта. Рассмотрено участие суфиев и салафитов в сирийском кризисе, борьба с ИГИЛ в САР и Ираке. Дан анализ внутренних факторов политики региональных стран на Ближнем Востоке и влияние гражданской войны в САР на изменение характера международных отношений на Ближнем Востоке. Изучены последствия иранской вооруженной активности в регионе в контексте эволюции отношений ИРИ с Израилем, Турцией, арабскими монархиями Персидского залива. В современных условиях развития Ближнего Востока предложенная тема отличается актуальностью, новизной, имеет практическую значимость.

Проведенный автором анализ влияние сирийского кризиса на эволюцию конфликтного потенциала Ближнего Востока развивает исследования отечественных ученых по данной проблеме. Изучение характера эволюции региональных конфликтов на Ближнем Востоке, основных параметров общественно-политического сознания, динамики исламистских движений,

трансформации природы войн дополняют имеющиеся исследования.

Работа Ахмедова В. М. отличается новизной, использованием широкого круга источников на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Монография имеет практическую значимость для российских внешнеполитических ведомств и может быть использована в курсе лекций по восточковедной проблематике.

Библиография

ИСТОЧНИКИ, АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СТАТИСТИКА,
СПРАВОЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ,
МЕМУАРЫ

1. Аль-Маджмуа аль-Ихсайя. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк., 1980, 1981, 1985, 1986, 1988. 1999, 2011 (на араб. яз.).
2. Аль-Марказ Дирасат аль-Исламийя. Димашк. 2006 (на араб. яз.).
3. Ан-Нашра ли-т-таадад ас-сукканийя ва-ль-ихса'и аль-мабани'а фи ам 2004 фи-ль-манатык ва-р-риф димашк. Аль-мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, 2007 (на араб. яз.).
4. Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса. Шиитские секты. Пер. с Арабского, исслед. и комментарии С. М. Прозорова. Изд-во «Наука». М., 1973.
5. Ал-Хасан ибн Муса Ан-Наубахти. Шиитские секты. М., 1973. С. 256.
6. Аш-Шахрастани Мухаммад ибн Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984.
7. Мухаммед Казим. Наме-йи аламара-йи надири (Мироукрошающая надирова книга). Т. 1–3. М., 1960–1966.
8. Al-Mesbar Studies & Research Center, Second edition. Dubai, February 2001.
9. Carnegie Middle East Center, 2012. –2017.
10. Euro MeSCo Papers, 14, December 2001.
11. Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG. 2022.

12. Handbook to the Modern World. The Middle East. Facts on File Publications. N.Y., 1988.
13. Human Rights Council. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Situation of Human Rights in the Syrian Arab Republic. United Nations General Assembly, A/HRC/18/53, September 15, 2011
14. Human Rights Watch. We Live as in War: Crackdown on Protesters in the Governate of Homs, New York, November 2011.
15. Human Rights Watch. Attacks on Ghouta: Analysis of Alleged Use of Chemical Weapons in Syria, New York, September 2013.
16. Human Rights Watch. World Report 2019: Syria, Events of 2018, New York, 2019.
17. Middle East Economic Survey (MEES), 1996.
18. Middle East Economic Digest, 22.12.2000.
19. Middle East Insight, September October, 1994,
20. New York Times Archives. Syrian Chief is said to thwart planned coup. New York Times, 6 February 1982. <https://www.nytimes.com/1982/02/06/world/syrian-chief-is-said-to-thwart-planned-coup.html/>.
21. Pew Research Center. Mapping the Global Muslim Population: A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population. Washington, D.C., October 2009. <https://www.pewforum.org/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/>.
22. Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu, 21.01. 2018, <https://fararu.com/fa/news/>. [на перс.яз].
23. The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013
24. Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муатамар аль-кутрий ас-самин. Димашк, 1985. На араб.яз.
25. Маджлис аль-вузара. Визара-аль-сынаа. Аль-джумхурия аль-арабийя-аль-сурия. (2023). Совет министров САР. Министерство промышленности.(2022).Миляр-ва-820-мильон-лира-арбах-аль-муъасаса-аль-амма-ли-т-танбах-ли-ль-ам-аль-мадый. Июль,15. <https://bit.ly/3bsHfUp>. На араб. яз.

Монографии и статьи

26. Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941. М., 1971.
27. Алиев С. А. К национальному вопросу в современном Иране. В. Сб. Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964.
28. Арабаджян А. З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). М., 1991.
29. Ахмедов В. М. Политический облик режима // Азия и Африка сегодня. № 8. 1999. С. 9–16.
30. Ахмедов В. М. О роли правящих элит арабских государств в вопросах устойчивости и качества регионального политического порядка. Политическая элита Ближнего востока. М., ИИИиБВ, 2000, с. 18–25
31. Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // «Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции». М.: МГУ им. Ломоносова. 21.03.2002.
32. Ахмедов В. М. Армия и политика в современной Сирии. Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ахмедов В. М. М.: ИИИиБВ, 2002. С. 153–188.
33. Ахмедов В. М. Офицерство в общественно-политической жизни стран Ближнего Востока. Офицерский корпус ближневосточных государств. Сб. статей. Ответ. ред. Ахмедов В. М., Юрченко В. П., М.: ИИИиБВ, 2004. С. 3–23.
34. Ахмедов В. Особенности политической культуры и делового этикета в Египте в эпоху глобализации и модернизации. В сборнике « Политическая культура и деловая этика стран Востока». М., 2006, с. 299–313.
35. Ахмедов В. М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2012. С. 72–91.
36. Ахмедов В. М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока

- и его эволюция в условиях сирийского восстания.(90-е гг. XX — начало XXI вв.). Институт Ближнего Востока. Москва. 2015.
37. Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. ИВ РАН. М., 2018.
38. Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Москва. Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.
39. Ахмедов В. М., Кулагина Л. М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.). Москва. ИВ РАН. 2021.
40. Ахмедов В. М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток(1990–2020-е гг.). Москва. ИВ РАН. 2022.
41. Бабкин С. Движение политического ислама в Северной Африке. М., 2000.
42. Бабуркин С. А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 1994.
43. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. Москва, 1966.
44. Белокреницкий В. Я., Каменев С. Н., Мамедова Н. М., Орешкова С. Ф., Ульянов Н. Ю. Нации и национализм в мусульманском мире. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2, 2015.
45. Белокреницкий В. Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане. Религия и общество на Востоке. М. 2015.
46. Беляев И. П., Примаков Е. М. Египет: время президента Насера. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1981.
47. Бондарь Ю. М. Сажин В. И. Военная мощь Исламской Республики Иран. Москва. 2014.
48. Васильев А. М. Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М. 2008.
49. Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм. История и современность. М. Ленанд. 2015.
50. Видясова М. Ф. Умеров М. Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002.

51. Воскресенский А. Д. Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы. М., 2015.
52. Горбунова Н. М., Иванова И. И. Турция и Ливан в системе региональных противоречий и конфликтов на Ближнем Востоке. Восточная аналитика. № 4, 2020.
53. Долгов Б. В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021.
54. Донцов В. Е. Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений. М., 2001.
55. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.
56. Дунаева Е. В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности. Религия и общество на Востоке. № 1. 2017. <https://bsv.ivran.ru/articles?artid=9630>.
57. Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. 2018.
58. Жигалина О. И. Этно-социальная эволюция иранского общества. М., 1996.
59. Замараева Н. А. О некоторых аспектах пакистано-иранского сотрудничества. В Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М. 2013.
60. Звягельская И., Тюкаева Т. Палестинская проблема в контексте меняющегося баланса сил // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2(61). С. 80–95. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-2-80-952>.
61. Иваненко В. Влияние религии на боеспособность армий АРЕ и Сирии // Политическая роль армий в «третьем мире». Специальный бюллетень, № 12 (151), 1973 / науч. ред. Б. Г. Сапожников; ИВ АН СССР. М.: Вост. лит., 1973. С. 47–72.
62. Иванова И. И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. Восточная аналитика. № 4, 2020.
63. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965.
64. Игнатенко А. А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке // «Исламский фактор»

- в международных отношениях в Азии (70 — первая половина 80-х годов). М., 1987.
65. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1988.
 66. Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации. Сборник по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки», 2019.
 67. Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 Г.). — Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2018.
 68. Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ. В Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.
 69. Кириченко В. П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003). Россия и мусульманский мир. No 11. 2015.
 70. Косач Г. Г. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке, М., 2001; Пырлин Е. Д. Место и роль исламского фактора в политике США на Ближнем и Среднем Востоке в конце XX века // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке, М., 2001.
 71. Котлов Л. Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. М., 1986.
 72. Кузнецов В. А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток (Опет), 2017, № 3. С. 25–37.
 73. Кузнецов В. А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, Религия, Церковь. № 3 (35), 2017. С. 85–111.
 74. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

75. Кузьмин В. А. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX- начале XXI веков. Научный диалог. Кузьмин В. А. Соколов Н. В. № 8. 2017.
76. Кулагина Л. М. Иран во второй половине XIX- начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). Книга 2. М., 2005.
77. Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М. 2014. 252–257.
78. Ланда Р.Г Ислам в истории России. М., 1995.
79. Ливан: надломленный конфессионализм // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И. Д. Звягельской; ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН. М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 188–196.
80. Левин З. И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период XIX–XX вв. М., 1993.
81. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.
82. Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
83. Малащенко А. Ближневосточные конфликты: вероятность обострения в контексте общей нестабильности в регионе в 2020-е годы // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1(60). С. 120–132. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-1-120-132>.
84. Малышева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы) / Отв. ред. Г. И. Мирский. М.: Наука, 1986.
85. Мамедов Р. Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы. Международная жизнь. № 11. 2019.
86. Мамед-заде П. Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX — начале XXI в. Иран: культурно- историческая традиция и динамика развития. М., 2006.
87. Мамедова Н. М. Иран: особенности формирования политической элиты. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1, 2016.

88. Мамедова Н. М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки, 2017. Т. 159, кн. 6. С. 1509–1517.
89. Мамедова Н. М. Культурная сложность современного Иранского Общества. Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26.
90. Матвеев И. А. Сирия в конфликте. Институт востоковедения РАН. Москва, 2020.
91. Мелкумян Е. С. Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. 92. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. № 11. М. 2015.
93. Митрофаненкова О. Е. Политика международных акторов по борьбе с наркотиками в Афганистане (2001–2019 гг.). Восточная аналитика. № 2, 2020.
94. Мирский Г. И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.
95. Мирский Г. И. Международный терроризм, исланизм и палестинская проблема. М., 2003.
96. Наумкин В. В. Египетские исламисты в конце 80-х годов // Специальный бюллетень, 1989, № 4 (261); ИВ АН СССР; отв. ред. В. В. Наумкин, С. Х. Кями-лев. М.: Наука, 1989. С. 103–114.
97. Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 4. 2013.
98. Наумкин В. В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Валдайские записки, № 3, ноябрь 2014.
99. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. № 1. 2015.
100. Наумкин В. В. Конфликты на Ближнем Востоке вышли на первый план в мире. 16.02.2018. <https://ria.ru/interview/20180216/1514794208.html>.

101. Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака). Мировая экономика и международные отношения РАН. Т. 63, № 5. 2019.
102. Наумкин В. В. Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 67–80.
103. Наумкин В. В. Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти. — Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04>.
104. Пойда А. А., Юртаев В. И. Исламский фактор в египетско-иранских отношениях. В сборнике: Африка: поиск идентичности и диалог с миром: Ежегодник — 2018 Сборник статей. Сер. «Африканские исследования». М., 2018.
105. Поляков К. И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2003.
106. Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
107. Примаков Е. М. История одного сговора: (Ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов). М.: Политиздат, 1985.
108. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012.
109. Раванди-Фадаи Л. М. «Исламское коалиционное общество» как основная консервативная партия в Иране. Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005.
110. Раванди-Фадаи Л. М., Филин Н. А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М., 2017.
111. Сажин В. И. Исламская республика Иран: Власть и Армия. В сборнике: Иран: прошлое и настоящее. Москва, 2018.
112. Сарабьев А. В. К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.) (Публикация А. В. Сарабьева) // Религия и общество на Востоке. 2019, Вып. III. С. 22–69.

113. Саутов В. Н. Сирийские алавиты в новейшее время // Арабский мир в конце XX века: Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН. М.: ИИИБВ, 1996. С. 63–79.
114. Сейранян Б. Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.
115. Степанова Е. Динамика диалога в конфликтах: второй трек. Пути к миру и безопасности, 2019, № 1(56), с. 135–146. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-135-146>.
116. Степанова Е. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России. Пути к миру и безопасности, 2012, № 2(43), сс. 7–25
117. Тоцкая Е. П. Роль Исламской республики Иран в региональных политических процессах. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1(2).2014.
118. Труевцев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.
119. Федорова И. Е. Элементы панинизма во внешней политике Ирана. Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. № 9. 2015.
120. Филин Н. А., Пилюян М. Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества. Общественно-политический журнал «Власть». № 2. 2015.
121. Юртаев В. И, Краснов К. Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания». Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 16. № 4. 2016.
122. Яковлев А. И. Фейсал: король-реформатор. М.: Рос. центр стратег. и междун. иссл., 1999.
123. Яковлев А. И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале 21 века. Восточная аналитика. Ежегодник 2011: Экономика и политика стран Востока. М. 2011.
124. Abdul Aziz Ad Duri. Arab-Iranian Relations: Historical Background. Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb. London: I. B. Tauris. 2015.
125. Abdul-Haq, Ithar Mustafa Hamad. Biography of an officer who saved Hafez al-Assad from a hidden coup attempt led by an offi-

- cer from Deir al-Zour. Zaman al-Wasl, 21.02.2018. <https://www.zamanalwsl.net/>.
126. Abrahamian E. A History of Modern Iran, New York: Cambridge University Press. 2014.
127. Abu Jazar Fida Yousef. Saudi-Iranian Relations and Their Effect on Neighboring Countries. Gaza: Al Azhar University, 2014.
128. Abu al-Nour, Muhsen Muhammad, Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria, International Politics, 11 May 2016.
129. Adelkhah, Nima. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact, Terrorism Monitor, Vol. 13, No. 2, January 23, 2015.
130. Afshon. O. The Grand Strategy of Militant Clients: Iran's Way of War. Security Studies 28, no. 1. Pp. 159–188. doi:10.1080/09636412.2018.1508862.166–167.
131. Akhbarzadeh Shahram. Why Iran Needs Hizbullah. Muslim World, February, 26, 2016.
132. Akhmedov V. Syria Islamists versus Geneva 2.2012.// <http://www.throwwww.com/>.
133. Akhmedov V. Syrian Crisis. Special Report. 10.04.2019. <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>;
134. Akhmedov V. M. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG. 2022. Pp. 707–725.
135. Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press. 1993.
136. Alami, Mona. (2018). Syria Seeks to Integrate Myriad Paramilitaries. Al-Monitor, December 3. www.al-monitor.com/originals/2018/11/syria-state-army-integrate-paramilitary-militias.html.
137. Al-Dagher, Munquith, Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why. Washington Post, November 16, 2018.
138. Al-Falahy Hatim. The role and perspectives of Iraqis' militias in Syria. Al-Jazeera Center for Studies and Analysis. 01.04.2019. 204.

139. Alfoneh, A. *Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran From Theocracy Into Military Dictatorship*. Washington, DC: Rowman & Littlefield, 2013.
140. Alfoneh, Ali. *Using Syria as a Training Ground: The Case of the Pakistani Zeinabiyoun Brigade*. Arab Gulf States Institute in Washington, July 17. 2018. <https://agsiw.org/>.
141. Alireza, N, Scotten, Ali G, Rahmani, Ahmad, Stewart, Robert and Mahnad, Leila. *Iran's Influence in Afghanistan: Implications for the U. S. Drawdown*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-616, 2014. <https://www.rand.org>.
142. Alireza, Nader. *Iran's Role in Iraq: Room for Cooperation?* Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-151-OSD, 2015. <https://www.rand.org/>.
143. Al Samawi M. T. *The Shi'a: The Real Followers Of The Sunnah*. Translated by Hassan M Najafi. Ansariyan Publications. 2007. <https://www.scribd.com/document/48784142/>.
144. Al-Saud Faisal bin Salman. *Iran, Saudi Arabia and the Gulf: Power Politics in Transition 1968–1971*. London: I. B. Tauris, 2003.
145. Al-Tamimi A. J. *Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis*. 03.05.2017. <https://goo.gl/ngXYKc>.
146. Amanat Abbas and Vejdani Farzin. *Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective*. New York: Palgrave. McMillan, 2012.
147. Ansari A. M. *Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change*, London: Chatam House. 2016.
148. Ansari, Ali. *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London: Royal United Services Institute, 2016.
149. Antonius, George. *The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement*. Safety Harbor, FL.: Simon Publications, 2001.
150. Arango, Tim. *Iran Dominates in Iraq After U. S. Handed the Country Over*. New York Times, July 15, 2017. <https://www.nytimes.com/>.
151. Arango, Tim, James Risen, Farnaz Fassihi, Ronen Bergman, and Murtaza Hussain. *The Iran Cables: Secret Documents Show How Tehran Wields Power in Iraq*. New York Times, November 18, 2019.

152. Azizi, H. (2019). Is Iran's Influence in Iraq Waning? Al-Monitor, July 10. www.al-monitor.com/originals/2019/07/iraninfluence-iraq-waning.html.
153. Azizi, H. (2020). Iran's Multi-Faceted Strategy in Deir Ez-Zor. German Institute for International and Security Affairs (SWP), March 15. www.swp-berlin.org/10.18449/2020C15.
154. Azizi, H. The Concept of Forward Defence: How Has the Syrian Crisis Shaped the Evolution of Iran's Military Strategy? The Geneva Centre for Security Policy, 2021.
155. Azizi, H. (2022). Integration of Iran-backed armed groups into the Iraqi and Syrian armed forces: implications for stability in Iraq and Syria, *Small Wars & Insurgencies*.
156. Badawi, Tamer. Iran's Economic Leverage in Iraq. Carnegie Endowment for International Peace, May 23, 2018. <https://carnegieendowment.org/>.
157. Badeeb, Saeed M. Saudi-Iranian relations 1932–1983. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994.
158. Baidatz Y. Bashar's First Year. From Ophthalmology to a National Vision. The Washington Institute for Near East Policy. Washington DC. Policy Focus. No. 41. July, 2001.
159. Balanche, Fabrice. Sectarianism in Syria's Civil War. Washington Institute for Near East Policy, 5 February 2018. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/sectarianism-syrias-civil-war-geopolitical-study>.
160. Bassam, Laila, Assad Allies, Including Iranians, Prepare Ground Attack in Syria: Sources. Reuters, October 1, 2015. <https://www.reuters.com/article/>.
161. Bayat Assef and Bakhtiari Bahman. Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics. Ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002.
162. Bazzi Mohammad. Saudi War in Yemen Is Disastrous: America Is Only Making Things Worse. Guardian, June 11, 2018.
163. Bialer, Uri. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951. *Middle East Journal*, 39. Spring 1985. pp. 292–315.
164. Black, Ian. Iran Confirms It Has Forces in Syria and Will Take Military Action If Pushed. The Guardian, September 16, 2012. <https://www.theguardian.com/world/>.

165. Blanford, N. (2013). The Battle for Qusayr: How the Syrian Regime and Hizb Allah Tipped the Balance, CTC Sentinel, vol. 6, issue. 8.
166. Bou Nassif, Hicham. 'Second-Class': The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces, Journal of Strategic Studies, Volume 38. Issue 5, 2015.
167. Brown, Matt. Islamic State: Julie Bishop Brokers Intelligence Sharing Deal with Iran on Australians Fighting in Iraq. Australian Broadcasting Corporation, April 19, 2015. <https://www.abc.net.au/news/>.
168. Byman, Daniel. Unlikely Alliance: Iran's Secretive Relationship with Al-Qaeda. IHS Defense, Risk and Security Consulting, July 2012.
169. Chubin, Shahram and Zabih, Sepehr. The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict. Berkeley: University of California Press, 1976.
170. Clarke, Colin and Phillip, Smyth. The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. CTC Sentinel, Vol. 10, No. 10, November 2017.
171. Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots. <http://www.washingtoninstitute.org/>.
172. Cohen, Norman. Cosmos, Chaos and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Thought. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.
173. Coles, Isabel. Iran Supplied Weapons to Iraqi Kurds; Baghdad Bomb Kills 12. Reuters, August 26, 2014. <https://www.reuters.com/article/>.
174. Colin, C., Smyth, Ph. (2017). The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. CTC, Sentinel, Vol. 10, No. 10, November 2017.
175. Cooper, Tom. How Fighter Pilots Made Modern Syria. Key.Aero, 18 May 2017.
176. Dagher Sam and Fitch, Asa. Iran Expands Role in Syria in Conjunction with Russia's Airstrikes. Wall Street Journal, October 2, 2015.
177. Daher, J. The Syrian Presidential Palace Strengthens its Concentration of Power: The Rift Makhoulf-Assad. Middle East Directions. 13 May 2020. <https://bit.ly/3VZam3e>.

178. Dalia Dassa Kaye. Israel's Dangerous Shadow War With Iran. Why the Risk of Escalation Is Growing. February 27, 2023. <https://www.foreignaffairs.com/israel/israels-dangerous-shadow-war-iran>.
179. Dawisha Abeed. Arab nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2003.
180. Dawisha, Adeed. Saudi Arabia's Search for Security. Adelphi Paper no. 158, London: International Institute for Strategic Studies, May, 2008.
181. Dawn C. Ernest. From Ottomanism to Arabism. Urbana: University of Illinois Press, 1973.
182. Devlin J. F. The Ba'th Party. A History from its Origins to 1966. Stanford, 1976.
183. DeYoung, Karen, and Joby Warrick. Iran, Hezbollah Build Militia Networks in Syria in Event That Assad Falls, Officials Say. Washington Post, February 10, 2013.
184. Dourian, Kate. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram, May, 18. 2007.
185. Drysdale, Alasdair. The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis. Middle Eastern Studies, Vol. 17, No. 1, Jan., 1981. P. 3–30.
186. Dukhan, H., Alhamad, A. (2021). Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes. The Washington Institute for Near East Policy. Washington, D.C., Apr. 6, 2021.
187. Dusen Van M. Political Integration and Regionalism in Syria. The Middle East Journal. No. 2. 1972.
188. Ehteshami Anoushiravan and Hinnebusch A. Raymond. Syria and Iran. Middle powers in penetrated regional system. London. New York, 1997.
189. Eisenstadt, Michael. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed., The Iran Primer: Power, Politics, and U. S. Policy, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010.
190. Eisenstadt, Michael, Michael Knights, and Ahmed Ali. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach. Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, April 2011. <https://www.washingtoninstitute.org/>.

191. El-Ghobashi Tamer. The US and Iran are Competing to Shape Iraq's Next Government: Both Are Failing. Washington Post, September 25, 2018.
192. Esfandiary, Dina and Tabatabai, Ariane. Iran's ISIS Policy. *International Affairs*, Vol. 91, No. 1, 2015.
193. Estvar, Iftan. Iranian Foreign Strategy Strengthens its Sectarian Policy When the Political Situation is Looming. *Carnegie's Middle East Center*. 30.11.2016 (in Arabic).
194. *Ethnicity, and Labour in the Twenty First Century*. Ed. Willem Van Schendel and Erik J. Zürcher. London: I. B. Tauris, 2001.
195. Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete. Reuters, July 18, 2018.
196. Fadai L. R. Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies. 2015.
197. Fainberg, S. (2017). Russian Spetsnaz, Contractors and Volunteers in the Syrian Conflict", *Ifri*, p. 24.
198. Faksh Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force. *Middle Eastern Studies*, vol. 20, № 2, April, 1984.
199. Findley, Michael G. and Teo, Tze Kwang "Rethinking Third- Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach," *Journal of Politics*, Vol. 68, No. 4, November 2006.;
200. Former IRGC Official Says Soleimani Asked Him for Money to Pay Proxies in Syria. Radio Farda, 2020. April 6. [en.radiofarda. com/a/former-irgc-official-says-soleimani-asked-him-for-money-to-pay-proxies-in-syria/30532758.html](https://en.radiofarda.com/a/former-irgc-official-says-soleimani-asked-him-for-money-to-pay-proxies-in-syria/30532758.html).
201. Foss, Clive. Kemal Ataturk: Giving a New Nation a New History. *Journal of Middle Eastern Studies* 50, no.5.2014.
202. Garrett N.. Iran's Confrontation with Israel over Four Decades. May 19, 2021. <https://iranprimer.usip.org/blog/2020/jan/21/iran-confrontation-israel-over-four-decades>.
203. George Alan. *Syria: Neither Bread nor Freedom*. L., NY., 2003.
204. Ghadbian.Najib "The Syrian Islamic Movement and the Prospects for Democratic Transformation," in "The Muslim Brotherhood in Syria: the Resistance of the Sect and the Violence of the

- Movement".Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001, pp.71–86.
205. Gheissari Ali. Iranian Intellectuals in the 20th Century. Austin: University of Texas Press. 1997.
 206. Glinchey S. and Murray W.R.. Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977. *Diplomacy and Statecraft*, 28, no.2, 2017. <https://www.tandfonline.com/>.
 207. Gold, Zack. "Al-Qaeda in Iraq (AQI): An Al-Qaeda Affiliate Case Study," Arlington, Va.: CNA, October 2017.
 208. Golkar, S., Aarabi, K. The View From Tehran: Iran's Militia Doctrine. Tony Blair Institute for Global Change, 11 February 2021, <https://institute.global/policy/view-tehran-irans-militia-doctrine> (дата обращения: 25.06.2022).
 209. Gordon, Michael R. Iran Supplying Syrian Military via Iraqi Airspace. *New York Times*, September 4, 2012. <https://www.nytimes.com/>.
 210. Gorvett J. Secret Syria talks speak to a post-US Middle East era. Syrian and Turkish Intel chief meeting in Baghdad is just one of many signals the region's geopolitics are again fast reconfiguring. *Asia Times*. 20.09.2021. <https://asiatimes.com/>.
 211. Grant, R. The Bekaa Valley War. *Airforce Magazine*, June 2002. <https://web.archive.org/>.
 212. Friedman, Y. (2022). Musa al-Sadr and the missing fatwa concerning the Alawi religion," *British Journal of Middle Eastern Studies*, Sept. 2022, pp. 4–9.
 213. Haddad, G. *Revolutions and military rule in the Middle East*, N.Y., vol. 2. 1971.
 214. Halliday Fred. *Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf*. *Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranian*, 22, July, 1996.
 215. Halliday, Fred. (1999). *The Nationalist Debate and the Middle East*. In *Middle Eastern Lectures No.3*, Tel-Aviv: The Moshe Dayan Center, 1999.
 216. Hamou, A. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. 10. 05. 2020, <https://syriadirect.org/>.
 217. Hanin, G. (2019). *Hezbollah-Iran Dynamics: A Proxy, Not A Partner*. The Washington Institute, April 12. www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-iran-dynamics-proxy-not-partner.

218. Hanley, Delinda C. UAE Seeks Regional Stability. Warns against War on Iran. Washington Report on Middle East Affairs 26, no.8. November, 2007.
219. Hartoch, Noam. A History of the Syrian Air Force 1947–1967, July, 2015. <https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/>.
220. Hassan, M., al-Ahmed, S. (2022). Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces. The Middle East Institute, Washington, D.C., Mar. 24, 2022.
221. Heller Jeffrey and Kalin Stephen. Israel Has Held Secret Talks with Saudi Arabia. Independent, November 20, 2017.
222. Hearst, David. 2020. REVEALED: The Secret US-Iran Deal that Installed Kadhimi in Baghdad. Middle East Eye, May 14. www.middleeasteye.net/news/revealed-secret-us-iran-deal-installed-kadhimi-baghdad.
223. Heras, Nicholas A, Bassam Barabandi, and Nidal Betare. Deir Azzour Tribal Mapping Project. Center for a New American Security, September, 2017.
224. Hinnebusch R. A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. Middle East Policy, 1995.
225. Hiro Dilip. Iran under the Ayatallohs. London: Routledge & Keegan Paul, 1985.
226. Hof F. C. Syria: Is the Revolution Finished? MENA Source (blog), Atlantic Council, May 15, 2014, <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/>.
227. Hoodbhoy Pervez. The Saudiazation of Pakistan: How Pakistan Is Changing and What it Means for South Asia and the Rest of the World. New Line, January 2009.
228. Hooglund Eric. Factions behind US Policy in the Gulf. Middle East Report 18, no 2, March-April 1988.
229. Hourani Albert. Arabic Thought in the Liberal Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
230. Hourani Albert. From Jabal 'Amil to Persia. In Distant relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years, ed. H. E. Chehabi. London: I. B. Tauris, 2006.
231. Houwaidi Fehmi. Iran from the Inside. Cairo. Al-Ahram Center for Translation and Publication. 1987.
232. Hubbard, Ben. Iran, Deeply Embedded in Syria. New York Times, February 19, 2018. <https://www.nytimes.com/>.

233. Humud, C. E. (2021). Lebanese Hezbollah. Congressional Research Service, February, 1. crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10703.
234. Hunter Shireen T. OPEC and the Third World: The Politics of Aid. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
235. Hunter Shireen T. U.S. Allies Won't Like Detente with Iran. Los Angeles Times, August 10, 1989.
236. Hunter Shireen T.. Iran And The World: Continuity in a Revolutionary Decade. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
237. Hunter Shireen T. Iran after Khomeini. Washington DC: Center for Strategic and International Studies. Praeger, 1992.
238. Hunter Shireen T.. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance. Iran and the Arab World, eds. Houshang Amirahmadi and Nader Entessar. New York: St. Martin's Press, 1996.
239. Hunter Shireen T.. Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects. In reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity. Ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY. M. E. Sharpe, 2008.
240. Hunter, Shireen T. Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Resisting the New International Order. Santa Barbara. California: Praeger, 2010.
241. Hunter Shireen T. Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran. The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. Occasional Paper. July, 2014.
242. Hunter, Shireen T. Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014.
243. Hunter, Shirren T. Ahvaz Attacks: Is Saudi Arabia Taking the War Inside Iran? Lobelog, September 24, 2018. <https://lobelog.com/ahwaz-attacks-is-saudi-arabia-taking-the-war-inside-iran/>
244. Hunter, Shireen T. Are Iran and Iraq Headed to Another Conflict? Lobelog, September 11, 2018, <https://lobelog.com/are-iran-and-iraq-headed-toward-another-conflict/>.
245. Hunter, Shireen T. Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation. London–New York, 2019.

246. Huntington S. P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. New York: Random House, 1957.
247. Huntington S. P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. — Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991.
248. Hussain Tom. No Money in Pakistan Budget for Iranian Gas Pipeline. Miami Herald, June 12, 2013.
249. Iddon, Paul. Iran Bombarded Iraq Throughout the 1990s. War Is Boring, July 23, 2018. <https://warisboring.com/>.
250. Inbari, P. (2014). Demographic Upheaval: How the Syrian War Is Reshaping the Region. Jerusalem Center for Public Affairs, June 17, 2014
251. Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, June 27, 2014
252. Iranian President Starts Landmark Visit to Saudi Arabia. Deutsche Presse-Agenture. May 15, 1999.
253. Iran's Networks of Influence in the Middle East, The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2020.
254. Jones, Toby Craig. Rebellion on the Saudi Periphery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979. International Journal of Middle East Studies 38, no.2. May 2006.
255. Jones K. US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS. News Blaze, September 01, 2014.
256. Juhi Bushra. Iraqi Shiites Decry Sunni Crackdown in Bahrain. Washington Post. March 18, 2011.
257. Juneau Thomas. No, Yemen's Houthis Aren't Actually Iranian Puppets. Washington Post, May. 16. 2016.
258. Juneau T. and Sam R. Iranian Foreign Policy since 2001. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017.
259. Juneau, Thomas. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. Mediterranean Politics, Vol. 25, No. 1, 2020.
260. Juneau, T. (2021) How War in Yemen Transformed the Iran-Houthi Partnership. Studies in Conflict & Terrorism, pp. 1–23. doi:10.1080/1057610x.2021.1954353.
261. Kagan, Kimberly. Iran's Proxy War against the United States and the Iraqi Government. Institute for the Study of War. 20.08.2007.

262. Kamrava, Mehran. Qatar: Small State, Big Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013.
263. Katzman K. Iran's Foreign and Defense Policies. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2019.
264. Karsh E. The Soviet Union and Syria. The Asad Years. L. 1988.
265. Kaylani N. M. The Rise of the Syrian Ba'th, 1940–1958: a Political Success, Party Failure. International Journal of Middle East Studies, № 1.1972.
266. Kelidar A. R. Religion and State in Syria. Asian Affairs, vol. 61, part I, Feb., 1974.
267. Khadduri Majid. Political trends in the Arab World: The Role of Ideas and Ideals. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.
268. Khaled A., Hussein J. A. (1979) Syria- wa-Iran- tunafisu -wa-t'awinu (Syria and Iran: Competition and Cooperation), trans. by Adnan Hasan, Beirut: Dar al-kunuz-al-adabiyya, 1997. [In Arabic].
269. Khesroshahi Hadi. Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb. London: I. B. Tauris. 2015.
270. Kernan Bethan. Iran Says Saudi Arabia 'Murdered Pilgrim' during the 2015 Stampede. Independent, September 6, 2015.
271. Kia Mehrdad. Mirza Fath Ali Akhundzadeh and the Call for Modernization of the Islamic World. Middle Eastern Studies 31, no.3. July 1995
272. Kirdar, M. J. Al Qaeda in Iraq. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, June 2011. <http://www.understandingwar.org/>.
273. Knights, M. (2021). Profile: Harakat Hezbollah al-Nujaba, The Washington Institute, p.12–19.
274. Kramer Martin. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984.
275. Kumar Pradhan Prasanta. Post-Morsi Egypt: Saudi Maneuvering and Iranian Dilemma. Institute for Defense Studies and Analyses. New Delhi, September 27, 2013, <https://idsa.in/issuebrief/>.

276. Lane, A.(2020). Iran's Islamist Proxies in the Middle East. Wilson Center, December 17. www.wilsoncenter.org/article/irans-islamistproxies.
277. Landis Joshua. Syria and the Palestine War: Fighting King Abdullah's Greater Syria Plan. In The War from Palestine. Ed. Eugene Rogan and Avi Shaim, second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
278. Law Bill. The Most Dangerous man in the World? Independent, January 8, 2016.
279. Light, M. Foreign Policy Analysis. Contemporary International Relations. A Guide, ed. A.J.R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994..
280. Litvak S. Robert. Detente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1969–1976. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
281. Liz Sly. The Hidden Hand behind the Islamic State's Militants? Saddam Hussain's. Washington Post, April, 4, 2015.
282. Location of the raid. Wikimapia.org. <http://wikimapia.org/m/#lat=36.2631&lon=37.255325&z=11&l=36&m=b>.
283. Long, David E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects. Mediterranean Quarterly 15, no. 3. Summer 2004.
284. Madhavi Al Rasheed. Xenophobia, Tribalism and Imagined Enemies. Mohammed bin Salman's Brand of Saudi Nationalism. Middle East Eye, September 5, 2018, [https:// www.middleeasteye.net/columns/](https://www.middleeasteye.net/columns/).
285. Mamluk and Fidan between two meetings. al-Idrak for Studies and Consultations. Istanbul. Special Assessment. August. 2021. [https://www.idraksy.net/.\(in Arabic\)](https://www.idraksy.net/.(in Arabic))
286. Makieh, Kinda. UAE Reopens Syria Embassy in Boost for Assad. Reuters, December 27, 2018.
287. Malmvig, H. (2018). Mosaics of power: Fragmentation of the Syrian state since 2011, DIIS Report, No. 2018:04.
288. Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // The Middle East Media Research Institute. 4.12.2013. [http:// www.memri.org/report/en/](http://www.memri.org/report/en/).

289. Ma'oz M. *Modern Syria: From Ottoman Rule to Pivotal Role in the M. E.* Brighton, 1999.
290. Mapping Militant Organizations. The Islamic State. Stanford University. Updated June 2018. <https://cisac.fsi.stanford.edu/>.
291. Marr Phoebe. *The Modern History of Iraq.* Boulder, CO: Westview Press, 1985.
292. Mashaei B. (2018). *Perdh-berdara-mshaaa-az-mamwrat-ahmda-njead: rsand-n nzam- beh-shraat-anqlaba-sal 57.* [Unveiling on Ahmadinejad's mission to bring the system to revolutionary conditions in 1978]. 20 January <https://www.tabnak.ir/fa/news/766109>. [In Persian].
293. Mathew M. William. The Balfour Declaration and the Palestine Mandate: British Imperial Imperatives. *British Journal of Middle Eastern Studies* 40, no 3. 2013.
294. McCants, William, "Who Is Islamic State Leader News, March 8, 2016. As of December 4, 2020: <https://www.bbc.com/>.
295. Messing, D. (2021). *The Bright Light Institute'—Another Iranian Organization Spreading Shiism in Eastern Syria.* Alma Research and Education Center, Kfar Vradim, Isr., Mar. 14, 2021.
296. Michael G. Findley and Tze Kwang Teo. Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach. *Journal of Politics*, Vol. 68, No. 4, November 2006.
297. Milani, Mohsen. *Why Tehran Won't Abandon Assad(ism).* Washington Quarterly, Vol. 36, No. 4, 2013.
298. Miller, Judith and Laurie, Mylroie. *Saddam Husein and the Crisis in the Gulf.* New Haven, CT: Yale University Press, 1990.
299. Millward William. *Egypt and Iran: Regional Rivals at Diplomatic Odds.* Commentary 22, May. 1992.
300. Mishali Ram Meirav. *The Syrian War and the Foreign Fighters from the Muslim World.* Oxford Research, April 7, 2017, <https://sustainablesecurity.org/>.
301. Moghadam, A., Wyss, M. The Political Power of Proxies: Why Nonstate Actors Use Local Surrogates. *International Security* 44, no. 4 (2020): 119–157. doi:10.1162/isec_a_00377.
302. Morgenthau, Hans J. *To Intervene or Not to Intervene.* Foreign Affairs, Vol. 45, No. 3, April 1967.

303. Mottahedeh Roy. The Shu'ubiyyah Controversy and the Social History of Early Islamic Iran. *International Journal of Middle East Studies* 7, no.2.1976.
304. Moore Jack. Kissinger Warns Trump: ISIS Is Keeping Iran in Check. *Newsweek*, August 8, 2015.
305. Moskos, Ch. Towards a Postmodern Military. In Stuart A. Cohen ed., *Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context*. London: Franc Cass, 1999.
306. Moussawi I. Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih, London, UK: Saqi Books. 2015.
307. Murray, Williamson, and Kevin Woods, *The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History*, New York: Cambridge University Press, 2014.
308. Nasr, S. Roots of the Shi'i Movement. *MERIP Reports*, 133, June, 1985.
309. Nayouf.Salah. Political Islam in Syria: a Knowledge Map in The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect an the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001., pp. 26–47.
310. Nehme D. Top Saudi Cleric says Iran Leaders Not Muslims as Haj Row Mounts. *Reuters*, September 7, 2016, <https://www.reuters.com/article/>.
311. Niarchos Nicolas. How is US Is Making the War in Yemen Worse? *New Yorker*, January 22, 2018.
312. Nordlinger Eric A.. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. By Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs, New Jersey.1977.
313. Odeh, Dia, et al. (2019). The Syrian Army: Between Russian Control and Iranian Infiltration. *Enab Baladi*, November 13. english. enabbaladi.net/archives/2019/11/the-syrian-army-between-russian-control-andiranian-infiltration.
314. Olivier Roy. *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
315. Olmert, J. The Shi'is and the Lebanese State. In Martin Kramer (ed.) *Shi'ism, Resistance, and Revolution*, Boulder, Colo.: Westview Press, 1987.

316. Ostovar, A. *Vanguard of the Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards*. Oxford: Oxford University Press. 2016.
317. Özdemir, Ö. B. *Iran-Backed Militia in Syria: Profiles and Functions*. Analysis (304). Center for Middle Eastern Studies. ORSAM. Ankara (Turkey). 21 September 2022. p.1–28
318. Parasiliti, A. T. *Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects*. In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. *Iran and the Arab World*. New York: St. Martin's Press. 1993.
319. Pasha A. K.. *Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal*. *Contemporary Review of the Middle East* 3, no.4, September 2016.
320. Phillips, Christopher. *Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly*, 36, No 2, 2017.
321. Perera Judith. *Together against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia, Rivals for Super Power Role*. *The Middle East* 43. May 1978.
322. Perlov, O., Dekel, U. (2018). *The Model of Iranian Influence in Syria*. *The Institute for National Security Studies (INSS)*, July 27. www.inss.org.il/publication/model-iranian-influence-syria.
323. Picard Elizbeth. *Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon*. New York: Holmes & Meir, 1996.
324. Pollack, Kenneth M. *Iran in Iraq*. Washington, D.C.: Atlantic Council, December 2017.
325. Quilliam N. *Syria and the New World Order*. London, 1999.
326. Rajab, A. (2014). *The Badr Shiite Organization; Iraqi Faces and Iranian Loyalties*. *Islamic Movements Portal*, December 3. <https://islamistmovements.com/12148>.
327. Ramazani R. K. *The Foreign Policy of Iran 1500–1941: A Developing Nation in World Affairs*. Charlottesville: University of Virginia Press. 1966.
328. Ramazani R. K. *Iran and the Arab-Israeli Conflict*. *Middle East Journal* 32. Autumn 1978.
329. Raskin J. Alissa, Barnard Anne and Peltier Eliane. *After Mysterious Saudi Stay Hariri Meets Macron*. *New York Times*, November 18 2017.
330. Reich, Bernard. *Political Leaders of the Contemporary Middle East and North Africa: A Biographical Dictionary*. Greenwood Publishing Group, 1990.
331. Renad, M., Jabar, F. (2017). *The Popular Mobilization Forces and Iraq's Future*. *Carnegie Middle East Center*, April 28. [carnegie-](http://carnegie-mec.org)

- mec.org/2017/04/28/popular-mobilization-forces-and-Iraq-s-future-pub-68810.
332. Rezamand, Ardalan. Use of Religious Doctrine and Symbolism in the Iran-Iraq War. *Journal of the Centre for Studies in Religion and Society Graduate Students Association*, vol. 9, no. 1, 2010.
333. Rieff, David, "The Shiite Surge," *New York Times*, February 1, 2004. <https://www.nytimes.com/>.
334. Rogen L. Eugene and Shalim Avi. *The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
335. Rubin, Alissa J., *Militant Leader in Rare Appearance in Iraq*. *New York Times*, July 5, 2014. <https://www.nytimes.com/>.
336. Saban, Navvar. *Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria*. Atlantic Council, 05.11.2020. <https://bit.ly/3dOvG7C>.
337. Sadeghi, S. Sh., Kamran, L. *The Analysis of the Islamic Republic of Iran's Implication towards the Syrian Crisis*. The Institute of Contemporary Political Studies. Humanitarian and Cultural Studies. Tehran. 2014. Vol., 6. № 1.
338. Sarhang, H., Nada, G. (2020). *Iraq Timeline: Since the 2003 War*. United States Institute of Peace, May 29. www.usip.org/iraq-timeline-2003-war.
339. Salah Nayouf. *Political Islam in Syria: a Knowledge Map in The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect and the Violence of the Movement*. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February 2001.
340. Saul, Jonathan, and Parisa Hafezi. *Iran Boosts Military Support in Syria to Bolster Assad*. Reuters, February 20, 2014. <https://www.reuters.com/article/>.
341. Scheller Benet. *The Wisdom of Assad's Waiting Game*. London: Hurst & Company, 2013.
342. Seale Patrick. *The Struggle for Syria: A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958*. Oxford: Oxford University Press, 1965.
343. Seale Patrick. *The Struggle for the Middle East*. Berkley: University of California Press, 1988.
344. Seth, Jones, G., et All. *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1912, 2017. <https://www.rand.org/pubs/>.

345. Seth, J. G. (2020). Containing Tehran: Understanding Iran's Power and Exploiting Its Vulnerabilities. Center for Strategic & International Studies (CSIS), January 6. www.csis.org/analysis/containing-tehran-understanding-iranspower-and-exploiting-its-vulnerabilities.
346. Seymour M. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt. *Middle Eastern Studies*, v. 6. January 1970. № 1. P. 38–39.
347. Shaffer, B. Partners in Need. The Strategic Relationship of Russia and Iran. Wash., 2001.
348. Shama Nael. Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest. London: Routledge, 2013.
349. Shapiro B. Daniel. Why the Khashoggi Murder Is a Disaster for Israel. *Haaretz*, October 18, 2018.
350. Sharafedin, Bozorgmehr. Death Toll Among Iran's Forces in Syrian War Passes 1,000. Reuters, November 22, 2016. <https://www.reuters.com/article/>.
351. Shariati Susan Pour. Decline and Fall of Sassanian Empire: The Sassanian-Parthian Confederacy and Arab Conquest of Persia. London: I. B. Tauris, 2008.
352. Sharifi-Yazdi Farzad Cyrus. Arab-Persian Rivalry in the Persian Gulf. London: I. B. Tauris, 2015.
353. Sherlock, Ruth. Iran Boosts Support to Syria. *The Telegraph*, February 21, 2014.
354. Shirazi, A. (2019). Shuhada-berae-defa'e-az-haram-wlaat-jan-khwad-rafd-a-krdand. [The Martyrs Sacrificed Their Lives to Defend the Sphere of Vilayat]. Islamic Republic News Agency, January 12 [https:// www.irna.ir/news/83168070](https://www.irna.ir/news/83168070). [In Persian].
355. Shuja, Jamal Ahmad. The Fatemiyoun Army: Reintegration into Afghan Society, Washington, D.C.: United States Institute of Peace, March 2019.
356. Sinan, H. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, March 2019. <https://syria.chathamhouse.org/research/>.
357. Smal Islands, Big Problems. Amirahmadi Houshang, ed. New York; St. Martin's Press, 1966.

358. Smyth, Ph. (2013). From Karbala to Sayyida Zaynab: Iraqi Fighters in Syria's Shia Militias, CTC Sentinel, Syria Special Issue, volume, 6, issue 8.
359. Smyth, Ph. (2015). Hizballah Cavalcade: al-Quwat al-Ja'afariyah & Liwa Sayyida Ruqayya: The Building of an "Islamic Resistance in Syria", Jihadology, 2015.
360. Smyth, Ph (2018). Iranian Militias in Iraq's Parliament: Political Outcomes and U. S. Response. The Washington Institute, June 11. [www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iranian-militias-iraqs-parliament-politicaloutcomes-and-us response](http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iranian-militias-iraqs-parliament-politicaloutcomes-and-us-response).
361. Snyder S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. The World, PRI, August 12, 2015, <https://www.pri.org/stories/>.
362. Sohbani Sohrab. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989.
363. Soufan, Ali. Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy. CTC Sentinel, Vol. 11, No. 10, November 2018.
364. States within the State: Kadhimi's Challenge is to Bring Shia Militias under Control. Al Jazeera Center for Studies, July 22. studies.aljazeera.net/en/policy-briefs/states-within-statekadhimi%E2%80%99s-challenge-bring-shia-militias-under-control.
365. Stavridis James. Are we entering a New Cold War. FP, February, 17, 2016. <https://foreignpolicy.com/>.
366. Stein, Ewan. Ideological Codependency and Regional Order: Iran, Syria, and the Axis of Refusal. PS: Political Science & Politics, Vol. 50, No. 3, July 2017.
367. Stern S. M. Yaqub the Coppersmith and Persian National Sentiment. In Iran and Islam. Ed. Bosworth C. E. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1971.
368. Steven R. Ward. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. Middle East Journal, vol. 59, no. 4, 2005.
369. Stork Joe and Lesch V. Ann. Background to the Crisis: Why War? Middle East report 167. November–December 1990.
370. Syrian partition // http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html

371. Tabatabai, Ariane M. ISIS Hits Iran: Terror Comes to the Islamic Republic. *Foreign Affairs*, July 4, 2017.
372. Tabatabai, Ariane M. and Esfandiary, Dina. Cooperating with Iran to Combat ISIS in Iraq. *Washington Quarterly*, Vol. 40, No. 3, 2017.
373. Takeyh, Ray. Iran, Israel and the Politics of Terrorism,” *Survival*, Vol. 48, No. 4, 2006.
374. Tarzi, Amin, and Darby Parliament, “Missile Messages: Iran Strikes MKO Bases in Iraq. *Nonproliferation Review*, Summer 2001.
375. Tisdall, Simon. Iran Helping Syrian Regime Crack Down on Protesters, Say Diplomats. *The Guardian*, May 8, 2011. As of December 9, 2020: <https://www.theguardian.com/world/>.
376. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression. Rajaei Farhang. ed. Gainesville: University Press of Florida, 1993.
377. The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. Syria Deeply, Analysis: Newsdeeply. 11.01.2017. <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/>.
378. Toby Matthiessen. *The Other Studies: Shiism, Dissent and Sectarianism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
379. Tripp Charles. *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
380. Ulrichsen. Christian Coates. Israel and the Arab Gulf Statets: Drivers and Directions. Center for Middle East Policy. Rice University's Baker Institute for Public Policy, September, 2016, <https://www.bakerinstitute.org/media/files/>.
381. U. S. Army, *The U. S. Army in the Iraq War: Vol. I, Invasions, Insurgency, Civil War 2003–2006*, Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019.
382. U. S. Army, *The U. S. Army in the Iraq War: Vol. II, Surge and Withdrawal 2007–2011,*; Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019.
383. Uskowi, Nader. *The Evolving Iranian Strategy in Syria: A Looming Conflict with Israel*. Atlantic Council. September, 2018.
384. Vakil Sanam. *Iran-GCC Relations: Heading Pragmatism and Opportunism*. London. Royal Institute of International Affairs, September 2018.

385. Van Dam, N.. *Destroying a Nation: The Civil War in Syria*, I. B. Tauris, 2017.
386. Vasiliev, A. *Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin*, Routledge, 2018.
387. Vatanka, A. (2018). The Emergence of Iran's 'Proxy Model. Middle East Institute, June 28. www.mei.edu/publications/emergence-iransproxy-model.
388. Vaziri Mostafa. *Iran as Imagined Nation: The Construction of National Identity*. New York: Paragon House, 1993.
389. Volker Perthes. *The Political Economy of the Syrian Succession*. *Survival*. 43.1.2001.
390. Volker P. *Syria under Bashar al-Asad: Modernization and the Limits of Change*. The International Institute for Strategic Studies. Oxford Net York. July, 2004.
391. Walt, Stephen M. *International relations; One World, Many Theories*. Foreign Policy. No 110. Spring, 1998.
392. Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979.
393. Ward, Steven R. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. *Middle East Journal*, vol. 59, no. 4, 2005.
394. Weinraub Bernard. Iran says McFarland and 4 Others Went to Tehran on a Secret Trip. *New York Times*, November 4, 1986.
395. Wigger, L (2019). Why Pakistan Holds a Key in the Iranian-Saudi Confrontation." *Zenith.Me*, September 26. magazine.zenith.me/en/politics/pakistan-iran-and-saudi-arabia.
396. Williamson, Murray and Woods, Kevin *The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History*, New York: Cambridge University Press, 2014.
397. Wilson T. Arnold. *The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Begining of the Twentieth Century*. 1928, reprinted New York: Hyperion Press, 1981,
398. *World Public Opinion*. Iran Poll Shows Rouhani Comes Out of Election with Broad-Based Support. March 31, 2016.
399. Worth, Robert F., and Nazila Fathi. Protests Flare in Tehran as Opposition Disputes Vote. *New York Times*, June 13, 2009. <https://www.nytimes.com/>.

400. Wright, Lawrence, ISIS's Savage Strategy in Iraq. New Yorker, June 16, 2014. <https://www.newyorker.com/news/>.
401. Yarshater Ehsan. The Persian Presence in the Islamic World. Ed. Richard Hovannesian Richard, and George Sabagh, Cambridge: Cambridge University Press. 1998.
402. Yossef, Amr. Upgrading Iran's Military Doctrine: An Offensive 'Forward Defense', Middle East Institute, 10/12/2019.
403. Youseef Ibrahim M. Saudi Rebels Are Main Suspects in June Bombing of a U. S. Base. New York Times, August 15, 1996.
404. Zahid, F. (2016). The Zainabiyoun Brigade: A Pakistani Shiite Militia Amid the Syrian Conflict, Terrorism Monitor, volume: 14, issue 11.
405. Zarrinkoub Abdolhossein. Two Centuries of Silence (Do Qarn So-kut). Santa Ana, C.A: Mazda Publishers.2017.
406. Zogby Research Services, Today's Middle East: Pressures and Challenges, Washington, D.C., November 2014.
407. Абади Али, Абади Мохсен. От Хашеми до Рухани. Обзор внешней политики Ирана. Тегеран. 2016 (на перс. яз.).
408. Абдельхей Самах. Умная сила во внешней политике. Исследование инструментов внешней политики Ирана в отношении Ливана (2005–2013). Бейрут. 2014 (на араб. яз.).
409. Абдерразак, С., Карам, Ф. Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. 04.07.2022. <https://awsaat.com/home/article/3577076/>.(на араб.яз.).
410. Абдельраззак, А.(2022). Аль-мавани-аль-сурийя-тубейду-захабан-ли-ль-низам-аль-асад. Тахриб-ва-силах-ва-мухадиррат.[Сирийские порты отмывают(наличные)средства для режима аль-Асада. Контрабанда оружия и наркотиков]. Январь, 8. <https://bit.ly/3bwXEY0>. (на араб.яз).
411. Абир Б. (2023). Натаньяху-юхатит-ли-игхтияль-кабир... ,[Нетаньяху планирует убийство высокопоставленных....,]. Апрель, 14. <https://www.asasmedia.com/news/396520>. (на араб. яз).
412. Абу Зухри А. Иран-ва-любнан-ва-китаъа-газза-ва-ль-харб-аль-исраилий-аль-мухтамаля. [Иран, Ливан и сектор Газа..., и возможная война Израиля].//Palestine Times Press .04.03.2023.URL; <https://palltimeps.ps/post/354610/>.На араб.яз.

413. Ажаз-аль-мувазана-аль-сурийя-яздад-фи-2023.Зияда-аль-раватиб-мумкина. [Дефицит сирийского бюджета вырастет в 2023 году. Возможно повышение размера заработной платы]. 01.10.2022. <https://bit.ly/3w02p2Z>. На араб.яз.
414. Акиль Х. Итихабат-маджлис- аль-шаурий-ла-тахса-хавия-аль-муракиб-аль-ам..ма-хия-хиярат-ихван-сурия (выборы консультационного совета не определили кандидата на пост генерального контролера..какие варианты есть у сирийских братьев).13.12.2022.https://orient-news.net/ar/news_show/200877. На араб.яз.
415. Аль-Амин,Х. Российское пренебрежение интересами Дамаска. 13.06.2022. <https://www.al-akhbar.com/Syria/338969/> (на араб.яз.).
416. Аль-Амин, И. Катаиб-аль-кассам-тантазир-аль-хужум-аль-баррий-ва-хизбалла-ярфуду-тахгир-аль-муадалат: амрика-такуд-аль-харб-аль-исраилийя-дыда-газа... ва-михвар-аль-мукаввама-фи-истнфар [Батальоны «аль-Кассам» ждут наземную операцию, «Хезболла» отказывается менять баланс (сил): Америка руководит войной Израиля против Газы, а «ось сопротивления» в полной готовности]. Октябрь. 11. <https://al-akhbar.com/Palestine/370996>. На араб.яз.
417. Аль-Ани Т. (2021). Ма-ахамийя-т-дур-туркий-катарий-фи — т-таадим-фль-кара-фль-сиясий-фи-сурия? В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САР? <http://khaleej.online/3oBeVo>. На араб. яз.
418. Аль-Араб. (2023). Аль-Микдад-фи-джидда-нихая-т-аль-катъиа-аль-саудия-аль-сурия [Мекдад в Джидде. окончание паузы в сирийско-саудовских отношениях]. Апрель, 13. <https://alarab.co.uk/>. На араб.яз.
419. Аль-Арабий аль-Джадид. (2023). Иран-тутаббак-зияра-траиси-ли-димашк...(Иран предваряет визит Раиси в Дамаск поставками нефти в САР).<https://alaraby.co.uk/economy/>Январь 12. На араб.яз.
420. Аль-Джаббар М. А. Аль-харака-аль-исламийя-ва-ль-джейш-фи-ль-ирак.[Исламское движение и армия в Ираке].Аль-Хаят. 25.02.1997. На араб.яз.

421. Аль-Джази Махмуд. Влияние Ирана в арабском регионе в свете изменений в политике США в отношении региона 2003–2011. Амман. 2012 (на араб. яз.).
422. Аль-Джарида-такшафу-маляф-раис-»аль-мосад»-ли-байден-би-ша'ан-иран.[Аль-Джарида раскрывает Дж. Байдену досье главы «Мосад» по Ирану.]/<https://www.aljarida.com/articles/1638813289975756> На араб.яз.
423. Аль-Ганжа Хишам. Доктринальный фактор и его роль в руководстве внешней политикой Ирана в отношении Ирака 2003–2013. Амман. 2016 (на араб. яз.).
424. Аль-Ихван сурия..Укуд- мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади(Сирийские братья..десятилетия разногласий и отказ от принципов)..29.08.2022. <https://24.ae/article/718855/>. На араб. яз.
425. Аль-Ихвансурия..лимаза-юкираху-аль-харас-аль-кадим-шабаб-аль-джамаа (Сирийские братья..зачем старая гвардия угнетает молодежь организации).01.11.2022<https://al-ain.com/article/syrian-brotherhood-division..> На араб.яз.
426. Аль-Ихван сурия: ширака-ва-нуамин-биль-халь-ас-сиясий-бейна-джамиа-атраф-аль-муадаля(Сирийские братья: партнерство.., мы привержены справедливому политическому решению всех сторон).04.02.2023.<https://www.almodon.com/arabworld/2023/>. На араб.яз.
427. Аль-Каземи... готовый выбор на пост премьера в случае решения о провале «крупнейшего блока большинства». Анализ. 2021.10.07. <https://www.aa.com.tr/2385114/>(на араб.яз.).
428. Аль-Кодс. (2023). Халь-ялтазим-аль-низам-аль-сурий-би-шурут-аль-арабия?[Будет ли сирийский режим выполнять арабские требования?].Май, 07. <https://www.alquds.co.uk/>. На араб.яз.
429. Аль-Кодс.(2023).Аль-Асад-изъан-ли-иран-ва-русия-ва-муталаба..., [Аль-Асад-»комплимент» Ирану и России и требование...]. Май, 04.<https://www.alquds.co.uk/>. На араб.яз.
430. Аль-Мактари Б. Дипломасия-т-дарура-фи-ль-иттифак-ас-са'удий-аль-ираний... .[Вынужденная дипломатия в ирано-саудовском соглашении.. .]. //Аль-Арабий 24. 03.2023. [https:// alaraby.co.uk/opinion/](https://alaraby.co.uk/opinion/) На араб.яз.

431. Аль-Мудун. (2023). Халь-зара-мазлюм-абадаи-аль-имарат-ли-талаб-аль-висата-маъа-аль-асад? [Посещал ли Мазлюм Абади ОАЭ чтобы просить о посредничестве в (урегулировании) отношениях с аль-Асадом?]. Май, 4. <https://www.almodon.com/arabworld/2023/5/4/>. На араб.яз.
432. Аль-Мусалля Мухаммед. Статистика сирийских сект. 12.02.2006.https://www.amude.net/Nivisar_Munteda_deep.php?newsLanguage=Munteda&newsId=4431(на араб.яз.).
433. Аль-Раби'а М. (.2023). Большие пертурбации в регионе и израильский «психоз». Ливан в ожидании «Париж-2». Март, 16. <https://tinyurl.com/3fewbha4>. На араб.яз.
434. Аль-Таъи, А., Кудама, Х. (2023). Халь-ятадахаль-хизбалла-аскарийян-ли-даъам-газа? Синарьюхат-мухтамалая. [Примет ли «Хезболла» участие в войне, чтобы поддержать Газу? Возможные сценарии]. Октябрь, 23. <https://arabi21.com/story/1543136/>. На араб.яз.
435. Аль-Факих, И. Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов далеких от Вашингтона. Стамбул. 05.04.2022. <https://www.aa.com.tr/ar/2555368/>(на араб.яз.).
436. Аль-Хамид Т. Израиль-Иран ва-т-тагйир аль-истратиджий [Израиль-Иран ... смена стратегии].// 01.02.2023. <https://aawsat.com./home/article/4130901/>. На араб. яз.
437. Аль-Харас-аль-джумхурий. (2021). Ташкилят-джадида-лит-аъазиз-химая-т-аль-асад-минха-»аль-иктихам-нисаъий». [Дивизия республиканской гвардии. Новые формирования для усиления защиты аль-асада, в том числе «Женский шутовой отряд»]. Заман аль-Васль. Май. 29.<https://bit.ly/3J6tdGI>. На араб. яз.
438. Аль-Хадж, А. (2013). Аль-салафйя-ва-салафийун-фи-сурия: мин-аль-ислах-ия-л-джихад.[Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду]. Аль-Джазира Портал. Май, 20. На араб.яз.
439. Аль-Хейр, М.М. (2021). Объявление шейха Усамы ар-Рифаъи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада. Ноябрь, .11, <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/>. На араб.яз.

440. Аль-Хусейни Г. (2023). Халь-танжах-иран-фи-тагхиир-амаль-хизбалла? [Преуспеет ли Иран в изменении характера деятельности «Хезболлы»?] Апрель, 13. <https://aawsat.com/home/article/4269776/>. На араб.яз.
441. Аль-Шарк аль-Аусат. (2022). Аль-алякат-аль-ирания-аль-мысрия-ала-даъава-мин-джадид [О возобновлении ирано-египетских отношений]. Ноябрь. 20. <https://aawsat.com/home/article/399825>. На араб.яз.
442. Ан-Нахас, С. Аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада. 08/07/2019. <https://bit.ly/2JpNnfM>. (на араб.яз.).
443. Антуан, А. Б. (2023). Сурия-лям-тугадир-аль-уруба-хатта-таъуд-иля-жамийъатиха [Сирия не откажется от арабизма чтобы вернуться ЛАГ]. Май, 07. <https://www.raialyoun.com/>. На араб.яз.
444. Антуан А. Б. Ма-хия-аль-хиярат-аль-саляса-амам-иран-ли-рад'а аля-ль-худжум-аль-исраилий-фи-исфахан. [Три варианта иранского ответа на израильскую атаку в Исфахане]. 30.01.2023. <https://raialyoun.com/>. На араб.яз
445. Ахмейдан Хасан. Иранская позиция в отношении йеменских событий. Иранская перспектива. Доха. 2015. (на араб. яз.).
446. Ашраф К. Ба'да-тавагхаль-фи-т-татб'иа... хал-татарадж'а-аль-алакат-аль-имаратийя-аль-исраилийя?[После углубленной нормализации...повернутся ли вспять израильско-эмиратские отношения] 23.03.2023.<https://khaleej.online/zzmKE3> На араб.яз.
447. Аятолла Занджани, Мохаммад Таваколи. Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран. Ежеквартальный исследовательский журнал. Т. 42. No2. Тегеран. 2012 (на перс. яз.).
448. Барут, М. Дж. (2012). Аль-ыкд-аль-ахир-фи-тарих-сурия: джадалийя-т-аль-джумуд-ва-ль-ислах. [Последняя декада истории Сирии: конфликт между застоём и реформой]. Бейрут. The Arab Center for Research and Policy Studies, 2012, p. 293. На араб. яз.
449. Бомбаран-даиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаа-сепах[Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейски-

- ми дронами].21/11/2018. Табнак Ньюз. <https://tinyurl.com/342smfka> (дата обращения: 23.08.2021). На перс. яз.
450. Ваиль И. Сирия: Аль-дарба аль-исраилийя-туаркиля-накль-аслиха-ли-ль-милишийят-аль-иранийя. [Сирия: израильский удар помешал переправке оружия иранским милициям].// 07.03.23. <https://alquds.co.uk/>. На араб. яз.
451. Встречи представителей сил безопасности САР и Турции в Иорданской Акабе при посредничестве ОАЭ.31.12.21. <https://www.raialyoum.com/>. На араб. яз.
452. Вызовы для сирийской оппозиции после потери Алеппо и Московской Декларации. 26.12.2019. <https://goo.gl/2ZwVda>. На араб. яз.
453. Гануш С. Д. Халь-караъа-аль-судани-ажрас-аль-хатр[Звонит ли аль-Судани в тревожные колокола?]. 22.02.2023. Аль-Араб. <https://tinyurl.com/3zspte8j/>. На араб. яз.
454. Далиль-аль-марказ-аль-сурий-ли-бухус-аль-сиясия-ли-асар-аль-мустагхляка-фи-сурия-ли-фатра-тишир-аль-аваль-2020-хузейран-2022.[Справочник Сирийского центра политических исследований цен на потребительские товары в Сирии в период октября 2020-июля 2022]. 08.12.2022. <https://bit.ly/3vVbj1V>. На араб.яз.
455. Дараби А. Политические течения в современном Иране. Тегеран. Исследовательский центр культуры и научной мысли. Б.г. (на перс. яз.)
456. Дахер, Д. (2021) Гхураф-аль-тиджара-аль-сурийя- фи-аль-ам-2020. Суъуд-нухба-джадида-мин-риджаль-аль-аъамаль. [Торговые палаты Сирии в 2020 году. Возвышение новой деловой элиты]. Middle East Directions. Апрель, 12. <https://bit.ly/3QGUp1>. На араб.яз.
457. Диб, О. (2023). Раиси-фи-димашк-ля-аль-ряд.[раиси в Дамаске а не в Эр-Рияде].Май,04. <https://www.alaraby.co.uk/opinion/04.05.2023>.На араб.яз.
458. Джабхат аль-Нусра — тафкаду- хадынатиha- аль-шаабийя-фи- идлеб -ва- интилак аль-ад-аль-аксий-ли-т-тафаккук. [Джабхат аль-нусра теряет народную поддержку в Идлибе и запускаяло обратного процесса ее раскола]. <https://www.el-nashra.com/news/show/118521/>. На араб.яз.

459. Джозеат-размаш-сепак-пасдаран-дар-мерзха-гарб-кешвар[Детали операции Корпуса Стражей на западных границах страны].Тазним Ньюз.24.09.2017.<https://tinyurl.com/2s3rmtkd>. На перс.яз.
460. Захар. М. (2022) Тахавалат-нухба-аль-низам-аль-хаким-филь-харб-аль-ахлийя-аль-сурийя (2016–2022). [Эволюция правящей элиты в условиях гражданской войны в Сирии]. Аль-Ватан, № 40\10. <https://bit.ly/3CJXzLn>. На араб.яз.
461. Зияде.Р. Ас-султа ва-ль-истихбарат фи сурия (Власть и спецслужбы в Сирии). Beirut, March. 2013.(на араб.яз.).
462. Ибрагим, Р.(2023).Иттифиак-русий-ираний..., [Российско-иранское соглашение....],. Февраль, 8. <https://asasmedia.com/news/395254/> (дата обращения: 12.04.2023). На араб. яз.
463. Исса, Т. .Куда ударят израильтяне? 01.12.2021, <https://www.aljoughouria.com/ar/news/625693/>. (на араб.яз.).
464. Иссам, В. Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора. 11.24.2021.<https://www.alquds.co.uk/>(на араб.яз.).
465. Иссам, В. (2022). Мин-айна-янталак-аль-дауля-би-танфиз-амаль. Откуда ИГ осуществляет операции в Сирии?] Июнь,.23 <https://www.alquds.co.uk/>. На араб.яз.
466. Иссам, В. (2023) Кыядий-муарид: Фирка-т-махер-аль-асад... [Руководитель оппозиции: дивизия Махера аль-Асада...]. Март, 14.<https://alquds.co.uk>.На араб. яз.
467. Иран-тахш'а-вужуд-хизб-алла-аль-исраилийя-аля-худудха-аш-шималийя. .[Иран опасается присутствия израильской Хезболлы на своих северных границах]//Аль-Араб. 10.07.2022URL: <https://alarab.co.uk/>.На араб.яз.
468. Кайли, С. (2013). Аль-саура аль-мусульяха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. [Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива]. Бейрут, Atlas Publishing House, 2013. сс. 13–19. На араб.яз.
469. Карам, Ф.Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений вСирии.06.04.2022.<https://aawsat.com/home/article/3577221/>(на араб.яз.).
470. Касир К. Аль-хизб-ва-ль-михвар-ястаъиддан-ли-ль-харб-ва-т-тасвийя[Партия (Хезболла) и Ось (Исламское Сопро-

- тивление) готовятся к войне.. и миру] //Асас 04.03.2023 <https://asasmedia.com/news/395915/>.. На араб.яз.
471. Касир, К. (2023). Ликаъа-исламий-фи-байрут: рамадан-саяшхад-гасъидан-фи-филастин [«Исламская» встреча в Бейруте: Рамадан станет свидетелем эскалации в Палестине]. Апрель, 2. <https://www.asasmedia.com/news/396321>. На араб.яз.
472. КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противостоянии Ирану. Редакционная статья. 11.07.2021<https://alarab.co.uk/>, (на араб. яз.).
473. Ля-ривая-с-сурийя-камиля-ва-ля-иа'алян-исраиль... Редакционная.[Ни полного сирийского рассказа, ни заявления Израиля ...].Рай аль-Яум.20.02.2023.<https://raialyoum.com/>. На араб.яз.
474. Маджид М. Масадир-ли-ль-кабас-таират-мусейира-ихтаракат-аджава-иран[Источники Аль-Кабас: беспилотники нарушили воздушное пространство Ирана]/АльКабас.08.12.2021URL: <https://www.alqabas.com/article/5870214/>На араб.яз.
475. Маза-яа'ани-аль-кара-гейр-муфаджи'а-би-иб'ад-каид-мухабарат-фи-файлак-аль-харас-аль-ираний...? Редакционная. [Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР].// Рай аль-Яум. 23.06.2022. <https://raialyoum.com/>. На араб.яз.
476. Мармаль, И. (2023). Халь-тусдир-аль-авамир-ли-кувват-аль-радван?[Будут ли отданы приказы батальонам «аль-Радван»]. Октябрь. 13. <https://www.aljournhouria.com/ar/news/693571>. На араб. яз.
477. Масадир-ли-арабий-пост-аль-садр-саяуъд-ли-ль-хая-аль-сиясийя-би-ль-ирак-баъада-зияра-ли-ль-иран-би-висата-мин-хизбала. [Источники Араби Пост: аль-Садр вернется в политическую жизнь Ирака после визита в Иран при посредничестве Хезболлы].22.02.2023 Араби Пост. <https://tinyurl.com/5n7td2e9>. На араб.яз.
478. Ма-Хия-Катаиб-аль-Радван? Редакционная.[Кто такие батальоны Радван]. 08.01.2023. <https://raialyoum.com/>. На араб.яз.
479. Мохаммад Наджи. 40 лет иранской революции. Внешняя политика между идеологией и прагматизмом. Центр полити-

- ческих и стратегических исследований Аль-Ахрам. No 292. Каир, 2019, (на араб. яз.).
480. Мохаммед Селим. Анализ внешней политики. Библиотека египетского ренессанса, Каир. 2013, (на араб. яз.).
481. Нааме, А. После «Аль-Имам Али»..., Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР 28.10.2021. [https:// www.arabi21.com/story/1394178/](https://www.arabi21.com/story/1394178/). (на араб.яз.).
482. Нааме, А. Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? 2021.11.13. [https:// www.arab_21.com/story/1397691/](https://www.arab_21.com/story/1397691/). (на араб.яз.).
483. Надир, А. (2023) Истимрар-фалатан-аль-амний-фи-аль-сувейда-рагхма-ижраат-аль-амнийя-аль-джадида. [В аль-Сувейде продолжается дестабилизация несмотря на новые меры безопасности]. Февраль, 28. <https://alaraby.co/uk/politics/>. На араб. яз.
484. Примирие с Асадом и расчеты на уход Ирана. Редакционная статья. 2021.11.25 <https://www.alsouria.net/> (на араб.яз.).
485. Рашед Басем. Конфессиональная проблема внешней политики Ирана. Эр-Рияд. 2017. (на араб. яз.)
486. Рейхан, И. (2023). Тадарабу-фи-иран..., ва-абару-тахта-аль-ард-ва-онлайн. [Готовились в Иране, а проникли под землей и онлайн]. Октябрь, 13, <https://www.asasmedia.com/news/398491>. На араб.яз.
487. Рихан, И. (2023). Мыср-ва-катар-ва-амрика: асрар-висата-анказат-любнан..., муваккатан. [Египет, Катар и США: тайное посредничество спасло Ливан... временно] Апрель. 12. <https://www.asasmedia.com/news/396484>. На араб.яз.
488. Рейхан И. Хужум-исфахан: амрика-тарф'а-аль-аса-фи-важх-иран [Атака на Исфахан: Америка размахивает дубинкой перед лицом Ирана.] //Азиз 01.02.2023. URL; <https://asasmedia.com/news/395500/>. На араб.яз.
489. Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене. Редакционная статья. 13.10.2021) <https://alarab.co.uk/> (на араб.яз.).
490. Салих Ясин Аль-Хадж. Несуществующие меньшинства Сирии. 22.02.2006 www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=57826. (на араб. яз.).

491. Сегодня соседние Сирии государства вынуждены говорить с Ираном. Мы распространили наше победоносное влияние по всей стране. 21.10.2016. <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/07/30/> (на перс. яз.).
492. Сидки, Б. (2023). Низам-аль-асад-юрассих-тамавадаха-аль-истратиджий... [Сирийский режим укреплает свой стратегический плацдарм...]. Март, 29. <https://chat.whatsapp.com/CkhL4b6whrkCiEwex7XWz8> (на араб. яз.).
493. Сиржави А. Ничего нового в 18 раунде конференции в Астане кроме осуждения Израиля и части копии (материалов) 17 раунда..., подробности. 19.06.2022. <https://awtanpost.net/post/48672/> (на араб. яз.).
494. Талаа Маан. Роль Ирана в сирийском кризисе, позиция, альянсы и будущее. Доха. 2019 (на араб. яз.).
495. Таукит-мадрус-ли-ль-хужум-аль-исраилий-алья-мунша'ат-васат-иран. [Выбрано время для израильской атаки на предприятия в центре Ирана]. //Равабит 31.01.2023. <https://rawabetcenter.com/archives/157118/> (на араб. яз.).
496. Турция не нуждается в «Братьях-мусульманах», чтобы закрыть суннитский вакуум в Ливане. Редакционная статья. 11.17.2021. <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
497. Хамуд Ю. Халь-татахаваль-бахрейн-ли-с-саха-т-аль-джадида-ли-сыраъа бейна исраиль-ва-ль-иран. [Превратиться ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном?]. //Аль-Халидж 13.07.2021. <https://alkhaleejonline.net/> (на араб. яз.).
498. Халаф К. Просил ли Хаккан Фидан о встрече с Асадом в Дамаске? 16.09.2021. <https://www.raiayoum.com/> (на араб. яз.).
499. Хамуд. Ю. Повлияет ли кризис между Эр-Риядом и Бейрутом на саудовские переговоры с Ираном? 11.06.2021. <http://khaleej.online/9DWdj3> (на араб. яз.).
500. Хамуд, Ю. «Неминуемое соглашение». Наступит ли в сложных саудовско-иранских отношениях новый период нормализации. 10.12.2021. <http://Khaleej.online/MDkVKB> (на араб. яз.).
501. Харб-джавасис-иранийя-исраильийя-фи-т-туркийя. [Израильско-иранская шпионская война в Турции]. 23.06.2022. <https://alquds.co.uk/> (на араб. яз.).

502. Хейралла Х. Регион кипит. 13.06.2022. <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
503. Хусейн, А. (2023). Вашингтон-тусаддим-вафд-аль-муарада-аль-сурийя-ма-аляка-аль-саудия? [Вашингтон «бортует» делегация сирийской оппозиции. Какова (в этом) роль КСА?] май, 04. <https://www.almodon.com/arabworld/2023/5/4/> (на араб. яз.).
504. Чалаби, С. (2021). Аль-иттиджах-нахва-аль-хиджра-фи-ль-асима-аль-сурийя-димашк. Марказ аль-Сияят ва-ль-бухус-аль-амалият. [Тенденция к миграции в сирийской столице Дамаске]. <https://bit.ly/3X1lfTy>. На араб.яз.
505. Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР? Признание упадка или подготовка к наращиванию убийств в войне с государством оккупантом? Станет ли месть за убийство К. Сулеймане основной задачей нового начальника разведки КСИР? 06.23.2022 <https://www.raialyoum.com/> (на араб.яз.).
506. Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск? Редакционная статья. 11.12.2021. <https://www.raialyoum.com/> (на араб.яз.).
507. Шадлу А. Фракционизм в исламском течении. 1360–1380. Тегеран. 2003 (на перс. яз.)
508. «Шпионская война» Ирана и Израиля в Турции. 06.23.2022. <https://www.alquds.co.uk/> (на араб.яз.).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ИНТЕРНЕТ РЕСУРСЫ

509. Азия и Африка сегодня. М.
510. Аналитические записки. М.
511. Вестник Института Востоковедения РАН. М.
512. Восток: афро-азиатские общества: история и современность.
513. Дипкурьер НГ. М.
514. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/>.
515. ИТАР ТАСС
514. Мировая экономика и международные отношения. М.
515. Agence France Press. Paris.
516. Al-Markaziya News Agency. L.

- 517. Cahiers de l'Orient contemporain. Paris.
- 518. Current History. N.Y.
- 519. Daily Star. Lebanon.
- 520. Elaph. London
- 521. Etudes Mediterannees. Paris.
- 522. Foreign Affairs.
- 523. Foreign Policy.
- 524. Gumhuriyet. Turkey.
- 525. IraNews, Tehran.
- 526. IRNA. Tehran
- 527. Islamic Review and Arab Affairs. L.
- 528. Jordan Times. Amman.
- 529. Mehr. Tehran
- 530. Keyhan International. Tehran
- 531. Middle Eastern Studies. N.Y.
- 532. Nobelnews. Lebanon.
- 533. SANA, Damascus.
- 534. Syria Times. Damascus.
- 535. Teheran Times. Tehran.
- 536. The Middle East Journal. Wash.
- 537. The National,
- 538. Tishrin, Damascus
- 539. Аль-Акса. Амман
- 540. Абъяд ва Асад. Дамаск.
- 541. Ад-Дустур. Амман.
- 542. Аз-Заман. Турция.
- 543. Аль-Ахбар. Бейрут.
- 544. Аль-Ахрам. Каир.
- 545. Аль-Баас. Дамаск.
- 546. Аль-Васат. Лондон.
- 547. Аль-Джазира. Катар.
- 548. Аль-Джарида. Саудовская Аравия.
- 549. Ан-Наср. АРЕ.
- 550. Джейш аль-шааб. САР.

Об авторе /About the author.

АХМЕДОВ В.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Ахмедов Владимир Муртузович, родился в Москве. В 1983 г. окончил ИСАА при МГУ, в 1986 г. там же — аспирантуру. Продолжительное время работал в советских / российских загранпредставительствах в Йемене, Саудовской Аравии, Сирии. Был в кратких командировках в Ливане, Египте, Турции и ряде стран Западной Европы. Свободно владеет арабским и английским языками. В Институте востоковедения работает с 2001 года. Специализируется на изучении новейшей истории Ближнего Востока с упором на военную, общественно-политическую и исламскую проблематику арабских стран. Особое место в исследовательской деятельности В. М. Ахмедова занимает сирийский кризис — его генезис, динамика, роль военных, Ирана, исламистских движений, перспективы преодоления. По этому направлению он обоснованно может быть признан одним из лучших экспертов не только в РФ, но и на международном уровне. Участник многочисленных отечественных и международных конференций и симпозиумов. Автор и ответственный редактор 15 монографий.

Основные работы:

- Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Отв. ред., автор статей. Москва. 2002.

- Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. Москва. 2005.
- Социально политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Москва. 2008.
- Современная Сирия: история, политика, экономика. Москва. 2010–2011.
- Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М. 2018.
- Исламистский феномен сирийского восстания. Lambert Publishing. Academic Publishing. Берлин-Москва. 2019.
- Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е- начало 2020-х гг.). Москва. 2021. [В соавторстве с Л. М. Кулагиной].
- Vladimir M. Akhmedov. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition. Springer Nature Switzerland AG 2022.
- Ахмедов В. М. Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.). Москва. ИВ РАН. 2022.

AKHMEDOV V.M. (PhD), — is a Russian scientist, orientalist, Middle East political analyst, senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences specializing in modern history of Arab countries. He received his PhD from the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University. He has served in positions the Russian diplomatic missions in Arab countries and traveled extensively in the Middle East. He is fluent in Arabic and English. He worked as a professor in the Military University, Russian Ministry of Defense (2001–2003), in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2004–2007). The subjects of his scientific studies include the contemporary history of the Middle East enfacing on military, political, social, and Islamic dimensions in Arab countries. The special part of his scientific studies focuses on the Syrian Crisis; its origins, dynamics, role of the military, Iran's

politics, Islamite's movements, and perspectives of its solution. In view of the evident scientific results in investigating above mentioned questions, Akhmedov V. M. could be objectively recognized as one of the best experts not only in Russia, but on the International level. He is participant of multiple international and local conferences and symposium. He is an author and editor (redactor) of 15 books on contemporary Arab politics and international relations in the Middle East. (ORCID ID: 0000-0002-4952-2964).[E-mail: shamyarabist@gmail.com.]

His well-known publications (in Russian&English) include:

- Army and Power in the Middle East (as editor and author of "Armed Forces and Politics in modern Syria"). Moscow. 2002.
- Syria under Basher Assad. Regional experience of modernization under the conditions of external instability. Moscow. 2005.
- Socio-political processes in the Arab countries of the Middle East. Moscow. 2008.
- Contemporary Syria: History, Politics, Economic. Moscow. 2010–2011.
- The Syrian Uprising. History. Politics. Ideology. Moscow. 2018.
- Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing. Academic Publishing. Berlin-Moscow. 2019.
- The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition. Springer Nature Switzerland AG 2022.
- The Syrian Crisis and Iran's fight for Middle East (1990–2020-th)/ Moscow. IV RAN. 2022.(In Russian)/

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Ахмедов Владимир Муртузович

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ
(конец XX — 20-е годы XXI вв.)**

Монография

В авторской редакции
Верстальщик *Н. А. Кильдишева*
Оформитель *П. А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 11.12.2023. Формат 60×90/16. Усл.
печ. л. 2 1,7. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии издательства «Пробел-2000»
109544, Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4.
Тел.: (495) 287-06-19
E-mail: probel-2000@mail.ru